

**СЕРГЕЙ
СИНЯКИН**

**ЛЮДИ СОЛНЕЧНОЙ
СИСТЕМЫ**

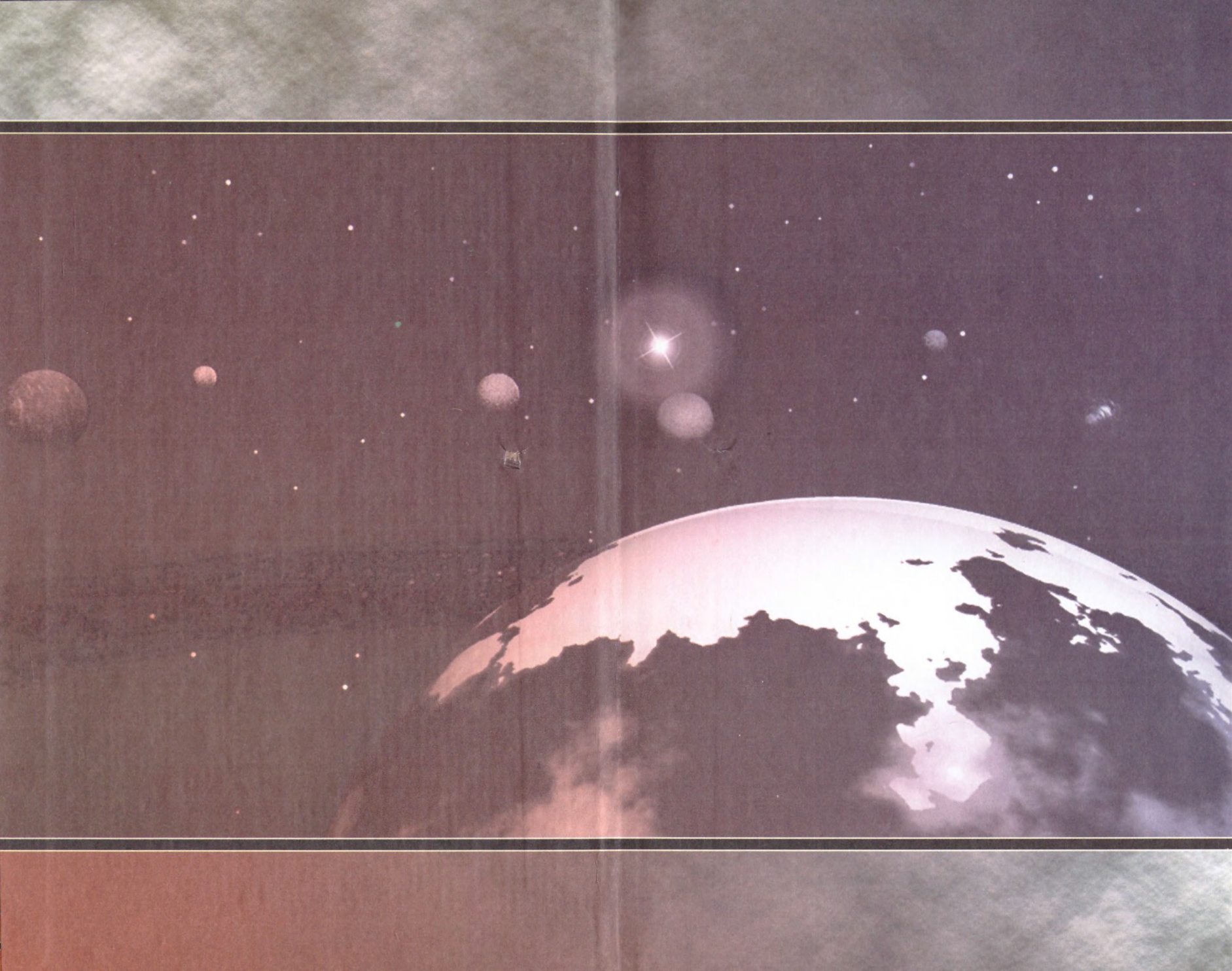
**ЛЮДИ СОЛНЕЧНОЙ
СИСТЕМЫ**

**СЕРГЕЙ
СИНЯКИН**

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

**СЕРГЕЙ
СИНЯКИН**

**ЛЮДИ СОЛНЕЧНОЙ
СИСТЕМЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АСТ** • МОСКВА

2002

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
С38

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинин

Подписано в печать 23.09.2002. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 19,32. Тираж 10000 экз. Заказ № 1837.

Синякин С.Н.

С38 Люди Солнечной системы: Сб. повестей / С.Н. Синякин. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 364, [4] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-015687-1

Первые высадки землян на иных планетах...

Первые попытки колонизации Солнечной системы...

Первый контакт с пришельцами...

Перед вами — ближайшее будущее по Сергею Синякину. «Романтика освоения космоса» — такая, какой может увидеть ее только самый дерзкий, самый озорной и забавный из современных отечественных фантастов.

Читайте «Люди Солнечной системы» — сборник **НОВЫХ ПОВЕСТЕЙ** Сергея Синякина!..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© С.Н. Синякин, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

**ИНСПЕКТОР
ВНЕЗЕМЕЛЬЯ**

Жизнь каждого человека извилиста и чаще всего длинна, подобно внешним обстоятельствам, влияющим на нее. И только у некоторых — от рождения и до смерти — она похожа на прямую линию.

Глава первая

ХВОСТ НАДЕЖДЫ. 2053 ГОД

Идти в невесомости по лайтингу, соединяющему корабль с двигателем, было трудно, постоянно хотелось встать на четвереньки. Собственно, разницы в положении не было — сказывались стереотипы, выработанные с годами. После аварии корабль медленно вращался вокруг оси, мельтешение звезд раздражало Круглова. Время от времени в предупредительно темнеющем забрале шлема он видел неяркий кружок Солнца, и вид его совершенно не радовал межпланетчика. Как и сам этот безнадежный героический поход. Он великолепно знал, что увидит в конце пути. Трос опять натянулся.

— Вытравливай, вытравливай, — недовольно сказал Круглов в эфир. На другом конце торопливо начали травить трос.

— Что там, Алексей Николаевич? — жадно спросил бортинженер.

— Пока ничего. — Круглов остановился.

Все было именно так, как он и предполагал, — реактора не было, и труба лайтинга заканчивалась зубчатым разрывом, в образовавшееся отверстие можно было увидеть, как плохи и безнадежны их дела: вытягивались в пространство оборванные разноцветные кабели и желтела защитная оболочка из противорадиационного пластика.

— Мыла Маруся белые ноги... — уныло пробормотал Круглов.

— Какие ноги, Алексей Николаевич? — не понял бортинженер.

— Красивые, — задумчиво сказал Круглов. — Стройные.

— Не понял. — В голосе напарника слышалась тревога.

— И не поймешь, — сказал Круглов. — Ты, Миша, начинай сматывать трос. Все-таки казенное имущество. Я возвращаюсь.

Обратный путь показался еще тяжелее и длиннее. Такие уж мысли сейчас были у Круглова — не развеселишься. Лайтинг плавно перешел в транспортный отсек, отсюда до рубки управления было уже совсем близко. «Продовольствия у нас — море, — некстати подумалось Круглову. — На две жизни хватит». Он сел отдохнуть. Прямо перед ним повисли знакомые созвездия, только вот звезды горели немного ярче, чем на Земле. Яркой извилистой лентой протянулся Млечный Путь. Круглов нашел ковш Большой Медведицы, некоторое время всматривался в него. Ковш медленно перемещался, уходя из поля зрения межпланетчика. «Плохо дело, — уныло подумал Круглов. — На этот раз нам, кажется, не выбраться».

— Алексей Николаевич, — вновь заговорил бортинженер. — У вас все в порядке? Дышэте тяжело.

— У меня-то все в порядке, — сказал Круглов. — А вот у нас все обстоит гораздо хуже.

И встал, чтобы продолжить путь.

В наушниках что-то шуршало, затухающие и вновь возникающие шорохи эти раздражали Круглова, и только уже в самом конце пути он понял, что слышит собственное дыхание. У стыковочного узла планетолета, служащего выходной камерой, серебрилась маленькая фигурка в скафандре. Бортинженер сматывал трос, дисциплинированно не вступая в излишние переговоры. Да и не о чем было говорить: если бы двигатель был на месте, Круглов сказал бы об этом сразу. Но Круглов молчал, и это молчание красноречиво говорило о полном отсутствии каких-либо надежд.

В кессоне они все так же молчали, ожидая, пока камера заполнится воздухом и можно будет снять эти неуклюжие панцири, сковывающие движения. Бортинженер вопросительно поглядывал на командира, но Круглов продолжал мрачно молчать, лишь однажды, не выдержав совсем уж тоскливого взгляда товарища, безнадежно махнул рукой и услышал в ответ продолжительный вздох.

Планетолет «Ладога» совершал транспортный рейс к Венере. Собственно, рейс был не особенно трудным — доставить к орбитальной станции «Мичиган» продовольствие и материалы для монтажа солнечной станции для нужд орбитального комплекса, который постепенно вырастал на орбите планеты. Люди обживались в Солнечной системе. Работа орбитального комплекса у Венеры велась по трем направлениям — наблюдение за Солнцем, изучение Меркурия и Венеры, но самым важным из них являлся контроль над деятельностью нанокробов, прилежно разлагающих углекислотную атмосферу планеты на углерод и кислород, а также осуществляющих синтез воды. Работа по преобразованию планеты велась уже третий год, а рассчитана была на три десятилетия, так что положительных сдвигов пока не наблюдалось, разве что зонды, запускаемые в атмосферу Венеры, фиксировали в ней пары воды и робкие, увеличивающие свое процентное соотношение следы кислорода. Однако будущая колонизация Венеры была невозможна без радикальной перестройки ее атмосферы, а игра стоила свеч — на планете отмечались богатые залежи актиноидов и редких металлов. Однажды разведроботы доставили на станцию образцы руды, необычайно богатых технецием — металлом, пока обнаруженным только на Солнце. Планете Венера грозило великое будущее, она оказалась необходимой землянам.

Экипаж орбитального комплекса насчитывал десятка полтора специалистов разного профиля — от астрофизиков до геологов, которые пока делали свои открытия, что называется, на кончике пера — вниз человек пока еще не спускался. Поговаривали, планируется подобная экспедиция. Но

пока все еще оставалось в громаде планов — высадка человека на Венеру была сопряжена с гигантскими техническими трудностями: развивающаяся мировая экономика большие затраты на подобные мероприятия позволить себе не могла, а возможности любого отдельно взятого государства были и того меньше.

Орбитальный комплекс требовал все больше энергии. Ядерный котел «Арзамас», несмотря на свою экономичность и хороший коэффициент полезного действия, обеспечить потребности СКАНа в энергии не мог, поэтому в комитете астронавтики и освоения космического пространства приняли решение о монтаже на орбитальном комплексе гелиоэлектростанции, разработанной специалистами Китая и хорошо зарекомендовавшей себя на промышленных испытаниях в районе пустыни Гоби.

Именно это оборудование и запас продовольствия для обитателей станции должен был доставить экипаж Круглова. Должен. После неожиданного мощного выброса на Солнце в реакторе произошел взрыв. Такого просто не могло случиться. Прочность и надежность реактора рассчитывались специалистами, которые старались учесть все внешние факторы, затрудняющие его эксплуатацию, но взрыв все-таки произошел в тот момент, когда планетолет должен был приступить к торможению.

— Накрылся реактор, Алексей Николаевич? — не выдержал и нарушил молчание бортинженер.

— Откуда я знаю? — хмуро пробормотал Круглов, освобождаясь от скафандра и нащупывая ремень, закрепляющий экзоскелет на теле. — Его просто нет. Оторвало вместе с хвостовой частью лайтинга.

— Похоже, застряли мы, — вздохнул бортинженер. — Это я во всем виноват, Алексей Николаевич. С рождения невезучим был. Даже в школе меня всегда спрашивали, если я не заглядывал накануне в учебники. Рок! Да и потом. — Он безнадежно махнул рукой. — И что дальше?

— Думать будем, — сказал Круглов.

— Безнадега, — снова вздохнул бортинженер. — Передатчик тоже не работает, зипы накрылись, и заменить испорченные блоки нечем. Похоже, не выберемся. Кто ж знал, что столкнемся с импульсом такой мощности?

Круглов поиграл желваками на скулах.

— Положение аховое, — согласился он. — Только ты мне своим нытьем пассажиров в транс не вгоняй. Не хватало еще с истериками возиться. А в нашем положении у любого может крыша поехать. Давай, Миша, так — ты пассажиров на себя возьмешь, а мы с Ярницким мозгами раскидывать станем. Найди, какой работой пассажиров загрузить. Сам знаешь — когда человек делом занят, он держится лучше и не раскисает.

— Чудес на свете не бывает, — тоскливо сказал бортинженер, но по глазам его было видно, что если ему во что и хочется поверить сейчас, так это в возможность чуда. Круглов его понимал. Никогда не хочется думать, что костлявая сидит у тебя за спиной и готова в любой момент окликнуть. Круглова самого охватывала тоска от одной мысли о том, что все кончено. Без реакторов планетолеты не летают. Учитывая курс и скорость корабля, дальнейшее становилось предельно ясным. Стать спутником Солнца и до конца дней своих уничтожать продовольствие, предназначенное для орбитального комплекса «Мичиган», им не грозило. В перспективе у них по самым грубым прикидкам было не более года. Круглов ясно представил себе, как планетолет входит в корону светила, и поморщился, ругая себя за некстати разыгравшееся воображение.

— Так договорились, Миша?

Бортинженер смотрел в сторону.

— А спросят меня? — хмуро возразил он. — Что я им, врать должен? Так они сразу это просекут. Не умею я врать, Алексей Николаевич, всегда всем понятно, что я вру.

Бортинженер был молод, и на мгновение Круглов почувствовал жалость, но тут же отогнал от себя ненужные и опас-

ные мысли. некогда было расслабляться. Нельзя было расслабляться.

— Учиться никогда не поздно, — сказал Круглов. — Все. Пошли. Поручи им разбирать оборудование, которое мы везли для СКАНа. Там электронных блоков до черта, можно будет их использовать для ремонта радиостанции. Держись бодрее, Миша, а то у тебя вид, будто ты все надежды похоронил.

— А разве не так? — приподнял голову бортинженер, но Круглов уже открывал овальный люк переходника, ведущий внутрь корабля.

Экипаж планетолета состоит обычно из трех человек. Командир корабля, он же пилот, штурман и бортинженер, исполняющий также обязанности радиста. Однако на этот раз на «Ладог» летели пятеро. Двое были пассажирами, они летели на орбитальный комплекс заменить старожилы, которые выработали биологический ресурс и должны были возвратиться на Землю. Планета Венера находилась в зоне активности Солнца, излучения светила здесь не рассеивались атмосферой, а оболочка орбитального комплекса полной защиты от них дать не могла. Поэтому был установлен предел времени нахождения на станции, по истечении которого людей надо было возвращать на Землю для реабилитации.

Пассажиры Круглов почти не знал. Оба были из Европейского Союза, один, Эрик Пельер — кажется, бельгиец, — был астрохимиком, а второй, немец Курт Везелен, — астрофизиком. Круглов не знал, как они себя поведут, узнав о случившемся с кораблем. Срывы были вполне возможны, тут самому хотелось завить от отчаяния.

За команду Круглов мог поручиться. Из каких передряг приходилось выбирать! «Но не из таких», — шепнул внутренний голос. Пассажиры в нарушение инструкций находились в рубке управления. Впрочем, о каких инструкциях можно было говорить в их положении? Для такой ситуации инструкции были не писаны. Пока они отсутствовали, Ярницкий сумел стабилизировать положение планетолета в простран-

стве с помощью верньерных двигателей, которые, по счастью, уцелели. Правда, это были маломощные ионники, не стоило мечтать с их помощью затормозить планетолет, а тем более разогнать его до нужной космической скорости.

Три пары глаз с надеждой смотрели на вошедших.

Круглов неторопливо прошел на свое место, сел, задумчиво оглядывая присутствующих. Всем своим видом он старался показать, что ничего страшного не произошло. Ну, потеряли реактор вместе с двигателем. Главное, живыми остались. Руки и головы на месте, следовательно, все еще впереди, можно барахтаться, как барахталась лягушка из средневековой притчи в горшке со сметаной.

— Положение серьезное, — сказал он, оглядывая товарищей по несчастью. — Мы потеряли двигатель и реактор, поэтому на данный момент не способны к самостоятельному маневрированию и торможению. Нас несет к Солнцу. Все усугубляется тем, что в период выброса у нас полетело электронное оборудование. Это означает, что теперь мы не можем в полной мере контролировать корабль и лишены связи. Однако положение не безнадежное. Есть определенные пути к спасению, и мы должны их найти. Поэтому на «Ладогe» необходимо соблюдать жесточайшую дисциплину. Более того, каждый получит определенную задачу и должен выполнять ее, не считаясь со временем и не впадая в уныние. Хочу напомнить одну нехитрую истину — человек пропадает, когда он опускает руки.

Он невесело усмехнулся и сказал:

— Времени у нас более чем достаточно. И все-таки времени никогда не бывает слишком много, в самом конце оказывается, что его катастрофически не хватает.

— Боюсь, капитан, вы излишне оптимистичны. — Курт Везелен пригладил волосы руками. — Я не специалист в астронавтике и космической навигации, но думаю, что корабль, потерявший двигательную установку, уже не способен выполнять возложенные на него задачи. Я понимаю, вы беспокоитесь о нас. Я могу вас заверить, что не собираюсь терять чело-

веческий облик и впадать в панику. Но и заниматься бесполезной работой не желаю. Мне думается, у обреченного на смерть всегда найдется занятие, лично я собираюсь заняться профессиональной деятельностью и нахожу это более разумным, чем предпринимать героические, но бесплодные усилия, прекрасно зная, что спасения нет.

Вежливая и лишенная эмоций речь Везелена вызвала раздражение, и Круглов едва не повысил голос, чтобы оборвать немца. Однако он вовремя сдержался. «Не хватало, чтобы сорвался ты, — подумал Круглов. — У немца это просто защитная реакция, он слишком растерян сейчас, но если сорвешься ты, этому не будет никакого оправдания. Тем более что ты-то понимаешь всю безнадежность ситуации. Он держится спокойно, не поддавайся настроению и ты».

— Курт, — сказал он, машинально подстраиваясь под манеру собеседника излагать мысли. — Как вам известно, на корабле есть только один капитан. И его приказы не обсуждаются, даже если корабль идет ко дну. Так было в старые времена на флоте, таких же традиций мы придерживаемся и в пространстве. Мои подчиненные подтвердят вам это правило. Поэтому каждый из членов экипажа, а мы с вами являемся единым экипажем, попавшим в беду, будет выполнять то, что прикажет капитан. Ваши слова свидетельствуют о полном незнании вами традиций космического флота. — Он пересилил себя и бодро подмигнул немцу. — Мой бортинженер поставит перед вами и Эриком задачи. Впрочем, не буду делать из этого тайны. Оборудование, которое мы везли на «Мичиган», содержит много блоков, которые можно использовать для ремонта радиостанции. Вы разбираетесь в электронике, следовательно, необходимо, чтобы вы определили уровень повреждений в нашем передатчике и посмотрели, что мы можем использовать для его ремонта. Связь — это очень важно, Курт, это наш шанс на спасение. Мы не вышли на очередной сеанс, значит, на Земле уже знают, что с нами что-то случилось. Маршрут нашего планетолета им хорошо известен, я не сомневаюсь, что нам

обязательно попытаются помочь. Но будет очень хорошо, если и мы сами будем заниматься своим спасением. Вам ясно?

Астрофизик побагровел.

Не глядя на окружающих, он сказал:

— Прошу извинить меня, капитан. Я был не прав. Мои знания в вашем распоряжении. Прошу не считать мою некоторую растерянность проявлением паники.

«Мы с ним так и будем изъясняться? — уныло подумал Круглов. — Как это называется? Будем изъясняться высоким штилем. К черту! У нас нет времени на ссоры и непонимание. Нравится ему, будем говорить так».

— Очень хорошо, — кивнул он. — Эрик?

Бельгиец флегматично пожал плечами.

— Я думаю, что спорить не о чем, а потому готов выполнять ваши приказания, капитан. Я так понимаю, что надежды мизерны, капитан?

— Прекрасно, — сказал Круглов, оставляя без ответа его вопрос. — Следовательно, наши главные специалисты в радиоэлектронике в твоём распоряжении, Миша. Думаю, вы сами определитесь, кто и чем будет заниматься. А мы с Ярницким будем думать над иными проблемами.

Несколько часов напряженной работы пролетели незаметно.

— Семь с половиной месяцев, — обреченно сказал Ярницкий.

— Время есть, — вздохнул Круглов.

— Куда бы только его употребить, — не глядя на капитана, пробормотал Ярницкий.

— Не так мрачно, Витя, — не слишком уверенно отозвался Круглов. — Мы остались живы, это уже не так плохо. У нас есть запасы кислорода и продуктов, это тоже хорошо. И регенерационная система практически в исправном состоянии. Можно сказать, нам повезло.

— Не думаю, чтобы это можно было назвать везением, — вздохнул Ярницкий. — Везение в другом...

Капитан сидел в кресле, потирая виски.

— Хреново без компьютера, — прищурился он. — Ты уже отвык от таких упражнений, верно?

Он потянулся.

Включив селектор, он поинтересовался:

— Миша, как у вас?

— Плохо, — после некоторого молчания угрюмо отозвался бортинженер. — Оборудованию тоже досталось. Но здесь положение лучше, чем в рабочих отсеках. Ищем исправные блоки, потом проверяем наличие пригодных чипов и узлов. Боюсь, это затянется надолго. Тут работы не на неделю, Алексей Николаевич.

— Время у нас есть, — бодрым голосом сообщил Круглов. — Мы тут с Ярницким посчитали — получается, что в нашем распоряжении больше семи месяцев. Значит, надежда есть, Миша?

— Трудно сказать, — менее напряженным тоном доложил бортинженер. — Сначала надо определиться, что у нас есть. Эрик в радиорубке. Он выясняет, что нам будет необходимо.

Круглов хотел спросить, как держится Везелен, но вовремя удержался — немец наверняка услышал бы его, а это повышенное внимание к собственной персоне обязательно поколебало бы астрофизика.

— Работайте, — распорядился он и отключился.

— Итак, Витя, что мы имеем на сегодняшний день? — Он поймал ручку, плывущую над столом.

— Пока одни минусы, Леша, — отозвался тот, не отрываясь от блокнота. — Наше местонахождение на Земле никому не известно, двигателя у нас нет, радиопередатчик не работает, нас уносит к Солнцу. Условно положительным моментом можно считать тот факт, что мы еще живы, а главное — время у нас еще есть.

Круглов покачал головой.

— Эк тебя вывернуло, Витя, — укоризненно сказал он. — Условно положительный момент... Радоваться надо, что оста-

лись в живых после взрыва силовой установки. Один шанс на миллион, а?

— Можно посчитать, Леша, — грустно усмехнулся Ярницкий.

С ним Круглову не надо было притворяться. Они летали в одном экипаже пять лет, и капитан видел своего штурмана и второго пилота в деле. Особенно при исследовании кометы Ван Дейка.

— Значит, минусы мы свои знаем, — сказал Круглов. — И условно положительные моменты тоже, — безжалостно добавил он. — Ничего, Витя, бывали ситуации и похуже.

В худшие ситуации они еще никогда не попадали, это Круглов приукрасил немного для поднятия боевого духа. Где-то в глубине души Алексея Николаевича гадким черным пауком копошилось чувство обреченности, но он старательно давил это чувство, стараясь не показывать членам экипажа, что сам не верит в спасение.

— Главное, правильно поставить задачи, — откинулся он в кресле. — Чего мы хотим, Витя?

— Вернуться на Землю, — мрачно сказал штурман.

— Верно. А для этого нам как минимум нужно подольше оставаться в живых. Связаться с Землей мы не можем. Так? Но, возможно, этот фактор перестанет выглядеть так безнадежно в самое ближайшее время. Если ребятам удастся отремонтировать радиопередатчик.

— И если целы антенны, — уточнил штурман.

— Антенны целы, — сообщил Круглов. — Я на них специально внимание обратил, когда прогулку под звездами совершал. Красивое зрелище, Витя! Значит, антенны у нас целы. Пусть Миша и пассажиры занимаются ремонтом до посинения. Чем быстрее мыотремонтируем радиостанцию, тем больше возрастут наши шансы на спасения.

— Или наоборот, — пробормотал Ярницкий и, поймав хмурый и недовольный взгляд Круглова, пояснил: — Это я к тому, что передатчик привести в порядок, может, и не удастся.

— Экий в тебе пессимист просыпается, — буркнул Круглов. — Надо вперед смотреть с надеждой, тогда будущее розовым кажется.

— Трудновато, командир, — вздохнул Ярницкий.

— Но тоже вполне возможный вариант, — неохотно согласился Круглов. Он легко воспарил над креслом и подплыл к иллюминатору. В иллюминаторе были видны яркие звезды. Незадолго до взрыва планетолет входил в режим торможения и развернулся двигателем в сторону Солнца. Именно поэтому светила в иллюминаторе не было видно. Как и Земли.

— Привлечь к себе внимание, — подумал вслух капитан. — Если мы не можем помочь себе сами, то надо добиться, чтобы нам помогли.

— Капитан, — усмехнулся Ярницкий. — Ты рассуждаешь, как китайские мудрецы. — Подобным образом они рассматривали очевидные истины, превращая их в философские проблемы.

— Дерзок ты, Витюша, — не оборачиваясь, сообщил Круглов. — Смеяться над начальством опасно. Вернемся на лунную базу, добыюшь, чтобы тебя на месяц в бригаду сантехников определили.

Слышно было, как Ярницкий вздохнул.

— Если вернемся, — сказал он, — это будет не наказание, а поощрение.

— И все-таки нам повезло, — задумчиво сказал Круглов. — Планетолет сохраняет герметичность, системы... в основном... функционируют нормально. И энергии от резервных источников нам пока хватит. И если это не чудо, то я, Витюша, ничего не понимаю в чудесах.

Через несколько часов, когда они перебрались в кают-компанию для того, чтобы перекусить, появились и остальные. Круглов обратил внимание на Везелена. Из всех обитателей искалеченного планетолета именно немец вызывал у него серьезные опасения. Он словно бы сразу постарел на несколько лет — лицо бледное, под глазами обозначились темные кру-

ги. Нехорошо выглядел астрофизик, чувствовалось, что он на пределе.

Энергию все-таки приходилось экономить, поэтому плафоны в кают-компании горели вполнакала, а обходиться приходилось сухим пайком. Раньше все корабельные надобности обслуживал реактор, сейчас его не было. «Ничего, — подумал Круглов. — Завтра с Мишей выйдем в пространство, развернем солнечную батарею, и экономить электричество больше не придется. Это очень важно, чтобы на планетолете были человеческие условия. Это подстегивает, заставляет вспомнить, кто ты есть, и соответственно держаться».

Он обратил внимание, что к своим тубам и упакованным в полиэтиленовую пленку разовым хлебцам Везелен не притронулся. Понятное дело, в таких условиях трудно сохранить аппетит, но все-таки немец нервничал больше остальных. Его внутренняя напряженность могла в любое время обернуться конфликтной ситуацией. Есть такие люди — когда им очень плохо, хочется, чтобы остальным было еще хуже. В обычной обстановке они приятны и интересны, порой даже остроумны и зачастую являются душой компании, но, попав в стрессовую ситуацию, меняются в худшую сторону — срываются на крик, начинают конфликтовать с окружающими, а это в условиях ограниченного пространства добром не кончается. Деваться друг от друга некуда, появляется взаимная неприязнь, учащаются ссоры. Поэтому экипажи планетолетов тщательно проверяют на психологическую совместимость. Зачастую лететь приходится очень долго, люди должны понимать друг друга и относиться терпимее к слабостям товарищей. Удивительно, неужели Везелен не проходил тестирование на психологическую пригодность к длительной работе в космическом пространстве? Плохо он себя ведет, очень плохо. Надо предупредить, чтобы остальные относились к нему повнимательнее и сдерживались в щекотливых ситуациях, старались избегать конфликтов. И самому поговорить с астрофизиком, постараться как-то подержать его.

— Не могу, — сказал Везелен. — Почему вы все так спокойны? Скажите правду, капитан, мы ведь погибнем?

— Возьмите себя в руки, — посоветовал Круглов. — Надо держаться.

— Не могу притворяться. — Астрофизик нервно мял полиэтиленовую обойму с разовыми хлебцами. — Но почему? Почему именно мы? Глупо все. Глупо. Глупо. И не надо меня успокаивать, не надо тешить иллюзиями. Мы все обречены. Так почему вы так спокойны?

На английском Везелен говорил с небольшим характерным акцентом, слишком твердо произнося слова. Бледное лицо астрофизика порозовело, а кончики ушей стали малиновыми.

— Курт, не стоит, — спокойно сказал Пельер. — Надо держать себя в руках.

Острое худое лицо астрохимика было спокойным и даже немного равнодушным. «Хорошо держится, — одобрительно подумал Круглов. — Крепкий мужик!»

Везелен торопливо встал. От резкого движения его приподняло над столом, нелепо закружило, и он с трудом восстановил правильное положение. Ленточку с разовыми хлебцами немец уронил, и сейчас она, медленно извиваясь, плыла в пространстве над столом, придавая происходящему фантастический вид.

— Прошу меня извинить, — сказал Везелен, ни к кому персонально не обращаясь. — Мне надо прийти в себя.

Не опускаясь на пол, он проплыл в люк. Присутствующие на мгновение увидели подошвы его тяжелых башмаков с плоскими магнитными подошвами. Люк беззвучно захлопнулся. Слышно было, как в пустом гулком отсеке астрофизик негромко ругается по-немецки.

— Плохо, — сказал Круглов. — Миша, ты посматривай за ним, чтобы неприятного сюрприза не случилось. Слишком он нервный для космоса. Куда медики смотрели? Его дальше орбитальных спутников нельзя было выпускать.

— Он по рекомендации, — сказал Пельер спокойно. — Мы проходили только общее медицинское освидетельствование. Психологического тестирования никто не проводил.

Круглов промолчал.

Вопросы, конечно, были, но Пельер на них ответить не мог. Эти вопросы следовало задать Европейскому комитету космических сообщений. «И я их обязательно задам!» — твердо пообещал себе Круглов. «Если вернемся», — немедленно откликнулся унылый внутренний голос.

— Отдыхать, — вслух приказал он. — Всем отдыхать не менее семи часов.

Ярницкий и Лямин немедленно поднялись. Они не первый день летали с Кругловым и знали, что распоряжения капитана обязательны и обсуждению не подлежат. Эрик Пельер некоторое время продолжал сидеть, цепко вглядываясь в невозмутимое лицо капитана.

— Вы хотите что-то спросить, Эрик? — поинтересовался Круглов.

— Нет, — отозвался астрохимик, медленно поднимаясь из-за стола. — Мне все ясно, капитан. Я иду спать.

Оставшись один, Круглов помрачнел. Сейчас не надо было притворяться, а сам он знал цену усилиям команды и пассажиров. Спасти их могло только чудо. Или инопланетяне. Но чудес на свете не бывает, а появление корабля с инопланетянами, предлагающими немедленную помощь, было из разряда таких же чудес. В Академии их учили многому, но в данном случае имеющиеся знания не годились. Круглов опять подплыл к иллюминатору, присел в кресло и некоторое время смотрел на звезды. Земля находилась позади корабля, и сейчас ее не было видно, но красноватая звездочка Марса оказалась на месте, как и Юпитер. Алексей Николаевич долго и пристально смотрел на Марс. Потом коротко и тоскливо выругался, встал на ноги и неторопливо шагнул к люку.

Бортинженер Лямин отдыхал в соответствии с указанием руководства. Он лежал, скрестив руки на груди, и разглядывал

пейзаж — лесную поляну с могучим зеленым дубом в центре экспозиции.

Круглов присел рядом с ним на постель.

— Что там, Миша? Есть надежда?

— Плохо дело. Алексей Николаевич, — оторвавшись от созерцания пейзажа, отозвался бортинженер. — Натворил дел этот вихрь! По-моему, мы пустышку тянем. Есть, конечно, и исправные блоки, но, как говорят, из верблюда человека не сделаешь. Только время теряем.

— Времени у нас много, — сообщил капитан. — Пока. Ярницкий насчитал семь с половиной месяцев. Я думаю, это реально. Авария произошла прямо перед началом торможения... Думаю, все так и есть. Витя ошибается редко.

— Он ошибается, — уверенно сказал Лямин. — У нас в запасе максимум несколько недель. Дальше все попытки будут бесполезными и ненужными. Так что мы будем делать?

— Занимайтесь потихоньку, — сказал Круглов. — Не сидеть же сложа руки. Это страшно представить, что будет, если мы еще станем бездельничать. Особенно пассажиры. Заметил, как немец психует? Еле держится в рамках. Очень наш астрофизик жизнь любит...

— А кто ее не любит? — возразил Лямин. — Я тоже поражаюсь вашему спокойствию, Алексей Николаевич. Неужели вы не боитесь? Или просто не представляете, что нас ждет в конце пути?

— Как раз это я себе очень хорошо представляю. — Капитан положил ладонь на плечо лежащего штурмана. — Но паниковать не собираюсь. Надо искать выход. Обязательно надо искать выход.

— Какой выход, капитан? — Плечо бортинженера дрогнуло под рукой капитана. — Надо смотреть правде в глаза. На этот раз нам не выкарабкаться. Вы вытащили нас с Европы, но здесь необходимо чудо, Алексей Николаевич, а вы, извините, не бог. И даже не чудотворец.

— Плохо, если ты думаешь именно так, — нахмурился Круглов. — Надеюсь, ты не станешь подобным образом ус-

покаивать наших пассажиров. Я тебя умоляю, Миша, держи себя в руках и не давай им распускаться. Ну, ты сам все прекрасно понимаешь. А я к тебе по делу заглянул. Подготовь мне документы по грузу, который мы везли на «Мичиган».

— Да что документы? — Бортинженер посмотрел на капитана. Не нравились Круглову его глаза. Тоска и осознание безнадежности положения были в этих глазах. — Я и так все помню.

— Мне бы твою память, — посетовал Круглов. — Старею, наверное, порой элементарные вещи вспомнить не могу.

Оказавшись у себя, он долго перебирал личные вещи, потом достал книгу и попытался читать. Книга была хорошая, посвящалась событиям в России конца двадцатого века и написана была человеком увлеченным, умеющим рассуждать, только вот текст сейчас совершенно не воспринимался. Он вспомнил о доме, и на душе стало совсем нехорошо. О семье в этой ситуации лучше было не вспоминать, воспоминания эти расслабляли душу, а Круглову сейчас расслабляться было нельзя. Капитан неторопливо разделся, забрался в капсулу и отрегулировал аэратор на запах степи. В капсуле запахло полынью и еще чабрецом. Круглов закрыл глаза и заставил себя уснуть. Тело и мозг были не единожды тренированы на экстремальные ситуации — он уснул. Заснуть было трудно, помогала техника. Перед погружением в забытие ему в голову пришла очень важная мысль, нет, не выход, но кое-какие шансы они при этом все-таки сохраняли. «Не забыть бы, — с отчаянием засыпая, подумал Круглов. — Не забыть бы...» Конечно, надо было встать и обдумать все подетальней, но именно в этот момент сработал настроенный капитаном гипноратор.

Семь часов спустя от хорошего настроения капитана, внушенного гипноратором, не осталось и следа. Нет, солнечную батарею они установили довольно быстро и сориентировали ее по отношению к Солнцу почти сразу, хотя руководствоваться приходилось расчетами, которые Ярницкий делал

вручную из-за неисправности бортового компьютера. Голова у Ярницкого была светлой, ошибка измерялась в долях секунды.

— Пошел генератор, — доложил с борта планетолета Ярницкий. — Пошел, родной! — И через некоторое время радостно сообщил: — Вышли на расчетную мощность!

Вот уже второй раз в течение последних суток Круглов и Лямин возвращались на корабль.

— Веселее, — сказал Круглов, искоса глянув на кислое лицо бортинженера. — Можно сказать, нам повезло больше, чем Робинзону. Ну, что у него было, Миша? Несколько топоров, которые он нашел в корабельном сундучке, да кремневое ружье с двумя-тремя десятками зарядов.

— У Робинзона было и громадное преимущество, — подетски возразил бортинженер. — Его необитаемый остров находился на Земле.

— Зато наш остров — обитаемый, — хмыкнул капитан. — Коз мы здесь, конечно, не найдем, а потому и не приручим. И оранжерею нашу накрыло. Но ведь мы все живы! Обойдемся и без оранжереи. Верно, бортинженер?

— Поражаюсь вашему оптимизму, Алексей Николаевич, — сказал Лямин, стягивая шлем. Волосы его были влажными.

— Теперь ты убедился в преимуществе короткой стрижки? — Круглов неторопливо расшнуровал пояс, освободился от скафандра и поставил его у гофрированной стены отсека, неторопливо закрепляя рукава и штанины зажимами.

Тусклое аварийное освещение заменило нормальное. От этого, пусть и ненамного, становилось спокойнее и теплее на душе. Возвращение к норме всегда способствует обретению уверенности и надежд. Заработала автоматика, теперь не надо было вращать верньеры люков вручную и напрягаться, чтобы открыть проход. Заработали озонаторы, и в коридоре стоял влажный свежий запах хвойного леса.

— Как в бородатом анекдоте, — шумно вздохнул Лямин.

— Что за анекдот? — невозмутимо спросил Круглов.

— Один опустившийся мужик решил покончить счеты с жизнью, — неохотно сказал Лямин. — Намылил петлю, встал на табуретку... Смотрит, а в углу недопитая бутылка водки стоит. Чего добру пропадать? Слез с табурета, допил, вздохнул, потом видит — на подоконнике полпачки сигарет. Ну, закурил. Пока курил — звонок в дверь. Почтальон пришел, перевод от родственников на сто рублей принес. Мужик сидит и думает: «Черт побери! А жизнь-то налаживается!»

— Жутковатая история, — кивнул капитан. — Но соответствует... Вернемся, сразу бери наших пассажиров, и дуйте в грузовой отсек. Пусть тоже видят, что жизнь налаживается. От этого их трудовой энтузиазм только увеличится. Там еще много работы?

— Достаточно, — кивнул бортинженер. — Контейнеров много, надо еще разобраться, что и к чему.

— Рулоны целы?

— С эльпластом? — Бортинженер нажал на кнопку, открывающую люк во внутренние помещения планетолета. — Вроде целы.

— Много их?

— Много. Примерно треть грузового отсека занимают. Да зачем они вам, Алексей Николаевич? У нас энергии теперь и без того хватает.

— Посмотрим, — неопределенно сказал Круглов.

Неожиданно пришедшая в голову мысль не давала ему покоя. Заманчивой и спасительной казалась идея, но делиться ею с кем-то, было, пожалуй, рановато. Кроме Ярницкого. Без него обойтись невозможно. Идея хороша, если она подкреплена расчетами.

Оставшись наедине со штурманом, Круглов поделился с ним своей идеей.

— А что? — проявил тот неожиданный энтузиазм. — Можно попробовать. Сколько у нас по документам эльпласта?

Через три часа он поднял голову от стола и огорченно посмотрел на капитана.

— Мартышкин труд, — сказал он. — Этого не хватит даже для того, чтобы затормозить «Ладогу».

Круглов грустно хмыкнул.

С красивой идеей жаль было прощаться. Это было заманчиво — поднять над планетолетом солнечные паруса. Затормозить, а потом и вовсе начать уходить от Солнца. Новую звезду, движущуюся внутри Солнечной системы вопреки всем законам физики, трудно не заметить. Тем более что на Луне недавно выстроили отличную обсерваторию, часть специалистов которой круглосуточно наблюдают светило. Он посидел немного, привыкая к мысли. Та-ак! Мысль ему нравилась. Очень нравилась. Но немедленно делиться с Ярницким он неожиданными соображениями не стал.

— Ну-ка, — попросил он, — найди мне документацию по грузам. Жаль, компьютер не работает. В общих чертах груз мне известен, но хочу посмотреть, что именно мы везем.

Притча о лягушках была создана умными людьми. Космос не сметана, его в масло не собьешь, но кое-что любопытное стало вырисовываться сразу после изучения груза.

Вот теперь можно было поделиться мыслями со штурманом.

Некоторое время Ярницкий недоверчиво смотрел на капитана, потом решительно подсел к столу и принялся за расчеты.

— Ты знаешь, — сказал он, разворачивая кресло к спокойно ждущему капитану. — А ведь может получиться. Может!

— Не слышу уверенности в голосе, — сказал Круглов. — Все безумные затеи кончаются успехом только тогда, когда в них верят.

— Другого выхода нет, — сказал Ярницкий. — Ну что, соберем остальных?

— Рано. — Круглова охватила уверенность, что все у них получится. Не может не получиться! — Садись за расчеты, — приказал он. — Что именно надо просчитать, ты и сам великолепно знаешь.

Надежда — вот что не оставляет человека до последнего вздоха. Даже в самой безнадежной, самой безвыходной ситуации в человеке живет надежда на чудо. А вдруг?

Несколько дней прошло в напряженной работе.

Пошел девятнадцатый день со дня аварии, когда все собрались в рубке.

У Везелена было бледное усталое лицо, и на нем выделялись ужасные глаза, они были полны недоверия к происходящему, и вместе с тем в них плескалась надежда. В чудо всегда хочется верить. «Больше ему в открытом космосе делать нечего, — подумал Круглов. — Надо обязательно поставить вопрос о том, что без заключения психологов за пределы системы Земля — Луна никого выпускать нельзя. Правила обязательны для всех, в них не должно быть исключений».

— Мы готовы, капитан, — сказал Лямин.

— Начнем, — буднично отозвался Круглов.

Несколько десятков тонн натрия, предназначенного для исследования верхних слоев венерианской атмосферы, ушли за борт планетолета. Круглов не видел этого, но отлично представлял себе, как из цистерн, предназначенных для перевозки жидких грузов, устремились в пространство струи жидких углеводородов, которые, испаряясь, вытягивались вдоль изуродованного корпуса корабля в противоположную от Солнца сторону, медленно и неотвратимо превращаясь в длинный лохматый хвост.

Что такое комета? Ядро, окруженное газовой оболочкой. Изуродованный корабль стал таким ядром, а оболочку они создали сами. Теперь они не нуждались в передатчике. Неожиданно появившаяся неподалеку от Солнца комета не могла не привлечь к себе внимания специалистов. Конечно, можно было надеяться, что кто-то сопоставит курс новой кометы с курсом неожиданно замолчавшего планетолета. Но Круглов не собирался останавливаться на достигнутом. Интенсивность свечения легко было регулировать обычной индукционной катушкой. В конце концов, луч лазера достигает конца кометного хвоста всего за пять минут. Время достаточное, чтобы заставить кометный хвост заговорить.

— Миша, как? — спросил Круглов.

Пассажиры смотрели на него с тоской и надеждой. Они все еще не верили в благоприятный исход. В спасение можно

поверить только тогда, когда стыковочный узел спасательного судна толкнется в борт корабля. Пока можно было лишь надеяться на спасение, но и это уже было невероятным достижением.

— В порядке, — сказал Ярницкий, касаясь клавиш на панели.

Черт с ним, с передатчиком! Что с того, что авария лишила их связи? Оставались иные возможности.

За кораблем ярко вспыхнул кометный след.

— А теперь мы помашем хвостом, — сказал Круглов.

Регулируя интенсивность свечения газа в хвосте, образовавшемся за кораблем, можно было легко подать сигнал бедствия — старым, давно испытанным способом. Когда-то эти сигналы спасли тысячи моряков, а теперь вот пригодились и в космосе. Меняя длительность свечения, можно было легко изобразить те необходимые точки и тире, которые помогли бы вскричать среди звезд «SOS» и коротко сообщить, что произошло в пространстве.

Отчаиваться нельзя. Иногда, когда ты не можешь обзавестись крыльями, надо обязательно отрастить длинный светящийся и оттого спасительный хвост.

Глава вторая

НАЗНАЧЕНИЕ. 2055 ГОД

В кабинете Чамберса было прохладно, а сам Чамберс, несмотря на свою занятость, встретил Круглова приветливо.

— Мистер сенсация! — вскричал он. — Ну что, Алекс, парапации уже отстали от тебя? Надо сказать, Везелен сделал тебе прекрасную рекламу, теперь ты можешь подняться очень высоко!

— Мне надо подняться как можно выше, — сказал Круглов. — Слушай, Ричард, долго меня еще будут терзать? Мне пора вернуться к основной работе. Я астролетчик, меня абсолютно не привлекает чтение лекций в Академии. Тебе не кажется странным — непригодным к дальним полетам оказался единственный человек, о котором говорил сам командир корабля, а в космос не выпускают никого, включая и команду, которая вытащила всех?

Чамберс замахал руками.

— Ты задаешь вопросы не тому человеку, Алекс, — стараюсь говорить шутливо, возразил он. — Я всего лишь чиновник, который задыхается от тяжести повседневных дел. Слушай, бросай все эти лекции к черту, иди работать ко мне! Мне нужны умные инициативные люди. Если бы ты знал, Алекс, как мне не хватает умных и инициативных людей!

Ричард Чамберс не был начальником капитана Круглова. Вместе с тем Чамберс руководил программой КОСМО-ЮНЕСКО, и от него зависело многое. Освоение космоса оказалось очень дорогостоящим занятием. Любое, даже самое богатое государство с этим в одиночку справиться не могло. Нет, с программой запусков спутников и околоземных полетов богатые государства еще справлялись, но уже программа освоения Луны, принятая в первой четверти двадцать первого века, потребовала координации средств и консолидации усилий. Результатом было создание при ЮНЕСКО комитета освоения космического пространства. Некоторое время особняком держался бурно развивающийся в начале века Китай, который делал ставку на свою космическую программу «Великий Поход», но вскоре перспективы объединения стали очевидны и китайским правителям. По решению Генеральной Ассамблеи ООН с 2010 года каждая страна делала отчисления из своего бюджета на освоение космоса. С этих пор все программы стали международными, а запускаемые спутники, если их запуск не финансировали частные телевизионные компании и корпорации, служили интересам всего человечества.

Все это привело к тому, что через КОСМОЮНЕСКО проходили огромные финансовые потоки. Располагая огромным бюджетом, организация Чамберса финансировала космические программы и разработки, делая заказы различным концернам и корпорациям. Координация работ сама по себе требовала серьезных усилий, но не это беспокоило Чамберса. Резко возросла роль человеческого фактора, требовались квалифицированные специалисты, способные реально оценить тот или иной проект. К тому же эти специалисты должны были быть безукоризненно честными, не ввязываться в сомнительные аферы и биться за каждый доллар, словно он тратился из их личного состояния.

— Уволь, — сказал Круглов. — У вас надо быть финансистом, а я всего лишь межпланетчик. Ищи себе помощников на Уолл-стрит, Ричард.

— Как раз там я их искать никогда не буду, — мрачно сказал Чамберс. — Марксизм, конечно, вредная штука, но мне кажется, что вместе с водой выплеснули и ребенка. Бородатый экономист утверждал, что если выгода будет более трехсот процентов, то нет такого преступления, на которое бы не пошел нестойкий бизнесмен. Мне кажется, что этот самый Маркс был прав. Только не думай, что жульничали исключительно американцы, вашего брата там тоже хватало. Мы передали все документы в международный суд. Слава Богу, между полицейскими контакты отлажены, долго всех этих жуликов собирать не пришлось. Только сомневаюсь я, что их слишком сурово накажут. Космос кормит многих, в том числе и жуликов. Но ты все-таки подумай, Алекс. По крайней мере у меня тебе придется шевелить мозгами, а не языком. А мозгами шевелить ты умеешь, с этим не один газетчик не будет спорить. Надо направлять человека, чтобы тот проверил, как идут дела в Кремневой долине. — Чамберс заглянул в лежащий на столе органайзер. — Яр-рославский завод затягивает выполнение заказа по цельнометаллическим конструкциям, на космодержках слишком долго монтируют два новых планетолета. «Дженерал моторс» должна была сдать их еще в первом квартале.

— Меня не выпускают даже в околоземное пространство, — сквозь зубы сказал Круглов. — Ты плохо шутишь, Дик!

— Тебя не выпускают в качестве пилота, — возразил Чамберс. — А в качестве полномочного представителя нашей фирмы... Ты мог бы взяться за эту работу хотя бы на время, Алекс. Запреты никогда не бывают вечными, а пока ты поработаешь на меня. Я скупиться не буду. Сколько ты получал в качестве командира планетолета?

— Дело не в деньгах, — досадливо сказал Круглов. — Ты же знаешь, дело совсем не в деньгах!

Чамберс внимательно смотрел на него. Профессионально смотрел, оценивающе. Он сразу почувствовал, что предложение заинтересовало бывшего межпланетчика, которому запретили летать из принципа «кабы чего не вышло». А Чамберс был не из тех людей, которые легко отказываются от задуманного.

— Знаешь что, — сказал он, — торопиться тебе некуда. У меня тут есть еще небольшое дело, но я скоро освобожусь. Давай мы с тобой через часик встретимся, скажем, у Национальной библиотеки и вместе перекусим? Я знаю местечко, где изумительно готовят. Настоящая китайская кухня. Все-таки коммунисты любят хорошо пожрать.

— Хорошо, — сказал Круглов, поднимаясь. — Через часик так через часик.

Все-таки есть свои прелести и преимущества в неформальных контактах! В другое время Алексею Круглову пришлось бы обивать пороги врачебных кабинетов, доказывая, что он в полном порядке, а их опасения беспочвенны и надуманны. Врачи люди мнительные, они у любого здорового человека могут пунктик найти. Ах, он перенес психологическую травму! Где он едва не погиб? В космосе. И все. Запрет на полеты обеспечен. Но ведь это глупо. Полицейского инспектора, скажем, никто не отстраняет от работы из-за того, что он едва не погиб в перестрелке с обнаглевшими преступниками. У межпланетчика риск является обязательным элементом профессии. Но врачи с этим считаться не хотят. Они перестраховываются. И

некуда на них пожаловаться. Если у тебя нет такого друга, как Чамберс. В глубине души Круглов понимал, что поступает не очень достойно. Но что прикажете делать человеку, если иными способами решить жизненно важную для него проблему он не может?

Прогуливаясь по парку, Круглов набрел на играющих ребятшек. Поначалу он даже не понял, во что они играли, только по отдельным репликам он через некоторое время догадался, что они играют в аварию планетолета. На роль Везелена они выбрали самого плаксивого мальчишку, зато самого Круглова играл плотный негритенок с жестким круглым лицом, на котором выделялся совсем не негритянский крючковатый нос. Остальные ему подчинялись беспрекословно. Роль планетолета выполняла огромная пластиковая труба для монтажа подземных переходов.

Некоторое время Круглов исподтишка наблюдал за играющей ребятней. Наверное, детвора везде была одинаковой. Потому и играла в одни и те же игры. Сообразив, что играют они все-таки именно в аварию его планетолета, Круглов почувствовал себя неловко.

Он встал и пошел прочь. Детвора, как это обычно бывает, не обратила никакого внимания на героя своих игр. Герои всегда создаются воображением людей, настоящие участники героических историй не имеют к этому никакого отношения именно в силу того, что они совершенно не подходят на героев.

Чамберс уже поглядывал на часы.

— Здесь недалеко, — сказал он. — Это не китайская забегаловка. Фан поставил дело на широкую ногу. А еще говорят, что Америка нетерпима к инакомыслию. Коммунисты ставят свои рестораны в центре Нью-Йорка. Но готовят они действительно вкусно.

Ресторанчик «Красный дракон» и в самом деле был небольшим, но уютным.

Официанты в «Красном драконе» были вышколены и по-китайски предупредительны.

В «Красном драконе» Чамберса знали, его встретили с улыбками и, кланяясь, проводили к почетному месту. Вышел и сам хозяин «Красного дракона» — китаец древнего вида с седой бородкой и узенькими шелками глаз. Хозяина все уважительно звали Старый Ма. Видно было, что здесь Чамберс числится в завсегдатаях. Ричард раскрыл меню и углубился в чтение.

— Возьмем креветки «Баттерфляй», — распоряжался Чамберс с плотоядным выражением на лице. — Для них используется цейчуаньский перец, очень вкусно. Потом будем есть вонтонский суп... Ну, второе... Конечно же, это будет карп по-пекински. Не пробовал, Алекс? — Он закатил глаза и сладостно застонал. — Как его здесь готовят! Как готовят! Пить будем?

— Нет, — сказал Круглов.

— Неверный ответ. — Чамберс взмахнул руками. — Ты слишком привык к этой космической еде, Алекс. Пищей надо наслаждаться. — И склонился к официанту, отдавая ему последние распоряжения.

Пока сервировали стол, Чамберс расстегнул куртку и откинулся в удобном плетеном кресле.

— Что ты решил, Алекс?

— Пока не знаю, — с сомнением отозвался Круглов. — Я никогда не занимался административной работой. Не чувствую призвания, Дик. И что, меня действительно выпустят в космос, несмотря на запреты квалификационной комиссии?

— О'кей, — сказал Чамберс. — Я тебя понял. Штатное расписание в моих руках. Что, если твоя должность так и будет называться — инспектор Внеземелья? Мне кажется, звучит очень красиво. Журналисты будут обсуждать это назначение несколько дней.

— Не надо журналистов, — утомленно сказал Круглов. — Если бы ты знал, Дик, как они мне надоели! Мне бы хотелось, чтобы это назначение прошло незамеченным. Договорились?

Чамберс с усмешкой пожал плечами.

— Чего не сделаешь для хорошего человека, — покладисто сказал он. — Но ты должен понимать, что лишаешь мою фирму дополнительной рекламы. За это тебе придется гнуть горб с особым усердием. Как насчет путешествия на орбиту?

— Это не путешествие, — криво усмехнулся Круглов. — Это прогулка.

Что и говорить, для межпланетчика, побывавшего на Марсе и посетившего около десятка различных лун, чудом уцелевшего при аварии планетолета, знавшего космос лучше многих других, полет на околоземную орбиту и в самом деле был не более чем прогулка. И все-таки это было лучше, чем безвылазно сидеть на Земле.

— Не спеши, — сказал Чамберс. — Это будет не рядовой полет.

— Но что мне делать на орбите? — Круглов рассеянно смотрел, как ловкий официант расставляет перед ним маленькие тарелочки. Увидев палочки для еды, он жалобно осведомился: — А вилку здесь можно получить?

— Можно, — сказал Чамберс. — И ложку тоже. Уж не воображаешь ли ты, что знаменитый вонтонский суп мы станем есть палочками? Конечно, они требуют определенной сноровки, но мы с тобой не уподобимся китайским ретроградам. Мы смело внесем в китайскую кухню новые элементы.

— Ну, это ты загнул. — Круглов заглянул в тарелку. — Сноровка в обращении с палочками у них есть, но вряд ли они хлебуют суп палочками.

Креветки и в самом деле были очень вкусны. Они прямо обжигали рот, было такое ощущение, что на языке взрывались маленькие жгучие пузырьки.

— Вернемся к моей работе, — сказал Круглов. — Ты говорил, что я должен лететь в Приземелье.

— Понимаешь, — сказал Чамберс, — история загадочная. На Луне исчез человек. Разумеется, все явилось следствием грубейших нарушений правил безопасности, но ведь его активно искали. Очень активно, Алекс. И не нашли. А он занимался, кроме своей основной работы, атмосферой Луны.

Глава третья

ЛУННЫЙ ВАРИАНТ. 2055 ГОД

Начинающийся за кессонной камерой коридор делился на рукава, которые соединялись с кольцевыми коридорами. Этого требовала безопасность лунной базы.

— Дзюба! — от входа крикнул Ван Келлен. — Господа! Где этот хозяйственный негодяй?

Смуглое лицо его полыхало негодованием, сразу видно было, что человек пришел спрашивать и имел на то веские основания.

— Дзюба в шестом куполе, — отозвались от стола. — Нарушилась герметичность купола, и он ищет места утечки. А ты чего всполошился?

— А чего ее искать? — удивился Ван Келлен. — Выбирайся наружу и смотри, где «синеглазки» зацвели.

«Синеглазками» в обиходе называли кислород, замерзающий на поверхности купола в безвоздушном пространстве. Название было удачным, синие наросты и в самом деле напоминали цветы.

— Вот Олекса туда и отправился, — объяснил кто-то из присутствующих. — А тебе он зачем?

— Графитовая смазка, — уже тише сказал Ван Келлен. — Я ходил к Темным скалам, и мне пришлось возвращаться обратно из-за этой смазки. Только идиот мог использовать графит в дыхательных муфтах.

— Ну, это не смертельно, — успокаивающе отозвался от стола сейсмолог Пржелински. Был он высок, плечист и по-славянски светловолос. — Из-за этого не стоит вешать нашего канадского хохла. Тем более что в наших условиях сделать это было бы очень затруднительно. Есть будешь?

— После случившегося у меня кусок в глотку не лезет, — пожаловался Ван Келлен, но любопытство быстро взяло верх, и он без перехода поинтересовался: — А что у нас на ужин?

— Консервированные бобы, — мрачно сказал Пржелински. — И вчера были консервированные бобы со свиной, и сегодня консервированные бобы. Интересно, по какому принципу завозится продовольствие? По-моему, их берут из прежних армейских запасов. Если так, то до конца года нам предстоит жевать эти долбанные консервированные бобы. Куда же деваются прекрасные сублимированные продукты, которыми хвастались русские и американская академия питания?

Ван Келлен с мрачным видом сел за стол, потянул к себе упаковку бобов, повернул кольцо на тубе, заставляя термоэлемент подогреть пищу.

— Не понимаю, чем тебе не нравятся бобы, — хмуро сказал он. — Я люблю бобы. Особенно со свиной.

— Я тоже люблю, — признался Гурген Изория. — Только если они не китайского производства. Терпеть не могу «Великую китайскую стену». У меня ощущение, что вместо мяса они добавляют в бобы свиной жир, а чтобы это скрыть, щедро сдабривают свое дерьмо специями. А что ты делал у Темных скал, Ольгерт?

Ван Келлен понюхал горячую пасту и сморщился.

— Действительно, — признал он. — Специй здесь хватает.

— Это консервы, — вздохнул Пржелински. — А вообще-то китайцы готовить умеют. В Гирине мне доводилось попробовать бульон из филе лягушек и свинину чоу мейн. Вполне, вполне. Можно сказать, гастрономическое удовольствие я получил. Так что ты делал у Темных скал, Ольгерт?

— Съемку, — сказал Ван Келлен. — Особых надежд на редкоземельные нет, но что-то мне подсказывает, что Темные скалы однажды преподнесут сюрприз, помяните мое слово. Если бы не графитовая смазка в переходниках, я бы задержался.

— И ужинал бы в одиночестве, — меланхолично заключил Пржелински. — Тебе Дзюбу благодарить надо, а не трясти в столовой вздетыми кулаками. Продолжить нашу партию не желаешь?

Вот уже неделю он и Ван Келлен вели свою маленькую шахматную войну. Безрассудного гусарства в атаке никто из них не одобрял, поэтому партия свелась к долгому и бесплодному маневрированию фигурами. Любой гроссмейстер давно бы уже предложил сопернику боевую ничью и постарался бы забыть эту громоздкую многоходовую партию, как кошмарный сон, но в данном случае никто не торопился протянуть трубку мира сопернику, и партия продолжалась, грозя стать воистину бесконечной. Сегодня ей окончание не грозило.

Ван Келлен от игры отказался, торопливо выдавил в рот тубу с подогретым кофе и удалился к себе заниматься какими-то срочными расчетами.

Пржелински посмотрел ему вслед.

— Люди работают, — сказал он себе. — Пора и нам собираться. Как ты считаешь, Гурген?

Невысокий худощавый Изория кивнул.

— И скафандры мы проверим сразу, — сказал он. — А вообще ты не прав. О таких вещах надо говорить вслух. Иначе могут случиться большие неприятности. И напрасно Ван Келлен пренебрегает правилами безопасности. Зря он уходит один. Однажды это может очень плохо кончиться.

Отделение, где хранились скафандры, напоминало оружейную комнату рыцарей, оставивших в ней свои доспехи. Унифицированные скафандры отличались по цветам и цифрой, проставленной на подвеске с баллонами. По цвету легко было узнать, из какой страны астронавт, а по цифре сразу было видно, кто это. Огромные, несколько неуклюжие, с круглыми гермошлемами, с опущенными светофильтрами, скафандры придавали комнате фантастический вид. Каждый скафандр был изготовлен на конкретного человека, поэтому их было больше, чем находилось на базе людей. Кто-то был в отпуске, кто-то решал совсем другие задачи за тысячи километров отсюда, а механическая оболочка терпеливо дожидалась своего хозяина. Каждый скафандр был снабжен индивидуальным компьютером, компьютер был подключен

к рации и при необходимости, если хозяин получил серьезные повреждения, мог самостоятельно подать сигнал бедствия, установить маячок для последующей пеленгации потерпевшего, а при желании — даже вести со своим хозяином беседы на профессиональные темы. Итальянец Филипп Каstellане божился и клялся, что лично слышал, как компьютеры скафандров ведут между собой неторопливые разговоры и даже спорят о достоинствах своих хозяев. Оценки людей, приписываемые компьютерам, были слишком метки и остроумны для машин, поэтому не было никаких сомнений, что эти характеристики принадлежат самому Каstellане, но рассказы итальянца были так забавны, что их охотно слушали вечерами в кают-компании, потягивая прохладное безалкогольное пиво.

Через сорок минут они уже были на лунной поверхности.

Если смотреть на Землю с Луны, всегда поражаешься, какая она крошечная в сравнении с окружающим ее звездным пространством.

Нет, встает она над безмолвной лунной поверхностью во всем своем величии — огромный голубой шар, перевитый белыми облаками, сквозь которые угадывается поверхность планеты. Еще интереснее смотреть на ночную поверхность Земли. Такое бывает редко, и тонкий белый серп поражает воображение, а на темной неосвещенной поверхности планеты горят россыпи огоньков, которыми отмечены крупные города, залитые электрическим светом.

И все-таки неизбежно возникает мысль об ограниченности жизненного пространства человечества. Того человечества, которое запросто можно разместить на территории Германии, оставив весь мир тем, кто им владел до человека, — растениям и животным.

Смотреть на Землю вошло в ежедневный ритуал Изории постепенно, теперь он уже не мог сказать точно, откуда у него взялась такая привычка, но теперь это стало потребностью — смотреть на Землю, обдумывая предстоящие дела или просто успокаивая душу.

Особенно хорошо было смотреть на Землю с крутого склона лунного цирка, в котором располагалась база с незатейливым и нейтральным названием «Селена». Американцы предлагали назвать базу в честь своей лунной программы, но комитет космических исследований ЮНЕСКО это название не утвердил, справедливо усмотрев в нем попытку принизить остальные нации, занятые в освоении и изучении космического пространства.

Странно было смотреть на родную планету со стороны, особенно после того, как начался монтаж многокилометровой орбитальной станции. Пока она была не достроена, поэтому с расстояния казалась полуразрушенной, но каждый день добавлял новые штрихи к ее готовности — мутный пластиковый каркас медленно, но верно покрывала сверкающая титановая броня, станция медленно обретала шарообразную завершенность, и вид почти пятикилометрового сооружения вызывал в Изории чувство законной гордости за творение рук человеческих. По многочисленным орбитам против часовой стрелки двигались светящиеся точки — саперы осуществляли очистку околоземного пространства от разной пакости, заброшенной туда за последние семьдесят лет. Работа была довольно рискованной, поэтому в саперы шли исключительно добровольцы. Особенно опасными были автономные рентгеновские лазеры, входившие в систему противоракетной обороны Штатов, России и Китая. Производить их демонтаж в космосе было крайне опасно из-за возможности спонтанного запуска системы, поэтому каждую установку после ее обнаружения требовалось закрепить на транспортном корабле. Демонтаж осуществлялся под контролем международной комиссии, созданной из оставшихся без работы генералов. Впрочем, в космос генералы не поднимались по сути дела, и в этом случае разоружение космоса проводилось под контролем энергичных нижних чинов. Бывшие генералы отслеживали этот процесс по бумагам, тщательно и ревниво наблюдая, чтобы чужие системы не остались по воле случая вне поля зрения и не угрожали в

ближайшем будущем процессу объединения государств в действительно международное сообщество. Загруженные транспортники время от времени отправлялись на Солнце. Многие ученые уже выступали против этого, ссылаясь на возможные негативные последствия таких сбросов, но где еще можно было хранить всю эту взрывающуюся и смертельно опасную дрянь?

— Ну что, пошли? — спросил Пржелински, без натуги взваливая на плечо огромный контейнер с сейсмической станцией. — Сегодня нам недалеко, поэтому вездеход брать не будем, верно, Гурген?

Монтаж оборудования Изория и Пржелински в свое время начали с дальних точек, поэтому к концу работ их задачи все более облегчались. А вскоре и выходы на поверхность Луны станут ненужными — всю информацию сообщит установленное оборудование, а Изории и Пржелинскому и тем, кто придет им на смену, останется только анализировать эту информацию и строить гипотезы о внутреннем строении Луны.

— Двинулись, — согласился Изория, неторопливо проверяя светофильтры, установленные в шлеме. Иногда на «хамелеон» шлема выпадали дополнительные нагрузки, с которыми «хамелеон» не справлялся, особенно на освещенной поверхности Луны, поэтому фильтры были необходимы. Пренебрегший ими мог в один прекрасный или, скорее, злосчастный момент просто потерять зрение. Открытое солнце — опасная вещь. Изория и Пржелински работали на станции второй срок, но к вопросам безопасности относились со всей серьезностью.

Атмосферы на Луне не было, поверхность планеты казалась бесконечной, она словно рассекала видимую Вселенную, и зрению было не за что зацепиться, чтобы определить подлинное расстояние до ближайшего кратера. Здесь даже звезды были одинаковы — что в зените, что у горизонта. Трудно привыкнуть, что ты видишь всего на три с небольшим километра. Казалось, если отправиться пешком, до го-

ризонта пришлось бы шагать вечно. Международная база располагалась вблизи лунных Кордильер, в местности не слишком исследованной, а потому особенно привлекательной. Привлекательна она была еще зоной терминатора, которую временные обитатели Луны называли Сумеречью. Огромные кратеры, чьи склоны на фотографиях выглядели отвесными и неприступными, на деле имели пологие склоны, которые можно было преодолеть без каких-либо затруднений, тем более что ослабленное тяготение тому немало помогало.

Кто сказал, что Луна безмолвна?

Не иначе это был искренне влюбленный, смотревший на спутник нашей планеты исключительно снизу вверх. Никогда этот человек не чувствовал старушку Луну под ногами, слыша в наушниках переговоры товарищей. Даже не верилось, что весь этот вселенский бедлам в эфире устроили три десятка человек.

Международная лунная база «Селена» функционировала уже десять лет, но впервые на ней собралось столько народу. Препятствовало что? Препятствовали размеры базы, в прежние годы сменные экипажи станции не дотягивали до дюжины и в основном состояли из русских и американцев, иногда в очередную экспедицию включались специалисты из Европейского Содружества и только дважды — представители Китая и Японии. Но они решали на Луне очень специфическую задачу — закрепление приоритета, на станции пребывали непродолжительное время — от ракеты до ракеты, потому и не оставили после себя ни легенд, ни даже простых воспоминаний. Другое дело постоянные обитатели «Селены»! О них славились легенды, которые изустно передавались от экипажа к экипажу, этаким космический фольклор, которому предстояло со временем войти в воспоминания, художественные книги и даже, как это ни странно, в научные труды. Впрочем, люди того стоили, а истории, время от времени приключавшиеся с ними, могли своей романтичностью поспорить с рассказами Джека Лондона и Джозефа Конрада.

Первые экспедиции селенологов в основном занимались съемкой местности и геологическими исследованиями. Вновь прибывшие на станцию командированные призваны были решить более грандиозную задачу — подобрать место для строительства первого лунного космодрома, с которого планировали запуски планетолетов к другим объектам Солнечной системы. На Луне не надо пробивать плотные слои атмосферы, да и притяжение спутника в шесть раз меньше земного. Поэтому старты с Луны обходились бы значительно дешевле, да и о форме ракет не надо было думать, обтекаемая форма в безвоздушном пространстве не нужна, можно было кирпичи запускать, причем даже не в переносном, а в прямом смысле.

Нет, можно было, конечно, планетолеты монтировать прямо на околоземной орбите. До сих пор так и делали. Но монтаж в невесомости — работа трудоемкая и требующая высокого мастерства, сопряженного с риском. Другое дело на Луне, где монтаж осуществляется в условиях хоть небольшой, но тяжести, а рабочая смена имеет возможность прекрасно отдохнуть в комфортабельных условиях. Экипаж «Селены» менялся раз в восемь месяцев, а каждая смена во время своего пребывания на станции возводила очередной пластиковый купол, соединяя его по окончании монтажа переходниками с уже действующими секциями базы. После десяти лет «Селена» представляла собой несколько концентрических колец, в центре которых находился шарообразный резервуар с водой.

Да, воду приходилось доставлять с Земли, хотя еще вторая экспедиция обнаружила залежи ископаемого льда, которого хватило бы на многие годы. Только вот биологи, изучавшие полученную изо льда воду, все вели испытания, никак не решаясь дать добро на использование лунных ледяных запасов. Всего они боялись — микроорганизмов, опасных для человека, неизвестных факторов, могущих вызвать патологические изменения в геноме, а то и добираясь в своих научных изысканиях до откровенно бредовых теорий. Вот и получалось —

льда сколько хочешь, а пить приходилось привозную воду, пополняемую из замкнутой системы жизнеобеспечения. Сразу после прибытия все еще было ничего, и вода на вкус казалась вполне сносной, но к концу смены, по мнению многих, вкус ее разительно менялся, хотя специалисты и утверждали, что все дело в предубежденности участников экспедиции, а вкус воды на самом деле остается неизменным. Но это они на Земле утверждали — посадить их на годовой цикл, неизвестно, что эти специалисты запели бы.

— Надо же, раскричались! — сказал Пржелински. — Нет, на такие вещи только люди способны. Шум — как в курятнике во время драки петухов. Переключись на ближнюю, Гурген, а то мы друг друга не услышим.

От небольшого по лунным масштабам кратера Самурай до предгорья было не более пяти километров. Расстояние невеликое, если даже идти пешком, не прибегая к помощи ракетных ранцев, позволяющих делать скачки в двести — триста метров.

Вдали промчался по лунной пыли луноход, оставляя за собой, словно заправский корабль, две светящиеся кильватерные волны. Разреженные пылинки, взметенные луноходом, опали медленно, поэтому казалось, что машина режет лунную поверхность, оставляя за собой вздувшийся яркий шов. Свечение было вызвано статическим зарядом пылинок, которым предстояло опускаться на поверхность Луны несколько часов. Нет, это было великолепное зрелище, недоступное средним землянам, которые если и увидят когда-нибудь космос, то всего лишь на экране телевизора. А телевизор, как бы он ни был совершенен, никогда не заменит человеку собственных глаз. Большинство людей лишены возможности увидеть то, что является обыденным для внеземельцев. Пожалуй, это справедливо, это еще одна компенсация за сделанный ими выбор — быть на переднем крае.

— Интересно, куда это Оливер Рамсей отправился? — прервал молчание Пржелински. — Сегодня по плану у него работа на базе. Нет, сорвался, помчался куда-то... Не иначе, наце-

лился на космодром. Зачем? По графику ракет нет, я сам недавно проверял. До конца июня даже транспортников не будет. Жрать нам китайскую тушенку и давиться. А вообще вопрос питания надо перед руководством ставить остро. Хватит питаться разной дрянью, мы ведь сюда не для того прилетели, чтобы над нами хозяйственники изгалялись как хотели. Лично у меня эта тушенка давно поперек горла стоит. И соки кончаются. Не дай бог, что-то случится с очередным кораблем с Земли, мы все тут вымрем — кто от голода, а кто от тоски. Опять ограничили посещения радиорубки, они, видите ли, экономят электроэнергию для пробного пробоя. Затеялись с электропробоем, так поставьте дополнительные селеновые поля. Или лишний «Арзамас» поставьте в соседнем кратере. Люди-то при чем? Почему мы все должны страдать?

— Помолчи, Сташек, — с некоторым раздражением сказал Изория. — Вечно ты ноешь.

— Что значит «ноешь»? — живо возразил Пржелински, которому тащить неудобный контейнер молча было скучно. — Я не ною. Я ставлю вопросы. Очень своевременные, между прочим. Если уж мы форпост человечества в космосе, то и питание должно быть соответствующее. Разве я не прав?

— Мы теперь не форпост, — неохотно поддержал разговор Изория. — Фортпосты сейчас на Марсе, на спутниках Юпитера. Ты подумай, каково ребятам из программы «Икар». Вот им тяжело. А нам только радоваться надо.

— А я не хочу радоваться, — упрямо гнул свою линию Пржелински. — И при чем тут программа «Икар»? Ну, пусть мы интересным делом заняты. Так радоваться должны, не обращать внимание на мелкие бытовые неудобства.

В программе «Икар» было занято семь планетолетов, выстроившихся в пространстве со сбалансированными и скорректированными тахионными ускорителями. Через некоторое время небольшой астероид, разогнанный до субсветовых скоростей, должны были вбросить в тахиопространство. Эксперимент преследовал сразу несколько целей — физики пыта-

лись получить новые источники энергии, посмотреть, как ведут себя в тахиопространстве тардионные массы, а заодно исследовать возможность использования тахиопространства для достижения скоростей, превышающих световые, — расчетные данные, хотя и очень неясно, указывали на такую гипотетическую возможность.

— Они-то радуются, — сказала Изория. — Твоей радости не видно.

— Так я все к чему? — сказал Пржелински рассудительно. — У них условия не позволяют, расстояния огромные, но мы-то у Земли под боком! Могли бы позаботиться о селенигах. Если нельзя всем создать нормальные условия для работы, пусть нам их создают, а не заставляют давиться этой китайской дрянью, от которой у меня изжога.

Он помолчал немного, постоял, перекладывая контейнер на другое плечо, и снова двинулся вперед, оставляя в лунной пыли четкие отпечатки своих подошв.

— Вот мы здесь корячимся, а ради чего? — снова заговорил он. — Ради того, чтобы на Луну пришел очередной рачительный хозяин, воспользовался наработками, которые оплачены нашим потом и нашей кровью, и потихонечку жирел. А пилотяги будут доставлять на Землю грузы, геологи будут лазать по кручам. Неужели ради того, чтобы одним миллионерчиком стало больше?

— Сташек, не ломай голову. Тех, кто способен стать хозяйчиком, на Земле около семи процентов. Черт с ними, пусть жиреют, лишь бы обществу с этого польза была. Таких, как мы, способных на риск и добровольные лишения, на Земле насчитается процентов десять. А всем остальным на космос наплевать. Среди них многие позавидуют хозяйчикам, но, ты мне поверь, будет очень мало людей, способных позавидовать нам. Вот это уже страшно. Девяносто с лишним процентов статистов, которые думают о том, как прожить сегодняшний день весело и без мыслей. Девяносто процентов! На их фоне мне и хозяйчики кажутся более милыми созданиями. Ведь они тратят нервы, психуют, прикидывают, как им урвать кусок

пожирней, это верно. Но они еще делятся этим куском с ближним своим, но так, чтобы и себе большая часть осталась, и этому ближнему не слишком обидно было. И потом... Возможно, ты ошибаешься. ООН постепенно усиливает свою роль в мировой экономике. Лунные месторождения в частные руки передаваться не будут, это я тебе точно говорю. За счет космоса ООН будет постепенно усиливать свои позиции. И это правильно, надо, чтобы мировое сообщество играло более важную роль, нежели национальные образования.

— И все-таки цвет человечества в космосе.

— А с этим кто же спорит? Хочется быть этим самым цветом, вон на Молибина посмотри, на Дзюбу — истинные розы.

Они остановились. Прямо перед ними чернел темной пастью небольшой по лунным меркам кратер. Сразу за кратером начинались отроги гор. В черных расщелинах что-то волшебным высверкивало. Мир казался черно-белым, совершенно лишённым полутонов. Дна не было видно, казалось, что в чашу кратера была налита китайская тушь. По мере удаления от дна медленно выплывали из тьмы стены, испещренные трещинами. Издалека они казались отвесными, но при ближайшем рассмотрении было видно, что по ним легко спуститься вниз. Кратер рядом с горами был идеальным местом для установки автоматического сейсмографа.

— Пойду, — вздохнул в микрофон Пржелински. — Ты меня проконтролируй, Гурген, я быстро.

Подхватив свой груз, он начал ловко спускаться в кратер.

Изория смотрел, как он спускается. За спиной разливалось голубоватое зарево. Не стоило и гадать, Земля была у Изории за спиной. Голубовато-синий диск, подернутый дымкой облаков, которые на юге сливались в одно сплошное белое пятно.

Спустя полчаса он снова увидел скафандр Пржелински. Поляк уверенно поднимался вверх. Сейсмограф был установлен на дне кратера у специальной стойки, которую они кропотливо монтировали всю прошедшую неделю.

Ловким прыжком сейсмолог преодолел последний десяток метров.

— Отлично, — сказал он. — Гурген, мы с тобой все нормативы бьем. На Земле такую же штуку устанавливали пять человек. И знаешь, они потратили почти рабочий день. И за все это нас кормят паршивой китайской тушенкой! С бобами, Гурген!

— Да хватит тебе, Сташек, — сказал Изория.

И в это время мир изменился.

Казалось, бархат, покрывающий дно кратера, вдруг расцвел миллионами небольших голубых цветов. Цветы росли на глазах, потом начали вытягиваться, свиваться в затейливо скрученные жгуты, которые, покачиваясь, устремились вверх, соединяясь и ассимилируясь друг с другом, и вскоре впадина кратера стала нежно-синей, синева эта густела на глазах, покрывалась белесой пленкой, а через некоторое время, на мгновение блеснув, все снова скрылось в стремительно набежавшей чернильно-беспросветной тьме.

— Бог мой, — выдохнул Пржелински. — Что это было, Гурген?

— Не знаю, — отозвался Изория. — Но я все успел отснять.

На шлеме скафандров размещались видеокамеры. Чтобы привести их в действие, достаточно было нажать на кнопку на пульте, размещенном на левом рукаве чуть выше запястья. Изория успел это сделать, а Пржелински нет. Вот и сейчас геолог опередил товарища — он торопливо начал спускаться вниз.

— Ты куда?

— Надо взять образцы, — торопливо сказал Изория. — Что бы это ни было, оно оставило вполне вещественные следы.

Еще через час они огромными многометровыми скачками направлялись к базе. «Селена» ярко светилась, и это было удивительным и тревожным, обитатели базы иллюминацией не увлекались, особенно в последнее время, когда электроэнергию экономили даже в мелочах.

— Кажется, у нас неприятности, — сказал Изория.

Около куполов копошились неуклюжие фигурки в скафандрах. Изория включил общую связь и услышал голоса товарищей. Предчувствия никогда не обманывают, из торопливых реплик людей, занятых своим делом, он понял, что исчез Ван Келлен. «Ну вот, — подумал Изория. — Я же говорил, что одиночные вылазки чреваты неприятностями! Куда его понесло, ведь когда мы выходили с базы, он собирался проверять свои расчеты?» Никакого торжества из-за того, что он оказался прав, Гурген не ощутил. Более того, он почувствовал вину. «Накаркал, батоно!» — с огорчением подумал Изория.

Глава четвертая

СЕЛЕНИТЫ. 2055 ГОД

Большой купол был предназначен для оранжереи.

Новичок всегда приходил в восторг — стебли многолетней травы четырехметровой высоты, карликовые вишни и яблони, разросшиеся до самой вершины тридцатиметровой высоты купола, огромные огурцы и помидоры, которых не могли спрятать листья, — все это заставляло удивляться и восхищаться, а головки подсолнуха, достигавшие в диаметре трех-четырёх метров, вдруг заставляли вспомнить детские сказки. Сад был детищем биолога Стюарта Хэрриса, но ему с удовольствием помогали все свободные от работы обитатели станции. Лунный грунт, богатый накопленными за века микроэлементами, соединенный с доставленной на Луну земной почвой, творил чудеса, за которыми было трудно угнаться гидропонике. Нет, выращенные гидропоническим способом овощи тоже были велики, но многие отмечали, что они уступают во вкусе ово-

шам, выращенным в грунте. Как бы то ни было, но у обитателей станции «Селена» был свой сад и свой огород, которые приносили землянам немало гастрономических удовольствий, но еще больше — духовного удовлетворения. Даже заядлые горожане вдруг вспоминали о своих деревенских корнях и увлеченно занимались огородничеством. Почти у каждого была собственная грядка, на которой росло что-то особенное, пусть хоть размерами, но отличавшееся от того, что росло на грядках других.

Многие ворчали на то, что воду с лунных ледников использовать запрещалось, а грунт — нет. Конечно, доля субъективизма в такого рода указаниях и запретах имела место, но, во-первых, как говорили выступавшие за запреты, лунный грунт уже хорошо изучен, даже апробирован на Земле, а во-вторых, указания даются для того, чтобы они исполнялись, а не оспаривались. Следили за этим строго, нарушителей сурово наказывали — вплоть до отправки на Землю.

Пластиковые переходы базы служили для самовыражения и поддержания психологического равновесия. Так порекомендовали психологи, однако этого требовала и сложившаяся на базе практика, поэтому пластиковые стены переходов были разрисованы доморощенными художниками базы. В большинстве своем рисунки были полупрофессиональны, некоторые даже казались выполненными детьми, но были и такие обитатели станции, которые вполне бы могли сделать рисование своим основным ремеслом. Эти художники получили в личное пользование переходы целиком, и днем можно было увидеть людей, внимательно разглядывающих рисунки «профессионалов», чьи вернисажи были ничуть не хуже иных мастеров кисти, выставившихся в художественных галереях Земли.

Зал заседаний, напротив, был выдержан в строгой деловой тональности. Удобные кресла вокруг небольших столиков, столик с микрофоном для докладчика, на стене — экран для демонстрации материалов, деловая окраска стен и отделка их материалами, не привлекающими излишнего внимания. Все

было сделано для работы, чтобы люди не отвлекались от решения обсуждаемых проблем.

Обитателям базы было не до самовыражения. И на лунном огороде копать было некогда. С утра все собирались в зале заседаний, перед группами ставились очередные задачи, и все отправлялись на поверхность — искать Ван Келлена. Завхоза базы Дзюбу отстранили от занимаемой должности, но на Землю он не отправился. Стоящий на космодроме автоматический транспортник для пассажирских перевозок не годился, а прилет пилотируемого планетолета ожидался лишь через два месяца, если только происшествие не внесло коррективы в планы начальства. Вместе с остальными Дзюба принял участие в поисках геолога, но шансы на успех этих поисков казались ничтожными: вокруг базы располагалось несколько десятков неисследованных кратеров и цирков, каждый из которых мог оказаться последним пристанищем Ван Келлена.

— Говорят, завтра прилетает важная шишка из КОСМО-ЮНЕСКО, — сообщил Изории Пржелински. — Должность у него соответствующая — инспектор Внеземелья. Как только появляется жизненное пространство, на нем сразу начинают размножаться чиновники. Не удивлюсь, если там, — он неопределенно показал рукой в сторону, где по его разумению должна была светиться Земля, — уже существует канцелярия по делам лунных территорий или управление по лунным поселениям. Потом появятся отчеты в несколько десятков листов, а потом славное дело освоения космического пространства вообще заглохнет, утонув в бумажном море.

— Какая разница, кто прилетит, — подумал вслух Изория. — Жалко Оливера, ему достанется по первое число. Официально одиночные выходы на поверхность запрещены теми же инструкциями.

Они сидели в каюте Пржелински. В каюте был образцовый порядок, только на столике рядом с персональным компьютером лежал ворох каких-то бумаг. В углу на столике

между двумя уютными креслами, доставшимися Пржелински от его предшественников, стояла шахматная доска с расставленными фигурками. «Партия, которую они играли с Ван Келленом», — подумал Изория. Поляк, проследив взгляд товарища, шагнул к столику и с досадливой яростью смахнул шахматные фигуры. Она плавно разлетелись в разные стороны. Надежд на то, что геолог когда-нибудь доиграет эту партию, не оставалось. Запасы кислорода в скафандрах ограничены, баллоны Ван Келлена должны были опустеть еще вчера.

— Вчера после поисков я сидел с нашими образцами, — сказал Изория. — Вода, Сташек, обыкновенный лунный лед. Правда, не совсем обычный. Эту воду можно называть лунной минеральной.

— Прекрасно, — вяло и без особого энтузиазма отреагировал поляк. — Осталось застолбить месторождение, дожждаться, когда лунную воду разрешат использовать по прямому назначению, и организовать продажу «Лунной минеральной». Озолотимся, Гурген! Если, конечно, доживем.

— Скорее обанкротимся, — в тон ему возразил Изория. — Прогорим на одной доставке.

— Транспортные расходы будут включены в стоимость, — сказал Пржелински. — Остальное — дело рекламы. Ну, разумеется, наша вода будет омолаживать, уничтожать морщины, делать кожу эластичной, а кроме того, она будет лечить язвенные болезни и предотвращать сердечные заболевания. Годится?

— Годится, — сказал Изория. — Я вот тут вспомнил наш разговор с Ван Келленом в кают-компании. Помнишь, он еще говорил, что ходил к Темным скалам и ему пришлось возвращаться из-за графитовой смазки в дыхательной муфте? А ты его еще спросил, зачем он ходил к Темным скалам. Помнишь?

— Конечно, помню. — Сейсмолог опустился на пол и принялся собирать шахматные фигурки. — Но ведь его искали и там. И никаких следов не нашли.

— Это Кордильеры, — возразил геолог. — Там можно искать сто лет и ничего не найти. И все-таки надо искать именно там. Знаешь, мне не дает покоя одна вещь. Наш кратер, где мы нашли лунную минеральную, находится совсем неподалеку от Темных скал. Это как раз на входе в ущелье Бенгтессона. Мне кажется, надо искать там. И еще — вполне вероятно, что все происходившее в кратере как-то связано с исчезновением Ван Келлена. Записи его уже изучили?

— Комиссия изучает, — сказал с некоторым раздражением Пржелински. — И долго еще будет изучать. Ты думаешь, я им не говорил о Темных скалах? Говорил, Гурген, несколько раз говорил. Но там искали в общем порядке, а надо было искать нацеленно. Ясное дело, если он интересовался Темными скалами, то и отправился туда именно для того, чтобы проверить неожиданную догадку. Я тебе вот что скажу: когда мы находились у кратера, сейсмограф отметил колебания лунной коры всего в нескольких километрах от района, где мы находились. И знаешь, колебания были очень слабы, но они приходятся как раз на район Темных скал. Искать и в самом деле надо именно там. Сегодня я потратил много времени, но теперь у меня есть точнейшие координаты. Надеюсь, они нам помогут.

— А кто, ты сказал, прилетает? — поинтересовался Изория.

— Представитель КОСМОЮНЕСКО, — сказал Пржелински. — Кажется, его фамилия Круглов. И потом, что значит прилетает? Посадка чрезвычайника намечена на семнадцать часов. Если расписание выдержано, то он уже прилетел.

— Круглов, — повторил Изория. — Слушай, Сташек. Это не тот Круглов, что был капитаном «Ладоги»? Помнишь, авария планетолета в пятьдесят пятом? Они еще реактор потеряли тогда.

— Про аварию я помню. — Пржелински саркастически усмехнулся. — Только сомневаюсь, что это тот самый Круглов. Планетолетчики не идут в функционеры. Они предпочитают заниматься настоящим делом.

— Жаль, — сказал Изория. — Было бы хорошо, окажись он тем самым Кругловым. Тот был стоящим мужиком.

— Пошли. — Пржелински неторопливо расставил шахматы на доске. — Уже около восемнадцати, нам пора выходить на смену. Что, будем проситься к Темным скалам?

— Мне кажется, что если мы и найдем Ван Келлена, то именно там, — сказал Изория. — Возможно, он попал под обвал. Правда, мне эта версия кажется сомнительной.

— Мне тоже, — отозвался поляк, открывая дверь каюты, ведущую в кольцевой коридор. — В любом случае у Ольгерта было время выбраться. Не могло ведь сразу отказать все оборудование — и лазерный эхолокатор, и компьютер, и ракетный двигатель. В такое может поверить лишь тот, кто никогда не бывал на Луне.

У зала заседаний уже толпились обитатели базы. Веселья среди присутствующих не наблюдалось, люди были озабочены, и каждый мысленно настраивался на предстоящую работу на поверхности Луны. Около дверей, ведущих в зал, Изория увидел начальника базы Оливера Рамсея, который оживленно говорил с высоким плечистым человеком в полетном комбинезоне. Тот внимательно слушал Рамсея, коротко кивая в знак того, что он понял сказанное и принял к сведению.

— Похоже, это Круглов, — сказал Пржелински. — Смотри, как Оливер стелется перед ним, сразу видно, начальство почуял.

Изория долго и внимательно смотрел на собеседника начальника базы.

— Знаешь, — сказал он, — кажется, Оливеру повезло. Этот тот самый Круглов, который был капитаном «Ладоги». Я его узнал. Он в сорок восьмом был с нами у Юпитера. Жесткий мужик, но справедливый. Он не станет устраивать пустых разносов, но если ты окажешься действительно виноватым, то тебе не стоит завидовать: снимет шкуру, как с барана. И никаких возражений слушать не станет.

— Не думаю, чтобы Оливеру от этого стало легче, — ворчливо возразил Пржелински. — Если это бывший межпланетчик, а тем более капитан планетолета, то я знаю, с какой рьяностью они относятся к соблюдению положений и уставов, регламентирующих поведение людей в пространстве. Конечно же, Оливер в его глазах будет во всем виноват.

Изория отмахнулся.

— Добрый день, Алексей Николаевич, — поздоровался он. — Вы к нам с официальным визитом? Будете, как говорится, разделять и властвовать?

Круглов цепко всмотрелся в него.

— Изория? — скупой улыбнулся он. — А ты что здесь делаешь, Гурген? Помнится, совсем недавно ты ходил в заземельщиках. Тебя что привело в Приземелье?

Изория помрачнел.

— Рок, — скупой объяснил он. — Я оказался среди тех, кто на Европе уцелел во время большого гейзерного выброса. Теперь врачи боятся — с трудом разрешили работу на Луне.

Круглов сочувственно покивал. Конечно, Изория не мог знать, что он сам оказался в подобном положении. А случившееся на Европе он знал хорошо, во время выбросов горячего гейзера на Европе погибло почти все земное поселение. Выжили лишь шесть человек, которые жили в жутких, невозможных условиях почти шесть месяцев, но все-таки дождались спасательного планетолета. И не просто дождались, они еще продолжали вести научную работу, сохранили для эвакуации тела погибших товарищей и разгадали периодичность появления гейзеров и механизмы их образования. Во всем оказались повинны подводные вулканы, скрывающиеся под километровой толщей льда.

— Ладно, Гурген. Сейчас не до воспоминаний, — сказал Круглов. — Поговорим позже. Ты тоже готовишься в поиск?

— Да, капитан, — сказал Изория. — Только у нас с Пржелински есть некоторые соображения.

— После развода людей, — нетерпеливо сказал Круглов. — Надо выяснить, что случилось с Ван Келленом. Разбираться, кто и в чем виноват, — он бросил многообещающий взгляд на начальника базы, — будем потом.

Рамсей виновато поежился.

— Сейчас, — настойчиво сказал Изория. — Тем более что торопиться некуда. Ван Келлен уже мертв. Я в чудеса не верю.

— Я тоже, — сказал Круглов. — Но иногда в чудеса стоит верить. Если бы я не верил в чудеса, вряд ли ты сейчас со мной разговаривал бы. Да и вас с Европы, наверное, не вытащили, если бы не было людей, которые верят в чудеса.

— И все-таки, капитан, — продолжал настаивать Изория. — Я прошу выслушать нас. Есть новые данные, которые могут подсказать, где именно надо искать Ван Келлена.

— Это меняет дело, — согласился Круглов. — Где твой товарищ? Давайте поговорим.

Пржелински докладывал коротко и по существу.

Некоторое время в кабинете царило молчание.

— Не знаю, — с сомнением сказал Рамсей. — В этом районе мы уже вели поиск — и безрезультатно. Конечно, чтобы прочесать полностью самый крошечный участок Луны, надо задействовать большие силы, чем те, которыми располагаем мы. Но все-таки это слишком далеко от базы. Я не думаю, что Ван Келлен рискнул удаляться от базы на такое расстояние. Тем более — в одиночку.

— Об этом разговор будет особый, — пообещал Круглов. — За нарушение правил безопасности кто-то обязательно ответит, и ответит серьезно.

Рамсей замолчал.

— Я просмотрел поисковые маршруты, — сухо сказал Круглов. — Надо отметить, что поиски велись на редкость хаотично, словно вы пытались объять необъятное. Предлагаю взять за основу предположения господина Пржелински и организовать еще раз поиск всеми силами в районе Темных скал. В

зависимости от результатов можно будет говорить о следующем этапе. Возражения есть?

Если у кого-нибудь и были возражения, высказывать их никто не стал. Слишком уж твердым и целеустремленным показался всем бывший командир планетолета, ставший одной из ключевых фигур КОСМОЮНЕСКО.

— Сформируйте группы, исходя из опыта людей, — приказал Круглов. — На двух новичков обязательно должен быть один старожил. Если не возражаете, Оливер, я тоже приму участие в поиске вместе с Изорией и... — Он сделал паузу, нашел взглядом поляка, вспомнил его фамилию и закончил: — С Пржелински.

Еще через час они уже шли по лунной поверхности. В лучах солнца она казалась ослепительно белой, камни и холмики отбрасывали короткие угольно-черные тени. Впереди, пугая отвесной неприступностью, вставали, отбрасывая металлические отблески, Кордильеры. Горы разрезались черными бездонными расщелинами. Над головами идущих по равнине межпланетчиков пылали звездами черные небеса. То тут, то там над поверхностью Луны вспыхивали группы красных и зеленых огоньков, сопровождаемые бледно-голубыми ракетными выхлопами, — поисковые группы спешили добраться в район Темных скал. Передвигаться скачками увлекательно и интересно. Под действием ракетного двигателя ты взрываешься над поверхностью Луны и тогда видишь ее сверху — испещренную кратерами от многочисленных метеоритов, изрезанную трещинами и расщелинами, скрывающими различные тайны, загадочными, манящими своей неизвестностью, еще ждущими своего названия. А если посмотреть вверх, то обязательно увидишь яркие немигающие звезды, которые сплетаются в знакомые и все-таки загадочные созвездия, среди которых движутся яркие точки запущенных людьми спутников. С каждым годом их появляется все больше, они постепенно становятся неотъемлемой частью звездного неба. И совсем уж восторженно воспринимается громада международной

околоземной станции, которая монтировалась на орбите около пятнадцати лет. При виде ее понимаешь, что человечество вышло в космос всерьез и надолго, точнее будет сказать — навсегда.

Поисковые команды включили проблесковые маячки на скафандрах, и плоское предгорье осветилось, по нему замечались призрачные тени, совсем не похожие на отбрасываемые при освещении солнцем.

Изория отметил, что представитель КОСМОЮНЕСКО сумел-таки внести в поиски определенную стройность и подобие воинской дисциплины.

В эфир неслись короткие сообщения о том, что тот или иной участок местности обследован, и можно было представить, как сейчас на базе в штабе поисков делают пометки на развернутой карте Луны, отмечая очередную неудачу.

— Вижу вход в пещеру, — сказал Пржелински. — Двадцать градусов западнее кратера Миронова... Даже не один вход, их там несколько!

— Группы, закончившие обследование своих участков, — объявил Круглов. — Направиться в квадрат С-6. Как меня поняли?

— Седьмая группа маршрут завершила. Направляемся к вам.

— Третья группа... Направляемся к вам, — сообщило радио.

— Достаточно, — сказал Круглов. — Остальным выполнять поставленные задачи.

Только один из входов пещеры оказался достаточным, чтобы в него можно было проникнуть в скафандре. Шесть человек вошли в пещеру, трое остались для страховки снаружи. Прожектора выхватывали темные внутренности пещеры, блестящие, словно они были покрыты бесцветным лаком. Изория подошел ближе, коснулся глянцевой поверхности пальцем в белом пластике скафандра.

— Лед! — сказал он.

Постепенно ледяные наросты сужались, теряли свою прозрачность, обретали мутную молочную поверхность. Идти впе-

ред становилось все труднее, подошвы скафандров не были предназначены для хождения по льду. Круглов остановился в нерешительности. Луч прожектора его скафандра поблуждал по камню и покрывающим его ледяным наростам, остановился на белом пятне, обернувшись при рассмотрении скафандром.

— Кажется, мы нашли, что искали, — слышался голос Круглова. — Двадцать четвертый — это Ван Келлен?

— Это он, — сказал Изория, делая шаг вперед.

Круглов остановил его.

— Вы были правы, Пржелински, — сказал он. — Но не стоит торопиться, мы не знаем, от чего он погиб.

Глава пятая

УРАВНЕНИЕ С ДВУМЯ ИЗВЕСТНЫМИ, 2055 ГОД

— Доктор, от чего умер Ван Келлен?

Доктор Нейман пожал плечами. У него было полное лицо со слегка обвисшими щеками, на котором выделялись выпуклые, странно поблескивающие глаза. «Контактные линзы», — догадался Круглов.

— Причина смерти? — Нейман выпятил нижнюю губу. — Удушье, конечно же. Асфиксия, явившаяся следствием разгерметизации скафандра. Странно не это, господа, странно обстоятельство, которое послужило разгерметизации.

Он сдернул салфетку с обширного сосуда. На дне сосуда темнел продолговатый предмет темного цвета.

— Вот этот предмет, — педантично сказал Нейман. — Я бы сказал, что он напоминает наконечник какого-то метательного оружия. Можно предположить, что это была стрела. — Он подумал. — Или копье.

— Ну, братцы, это уже не смешно, — сказал Оливер Рамсей. — После римского меча, который обнаружила Вторая лунная, можно было придумать что-то поостроумней.

— Гипотез не измышляю, — сухо сказал доктор Нейман. — Таким образом, я сделал вывод, что мы имеем дело с покушением на убийство. — Он снова подумал и поправился. — Или с убийством. Юридическую оценку этому должны дать компетентные органы.

— Это действительно наконечник копья? — поинтересовался Круглов, склоняясь, чтобы внимательнее рассмотреть лежащий в сосуде предмет. По форме он и в самом деле напоминал принадлежность какого-то метательного оружия, как заметил доктор Нейман. Только выполнен был крайне грубо и небрежно, такое изделие могло выйти из-под рук ребенка, задайся он целью обтесать камень. На Луне существ, способных изготовить подобное орудие, просто не было. Оливер Рамсей недаром упомянул о римском мече, который нашла Вторая лунная экспедиция. Кстати, этот меч тоже был найден в ходе поисков кого-то из участников экспедиции. Меч был новенький и найден был на открытой местности. Откуда он взялся, так никто и не сообразил. Многочисленные гипотезы так и остались гипотезами, а сам меч занял свое место среди экспонатов Калужского музея космонавтики. Большинство специалистов были убеждены, что меч был частью розыгрыша кого-то из участников лунной экспедиции.

Круглов вопрошающе посмотрел на хозяина медицинского отсека.

— Копья или стрелы, — сказал доктор Нейман. — Возможно, это был дротик. Он пробил пластик в районе шеи, зацепил кожу. Сам по себе этот предмет не был опасен для жизни человека, Ван Келлен, несомненно, остался бы жив, если бы не нарушилась герметичность его скафандра. Надо вызывать специалистов с Земли, командор. Мы имеем дело с хитро задуманным преступлением.

— Чепуха, — резко вмешался в разговор Рамсей. — Ван Келлен не имел на базе врагов. Глупо даже подозревать кого-то из участников экспедиции. Я могу поручиться за каждого.

— Надо вызывать специалиста с Земли, — не обращая внимания на реплику начальника, повторил Нейман.

— Да, — печально сказал Круглов. — Сначала мы вызовем с Земли сыщика, потом нам потребуются спелеологи для изучения пещер. Кстати, разведчик уже подготовлен?

— Для его сборки потребуется определенное время, — сказал Оливер Рамсей. — Люди этим заняты. Но вообще-то мысль о спелеологах неплоха. У моих людей нет таких навыков. Они не могут ползать по пещерам. И я не позволю рисковать их жизнями.

— Кто говорит о риске? — удивился Круглов. — Об этом не может быть и речи. Но вот что касается специалистов... Выясните, есть ли среди участников экспедиции люди, имеющие опыт горных восхождений. Должны быть, все-таки Луна — это еще и горы.

Он еще раз наклонился, внимательно разглядывая странный предмет, пробивший скафандр геолога; выпрямился.

— Не будем пороть горячки, — сказал он. — Если это действительно преступление, то оно уже совершено. Если это несчастный случай, то не стоит смешить людей. На Земле будут просто смеяться. Пойдемте обсудим и проанализируем все, что мы знаем. Как вы считаете, Оливер?

Начальник базы побагровел. Привыкший к постоянному лидерству и руководству людьми, он был раздражен бесцеремонностью, с которой представитель КОСМОЮНЕСКО вмешивался в его непосредственные обязанности. И хотя Круглов постоянно советовался с ним, это вмешательство Рамсея раздражало. Не дипломат был Алексей Николаевич Круглов, совсем не дипломат! Но от него сейчас в какой-то мере зависело будущее Оливера Рамсея, будущее не только как начальника лунной экспедиции, но и вся его дальнейшая научная и жизненная карьера, поэтому Оливер Рамсей только хмуро кивнул.

— Как вам будет угодно, Алекс.

— А я думаю, что вы совершаете ошибку, — упрямо повторил доктор Нейман. — Это преступление, которое вы пытаетесь скрыть от общественности. Преступник может избежать ответственности, и в этом будете повинны именно вы.

— Не пылите, Нейман, — поморщился Круглов. — Истинный социал-демократ. Сначала мы посмотрим, как это выглядит на самом деле. Наконечник этот, — он кивнул на стеклянный ящик, — в лабораторию. Выжать из него максимум — действительно ли он обработан, каким путем — механическим или химическим, из какого материала выполнен... Выжмите из него все, что возможно. Оливер, — повернулся он к начальнику базы, — распорядитесь, чтобы подготовили список сотрудников, находившихся вне базы. Когда вышли на поверхность и когда вернулись.

Они оставили в медотсеке растерянного и недовольного доктора и вернулись в кабинет начальника базы.

— Вы сомневаетесь, что Ван Келлена убили? — спросил Рамсей. — Нейман очень опытный специалист, ошибка практически исключена. С другой стороны, я не представляю себе человека, который мог покушаться на его жизнь. Среди участников экспедиции таких нет. У него со всеми были ровные дружеские отношения.

— Значит, остается несчастный случай, — вслух подумал Круглов. — Вы же не станете убеждать меня в существовании селенитов? Кстати, что там насчет записей Ван Келлена? Ваши специалисты влезли в его персональный компьютер?

— Не надо обижать моих работников, — сказал Рамсей. — Они все сделали, но толку от этого нет. Обычные научные записи. Правда, в одном месте он говорит о возможном существовании обширной сети туннелей вокруг ледников. Догадка его, к сожалению, подтвердилась, он и погиб в одном из таких туннелей.

— Чем он объяснил наличие таких туннелей?

— Вулканической деятельностью, — хмуро сказал Рамсей. — Поблизости от ледника находится действующий вул-

кан. Он превращает лед в воду и испаряет ее. Пар и образовавшийся газ ищут выхода и разрушают породы, тем более что лунные породы неоднородны по своему составу. В результате за тысячелетия даже периодической деятельности вулкана мы имеем разветвленную сеть туннелей. Возможно, лабиринты таковы, что их придется изучать десятки лет. Местами они выходят на поверхность.

— Остроумно и возможно, — сказал Круглов. — По-моему, наличие вулканов на Луне предсказывал еще в двадцатом веке наш астроном Козырев, да и наблюдения за лунной поверхностью давали пищу для подобных гипотез. Ван Келлен был не одинок, но, к сожалению, именно он стал первой жертвой деятельности предполагаемого вулкана.

— Если только это не дело рук человека, — пробормотал начальник базы и потянул из принтера листок.

— Вы знаете, что Пржелински накануне исчезновения Ван Келлена зарегистрировал в этом районе слабые сейсмические толчки? — Круглов откинулся в кресле, задумчиво глядя в матовый полукруглый потолок, в центре которого желто сиял светильник.

— Вы уж меня совсем в пыль стираете, — возмутился Рамсей. — Плохой я был бы начальник, если бы не знал, что происходит вокруг базы! Особенно если это в какой-то мере угрожает ее безопасности. Вот вы давеча спрашивали, кто конкретно находился на поверхности Луны в момент гибели Ван Келлена? — Он пододвинул к себе листок. — Так вот, в это время вне базы находились два человека.

— Легко догадаться, — сказал Круглов, по-прежнему глядя в потолок, — что это были уже упомянутый Пржелински и его напарник Изория. Полно, Оливер, не будем впадать в подозрительность. Не считать же, что Пржелински прибил Ван Келлена из-за недоигранной шахматной партии, тем более что победа в ней уже никому не светила. Я склонен полагать, что это и в самом деле несчастный случай. Если только в дело не вступили неучтенные факторы.

— Неучтенные факторы? — фыркнул Рамсей. — Любопытно...

— Например, атмосфера, — задумчиво сказал Круглов и оторвался от созерцания потолка. — И не надо насмешливых улыбок, Оливер. Как однажды сказал классик — есть много, друг Горацио, на свете, что и не снилось нашим мудрецам.

В дверь постучали.

— Войдите! — отозвался начальник базы.

В кабинет вошел Гурген Изория.

— Я слышал, что вы искали людей с опытом горных восхождений, — сказал он, глядя на начальника базы, хотя его фраза скорее адресовалась Круглову. — У меня есть такой опыт. Все детство прошло в горах. А еще я тренировался с одним из горных тигров — с Нодаром Гергечелиани. Это может служить достаточной рекомендацией?

Рамсей посмотрел на него с некоторым сомнением, которого геолог не понял. Зато Круглов на слова геолога отреагировал иначе. Встав с кресла, он шагнул навстречу Изории.

— Более чем достаточными, — весело сказал он. — Тот, кого тренировали горные тигры, не может оказаться бесполезным человеком. Я записываю вас в свою команду, Гурген.

— Черт! — не выдержал Рамсей. — Все-таки пока еще я здесь начальник. Алекс! Не надо вести себя так, будто важнее вас никого на Луне нет. Или освобождайте меня от исполнения обязанностей, если это в вашей компетенции. Вам даны такие полномочия, господин Круглов?

— Приношу свои извинения, Оливер, — кивнул представитель КОСМОЮНЕСКО. — Кажется, я и в самом деле несколько бестактен. Но это результат того, что я все еще никак не привыкну решать вопросы в команде. На планетолете я привык принимать решения самостоятельно, там не на кого кивать. Принимаете извинения, Оливер? — улыбнулся он.

И начальник лунной базы сломался. Глядя куда-то в сторону, он с легким вздохом отозвался:

— Вздумай только я их не принять!

— Значит, попробуем играть в команде, — кивнул Круглов. — Что у нас с луноходом?

— Машина скоро будет готова, — сообщил начальник базы. — Утром она уже пройдет необходимые испытания.

— Значит, завтра с утра мы и начнем исследование лабиринта, — заключил Круглов. — Или у вас есть иные соображения, Оливер?

Рамсей промолчал.

Они закончили свое импровизированное совещание. Куда направился Круглов, Оливера Рамсея не интересовало. Сам он отправился в транспортный цех, где инженеры собирали луноход. Эта небольшая приземистая машина на гусеницах из устойчивого к перепадам температур пластика разительно отличалась от первых конструкций, в свое время бороздивших лунную пыль в районе Моря Ясности. Вместе с тем машина была очень невелика по своим габаритам, ее оснастили телеметрической системой связи и управления, при необходимости эту систему мог заменить процессор, мимо которого не проходило ни одного из действий лунохода и происходящего вокруг. Именно эту машину решили пустить в подземный лунный лабиринт впереди исследователей. Машина должна была помочь им сориентироваться в запутанных переходах и пещерах. Конечно же, Рамсей понимал, что в таких поисках ни одна машина не может заменить человека. Но чем-то она могла помочь. И уже одно это было очень важным.

Он шел по коридору, не обращая внимания на разноцветные рисунки, исполненные персоналом лунной базы. В другое время он разглядывал их с большим интересом, но сейчас Рамсею было не до рисунков.

Он думал о Круглове.

Разумеется, что в чем-то был виноват и он сам. Но все равно Круглову не стоило вести себя так бесцеремонно. Рамсей печально думал, как быстро портятся, казалось бы, самые прекрасные люди. Алексея Круглова он помнил еще по даль-

ней экспедиции, когда они совершили облет четырех спутников Юпитера и вернулись на Землю после почти трехлетнего отсутствия. Тогда он и не думал, что такой отличный пилот и прекрасный собеседник может стать столь бесцеремонным и нетерпеливым администратором. Рамсей вдруг подумал, не был ли он сам таким. Себя никогда не видишь. А интересно бы было посмотреть на себя со стороны. Посмотреть и увидеть собственные ошибки. Сам Рамсей считал, что он слишком мягок, и проявлял нерешительность там, где необходимо было употребить власть.

И было бы значительно лучше, возглавь он не лунную, а марсианскую экспедицию. Подальше от начальства, поближе к науке.

Он вздохнул, потом подтянулся, немного постоял перед овальной дверью в машинную мастерскую и нажал на клавишу, приводящую в движение сервомоторы двери.

— Ну, мальчики, как у нас идут дела? — с натужной веселостью спросил он.

Дон Николсон раздраженно взмахнул инструкцией.

— Я бы этим писакам руки пообрывал. Понять не могу, на кого рассчитаны их инструкции. Похоже, они сами ни черта не понимали в устройстве этой машинки. Поэтому сделали все, чтобы максимально затруднить ее сборку.

Рамсей взял у него инструкцию, присел на гусеницу лунохода и неторопливо просмотрел оглавление.

— Дон, не горячись, инструкции пишутся для того, чтобы в них вдумывались, а не для того, чтобы им слепо следовали. Машинка-то русская!

— И что? — вздернул густые брови инженер.

— А был такой анекдот в конце прошлого века, — хмыкнул Рамсей. — Сделали русские блестящий самолет. С великолепными летными характеристиками. Наши ребята из ЦРУ выкрали с их завода машину вместе с чертежами. Собрали точно по чертежам. Получился огромный трактор. Украли вторую машину. Собрали по чертежам. Опять получается трактор. Что

за дьявол? Сидят печально, думают, в чем дело. Зовут иммигранта, просят объяснить, в чем дело. Тот посмотрел чертежи и говорит: «Ну, как же! Здесь же ясно сказано: перед сборкой обработать детали напильником!»

— Зачем нам детали лунохода обрабатывать напильником? — не понял инженер.

Рамсей вздохнул и махнул рукой.

— Не надо их обрабатывать напильником. Это юмор у русских такой.

— Странный юмор, — пожал плечами инженер. — Инструкции на английском языке они тоже для юмора пишут?

— Знаешь, Дон, — сказал печально Рамсей, — давай не будем рассказывать анекдоты. Давай читаем инструкции. А чтобы нам все было понятно, позови кого-нибудь из русских.

Работа отвлекала от невеселых размышлений.

Монтируя телеметрические блоки на корпусе лунохода, Рамсей меланхолично размышлял — случайно или не случайно вышло так, что на поверхности Луны вместе с бельгийцем оказались его коллеги — Изория и Пржелински? Зря он не вникал в детали их научных работ, вполне могло произойти так, что научные интересы этих трех людей перекрестнулись. Может, сделано было важное, невероятное открытие. На Земле порой люди шли на преступление и по более малозначащим мотивам. И хотя все трое на Рамсея всегда производили самое благоприятное впечатление, сейчас он начинал сомневаться. Чудес на свете не бывает. Доктор Нейман был опытным специалистом и ошибиться не мог. Если он указал на насильственную причину смерти, значит, так оно все и было. Поскольку Луна необитаема, в смерти Ван Келлена был повинен кто-то из двоих. Но они утверждают, что никто из них во время вылазки не удалялся за пределы видимости. Такого быть не могло. В этом случае выходило, что оба они лгали. По всему выходило, что между Изорией и Пржелински был какой-то сговор. От одной мысли, что ему приходится подозревать двух прекрасных

специалистов, отличных товарищей, у Рамсея окончательно испортилось настроение. Он закрепил телеметрический блок титановыми болтами, с грохотом положил электроотвертку на гусеницу лунохода.

— Оливер, иди, — сказал Дон Николсон. — Мы здесь сами все закончим. Работы по сборке осталось часа на два.

Глава шестая

НЕСУЩИЕ ДАРЫ, 2055 ГОД

Луноход неторопливо двигался в тесном туннеле. Медленно вращающийся прожектор выхватывал из темноты подземелья фантастические сталагмиты. Навстречу им тянулись свещающиеся при свете фар сталактиты, все это фантастическое переплетение камня выглядело удивительно красиво, все искрилось, поблескивало, переливалось. Узкие переходы закрывали полупрозрачные изумрудные и голубые занавеси, в которые луноход вламывался упрямо и решительно, подобно носорогу. От ручного управления пришлось отказаться сразу же. Сейчас машиной управлял бортовой компьютер, оценивая пройденный и предстоящий путь, неторопливо накапливая неизбежные ошибки. Компьютер набирал опыт. Он был не способен к творческим решениям, а потому луноход двигался очень медленно, и это позволяло собравшимся на командном пункте наблюдателям любоваться глянцевой внутренностью пещеры, похожей на чрево неведомого чудовища, вернее, теми фантастическими пейзажами, которые освещали прожектора ползущего аппарата.

— Каролиты, — сказал Пржелински, когда на экране отразилось скопление белых и розовых каменных цветов, спле-

тающихся в невероятные соцветия. — Природа идет одним путем. Все очень похоже на земные пещеры.

На экране голубовато блеснули огромные полупрозрачные кристаллы, собранные в гигантскую друзу.

— Кварц, — пояснил Пржелински.

Автомат выхватывал все новые и новые препятствия, еще неизвестные ему. На экране проплывали причудливые веточки арагонита, похожие на земные кораллы. Разноцветные, хаотично расставившие свои похожие на корявые пальцы ветви, они занимали центр обширной пещеры, по стенам которой пробегали сказочно красивые разноцветные искры — так отблескивал в лучах прожектора пирит и золотистые розочки аурипигмента.

Кое-что Рамсей видел в земных музеях, но там камень был оторван от естественной природной обстановки и оттого мертв, несмотря на всю свою завораживающую красоту. В пещере краски камня естественно перетекали друг в друга, создавая то совершенство, которое делало красоту пещеры идеальной.

— А здесь галерея, — сказал Пржелински. — Это или новый ход, или разветвление.

— Больше всего меня поражает наличие своеобразной атмосферы, — сказал Рамсей. — Что у разведчиков?

— Двигутся по графику, — отозвались по селектору из радиорубки. — Пока никаких осложнений. Выходят на связь по расписанию, докладывают, что у них все хорошо. Телеметрия их слова подтверждает. Пока без неожиданностей, командир.

— Организуйте связь так, чтобы с ними можно было связаться от нас, — распорядился начальник базы.

— Уже сделано, командир. Можете разговаривать, они вас услышат.

— Спасибо, — поблагодарил Рамсей.

— Вот это оргán! — восхищенно прервал разговор Пржелински. — Какой огромный! Да здесь можно учебные фильмы

по геологии и спелеологии снимать! На Земле, пожалуй, такого и не увидишь! И наличие атмосферы вы напрасно удивляетесь, Оливер. Если запасы льда находятся в замкнутом пространстве рядом с действующим вулканом, ее образование зависит лишь от времени. Здесь столетия, а может, и больше стояли водяные пары. Тоже своего рода атмосфера.

Сросшиеся сталактиты и сталагмиты образовывали неровные, покрытые потеками колонны, расположенные рядом. Все это действительно напоминало трубы органа, показалось даже, что звучит торжественная и басовитая музыка, которой вторит эхо, блуждающее среди подземных пустот.

Машину покачивало — под ее гусеницы попадали крупные камни, и тогда изображение на экране приобретало наклонное положение. Компенсаторы не успевали срабатывать, камней в пещере было много, поэтому изображение все чаще и чаще дергалось, иной раз становилось невозможно понять, что именно попало в объектив камеры.

— Похоже, она бесконечна, — сказал Оливер Рамсей. — Это подземное путешествие может затянуться на месяцы. Круглов, вы меня слышите?

— Слышим вас нормально, — отозвался инспектор КОСМОЮНЕСКО так отчетливо, словно находился рядом. — Наверное, вы правы. Оливер. Мы пройдем до следующего зала, а потом повернем обратно. Картинка у вас есть?

— Картинка отчетливая. Вокруг машины только камень и пустота. Правда, все это очень красиво, но не более.

— Мы видим все хорошо, — сказал Круглов. — Прошли три ответвления. Это настоящий лабиринт. Похоже на дырки в сыре. Пожалуй, мы возвращаемся... Черт! — В эфире наступила неожиданная тишина.

— Круглов, что у вас? — тревожно спросил начальник базы. Инспектор молчал. — Круглов? Отвечайте!

Эфир потрескивал.

— Радиорубка! Что там? — На широком покатом лбу начальника лунной базы явственно выступила испарина. — Круглов?

— Все нормально, командир, — через несколько тревожных мгновений отозвался Изория. — Тут у нас яма, командор в нее едва не сорвался. Сейчас я его выташу, и мы свяжемся с вами.

Связь прервалась — поисковая группа перешла на ближний канал связи. Вообще-то само существование такого канала в условиях Луны было вопиющей глупостью. Однако этого потребовали в свое время приверженцы личных свобод граждан, а у КОСМОЮНЕСКО не хватило решимости этому требованию противостоять. Какие личные свободы могут быть там, где идет речь о безопасности человека? Тем не менее сейчас всем им приходилось сидеть и ждать, когда Изория вытащит инспектора из каменной западни и свяжется с ними вновь.

— «Поиск» вызывает Луну, — четко послышалось в динамиках. — У нас все нормально. Инспектор не пострадал. Продолжаем обследование пещеры!

— Какого дьявола! — не выдержал Рамсей. — Возвращайтесь немедленно! Слышите меня, Круглов, немедленно возвращайтесь!

— Не торопите, Оливер, — отозвался наконец Круглов. — Тут очень и очень интересно. Знаете, Оливер, у нас с Изорией такое ощущение, что яма, в которую я едва не попал, является ловушкой. Тут несомненные признаки ее искусственного происхождения.

— Разберемся позже, — жестко сказал начальник базы. — А пока возвращайтесь, я поворачиваю луноход. Дождитесь машины и возвращайтесь к выходу. Хватит игр, они могут закончиться печально. Я и так уже жалею, что разрешил этот безрассудный поиск. Если с вами что-то случится, отвечать придется мне, сэр. Мне, а не вам!

— Хорошо, хорошо, — отозвался инспектор. — Поворачивайте машину. Мы будем ее ждать.

Он опять отключился, видимо, перешел на ближнюю связь и о чем-то сейчас советовался с Изорией.

Рамсей с раздражением подумал, что инспектор совершенно не думает о последствиях своих поступков. Ну зачем он лично полез в эту дыру, на Луне смельчаков и без него хватает. Бравирует своей неуязвимостью? Уповает на свой высокий ранг? Большой начальник, а ведет себя словно молодой и задиристый щенок. «Надо было настоять на своем, — печально подумал Рамсей. — Я слишком мягок, вот опять не смог что-то противопоставить напору инспектора. С налету такие дела не делаются, они вполне могут закончиться очередным несчастным случаем. Вместо этого лихого поиска следовало хорошо подготовиться и организовать планомерное изучение обнаруженных пустот».

— Круглов? — снова спросил он пустоту. — Как слышите меня? Изория, отвечайте!

Луноход между тем, повинувшись команде, неторопливо развернулся на ближайшем расширении галереи и двинулся в обратный путь. Теперь ниже изображения появилась карта маршрута — красная извилистая линия. По маршруту ориентирами были обозначены зафиксированные особенности пути — спуски, повороты, сужения. На приличном расстоянии от красной точки, которой обозначил себя луноход, горели две зеленые, которые, по-видимому, обозначали Круглова и Изорию.

— Круглов, Изория, отвечайте! — снова сказал начальник базы.

— На связи, — отозвалась группа поиска. — Вы знаете, Оливер, это действительно ловушка. Тут на дне такие острия поставлены — смотреть страшно. И главное, стоит на них упасть, как тебя тут же завалит камнями. Хитро придумано. Знаете, Оливер, это определено дело рук человека. Хитроумного, безжалостного и злого.

Придумано! Кто это мог придумать, хотел бы Рамсей знать. Один из возможных участников покушения на Ван Келлена был сейчас рядом с инспектором. Второй — Пржелински — сидел за спиной начальника базы и никаких

признаков волнения не проявлял. Даже дыхание оставалось ровным и спокойным.

На экране связи с луноходом изображение вновь завалилось набок, но не восстановило, как обычно, первоначальное положение. Вместо этого наклон еще больше усилился, затем изображение замерло, словно машина опрокинулась.

— Ну вот, — недовольно пробормотал Рамсей. — Теперь еще и машину потеряем. Круглов, вы меня слышите?

— Картинку видим, — отозвался инспектор. — Ненадежная конструкция. Что ж, придется прийти на помощь машине. Мне кажется, до нее не так уж и далеко.

— Потом вытащим, — сказал Оливер Рамсей. — Возвращайтесь!

Нехорошие у него были предчувствия, такие нехорошие, что ими и делиться было стыдно.

— Не стоит бросать машину, — сказал Круглов. — Всякое может случиться. Не дай бог, обвал, потеряем луноход, а он еще может понадобиться.

— Возвращайтесь! — повторил Рамсей и стиснул зубы от досады и злости, уже понимая, что его не послушают.

Когда в скафандре нормально работают все системы, пребывание в нем не доставляет особых неудобств. Гермошлем представляет собой миниатюрный командный пункт, выполняющий одновременно различные операции и дающий команду системам скафандра. Сейчас обзору совершенно не мешала маленькая панель, повисшая у правой стороны лица. На этой панели высвечивалась схема маршрута лунохода до его опрокидывания. По лунным меркам до места аварии было не так уж и далеко.

Обеспечивая удобства своих хозяев, компьютер скафандра включил круговой обзор, освещение пространства вокруг разведчиков обеспечивалось двумя прожекторами, караулящими каждое движение голов астронавтов. Вокруг было настоящее буйство неярких каменных красок, лучи света отражались на вкраплениях металла, рассыпающегося при их освещении мил-

лионами искр, матовым и голубым отливали огромные кварцевые кристаллы непривычных форм — малое тяготение спутника сказывалось и на этом.

— За поворотом, — сказал Изория спокойно.

— Сейчас мы его найдем, — сказал инспектор, — поставим в нормальное положение, а уж до базы он пусть добирается сам. Тащить машину на своем горбу я не согласен. Это унижительно для человека — таскать на себе машину, которая может двигаться самостоятельно.

— Не стоило сразу говорить Рамсею о ловушке, — сказал Гурген Изория. — Он запаниковал.

— И все-таки эта ловушка устроена человеком, — подумал вслух Круглов. — Возникает вопрос, для чего это сделано? И на кого была поставлена эта ловушка?

— В этом районе работал только Ван Келлен, — сказал Изория. — Остальные в этом районе не работали, считали его бесперспективным.

— Значит, ловушка была поставлена на Ван Келлена, — согласился инспектор. — Но с какой целью? Выходит, есть что-то, чего мы пока не знаем. Отсутствие необходимой информации ведет нас к ошибкам в оценках случившегося. Следовательно, преступник все-таки существует, и мы его не знаем. Анализ показал, что и в случае покушения на Ван Келлена использовался обломок местной породы, обработанный неизвестным орудием.

— Тогда на поверхности находились мы с Пржелински, — напомнил Изория.

— Тебя я исключаю сразу, — сказал Круглов. — Мы с тобой работали вместе, и я никогда не замечал в тебе подлости.

— Тогда вы должны исключить и Пржелински. Он нытик, это верно, он постоянно ворчит, но он не способен на низкие поступки. Если надо, я могу поручиться за него. Но, кажется, мы пришли...

Коридор изгибался. Проход сузился, с потолка свисала зеленоватая полупрозрачная занавесь, и, чтобы пройти под ней, пришлось опуститься на четвереньки.

Это их и спасло.

Позднее Изория не смог точно описать, что он увидел. Луноход лежал на боку. Верхняя гусеница бесполезно двигалась на катках. Поначалу Изории показалось, что вокруг опрокинувшейся машины мечутся черные тени, не имеющие привычных глазу очертаний. Тени резко покинули полосу освещения. Изория почувствовал, как на его скафандр посыпался град камней. По сути своей такой камнепад был вполне безопасен, скафандры рассчитывались и на более тяжелые нагрузки.

Он увеличил мощность прожекторов, пытаясь осветить пространство вокруг опрокинувшейся машины, но это ему не удалось, словно впереди кто-то невидимый резко сдвинул створки занавеси из тьмы.

И тут у него из-за спины ударил разрядник. Сине-белая слепящая глаза извилистая молния с множеством мелких быстро гаснущих ответвлений прошла по стенам пещеры, высвещая выступы, лепные украшения, рожденные за столетия потоками воды. Сверху посыпались камни.

— Финита ля комедия, — спокойно сказал инспектор.

— Что это было? — Изория сел.

— Не знаю. Ты цел? — Инспектор склонился над Изорией, закрывая скафандром все пространство пещеры.

— Вроде бы, — неуверенно сказал Гурген, с помощью Круглова поднимаясь на ноги.

Они осмотрели аппарат. Повреждения были незначительными, разбитый объектив одной видеокамеры за повреждение можно было не считать. Без особого труда они поставили луноход на гусеницы, которые почти сразу же пришли в движение. Повинуясь ранее полученной команде, луноход медленно покотил к выходу.

— На базе, наверное, уже с ума сходят, — сказал Изория.

Они переключили связь и услышали монотонный уставший голос:

— «Поиск», как меня слышите? «Поиск», отзовитесь!

— Все в порядке, — сказал Круглов. — Мы возвращаемся.

Изория наклонился, привлеченный формой одного из камней, поднял его и повернулся к товарищу:

— Смотри!

На белой пластиковой ладони лежал камень, своей заостренностью напоминающий наконечник копья или стрелы.

— Значит, Ван Келлен был здесь, — после некоторого молчания сказал Круглов, но в его голосе Изория не услышал особой радости. — Все-таки это природное образование.

— А вы ждали другого? — Изория спрятал камень в специальный карман скафандра. — Луна — безжизненный мир!

— Теперь и я это вижу, — сказал инспектор, увлекая геолога вслед за уходящим луноходом. — Наличие воды в подземных пустотах давало возможность надеяться на иное. Теперь придется вызывать сыщика с Земли. Сыщик на Луне! Думали ли мы, что когда-нибудь доживем до такого? Надо сказать, ловушке я даже обрадовался. И все-таки... все-таки...

Он жестом пригласил Изорию вернуться обратно. Геолог, недоумевая, последовал за инспектором.

В пещере все оставалось по-прежнему — груды свежих обломков, сияющие искрящиеся стены и свод, вспыхивающие в лучах прожекторов кристаллы.

— Где же, где же... — пробормотал Круглов. — Неужели мне показалось?

— Смотри! — удивленно воскликнул Изория.

И при свете скрестившихся прожекторов они увидели неожиданную картину. На плоском каменном выступе, напоминающем постамент, лежало несколько круглых колючих предметов. Круглов шагнул к постаменту и взял один из предметов в руки. Несомненно, это был плод какого-то фантастического растения — сохранился даже черенок, которым плод крепился к неизвестному растению. Растение? На Луне?

Круглов соображал быстро.

— Отходим! — подал он команду. — Немедленно отходим, Гурген!

— Что за суета? — недовольно вступил в разговор далекий Рамсей. — Что там у вас происходит?

— Это контакт, Оливер, самый настоящий контакт! На Луне существует жизнь, и эта жизнь разумна. Ты представляешь? — В голосе Круглова звучало ликование. — Мы столкнулись с разумом!

— Три колючки на каменном подносе? — недоверчиво хмыкнул Оливер Рамсей. — Богатое у вас воображение, ребята. Так и в пламени вулкана можно увидеть дюзы космического корабля.

Интонация — великое изобретение человечества, но она более действенна, если сопровождается мимикой. К сожалению, за темным щитком гермошлема лица Круглова не было видно. И все-таки его голос прозвучал очень выразительно.

— О господи! — вздохнул Круглов. — При чем здесь дюзы космического корабля? И где ты увидел колючки, Оливер? С тех пор, как их положили для нас, они перестали быть простыми колючками, они стали дарами. А делать дары, Станислав, — это качество, присущее лишь разумному существу. Понимаешь, в Ван Келлена действительно бросили копьем, и ловушка, предназначенная для нас, она тоже была сделана местными жителями. На луноход они устроили охоту, явно приняв его за животное. Их испугала молния, ведь они живут в темноте, и мы не знаем, органы каких чувств у них развиты до совершенства. Поверь, Оливер, это контакт! Они принесли нам дары в знак добрых своих намерений!

База потрясенно молчала.

Круглов повернулся к Изории, призвал его перейти на ближнюю связь, приблизился и подмигнул. Потом негромко вздохнул и добавил специально для товарища:

— Правда, чтобы получить эти дары, иногда приходится довольно сильно напугать того, кто их должен подарить.

Глава седьмая

РАБОЧИЕ БУДНИ ИНСПЕКТОРА, 2056 ГОД

В кабинете Чамберса стояли цветы.

В другое время Круглов не обратил бы на них внимания, но это был букет с Луны, он сам видел эти огромные, синие, похожие на пушистые хризантемы васильки в оранжерее Хэрриса.

Чамберс крепко сжал руку Круглова.

— Вашими стараниями, коммодор, — сказал он. — Ваши стараниями! Акции КОСМОЮНЕСКО стоят высоко. Мы обретаем истинный международный авторитет, и за это я должен благодарить вас, Алекс.

— Благодарите людей, которые работают в программе, — сдержанно отозвался Круглов. — У меня функции наблюдателя.

— Жизнь на Луне! Это грандиозно, Алекс. Газеты просто захлебываются от восторга. Вам опять уделено столько внимания, что, будь вы слабее духом, немудрено было бы потерять голову. Девочки не донимают, Алекс? Девочки всегда любят героев. Они засыпают их письмами и фотографиями, и каждая надеется, что счастье улыбнется именно ей.

— К счастью для меня, такой вопрос передо мной не стоит, — усмехнулся Круглов. — А за открытие жизни на Луне надо ставить памятник Ван Келлену. И потом, Ричард, это не просто жизнь, это *разумная* жизнь. А это, в свою очередь, ставит глубокие философские проблемы перед населением Земли. Теперь недостаточно праздного любопытства, теперь перед землянами стоят проблемы взаимоотношения с лунными жителями.

— Оставим эти проблемы философам и политикам, — отмахнулся Чамберс. — Тем более что у меня к вам гораздо более прозаичные вопросы, Алекс. В последнее время вы сняли с эксплуатации восемь транспортных планетолетов. Это так?

— Именно, — подтвердил Круглов. — Ресурсы этих машин выработаны, планетолеты опасны в дальнейшей эксплуатации. Вот я и снял их с маршрутов, пока беды не случилось.

— Не слишком ли категорично, Алекс? — поморщился Чамберс. — Вы же понимаете, что снять с рейсов сразу восемь машин для нас нереально. По крайней мере сейчас, пока еще не принята программа Ярославского завода. Вы были там? Это действительно так перспективно?

— Им нужны деньги. — Круглов подошел к окну. Из окна открывался вид на Нью-Йорк с головокружительной высоты. Панорама была восхитительна. То там, то тут вспыхивали в лучах солнца многочисленные открытые бассейны, солнце играло в оконных рамах, отражалось бликами от пластиковой обшивки небоскребов. Казалось, что город залит солнцем. — Если говорить о перспективах, то как вы считаете, Ричард, мы очень выиграем, если начнем запускать в космос, пусть даже пока в околоземное пространство, диски пятисотметрового диаметра? В обычных условиях планетолет монтируется на орбите в течение двух лет. Запустив программу астродиржаблей, мы снизим эти сроки до трех месяцев. Вот ответ на ваш вопрос, Ричард. Это радикальные изменения в нашей космической программе.

Чамберс вздохнул.

— Честное слово, Алекс, если бы я не знал вас хорошо, то решил бы, что вы лоббируете ярославцев. Но с вашим отношением к жизни это просто невозможно.

— Почему же, — возразил Круглов. — Я действительно лоббирую программу Ярославского завода. Именно потому, что она даст возможность в самые короткие сроки построить дешевый и мощный флот. А это в свою очередь решит все ваши транспортные проблемы, Дик. Разве все мы не к этому стремимся?

— Хорошо, хорошо, — засмеялся Чамберс. — Давай договоримся, мы увеличиваем ассигнования на ярославскую программу, а ты временно снимаешь запреты хотя бы с четырех транспортников.

— Дик, — становясь серьезным, сказал Круглов. — Я отстранил от полетов только пилотируемые транспортники. Дело касается жизни людей. Ты бы разрешил своему сыну лететь на

корабле, у которого выработаны все ресурсы, выработаны до опасных пределов? Ты бы разрешил ему лететь на такой посудине хотя бы до Луны?

Чамберс вздохнул.

— Я тоже беспокоюсь не за себя. У нас нет других кораблей. И мы не можем сорвать поставки продовольствия на внешние станции или обречь на голод ребят с Марса.

— Если на транспортнике взорвется реактор, — упрямо сказал Круглов, — Внеземелье все равно не получит продовольствие. А мы потеряем межпланетчиков. И мне не хочется, чтобы их хоронили раньше времени, пусть даже с траурным митингом и под их национальные гимны. Напрасно стараешься, Дик. Своего решения я не изменю. Впрочем, ты начальник, ты можешь положить мои акты в стол. Только хватит ли у тебя для этого совести?

Некоторое время они смотрели в глаза друг другу — один несколько рассерженно, другой с осознанием собственной правоты. Первым отвел глаза Чамберс.

— Значит, ты не уступишь, — сказал он. — Хорошо, оставим этот разговор. Конечно же, я не стану отменять распоряжения моего чрезвычайного инспектора. Придется поторопить верфи. Займешься этой работой. Но только чуть позже. Готовься, тебе придется лететь на орбиту.

— Что на этот раз? — спокойно осведомился Круглов.

— Загляни в отдел аналитики, — сказал Ричард Чамберс. — Там тебе все покажут. И еще... Когда у тебя будет свободная минута, занеси мне материалы по ярославскому проекту. Хочу посмотреть, действительно ли там перспективы столь блестящи, как ты это расписывал мне.

Круглов понимал, что Чамберс им недоволен. Но отступить от собственных принципов он не мог. Скорее он готов был уйти с этой работы, в которой, хотя ему и не хотелось в этом признаваться, Круглов начал медленно находить интерес. И — что было еще более важным — эта работа давала ему возможность видеть звезды и ощущать дыхание пространства, без которого он просто не мог жить.

На Ярославском заводе он был не единожды. Идея была крайне интересной. Строится цельнометаллический дирижабль невообразимых размеров из тугоплавких сплавов. Внутри частично смонтировано необходимое оборудование. Корпус дирижабля наполняется водородом, придающим дирижаблю необходимую воздушную плавучесть, которая позволяет машине подняться на высоту тридцать — тридцать пять километров. Затем включаются реактивные двигатели, которые выносят дирижабль на первую космическую орбиту вокруг Земли, используя в качестве топлива наполняющий его полость водород. Там его ждут автоматические транспортники, которые пополняют истраченные запасы горючего. И дирижабль, ставший космическим кораблем, уходит выше, пока не добирается до необходимой орбиты. Там оборудование расчехляется, ставятся переборки, и корабль становится искусственным спутником Земли или используется для монтажа планетолета. Для этого достаточно пристыковать к нему монтажную штангу, установить на ней емкости для ядерного горючего и реактор. Самое удивительное, что новые тугоплавкие соединения позволяли это сделать. Круглов дважды был на испытаниях, когда в ближний космос поднимались модели будущих машин. Эксперименты проходили на редкость удачно. Круглов понимал, что за этими игрушками большое будущее. Надо было, чтобы это поняли и остальные.

Вечером, за городом, он стоял на лоджии гостиницы и смотрел на звезды. Городские жители уже начали забывать, что это такое. Освещенность в городах велика, и звезды слишком бледны, чтобы произвести впечатление на людей. К тому же здесь не было смога, поэтому звезды сияли во всей своей первозданной чистоте, как, наверное, они светили над землей тысячи и десятки тысяч лет назад. Привычный взгляд Круглова выделял из звездной бесформенности и внешней хаотичности созвездия. Где-то восточней поселка висела Луна. Где-то в загадочных подземельях спутника Земли развивалась своя ни на что не похожая жизнь. Было бы очень интересно встретиться

с селенитами, попытаться их понять, найти общий язык, вникнуть в их психологию, но для этого требовались знания, которыми Круглов не обладал, для этого требовалось невероятное терпение — ведь предстояло пройти через ошибки и многочисленные пробы.

Круглов смотрел на звезды и думал, что ему здорово повезло. Ему повезло, что он полетел в космос, что участвовал в межпланетных экспедициях, ему повезло даже тогда, когда врачи запретили ему самостоятельные полеты в космос, — не будь этого, он никогда бы не стал сопричастным удивительному открытию на Луне. Наверное, те, кто отправляется за пределы Земли, думают точно так же. В природе человека тяга к спокойной жизни, но в нем же одновременно живет жажда приключений. И исследование планет этому человеческому качеству полностью удовлетворяет. Скоро придет время прощания со звездами. Летать вечно невозможно, возраст этого не позволяет. Можно смотреть ночью на звезды, тысячу раз повторяя: «Я там был». Все равно эти слова покажутся фальшивыми, а прошлое — странным сном, который приснился на рассвете. Спустившись на Землю, уже никогда не увидишь, как разворачивается на обзорных экранах плоскость колец Сатурна, не увидишь движения угловатых неровных глыб кольца астероидов, не побродишь по бурому песку под темно-фиолетовым небом Марса, не увидишь, как выстраиваются в одну линию молочные луны Юпитера. И ты будешь понимать, что вышел в тираж. Время пришло. Это только казалось, что впереди вечность. И тогда останутся лишь воспоминания, да и они чаще всего кажутся прочитанными в детстве фантастическими рассказами. Да, возраст — это не шутка. Странно, но именно сейчас воспоминания вдруг обрели неожиданную свежесть, словно все, что с Кругловым случилось, происходило вчера. Многих, с кем он начинал, уже не стало под этими звездами. Впрочем, это еще надо подумать, кому из них повезло — Круглову, у которого в ближайшем будущем останутся лишь сухарики воспоминаний, или им, ушедшим из жизни в самом расцвете жизни. Помнится, Леонид Аркадьевич Лямин

любил говорить, что настоящий пилот тот, кто умирает в своей постели. В чем-то он, наверное, прав. Профессия межпланетчика не любит неоправданного риска, она любит точный расчет. И все-таки тоскливо на душе от осознания того, что смерть к тебе придет в домашней постели и в окружении домочадцев. Еще тоскливее от того, что ты больше не увидишь звезды. Не те, что мы видим на Земле, что похожи на шляпки гвоздей, в беспорядке вбитых в бархатную черноту неба, а иные, разноцветно подмигивающие и недовольно бормочущие в окружающей тебя пустоте, которые дано увидеть лишь людям Неба и никому другому. Круглов вдруг вспомнил, как сказал председатель медицинской комиссии на последнем освидетельствовании. «Ну, батенька, — сказал он, — вам еще крупно повезло. Многие заканчивали куда раньше. Не расстраивайтесь, Алексей Николаевич, жизнь на этом не кончается. Будете преподавать астронавтику молодым, ведь вам есть чего рассказать. Работа для мыслящего человека всегда найдется». Спасибо Чамберсу — выручил. На рассказы Круглова не тянуло. Воспоминания — это продолжающаяся тоска. Знаешь, что ничего уже больше не изменить, что космос для тебя закрыт, что теперь ты до конца своей жизни обречен смотреть на звезды с Земли, и на душе грустно, как при отлете в дальний рейс, только теперь к грусти примешивается безнадежность, и от этого еще тоскливее. Поэтому в преподаватели он не пошел. Это уж слишком — каждый день смотреть на молодых и задорных щенков, у которых все впереди.

Нет, на жизнь ему жаловаться грех — участие в третьей экспедиции на Венеру, высадка на комету Лецкого, дальние маршруты — к Сатурну и Юпитеру, три поиска в поясе астероидов — всего этого с лихвой бы хватило на целый курс Астрошколы. Так что Круглов не без оснований считал, что ему крупно повезло. Впрочем, насчет везения у него есть своя теория — везет тому, кто сам суетится. Мог бы всю жизнь просидеть на лунных трассах, возить монтажников в Сумеречную зону и обратно. Везение везением, но ведь и он для этого везения кое-что сделал. Только что теперь об этом говорить, хва-

литься прошлыми достижениями глупо, пусть тебя за это хвалят другие, если оно того заслуживает.

Завтра он улетал. Надо было бы утрясти свои семейные дела, которые, похоже, пришли в окончательное расстройство, но у Круглова на это времени не было. Успеется. Все равно разбитой чашки уже не склеишь. Если Оксана решила уйти от него, значит, на то были свои причины. Думать о семье Круглову не хотелось, чего таиться, он все еще переживал уход Оксаны, но боль уже немного утихла, и не стоило беречь чуть затянувшиеся раны. Конечно, ехать в Барнаул рано или поздно придется, однако поездку эту Круглов всячески оттягивал.

Он снова посмотрел на небо.

Среди бледной россыпи звезд, пересекая молочную извилистую полосу Млечного Пути, с востока на запад двигалось маленькое мутно-белое пятнышко — станция «Союз».

Удивительно, Круглов даже не подозревал, сколько неотложных дел накопилось в Приземелье. Но дело, которое предстояло уже завтра решать ему самому, выделялось из всех своей необычностью и — если бы Алексей Николаевич не боялся громких фраз — своей фантастичностью.

Диковины и чудеса оказались совсем рядом.

Глава восьмая

САПЕРЫ ПРИЗЕМЕЛЬЯ. 2056 ГОД

Командир орбитальной станции Ротман держался официально, во всем его виде сквозила нескрываемая обида за то, что начальство отправило на станцию функционера. Разумеется, он знал, кем Круглов был совсем недавно. Но мало ли кем каждый из нас когда-то был! Сейчас Круглов был административным работником, начальством, которое прилетает,

когда ему вздумается, и всегда сует нос туда, куда его совершенно не просят, более того, он сует свой нос именно туда, куда его совать противопоказано. А Круглов блаженствовал. Адаптационный период при возвращении на Землю всегда давался ему тяжело. Надо было заново привыкать к тяжести, надо было держать тело тренированным и постоянно качать ослабшие в невесомости мышцы. На станции он чувствовал себя великолепно.

— Не дуйтесь, Ротман, — благодушно сказал Круглов. — Ну, что вы смотрите на меня так, словно я утащил ваши любимые тапочки? Я не собираюсь казнить и миловать. У меня совершенно иные задачи.

— С тех пор, как космос открыли для разных канцелярских крыс, — признался командир орбитальной станции, — я так смотрю на каждого, кого присылает Чамберс. Вы только не принимайте мои слова на свой счет, Алексей Николаевич. Это я о канцелярских крысах. Проверенное дело: сразу же после их отлета начинаются неприятности. В чем только нас не обвиняли! Какие только грехи на меня не вешали! Погодите, Алексей Николаевич, мне надо привыкнуть к мысли, что от вас не надо ждать пакости. Давайте я вас познакомлю с базой?

— Здорово тебя проверяющие запугали, — хмыкнул Круглов. — Не надо демонстраций, Ротман, я базы такого типа знаю великолепно, иной раз неделями на них сидели в ожидании, когда экипаж доукомплектуют. Но у тебя люди гибнут, Ротман.

— Потому что мы здесь не в игрушки играем, — угрюмо сказал Ротман. — Между прочим, Алексей Николаевич, люди гибнут и на Земле. Только там этого вроде и не замечают. В автомобильных авариях ежегодно гибнет людей в тысячи раз больше, чем на орбите. И не в тысячи, в десятки тысяч раз! Но к нам повышенное внимание — ах, люди гибнут в космосе! Ах, техника безопасности нарушается! А какая здесь может быть техника безопасности?

— Я понимаю. — Круглов пропустил командира станции вперед. — Но ведь сам понимаешь, внимания вам уделено боль-

ше, чем всем остальным. В краткосрочной перспективе КОСМОЮНЕСКО интересуется два проекта — очистка околоземного пространства и результаты эксперимента «Икар». Кстати, вы знаете, что они добились первых успехов? В прошлом месяце они загнали в тахиопространство небольшой астероид, не более двухсот килограммов. Энергии освободилось столько, сколько ее может дать весь каскад волжских гидроэлектростанций за год. И это только начало!

— Я слышал, — скромно сказал Ротман. — Радио работает и у нас.

Станция «Союз» имела несколько стыковочных узлов, и сейчас все они были заняты пришвартованными челноками, от чего станция напоминала сбоку оцетинившегося иглами ежа. Сама международная станция была выполнена по русскому проекту, которой по иронии судьбы в своей первоначальной задумке представлял собой боевую военно-космическую станцию «Алмаз». Конечно, со времени проекта и даже первых весьма несовершенных станций, разработанных русскими специалистами, техническая мысль ушла далеко вперед, поэтому размеры нынешней станции, сохранившей прежнее название, наполненное совершенно иным смыслом, впечатляли. Шар станции был более ста метров в диаметре, кроме жилых помещений и системы жизнеобеспечения, станция была нашпигована электронной аппаратурой слежения и поиска, ведь выполняла она специфическую задачу — занималась очисткой околоземного пространства от военно-промышленного мусора, а его за многие десятилетия скопилось здесь более чем достаточно. Спутники связи и слежения особой опасности для Земли не представляли, но были опасны для орбитальных кораблей. Однако были и совершенно иные станции, заброшенные в самый разгар второй холодной войны: они могли оказаться одинаково опасными и для планеты, и для пролетающих мимо кораблей. Военная мысль никогда не стояла на месте, поэтому на орбите можно было встретить спутников-убийц, предназначенных для охоты на орбитальные комплексы потенциального противника, и снабжены они были самыми не-

вероятными системами уничтожения. При этом многие из них были ограждены от возможного захвата и последующих исследований зарядом обычной взрывчатки, а то и миниатюрным ядерным зарядом. В последнее десятилетие холодной войны между Азиатским Союзом и странами золотого миллиарда для противодействия пытливым мысли противника некоторые автоматические орбитальные комплексы стали оборудовать микрозарядом из антивещества, которое уже начало входить в стадию промышленного изготовления.

Еще более трудными в обнаружении и опасными при снятии с орбиты стали элементы первой СОИ — небольшие разовые спутники, оборудованные рентгеновским лазером, призванным уничтожить боеголовки выпущенных на цель ракет. На боевом дежурстве они простояли столько, что электронное оборудование многих отказало, а если и работало, то из-за различного рода сбоев оружие могло сработать в самый неподходящий момент — поразить, например, пассажирский ракетный лайнер, совершающий орбитальный полет. Все осложнялось тем, что в период русской перестройки данные о русских полях СОИ были безвозвратно утеряны, но это было бы вполне поправимым — противник следил за пусками не менее внимательно. Однако усилиями безвестного арабского экстремиста база данных министерства обороны США приказала долго жить вместе с соответствующим крылом Пентагона, осложнив задачу очистки околоземного пространства Космофлоту ООН и поставив совсем уже неразрешимые задачи перед ведущими разведками мира — требовалось постоянно отслеживать, не всплывут ли карты орбитальных полей СОИ в какой-нибудь третьей стране. Чего греха таить, до полного мира на Земле было еще ой как далеко!

Саперы делали свою работу неторопливо, действуя по известному принципу — «семь раз отмерь, один раз отрежь». Однажды засеченный военный спутник вносили в реестры, и отныне шло постоянное сопровождение обнаруженного источника угрозы. Обсуждались способы его снятия с орбиты, а если это невозможно, то после определения типа станции, ее

назначения и времени запуска спутник просто расстреливали из полевых генераторов.

Наблюдая за ночным небом, любопытствующие изредка могли любоваться сполохами на небесах. Вначале в небе возникала яркая вспышка, оставляя вместо себя несколько концентрических радужных колец, потом, когда неразрушившиеся части конструкции входили в плотные слои атмосферы, можно было полюбоваться искусственным метеорным дождем, исходящим из точки пространства, где ранее находился спутник.

Наиболее интересные спутники отводили к орбитальным кораблям, где они загружались в трюмы и таким образом транспортировались на Землю. Эти спутники находились на орбитах едва ли не половину века, и по ним можно было изучать результаты длительного воздействия пространства на искусственные конструкции. Близилось время звездных перелетов, поэтому такие исследования интересовали очень многих.

С захваченных спутников снимались ядерные заряды и иное вооружение. Все средства уничтожения грузились в отдельный специально предназначенный для этих целей транспортный корабль. Если демонтаж вооружения произвести оказывалось невозможным, к транспортному кораблю крепился весь спутник. Полностью загруженный корабль стартовал к Солнцу. Мероприятие было дорогостоящее, но еще большей глупостью было бы попытаться доставить все это стреляющее добро на Землю. Последствия такого весьма опрометчивого шага были непредсказуемыми.

— А здесь разбираться с этой пакостью, — закончил свой рассказ Ротман, — нам просто невозможно. Условий нет, Алексей Николаевич. К станции все это не потащишь, сами понимаете, при случайном взрыве жертв будет значительно больше. Скафандры неудобные. Может, для Луны или планетолетов они и в самый раз, но здесь надо гибкими быть, более ловкими. И ведь никогда не знаешь, с чем ты столкнулся — с протухшей начинкой конца двадцатого века или с изощренными придумками пытливого ума современного дурака. Но люди

работают! И между прочим, никто не ропшет. Бывают, конечно, отдельные высказывания, но на них не стоит обращать внимания. Это скорее от скуки, чем от незрелости ума.

Круглов слушал его молча. Поддакивать и обнадеживать было совершенно не в его духе. Да и делу это мало чем могло бы.

— И надо сказать, — нервно продолжал командир станции, — иной раз люди гибнут совсем уж неоправданно. Чойс, например. Вы его на щит, помнится, поднимали, всем в пример ставили! Кто его заставлял снимать предупредительное устройство с «Большой утки»? Я? Я же не идиот, чтобы его подставлять и себя в придачу! Дураку понятно, что в этой китайской штуковине сюрпризов больше, чем в своенравной женщине. Он ведь и не советовался ни с кем, этот ваш хваленый Чойс. Просто полез в спутник, хотя у него под рукой было сразу три буксира. Надо было знать, что оранжевые иероглифы обозначают. И я не сомневаюсь, что Чойс знал. Но все-таки полез, романтика взыграла. И что мы имеем в результате? В результате мы больше не имеем, чем имеем. Мы не имеем Чойса и его напарника, нет космоскафа, мы не имеем двух автоматических буксировщиков, а в остатке у нас один неисправный буксировщик с нефокусированными решетками на ионниках. Но спрашивают с меня!

— Да уж, — пробормотал Круглов, пролезая вслед за Ротманом в обширное гулкое помещение, в котором не было никаких приборов. Он с любопытством оглядел отделанные пластиком и кожей внутренности отсека.

— А здесь наша кают-компания, — сказал Ротман, перехватывая его взгляд. — Она же комната отдыха, она же дискотека, она же лекционный зал. Ребята у нас молодые, любят повеселиться, тем более что есть три девицы, перед которыми можно пушить перья. Было их четыре, но одна недавно улете-ла на Землю. Сервериста с собой увела, хорошего, между прочим, специалиста.

— Грешно жаловаться на жизнь. — Круглов медленно проплыл по отсеку, задержался у иллюминатора. В иллюминаторе

высвечивалась поверхность Земли. Сквозь белесую дымку облаков легко просматривались темные массивы гор, зеленые пятна весенних степей, голубоватые жилы рек и пятнышки озер. Медленно она плыла под станцией. Отсюда, из Приземелья, она выглядела огромным живым организмом. Само собой пришло сравнение с муравьями — пусть трудолюбивыми и до невозможности активными, но все-таки муравьями. Города на Земле были гигантскими муравейниками, которые по ночам расплывчато светились и были похожи на призрачные пятна. Люди, жившие в Приземелье, были обслуживающим персоналом этого гигантского муравейника, располагающегося внизу. И только самые смелые, самые отчаянные подобно разведчикам устремлялись в Заземелье в попытке получить новые знания, которые живущим внизу муравьям были не слишком уж и нужны.

По сложившейся практике космос имевшие к нему отношение люди стали постепенно называть Внеземельем. В свою очередь Внеземелье они делили на два участка — первый, не слишком большой и располагающийся между Землей и орбитой Луны, назвали Приземельем. Второй, который начинался от Луны и простирался в бесконечность, назвали Заземельем. Термины быстро прижились и были в ходу, как и название шевронов, украшающих костюмы астронавтов, — их какой-то остряк метко назвал икарками.

Они неторопливо перебрались в командирский отсек. Ротман устроился между планшетом и встроенным в стену компьютером, худое горбоносое лицо его выражало обреченную покорность судьбе и готовность немедленно ответить на любой вопрос начальства. Только не было у Круглова вопросов. Он и сам великолепно осознавал всю нелепость попыток земного руководства втиснуть деятельность внеземных саперов в тесные рамки охраны труда.

Знать бы заранее, с чем тебе придется столкнуться!

— Ну что — на планетолет? — поинтересовался Ротман. — Загрузка почти завершена, через неделю он стартует к Солнцу.

Планетолетом это хозяйственное корыто мог назвать только неисправимый романтик, отправившийся в Приземелье не за заработком, а исключительно по велению души. Круглов тихо хмыкнул. Он-то хорошо представлял, как выглядит очередной стартовый поезд к светилу. Нашпигованный автоматикой нос корабля продолжался длинной стыковочной фермой, к которой при необходимости отправляемый объект просто приваривали. Учитывая небольшие размеры демонтируемых спутников и тот факт, что в подавляющем большинстве они имели округлые формы, стыковочный поезд напоминал после окончания монтажа виноградную лозу. Ниже располагался лайтинг с запасами горючего, а дальше темнел шар реактора с батареей дюз, окруженных решетками ионников. Учитывая, что корабль был автоматическим, защита на него просто не ставилась. Корабль, повинувшись командам с Луны, а в особых случаях — с планетолета сопровождения, по специально рассчитанному маршруту устремлялся к Солнцу, уходил в его пылающие жаром глубины, и тогда в хромосферу светила вздымался очередной скромный протуберанец.

— Не видел я межпланетных поездов, — буркнул Круглов. — Что у нас в перспективе на ближайшие месяцы?

В перспективе Ротман планировал очистить два сектора, тут он был в своей стихии — пустился в объяснения, размахивая длинными руками, высветил на экране орбиты вновь установленных объектов, подлежащих зачистке в ближайшие месяцы. Тут были великобританские «скатлы», многочисленные разработки американцев, в начале века твердо уповавших на систему противоракетной обороны и вбухавших в СОИ сумму, равную бюджету всех стран африканского континента за шесть лет. Вокруг Земли летали израильские бесхитростные «кондотьеры», русские автономники, способные выполнять боевые задачи самостоятельно, без команды с Земли, французские «гольеры», особой опасности при демонтаже не представлявшие, но систематически меняющие орбиты боевых дежурств — в этом-то как раз и заключались все трудности их зачистки.

Разглядывая компьютерную схему расположения различных орбитальных систем, Круглов обратил внимание на одну из них. Алой нитью орбита обозначалась над поверхностью планеты, потом переходила в неуверенный пунктир, после чего исчезала и появлялась вновь в совсем уже неожиданном месте. Поведением на орбите объект напоминал французский «гольер», но только напоминал. Изменения в орбитах «гольеров» просматривались и вполне поддавались анализу, все они производились по часовой стрелке и в десятикилометровом коридоре. Отмеченный на схеме спутник менял не только орбиты, он менял и направление полета, его передвижения над Землей носили хаотический характер, он исчезал неожиданно, чтобы появиться там, где его никто не ждал.

Круглов не показал виду, что именно этот спутник интересуется его прежде всего. Можно сказать, именно он явился причиной появления инспектора на станции.

— Что это? — небрежно поинтересовался Круглов.

Ротман взглянул на монитор и махнул рукой.

— Это? Это наш «неуловимый Джо», — сказал он. — Мы не установили государственную принадлежность этого спутника. Впрочем, это не слишком важно, когда-нибудь дойдет очередь и до него. Мы даже рассмотреть его хорошо не можем. Стоит нам направить беспилотник для его исследования, спутник исчезает. Я уже обращался к Чамберсу, он делал запросы. Никто не признался, что запускал его. Похоже, штука серьезная, раз никто его не признает.

— Поэтому и неуловимый? — спросил Круглов.

Ротман отмахнулся.

— Просто до него еще не дошли руки, — сказал он. — Не «Хаббл» же на него наводить? Придет время, мы его обложим, вычислим на появлении и захватим. Это вам в диковинку, Алексей Николаевич, старого «мусорщика» уже ничем не удивишь. Вы лучше скажите, действительно наша деятельность была предметом рассмотрения на последней Генеральной Ассамблее? Ума не приложу, за что такая честь.

— Ну, положим, вопрос рассматривался несколько шире, — сказал Круглов. Показная безмятежность Ротмана постепенно раздражала его. — Ставился вопрос об ответственности государств-носителей за засорение околоземного пространства. В числе прочих рассматривалась и ваша деятельность. Она, между прочим, несмотря на некоторые нарекания, в целом получила весьма и весьма лестную оценку. — Он искоса посмотрел на Ротмана и добавил специально для него: — На мой взгляд, не вполне заслуженную.

Ротман посмотрел на него исподлобья и с некоторым недоумением.

— Это почему? — хмуро поинтересовался он. — Алексей Николаевич, и вы туда же!

— Видишь? — Круглов увеличил изображение и отсек орбиты всех известных спутников, оставив только алые нити, бессмысленно и на первый взгляд весьма хаотично беснующиеся в околоземном пространстве. — Вот это «неуловимый Джо». И что, никто из вас никогда не задумывался, кем и когда этот спутник запущен? Если он запущен с Земли, то подобные изменения направления полета весьма трудно объяснить. Это было технически невозможно еще десять — пятнадцать лет назад. Выходит, спутник запущен не столь уж давно. Быть может, три-четыре года назад. Но почему тогда никто не признается в его запуске? По каким веским причинам?

Ротман недоуменно посмотрел на него.

— Боевой спутник? — Глаза его заблестели. — Вы думаете, это боевой спутник, кем-то запущенный в тот самый период, когда внизу начали разоружаться?

Эта отстраненность от земных жителей сразу бросалась в глаза. Не похоже, что Ротман чувствовал себя небожителем, которому безразлична судьба человечества, но кое-какие комплексы, безусловно, проявляли себя. Круглов отметил, что Ротмана необходимо отправить на психологический осмотр, причем в самое ближайшее время. Наполеончики на орбите КОСМОЮНЕСКО были абсолютно не нужны, как и дополнительные заботы, неизбежно связанные с ними.

— Возможно, — сдержанно сказал он. — Но тогда возникает вопрос, кем и в каких целях он был запущен? Наш компьютер анализировал орбиты спутников в привязке к местности. Таким образом мы пытались установить государство, которое его запустило, и определить задачи, поставленные перед спутником. И машина выдала совершенно неожиданный результат...

Он посмотрел на Ротмана.

Безразличие исчезло. Перед Кругловым сидел человек, нетерпеливо ждущий продолжения сообщения. Глаза Ротмана горели. Все-таки Круглов ошибался, перед ним сидел явный романтик, только замордованный работой администратора и уставший от повседневной и не всегда безопасной рутин.

— Алексей Николаевич! — взмолился Ротман.

Круглов протянул ему дискету.

— Запусти, — приказал он.

Иной раз столбцы цифр выглядят более впечатляюще, нежели самые горячие и красноречивые факты.

Ротман невесело присвистнул.

В отсеке его свист прозвучал приглушенно.

— Ошибки исключены? — поинтересовался он.

Инспектор пожал плечами.

— Это данные за последние три года, — сказал он. — Вот смотри — орбита спутника, и волна гриппа «А» накатывается на материк с востока. А вот изменение орбиты. Видишь, где спутник появился? И тут же эпидемия лихорадки в Танзании. Между прочим, эта лихорадка повлекла многочисленные смерти. Медики только разводят руками. А вот это «неуловимый Джо» в апреле прошлого года. Вроде бы большую часть он движется над океаном. Что может произойти? И тут массовая гибель касаток на побережье Исландии. Впечатляющее зрелище. Сам видел, было у меня время телевизор посмотреть. Не убеждает? А вот он в апреле этого года. Резкое снижение орбиты. Направление ты сам видишь. Что мы имеем в результате? В результате мы имеем массовую гибель леммингов в Скандинавии. Опять не убеждает? А если я скажу, что «неуловимый

Джо» за последние три года причастен ко всем массовым эпидемиям на Земле?

Некоторое время они смотрели друг другу в глаза. Ротман отвел глаза первым.

— Это меняет дело, — сказал он. — Только непонятно, что это. В случаях массовой гибели животных, возможно, применяется психотронное оружие. А если взять эпидемии, то вообще неизвестно, чем они вызваны. И какой во всем этом смысл, Алексей Николаевич? Кому могут понадобиться подобные эксперименты? Для маньяка-одиночки расходы слишком накладны, а государства, которое могло бы запустить такой спутник, я даже представить не могу. Ведь все подписали Хартию, везде международный контроль. Несанкционированный запуск? Не верю. Уже такой хай бы поднялся! Ведь засекали бы пуск, обязательно засекали!

— Не обязательно, — возразил Круглов. — Запуск мог быть и санкционированным. Официально, скажем, запустили долговременный спутник связи, а на деле... И затраты в этом случае не столь уж и велики. Если предположить, что одновременно запустили сразу два спутника — один для связи, а вторым спутником был «неуловимый Джо», то многое становится на свои места.

— Можно изучить запуски. — Ротман задумчиво почесал кончик длинного горбатого носа. — Такие вещи не утаишь.

— Изучали, — сообщил инспектор. — Ты что, не знаешь, как сейчас запускают спутники? Их одной ракетой выводят сразу десять — двенадцать штук. И все, между прочим, различной государственной принадлежности, а то и частным корпорациям принадлежат. Ребята, правда, взяли на заметку несколько запусков, но все это требует тщательной проверки. А нам с тобой легче, мы можем этот спутник пощупать, так сказать, руками. А если повезет, то и сразу же установить его принадлежность. Ты все понимаешь, Ротман?

Ротман все понимал.

— Прощай плановая зачистка, — сказал он. — Я так понимаю, Алексей Николаевич, вы прилетели не проверять, как

люди Ротмана чистят околоземное пространство, вы прилетели, чтобы отвлечь Ротмана от этой работы, а все его люди будут перенацелены на поиск «неуловимого Джо», чтобы поймать его в кратчайший исторический отрезок времени. Я правильно понял, Алексей Николаевич?

— В общих чертах верно, — согласился с начальником станции Круглов. — Только без лишней пышности и без слов об исторической миссии господина Ротмана и возглавляемого им коллектива.

Среди «мусорщиков» оказались очень разные по характеру люди. Некоторые прилетели на станцию исключительно для того, чтобы заработать, ведь очистка Приземелья была рискованным предприятием, потому и платили здесь значительно больше, нежели рядовым межпланетчикам, которые совершали полеты внутри системы или исследовали Луну или Марс. Примерно столько же получали исследователи с «Мичигана». Но они работали в непосредственной близости к Солнцу, где активность светила, безусловно, сказывалась. Да и удаленность от Земли не позволяла тамошним межпланетчикам раз в полгода отдыхать на земных курортах — подобный отдых слишком накладен и попросту невозможен, ведь самый совершенный планетолет преодолевал расстояние от Земли до Венеры за пять с половиной месяцев. Разумеется, определенная часть бойцов фронта формировалась из романтически настроенных выпускников Академии КОСМОЮНЕСКО, которые не хотели разглядывать звезды в земных лужах. Услышав, что планете требуется их умение и героизм, после небольшой, но интенсивной переподготовки они отправилась в Приземелье — чистить его от разной дряни, которую само же человечество за столетие туда и накидало, не считаясь с затратами.

Деление это, конечно, было условным. Сами «мусорщики» подбирали себе напарников чаще всего по признаку землячества или по возрасту. На космоскаф полагался экипаж из двух человек. Один астронавт управлял аппаратом, другой при необходимости выходил в открытый космос. Обычно каждый

космоскаф сопровождало до трех буксировщиков, идущих в автоматическом режиме и связанных незримыми нитями телеметрии с ведущим аппаратом. Назвать космоскаф кораблем просто не поворачивался язык, уж слишком неказисто выглядело утлое суденышко с широким обзорным иллюминатором и тесным тамбуром, снабженное основным и двумя верньерными двигателями. Более всего аппарат напоминал увеличенный скафандр на двоих. Одиннадцать аппаратов, пристыкованных к станции, требовали двадцать два пилота. А учитывая, что работа в пространстве осуществлялась посменно, экипаж станции насчитывал более полусотни астронавтов.

Сегодня они все собрались послушать Круглова. Некоторое время Алексей Николаевич читал лекции в Академии, но все-таки взгляды многих людей его несколько смущали. Он никогда не чувствовал себя способным командовать большим коллективом. Небольшой экипаж планетолета — вот был его предел.

Инспектор коротко доложил выводы, сделанные на Земле в отношении «неуловимого Джо». Несомненно, о своенравном спутнике здесь было известно многим, он видел, как зашептались между собой астролетчики. Закончив свой доклад, инспектор негромко подытожил:

— Таким образом, господа, перед нами стоит задача изловить этого вашего «неуловимого Джо» и предъявить его жителям Земли. Задача эта непростая, но мы с вами межпланетчики, а для межпланетчика, как все вы знаете, нет слова «невозможно». Наша работа поможет установить негодяев, которые совершают преступление против человечества. Ведь это своего рода геноцид в отношении человечества и животного мира Земли.

— Кто запустил спутник? — поинтересовался дюжий рыжеволосый межпланетчик с характерным шрамом на левой щеке. Такие шрамы остаются после космических аварий. На Земле косметологи обязательно приняли бы меры к тому, чтобы шрам был незаметным. В межпланетном пространстве хирургу обычно не до этого, он более озабочен сохранением

жизни пациента, ведь к нему чаще всего пациент поступает в состоянии, которое не дает времени заботиться о его внешнем виде. На Земле избавиться от шрама было несложно, особенно времени для этого не требовалось, а накопления межпланетчика позволяли сделать это без особого ущерба для своей кредитной карточки. Шрам на щеке позволял сделать два вывода — либо астронавт долгое время не был на Земле, либо он не обременялся особыми заботами относительно своей внешности.

— Прекрасный вопрос, — сказал Круглов. — Вы знаете, я сам порой хотел бы знать на него ответ. Поймите мне спутник, тогда и будем делать выводы.

— А как же утвержденная программа? — упрямо спросил все тот же рыжеволосый межпланетчик.

Рыжие волосы и упрямство выдавали в астронавте ирландца. Круглову очень хотелось проверить свою догадку, но он сдержался. Разговор шел сразу со всеми межпланетчиками, уделять особое внимание кому-то одному было бы бестактным.

— Утвержденная программа будет выполняться позже, — сказал Круглов. — На данном этапе мы должны разобраться именно с этим спутником, этого требует не только КОСМО-ЮНЕСКО, на этот счет имеется специальное решение секретариата ООН. Думаю, все вы понимаете, что не стоит делиться этой информацией с журналистами. На данном этапе она считается закрытой.

— Начальству, конечно, виднее, — хмуро сказал рыжий астронавт. — Надеюсь, что премиальные за этот спутник будут особенными. Кто запустил спутник, конечно же, не был круглым идиотом, систему защиты он предусмотрел. Боевой схемы у вас, разумеется, нет?

— Нет, — резко сказал Круглов. — И надо понять, что речь, возможно, идет о жизни людей. Не все меряется на деньги, иногда в ход идут совсем другие приоритеты. Или вы считаете иначе? Вы бы представились, мне неудобно обращаться к вам, не зная вашего имени.

— Томас О’Нил, — представился астролетчик. — Ничего я не считаю. Но все-таки мы здесь рискуем шкурками, пока некоторые на Земле жируют. Думаю, толстосумы смогут раскошелиться, если уж мы взялись оберегать их драгоценный покой.

— Зачистка — дело сугубо добровольное, — сказал Круглов сухо, чтобы прекратить этот бессмысленный и вредный спор. — Думаю, что среди пилотов найдется немало добровольцев, которых не страшат возможные опасности. Остальные будут работать по утвержденной программе.

— Тяжелая работа должна оплачиваться особо, — упрямо сказал рыжий. — Я слышал, что русские зачастую работают бескорыстно, наверное, это у вас осталось от прежнего времени. Но вам тоже давно пора приспособиться к свободному миру. Если у нас рынок, то мужество — всего лишь еще один товар на этом рынке.

Круглов смотрел на пилотов. В зале сидели плечистые, сильные и, несомненно, отчаянные парни, способные залезть в пасть к дьяволу и выбраться оттуда живыми и невредимыми. Однако, судя по взглядам, рыжего пилота никто из них особенно не осуждал, более того, к его словам подавляющее большинство отнеслось с явным одобрением.

Брюзжать не стоило. Этот рыжий парень, который не раз за последние месяцы привычно и обыденно рисковал жизнью, в чем-то был прав. Такие люди не только имеют право на повышенное общественное внимание, они обязательно должны получать достойную плату за свой опасный труд. Особенно когда они защищают от неведомой, но реальной опасности всех, кто живет внизу.

А о духовных ценностях и истинных идеалах пусть с ними говорят психологи. Или проповедники.

От добровольцев, попавших в группу, Круглов не требовал невозможного.

Основная работа всегда делается на Земле. Там и специалисты посильнее, и технических возможностей больше. Аналитики работали не покладая рук, надо было только дождаться-

ся результатов. Минус был единственный, и он был очевиден — добровольцам приходилось дежурить посменно, чтобы в нужный момент перехватить «неуловимого Джо». На Земле шло сопоставление данных — графики эпидемий и эпизоотий, чрезвычайных происшествий в биосфере планеты накладывались на известные маршруты движения странного спутника. Искались закономерности его движения, и эти закономерности были найдены.

Результат был поразительным — орбиты спутника просматривались в значительно более удаленном прошлом. Подспудно Круглов этого ожидал, и все-таки расчеты, полученные с Земли, вызвали удивление. Если верить расчетам, то спутник был запущен совсем уже в незапамятные времена, задолго до начала освоения космического пространства.

Прилетевший представитель центра исследований околоземного пространства Марк Даймон был поражен результатами не меньше, но пытался это скрыть.

— Знаете, Алекс, — сказал он, — похоже, этот спутник запущен не землянами. Впрочем, трудно даже сказать, что это — искусственное изделие или природное образование.

— Природное образование?

— Что мы знаем о системе «Земля»? — Представитель центра развел руками. — Ровным счетом ничего. Иногда мы обращаем внимание на очевидные явления, которые не признавали десятилетия, в результате мы получаем очередной мощный технологический толчок. Помните историю с неопознанными летающими объектами? Никаких инопланетян — явление было естественным для планеты. Стоило приглядеться к нему внимательнее, мы получили очередной виток научно-технической революции, продвинули свою технологию на более высокий уровень. Так и здесь мы ищем злодеев, ищем инопланетян, а это очередное еще неизвестное нам природное явление.

— И все-таки, — Круглов не отрывал взгляда от монитора, на котором плясали кривые, — это больше похоже на искусственное тело. Механизм воздействия получил какое-нибудь приемлемое объяснение, Марк?

— Для этого надо изучать все не один год, — отозвался тот. — Или быть богом. С явлением мы едва знакомы. Ну а во всем остальном... — Он развел руками.

— Так по прогнозам наш «неуловимый Джо» должен показаться именно здесь? На чем основывается это предположение?

На лице Марка Даймона появилась улыбка.

— Ничем, — сказал он. — Машина результата не выдала. Это мое личное предположение. Поэтому меня и прислали.

— И чем же вы обосновываете эти ваши предположения? — выделяя слова, поинтересовался Круглов. — Вы — пророк? Экстрасенс? Вам было божественное откровение?

— Все гораздо проще, — не обращая внимания на явную насмешку, сообщил Даймон. — Все гораздо проще, Алекс. Когда машина не дала результата, я обратился к архивам. Если все предположения в отношении этого загадочного спутника верны, то он должен быть привязан к происходящим на Земле негативным процессам. К чему готовятся медики? Я позвонил им. Идет очередная волна гриппа. Она идет с Дальнего Востока, пересекает Азию, накрывает Европу, чуть позже приходит в Америку. Причины возникновения этой волны гриппа, которая имеет периодичный и регулярный характер, оставались неясными. Но я убежден, что грипп активизируется неизвестным реагентом, и «неуловимый Джо» подходит на эту роль.

— Послушайте, — сказал Круглов. — Но если исходить из этого варианта, то что же получается? Получается, что «неуловимый Джо» запущен в незапамятные времена, еще до Циолковского и Оберта!

Даймон весело захохотал.

— Раньше, Алекс! Раньше! — сказал он. — Я лично склоняюсь к мысли, что он существует с момента возникновения Земли. Или, — он поднял палец, — с момента зарождения на Земле жизни.

— Спутник не может существовать столь продолжительное время.

— Спутник — не может, — согласился с ним Даймон. — Но *естественное* образование, тело, которое входит в *естественную* космическую систему «Земля», должно существовать столь же долго, как и сама планета. Вы еще не поняли? На мой взгляд, мы имеем дело именно с *естественным* регулятором биологической активности планеты.

Он принялся с жаром объяснять Круглову свою гипотезу, и тот еще раз поразился тому, как меняются люди, когда начинают разговаривать о любимом предмете. Сейчас пухлощекый и круглолицый Даймон, весивший по меньшей мере на треть больше своего нормального веса, выглядел почти красивым. Полнота его не бросалась в глаза. Он оживленно жестикулировал.

Странная получалась картина. Сколько существует Земля, количество биомассы на ней неизменно. Исчезают виды. Ведутся кровопролитные войны. Казалось бы, в таких условиях биологический мир обречен на медленное, но неуклонное исчезновение. Но ничего подобного — гибнут люди, размножаются в невиданном количестве суслики или рыба в морях. В результате пожаров выгорают огромные леса со всеми обитателями, но тут же появляется саранча. словно неведомый регулятор следит за строгим соблюдением первоначальных условий, следит за количеством биомассы. Ему наплевать на разумность отдельных представителей природы, он безразличен к любому отдельно взятому виду живых существ, он выполняет единственную задачу — отвечает за сохранность жизни на Земле.

— Впрочем, — заметил Даймон, — лично я думаю, что это не так. Несомненно, этот неведомый регулятор обеспечивает и иные задачи. Например, совершенствование видов и их адаптацию к изменяющимся условиям среды. Все происходящие в биосреде процессы имеют определенную направленность и цикличность, пока еще не понятую нами. Вы когда-нибудь видели увеличенный вирус? Создается впечатление, что это не живое существо, а механизм. Он странно себя ведет — опускается на поверхность клетки подобно лунному модулю, выпус-

кает жало и вносит изменения на генетическом уровне. Зачем? С какой целью? И кто управляет всем этим процессом?

— Но почему вы видите такой регулятор именно в «неуловимом Джо»? — удивился Круглов. — Гораздо логичнее, что такой регулятор, если он и в самом деле существует, находится где-то на поверхности Земли. Или в ее недрах.

— Ошибка! — торжествуя сказал Даймон, выставив перед собой указательный палец. — Ошибка, Алекс! Это невозможно, и прежде всего потому, что земные образования слишком часто меняются. Нет условий для длительного функционирования аппарата. Другое дело — околоземное пространство! В космосе ничего не меняется, такие регуляторы могут функционировать до тех пор, пока существует планета.

— Не думаю, — с сомнением пробормотал Круглов. — Радиационные воздействия, фактор открытого космоса, метеоритная опасность, наконец...

— Метеоритная опасность ничтожна, — нетерпеливо сказал Даймон. — Не стоит ее преувеличивать. К тому же... Кто вам сказал, что биологический регулятор для Земли существует в одном экземпляре? Природа любит дублировать, особенно свои биологические системы.

— Так вы считаете, что это природное образование? — Круглов подумал. — Нечто вроде сердца Земли?

— Слишком поэтическое сравнение, — поморщился Даймон. — Вы стихов не пишете?

— Я межпланетчик, — сухо усмехнулся Круглов. — Поэты, Марк, обитают на Земле. В космосе слишком мало тем для вдохновения. Здесь слишком суровый климат, чтобы в нем выживали нежные поэтические души.

Непонятная тревога вдруг ожила в нем. Вроде бы не было никаких причин для беспокойства, мало ли какие гипотезы рождает порой человеческое воображение. Деймон мог и ошибаться. И все-таки... У бывшего планетолетчика Алексея Круглова, волею случая ставшего инспектором Внеземелья, были очень нехорошие предчувствия. Слишком стремительно обитатели Земли столкнулись с тем, что составляло, возможно,

самую главную тайну их собственного существования. У Круглова было предчувствие, что человечество к этому совсем не готово.

Как говорил Екклезиаст, многие знания лишь углубляют скорби и печали. Хорошо, если это и в самом деле окажется природным регулятором. Щелчок по носу человечество получит, если окажется, что «неуловимый Джо» является искусственным телом и к тому же выполняет именно те задачи, о которых говорил Даймон.

По крайней мере сам Круглов к этому совершенно не был готов.

Глава девятая

СЕРДЦЕ ЗЕМЛИ, 2056 ГОД

Космоскаф шел над поверхностью планеты.

В иллюминаторы были видны закручивающиеся в спиральную воронку облака. Скрытую от Солнца сторону Земли нельзя было назвать неосвещенной — по темной поверхности были разбросаны желтоватые пятна городов, ночная жизнь в них продолжалась, фонари и неоновые рекламы сливались в помигивающие пятна света, делающие планету загадочной и таинственной.

— Лас-Вегас, — сказал О’Нил. — Развлекается народ на всю катушку. Командор, вы-то сами играли в рулетку? Или хотя бы раз сражались с «одноруким бандитом»?

— Приходилось, — коротко сказал Круглов. — Честно говоря, меня всегда это не слишком интересовало.

— Женщины? — понимающе кивнул рыжий пилот.

Женщины тоже не особо интересовали Круглова, но он не стал открывать пилоту душу, доказывая, что больше всего его

интересовал космос. Пилот был из числа тех, что видели в пространстве лишь средство для хорошего заработка, который можно потратить для удовлетворения нехитрых потребностей души. Что ж, у каждого свои представления о красивой жизни, спорить с О'Нилом было бесполезно, да Алексей Круглов и не собирался тратить на это время. Он напряженно ждал появления таинственного спутника. Если верить Даймону, спутник должен был появиться именно в этом квадрате. К его появлению все было готово — два наблюдательных спутника лоцировали пространство на полсотни километров ниже космоскафа, еще два спутника шли на таком же расстоянии выше машины командора.

— Ну хорошо, — сказал пилот. — Сейчас этот спутник появится. И что мы будем делать? Постараемся захватить его и доставить на базу? Я не слишком вдавался в объяснения этого лысого, что вчера выступал перед нами, но уяснил, что лучше бы нам эту штуку не трогать. Как бы мы чего не напортили, командор.

— Вначале мы с вами должны его увидеть, — не поворачивая головы, сказал Круглов. — Все это пока лишь рабочая гипотеза, не более. Это вполне может оказаться изделием человека. И очень опасным, Томас.

Да, рассуждения и расчеты Даймона вполне могли оказаться ошибочными. Спутник мог оказаться чем угодно, его могли запустить в конце века иракцы, испытывавшие стратосферную пушку, он мог быть запущен американцами, у которых сейчас оказались веские причины не признавать его своим, как долгое время российские военные не признавали рентгеновские лазеры, выведенные ими на орбиту в конце века, как не признавали китайцы «Большую пекинскую утку», потому что она несла на борту запрещенное всеми конвенциями бактериологическое оружие. Наконец, это мог быть внеземной спутник, запущенный в незапамятные времена инопланетянами в качестве сторожевика, запрещающего посадку на Землю.

— Командор, — спросил пилот, — а вы их видели?

— Кого? — не понял Круглов.

— Селенитов, — пояснил О'Нил. — В новостях передавали, что вы там были.

— Был, — угрюмо сказал Круглов. — Но селенитов не видел. Их пока никто не видел. Обмен идет, но дальше дело не движется. Там, под поверхностью Луны, целый мир. Фантастический мир, Томас, ни на что не похожий. У ученых от одних растений голова кругом идет.

— Странно. — Пилот задумчиво смотрел на темное пространство, проплывающее под космоскафом. — Где только не искали братьев по разуму, а они скрывались рядом. Что будет дальше?

— Дальше предстоит долго и нудно строить взаимоотношения с ними, пытаться их понять, вникнуть в их психологию, но это уже не для нас, это работа для ксенологов.

— И этот спутник. — О'Нил был задумчив. — Чего от него ждать? Для чего он вращается вокруг Земли?

И вновь Круглов почувствовал себя неловко. Он-то считал астронавта за простого рвача, выбравшего своей профессией риск только из-за того, что это хорошо оплачивалось. А О'Нила интересовали такие вопросы... Нет, пора бы уже научиться разбираться в людях! Он почувствовал стыд.

— Томас, — спросил он, — а как вы попали на станцию?

— Летать на орбиту надоело, — недовольно сказал О'Нил. — Чувствовать себя космическим извозчиком. Это все равно что быть погонщиком быков внизу. Старая, изжившая себя профессия. В какой-то момент вдруг ощутил, что не хватает адреналина в крови. Здесь и платят...

Взгляд его стал напряженным.

— Погодите, командор. — На дисплее компьютера со схематическим изображением планеты, опутанной множеством разноцветных спиралей, вдруг обозначилась красная точка, медленно вытягивающаяся в нить. — Кажется, мы с вами дождались. Это он?

Круглов протянул руку, включая мониторы связи со спутниками наблюдения. Подчиняясь программе, спутники пой-

мали в невидимые сети таинственный спутник, идущий по невероятной орбите против часовой стрелки вокруг Земли.

— «Десятка», вы его видите? — раздался в кабине тревожный голос Ротмана. — Он идет прямо на вас.

— Пока визуального изображения нет, — сказал Круглов. — Подтяните другие спутники, дайте нам связь с ними.

— Ничего не предпринимайте, — включился в разговор Даймон. — Только наблюдайте. Никаких активных действий, командор.

— Не учи ученого, Марк, — проворчал Круглов. — Помоему, все было решено еще вчера. Однако я преклоняюсь перед вашим чутьем. Вы почти не ошиблись.

— Это не чутье, — с ноткой самодовольства сообщил далекий Даймон. — Это расчет. Я свяжусь с Землей, пусть наблюдают за районом, над которым появился «Джо».

— Это будет довольно затруднительно, там сейчас ночь, — сообщил Круглов, чувствуя, как легкое ускорение вдавликает его в пенолон кресла — О'Нил решительно вел космоскаф на сближение с загадочным спутником. Сопровождавшие аппарат спутники наблюдения тоже рванулись вперед, выстраиваясь для лучшего визуального наблюдения. Телеметрия показывала физические характеристики «неуловимого Джо». Спутник был овальной формы и небольшой по размерам — он не достигал пятидесяти метров в самой широкой своей части. Обшивка его явно была не из металла, и это объясняло, почему его не могли обнаружить столь долгое время. Вокруг спутника регистрировалось приборами пульсирующее электромагнитное поле. Приборы также регистрировали поток излучения, идущий со спутника по направлению к Земле. Внешне ничего особенного в характеристиках излучения не было, обычный пучок жестких космических частиц, но уже существование этого излучения говорило в пользу гипотезы Марка Даймона.

— «Десятка», — нетерпеливо сказал Ротман. — Вы его наблюдаете?

— Наблюдаем пучок излучения, направленный в сторону Земли, — сообщил Круглов. — Марк, кажется, вы и в этом оказались правы. Воздействие имеет место, правда, мы пока не знаем его результатов.

— Уже знаем, — отозвался Даймон. — С Земли сообщили — точка воздействия спутника находится на территории Индии в районе Биласпура. Там сейчас идет дождь. Правда, он не совсем обычный — вместе с дождинками с неба падают пауки. Вид их уже определили — кольцебрюхая бихорка, по-латыни *Solipugae Arthrogastra*. Кстати, с Земли уже передали благодарность — паук довольно опасный, прожорливый, может представлять угрозу человеку. А тут вдруг такое количество!

— И все-таки это не факт, — сказал в пространство Круглов. — Не вижу связи между жестким излучением и зарождением пауков.

— Мы еще ничего не знаем о спутнике, — весело сказал Даймон. — Но теперь-то мы его из-под нашего внимания не выпустим. Вот если бы его удалось пометить, было бы вообще великолепно. Представляете, командор, если мы докажем влияние спутника на жизненные процессы на Земле...

— Научные споры потом, — вмешался в разговор Ротман. — Что у вас сейчас на экранах, «десятка»?

— Смотрите! — неожиданно крикнул пилот.

И Круглов увидел загадочный спутник. Нет, вначале он его увидел не на экранах, спутник был виден в обзорных иллюминаторах космоскафа — странное продолговатое тело, напоминающее спрута, собравшего щупальца воедино и поджавшего их к телу. Спутник медленно двигался в лучах встающего впереди свечения — и спутник, и космоскаф выходили на освещенную сторону Земли. Неподалеку от загадочного небесного тела поблескивали голубоватыми звездами спутники наблюдения. Круглов опустил взгляд на экраны — все четыре дисплея показывали сейчас «неуловимого Джо» вблизи, на максимальном увеличении. У загадочного объекта была тем-

ная бугристая поверхность, он словно весь состоял из узлов и сухожилий — так выглядит мускулистое тело; похожий на живое существо объект наблюдения медленно пульсировал, сжимался и разжимался, вздрагивал, ежился, словно ему было холодно в околоземном пространстве.

— Мы его видим, — сообщил Круглов. — Это что-то невероятное, Ротман. Вы слышите, Даймон, мы его видим!

— Мы тоже, — сказал далекий Даймон.

Таинственный спутник медленно уходил в сторону Солнца, растворялся в его лучах, таял в алом зареве, встающем впереди, и только на мониторах наблюдения он оставался прежним. Подобно вставшим на след охотничьим псам спутники наблюдения не отпускали его ни на шаг, фиксировали каждое его движение, каждое покачивание, отмечали то, что было недоступно человеческому глазу, — пульсирующую ауру излучения вокруг спутника и пучки излучения, которые время от времени уходили к планете.

— «Союз», — откидываясь в кресле, сказал Круглов. — Говорит «десятка». Работу сделали. Возвращаемся на базу.

О'Нил повел космоскаф вверх, выходя на орбиту базы. Земля медленно удалялась, уступая место пространству, усеянному звездами. Впереди по курсу космоскафа сияла сфера «Союза», к которой двигались красно-зеленые звездочки — поисковые группы возвращались домой.

— Послушайте, командор, — глядя на приближающуюся станцию, заговорил пилот. — Этот спутник... Если он и в самом деле влияет на жизнь Земли, значит, кто-то управляет всеми процессами? Выходит, мы тоже производное чьей-то деятельности, так?

— Трудно судить, Томас, — сказал Круглов, хотя он и сам думал о чем-то подобном. — Мы пока еще слишком мало знаем, чтобы делать какие-то выводы.

— То-то попы обрадуются, — без особой злости сказал пилот.

— Не знаю, — после некоторой паузы с сомнением отозвался инспектор. — Возможно, что как раз они-то и закрутят.

Глава десятая

СКУЧНЫЙ ВЕЧЕР НА МАРСЕ. 2057 ГОД

В иллюминаторы можно было не смотреть, погода за пластиковой броней жилого купола и так была очевидна. Ветер то повизгивал, словно обиженная собака, то набирал басистую угрожающую силу, и легко было представить, как над ржавой поверхностью несется мутная бурая поземка, медленно двигая вокруг куполов Поселка мрачные песчаные холмы.

Хорошо, что мотонарты еще с вечера загнали в общий ангар. О надвигающемся буране никто не знал, но рачительный и хозяйственный Степаненко обошел машины, пнул лыжу одной из них ногой и мрачно сказал:

— Це не діло, хлопці! Ховайте ціі хреновины, щоб зустріч журиться не пришлось!

И вовремя он это сказал: не загнали бы машины в ангар, после бури пришлось бы их откапывать из песка, да еще с двигателями и трансмиссией возились бы до седьмого пота. И ведь не угадаешь, когда эта чертова буря начнется, — атмосферное давление не падает, облачных признаков нет, а что касается семилапок, так им песчаная буря не хуже ясной погоды, они в любую погоду скачут, а в бурю, пожалуй, еще и резвее, чем обычно, бывают.

Международная станция «Альфа-REX» состояла из пяти куполов и основного блока научного центра, соединенных между собой герметичными коридорами с шарообразными отростками кессонных камер, через которые можно было выбраться на поверхность. Ангар примыкал к русско-украинскому блоку, французы, китайцы, англичане и американцы предпочли своей жилой площадью ни с кем не делиться и жили отдельно. Впрочем, деление это через полгода пребывания на станции стало условным, астробиологи, например, объединились во французском куполе, аресологи, не обращая внимания на протесты остальных и грозные распоряжения началь-

ника экспедиции Тима Данна, вообще оборудовали свой жилой закуток в блоке научного центра, только китайцы продолжали жить сплоченным коллективом. Но их можно было понять, у них руководитель был вроде из партработников, и замполит у них был такой дотошный и въедливый, что многие — и не без оснований — считали его за кадрового разведчика. Ничего необычного в этом не было, в каждой исследовательской группе, без сомнения, имелись свои разведчики. Как говорят французы, а ля гер, ком а ля гер! Се ля ви, хлопцы! Это в космосе национальные интересы особого значения не имеют, а на Земле они по-прежнему в приоритете.

На поверхность сейчас мог выбираться только распоследний идиот, поэтому кессонки были заблокированы на тот случай, если такой идиот все-таки найдется. От метеорологов можно было всего ожидать или, что было более вероятным, от физиков. Все были изолированы, а потому каждый занимался своим делом: кто статистические данные анализировал, кто отчеты наблюдений готовил. А Астахов ничего делать не хотелось. Вот такой у него бзик был — поваляться на постели и почитать Льва Николаевича Толстого. Впрочем, почитать — это было слишком сильно сказано. За полгода Астахов Толстого в буквальном смысле измусолил бы, да вот только не книга это была, а дискета, и весь Толстой на этой дискете со всеми своими несообразностями умещался. Любил Астахов просматривать текст и вылушивать из него перлы наподобие того, что «какие-то два господина прошли по улице с огнем папиросы во рту». Впрочем, у Льва Николаевича, как и у всякого порядочного классика, и похлеще ляпы встречались.

Астахов завалился на койку, натянул на виски рожки дистанционки и совсем уже было предался любимому занятию, когда его бесцеремонно отвлек Саня Цымбаларь. Вообще-то его звали Олексой, но на станции когда-то украинизированные имена быстро приняли свои русифицированные звучания. И наоборот, Николая Федорова никто иначе, как Мыколой, не называл. А Семена Лежнева вообще все и в глаза, и за глаза звали паном Петлюрой. Саня Цымбаларь выключил ас-

таховскую пэкашку и поинтересовался, куда лентяй и бездельник засунул дискету с отчетом по последней «линзе». Астахов, немного обиженный его бесцеремонностью, со всей прямоотой заявил, что никакой дискеты он не брал, более того, он ее в глаза не видел, но если уж с кого дискету спрашивать, так это с пана Цымбаларя, поскольку именно он с ней не расставался всю последнюю неделю. Цымбаларь почесал затылок и отправился искать отчет по каютам. Настроение уже было не то, и Астахов с сожалением бросил дистанционку на надувную подушку. Посидев немного на постели, он осознал, что желания работать у него не прибавилось. Но и валяться без дела было глупо.

Со скуки Астахов пошел по каютам. В каюте у Лежнева он обнаружил еще парочку тунеядцев — Семен Родионович играл в шахматы с Биллом Селлингом. Судя по внешнему виду пана Петлюры, он находился в проигрышном положении, но все еще хорохорился и, как крейсер «Варяг», шел ко дну под гордо развевающимся флагом. Увидев Астахова, Семен Родионович нехорошо обрадовался и с радостным возгласом: «А вот наш Боренька пришел, сейчас он нам расскажет что-нибудь интересненькое!» быстро смешал фигуры на доске.

— How are you? — вежливо сказал Селлинг и покивал Лежневу. — You made the same boobo, Samuel! Но, — он поднял палец, — я есть сог-гласен!

Учитывая, что великодушный Селлинг благородно согласился на ничью, Лежнев добровольно отправился за соком. Астахов сел на его место и задумчиво посмотрел в иллюминатор. За прозрачной броней стояла бурая мгла, сквозь которую ни черта не было видно.

— Это будет долго, Борья, — сказал Селлинг. — Ж-жаль. Вся программа недельки к шорту!

— Моя тоже, — уныло сказал Астахов, играя шахматной фигуркой.

В каюту заглянул Олекса Цымбаларь и поинтересовался, не видел ли кто-нибудь из присутствующих дискету с отчетом по последней «линзе». Увидев Астахова, он не стал дожидать-

ся ответа и прикрыл за собой дверь. И правильно сделал, Астахов уже готов был ему достойно сказать, где он дискету с этим отчетом видел и где пан Цымбаларь ее может найти.

— Людья работ-тают, — печально сказал Селлингс.

— Люди придуряются, — возразил Борис. — Он уже полдня этот отчет ищет и найти не может.

— «Ль-инза» — это... как сказать будет... интерь-есно, — по-прежнему печально сказал Селлингс. — Есть чем голову сломать, вы мьеня понимаете, Борь-ис?

Астахов Селлингса понимал. Проблемы, связанные с «линзами», действительно были интересными. Никто не мог понять, почему «линзы» залегают в почве планеты таким неравномерным образом. Как будто кто-то взял и собрал всю воду в эти компактные чечевицы, а затем разместил их по магнитным линиям. Но вот ведь какая ерунда получалась: там, где по расчетам «линза» должна была быть, ее не оказывалось, а там, где ее заведомо быть не могло, эта ледяная чечевица обнаруживалась самым наглым образом. И плевать ей было на все расчеты хохла Олексы Цымбаларя и рафинированного француза Шарля де Лавальера!

Упомяни о черте!

В каюту вновь заглянул Цымбаларь, задумчиво оглядел присутствующих и, пробормотав «Здесь я уже был», закрыл за собой дверь.

— Ищет, — подмигнув Селлингсу, сказал Астахов. — Вчерашний день он ищет, он эту дискету еще с вечера в пэкашке Федорова оставил.

— Это есть неправильно, Борь-ис, — мягко упрекнул Селлингс. — Вы нужны сказать ему... э-э... мьесто.

— А вот не будет пользоваться чужими компьютерами, — мстительно сказал Астахов, но, не выдержав укоризненного взгляда американца, пожаловался: — Скучно, Билл...

— Скучьно, — согласно покивал Селлингс. — Дьел столько, а погода... — И Селлингс тоскливо посмотрел в иллюминатор, прозрачную броню которого лизали бурые языки взвихренного песка.

Они помолчали. Молчание уже становилось тягостным, но тут дверь каюты распахнулась, и вошел Лежнев с пакетами консервированного сока.

— Скучаете? — поинтересовался он. — Боречка, ты бы рассказал что-нибудь веселенькое. Ты же можешь, я знаю!

Астахов подумал.

— Ладно, — покладисто согласился он. — Давайте я вам про Вторую лунную расскажу. Я еще не рассказывал эту историю?

— Которую? — переспросил Лежнев. — Ты про эту Вторую лунную столько рассказывал...

— Про выпел, — уточнил Борис.

— Про выпел я не слышал. — Пан Петлюра откупорил пакеты, сунул в отверстия соломинки и почти торжественно вручил собеседникам их порции.

Астахов потянул из трубочки сок. Сок оказался яблочным и прохладным. Он немного щипал язык своей кислотностью, но это было все же лучше, чем приторная сладость других.

— В сорок третьем это было, — начал Борис свое повествование. — Если помните, базу тогда монтировали в кратере у лунных Кордильер. Мудрить особо не стали, лазерами проплавили туннели в базальте, облицевали их пластиком, кесон-камеры и люки понадежнее поставили, получилось, как говорится, дешево и сердито. А чтобы электроэнергии на все хватало, решили гелиостанцию смонтировать рядом с кратером. Ну и устроили субботник. Так сказать, День подсобного работника.

Выгнали всех, даже сам начальник экспедиции Клайв Расс решил всех личным примером вдохновить. Надо сказать, что вкалывал он не хуже других, будь здоров, как вкалывал! А командовал еще хлеще! И вот на южном склоне, где резервные батареи монтировали, натывается он на непонятные металлические кружочки явно искусственного происхождения. Шум, конечно, на всю Луну, Расс никого к этим кружочкам не подпускает, требует, пусть сначала все на видеокамеру снимут, кружочки эти блестящие лунной пылью припудрены, значит,

без обману все, естественно, не подкинул никто ничего, и кружочки эти до появления работников на поверхности нашего спутника лежали.

Притащили видеокамеру, засняли все. Расс как первооткрыватель торжественно наклоняется, поднимает один из кружочков и под объективом видеокамеры начинает его разглядывать. И тут мы даже сквозь светофильтры видим, как физиономия нашего начальника становится багровой. И есть от чего — почти столетие считалось, что на Луну первыми высадились американцы на «Аполлоне», а тут такой конфуз — на металлическом выпеле выбит герб нацистской Германии, свастика, ихний вождь Гитлер в профиль, надпись «Deutschland — uber alles!», а главное — дата: одна тысяча девятьсот тридцать четвертый год!

— Помню, — сказал Лежнев. — Большой скандал тогда вышел! Шума тогда было много. Брауна вспомнили, его ракеты, даже байку раскопали, что в одна тысяча девятьсот сорок втором на полигоне немецком запуск первой ракеты с космонавтом на борту состоялся. А раз так, то простой запуск мог еще раньше быть!

— Это есть пропаганда, — погрозил пальцем Селлингс. — Pablisiti!

— С чего бы мне, русскому, немцев рекламировать? — удивился Астахов. — Я бы тогда лучше хохлам все приписал. Мол, на выпеле Степан Бандера, галушка и надпись «Хай живе рідна ненька Украйна!». А первый выпел на Луну русские отправили, еще когда мы с хохлами одним Советским Союзом были!

— Ты лучше скажи, чем вся эта история закончилась? — сказал Лежнев. — Я же знаю, что все это потом не подтвердилось!

— Подтвердилось, — авторитетно сказал Астахов. — Еще как подтвердилось. Только совсем не то, что вы думаете. Дошныне журналисты раскопали, что в две тысячи тридцать четвертом году одному из состоятельных неонацистов пришла в голову идея отметить столетие со дня основания Великого

рейха. Вбухал он в эту идею кучу денег, запустил в космос «лунник» под видом спутника связи, а все остальное решил оставить на откуп потомкам. Пусть, мол, они акценты над приоритетами проставят!

Селлингс захохотал и погрозил пальцем Астахову. Борис расплылся в простецкой улыбке и развел руками — мол, за что купил, за то и продаю!

— Я всегда говорил, — авторитетно заявил Лежнев. — Для самых таинственных историй имеется простейшее объяснение. Но история хорошая.

— Best, — подтвердил Селлингс и показал большой палец.

Лежнев откинулся в кресле и некоторое время задумчиво потягивал через трубочку сок.

— Я вот что думаю, мужики, — сказал он. — Сколько эта погодка держаться будет, одному Марсу известно. А не устроить ли нам, господа-товарищи, конкурс на лучшую историю? С условием, чтобы она была из жизни рассказчика, чтобы в ней присутствовала тайна и у этой тайны было в конце реалистическое объяснение, а?

— Мысль неплохая, — сказал Астахов. — Но невыполнимая. Тим не поддержит. Скажет, что нужно делом заниматься, а не языки чесать.

— Че-сать? — удивился Селлингс. — Зачь-ем?

— Ну вот видишь, — сказал Астахов. — Даже Билл нас не понимает, как это можно чесать языки, когда надо работать!

Селлингс наконец понял и радостно замахал руками.

— Neу, neу, — вскричал он. — I'll do my best to help you!

— Если идею одобряют трое, то она вполне выполнима, — упрямо сказал Лежнев. — Главное, подойти к ней с нужного конца...

В каюту вновь заглянул потерянный Цымбаларь.

— Олекса! — радостно вскричал Лежнев. — Иди сюда, Шурик! Дело есть!

— Материалы по последней «линзе» найти не могу, — озабоченно сказал Цымбаларь. — Ты не видел дискеты, Сема? Она еще с оранжевой такой наклейкой...

— Не видел я твоей дискеты, — отмахнулся Лежнев. — Мы вот тут конкурс задумали на лучшего рассказчика. Как тебе наша идея?

Цымбаларь некоторое время смотрел на него.

— Понял, — наконец сказал он. — Научную конференцию задумали провести? Давно пора. Я тоже с докладом по «линзам» выступлю.

Селингс радостно захохотал.

— Брысь! — с отвращением сказал Лежнев. — Сгинь с глаз моих, потомок Кия и Щека! Нет в тебе полета свободной мысли! Я ему про отдых души, а он... Иди, Шурик, иди!

Цымбаларь вышел, но через секунду снова заглянул в каюту.

— Так я не понял, — сказал он. — О чем вы на конференции говорить хотите?

Селлингс весело сполз с кресла. Астахов подавился соком. Лежнев швырнул в Цымбаларя шахматным конем. Голова Олексы исчезла.

— И чтоб я тебя больше никогда не видел! — запоздало вскричал Семен Лежнев. — Я-то думал, что все психи на Земле остались!

К обеду идея выкристаллизовалась настолько, что обрела форму плаката, который Селлингс и Лежнев торжественно повесили в общей столовой. Текст был сделан на английском и русском языках.

КОНКУРС

на лучшую историю из жизни

невероятные события с реалистическими

объяснениями

ПРИГЛАШАЮТСЯ ВСЕ

ГЛАВНЫЙ ПРИЗ — БУТЫЛКА ОТЛИЧНОГО

КОНЬЯКА

У плаката немедленно собрались любопытствующие.

— Это уже не смешно, — сказал Мыкола Свиристюк. На этот раз говорил он по-английски, чтобы было понятно всем. —

Нет, я не спорю, идея неплохая, но зачем над людьми издеваться? Где жюри возьмет бутылку коньяка? Да еще отличного!

— Фирма гарантирует, — загадочно сказал Семен Лежнев. — Горилки з перцем не обещаю, а коньяк будет настоящим.

После этого заявления пана Петлюры, да еще сделанного при таком количестве свидетелей, идея обрела плоть. В самом ведь деле, хорошо сидеть в теплой и уютной столовой, слушать удивительные истории, в то время когда за стенами свистит ветер, несется ржавая поземка, поднимающаяся почти до звезд, и температура на поверхности планеты падает до минус семидесяти градусов по Цельсию.

Глава одиннадцатая

САМ СЕБЕ НЕ ХОЗЯИН, 2057 ГОД

В кабинете у Чамберса было прохладно, но разговор медленно становился все более напряженным. Ни тональность его, ни направленность Круглову не нравились.

— Не понимаю, — раздраженно сказал Чамберс. — Что тебя не устраивает? На этой работе ты постоянно оказываешься в центре событий, Алекс. Ты становишься исторической личностью, как Авраам Линкольн или Джордж Вашингтон. Но тебе хочется бросить все и вернуться к профессии пилота. Почему? Это ведь глупо, Алекс. Более интересной работы у тебя никогда не будет. Это я тебе говорю! И потом, ты меня вполне устраиваешь. Ты очень многое успел за последние годы.

Круглов уныло смотрел в окно.

— Каждый должен заниматься своим делом, — неловко сказал он. — Понимаешь, я чувствую себя не на месте. Не

надо делать из меня межгосударственного деятеля. Я пилот, Ричард, и этим все сказано.

— Какой ты пилот, — злобно сказал Чамберс. — Посмотри на себя. Ты уже отстал и с каждым годом будешь отставать все больше. Романтик! — В устах Чамберса это прозвучало настоящим ругательством. — Тебе уже не двадцать лет, Алекс, ты занимаешься тем, чем должен заниматься умный и знающий дело человек. Ты хорошо показал себя на Луне, неплохо зарекомендовал себя у саперов, но я никак не могу понять, какого дьявола тебя тянет делать все самому? Ты рискуешь, как мальчишка!

— Вот поэтому я и не хочу быть инспектором, — мрачно сказал Круглов. — Каждый раз ты должен выбирать из кого-то. А нормальный человек должен рисковать сам, а не подвергать опасности других людей.

— Расскажи это в российском Сенате, — ядовито посоветовал председатель КОСМОЮНЕСКО. — Там тебя поймут!

— Да не хочу я кому-то объяснять очевидное! — Круглов махнул рукой. — Достаточно, что я все объяснил себе сам! Короче, Ричард, ты должен мне помочь.

— В смысле? — недоуменно поднял брови Чамберс.

— Я хочу уйти в программу «Икар», — сказал Круглов. — Там готовится первая модель планетолета нового типа. Скорее это даже не планетолет, а межзвездник. Меня возьмут туда испытателем, мне надо, чтобы ты замолвил словечко перед медицинской комиссией. Ты видел меня в деле и хорошо знаешь, что все их придирки — бред, чушь собачья. Сейчас я готов, как никогда.

— А если тебя все-таки забракуют? — с любопытством поинтересовался Чамберс.

— Не пойдет, — решительно отозвался инспектор. — Ты сразу воспользуешься этой лазейкой, чтобы привязать меня к КОСМОЮНЕСКО раз и навсегда. Но зачем тебе чиновник, который будет искренне ненавидеть свою работу?

Чамберс покачал головой.

— Я думал, ты уже вырос, — грустно сказал он. — Я хотел бы, чтобы ты очень хорошо подумал. Нет, пышные некрологи я тебе обещаю, ты их вполне заслужил. Тахионные монстры слишком ненадежны, чтобы риск их испытаний оставался в допустимых рамках. Или ты надеешься принять участие в межзвездной экспедиции? Напрасно, Алекс, подготовительные работы затянутся лет на пятьдесят. К звездам полетят те, кто еще не родился. А ты нужен здесь.

Круглов вздохнул, поднялся, разминая затекшие ноги, пошел к окну. За окном простиралась небоскрежная панорама Нью-Йорка. Между многоэтажными зданиями торопливо сновали воздушные такси — основание города было отдано паркам и пешеходным тропинкам. Некоторое время он следил за серебристыми шариками такси.

— У нас еще хватает дел в собственной системе, — сказал ему в спину Чамберс. — Зачем человечеству звезды? Мы еще не созрели для звезд.

— А тебе самому не хочется узнать, что происходит у Сириуса? — не оборачиваясь, спросил Круглов. — Или увидеть своими глазами океаны планеты у Бетельгейзе?

Сидящий за столом Чамберс фыркнул.

— Мало ли, чего мне хочется, — сказал он. — Надо думать не о том, чего тебе хочется, надо думать о том, что необходимо обществу. А обществу необходимо в данный момент, чтобы Чамберс и Круглов занимались организацией межпланетного флота. Это важнее. Человечеству нужна Луна, человечеству нужны Марс и Венера, человечеству скоро понадобятся спутники больших планет. А звезды человечеству пока не нужны, звезды необходимы отдельным людям, чтобы ублажить свое самолюбие и потешить любопытство.

— Ты меня не убедил, — возвращаясь к столу, сказал Круглов. — Сегодняшнее любопытство всегда обеспечивает будущую пользу. Если человечество утратит любопытство, оно начнет запаздывать. Мы перестанем успевать обеспечивать собственные потребности.

— Только не надо громких слов, — поморщился Чамберс. — Только не надо говорить о Земле, как о колыбели, утверждать, что человечество не может вечно жить в этой самой колыбели. Мы ведь и не живем, мы вышли в космос, обживаем Солнечную систему. Просто не надо торопиться, всему свой черед.

— Ты мне поможешь? — Круглов сел напротив Чамберса. Тот отвел глаза.

— Ты берешь меня за глотку, — пробормотал он. — Знаешь что? Давай сходим в китайский квартал. Мы с тобой тысячу лет не пробовали вонтонского супа. Выпьем вина, полакомимся пресноводными креветками, там и поговорим. Идет?

— Бюрократ-гурман, — веселея, сказал Круглов и встал. — Пошли? Время обеда.

В китайском ресторане было прохладно. Повар-китаец поставил перед ними фритюрницу и принялся филигранно играть ножами, одновременно ловко пластая еще трепещущую рыбку. Чамберс и Круглов на китайца внимания не обращали, поэтому повар кудесничал больше для себя. Видно было, что это занятие ему нравилось, а может, сказывался характер, но с круглого и узкоглазого лица китайца не сползала широкая улыбка. Из своего кабинета выглянул хозяин — Старый Ма, — узнал гостей и низко им поклонился, приложив ладони к груди.

— Не понимаю, — сказал Чамберс, размахивая палочками. — Что за проблемы, Алекс? Ты на месте, понимаешь, ты делаешь важное и нужное дело, я даже не знаю, кем тебя и заменить. За год ты успел столько, что невозможно представить. Ты разобрался в ярославской проблеме. Джонсон этого не сделал за два года, а тебе потребовалось меньше года. Ты сделал важное дело на Луне, ты привел в норму эту вольницу на «Союзе». И после этого ты заявляешь, что занимался не своим делом? Нет, Алекс, я решительно тебя не понимаю!

— Вот именно, — мрачно сказал Круглов. — Приходится принимать решения. Приходится унижать людей. Даже если

обходится без унижений, все равно на одного довольного приходится сто недовольных. И я сам чувствую, что меняюсь. И не в лучшую сторону, Ричард. Власть развращает и портит людей, а мне ужасно не хочется портиться.

— Глупости, — сказал Чамберс, придвигая к себе принесенную тарелку, на которой зеленел салат, где выделялись тоненькие кольца красного жгучего перца и белели кусочки рыбы. — Я этого не замечал. И сколько я ни разговаривал с людьми, никто не сказал о тебе ничего плохого.

— Себя порой видишь лучше. — Круглов неохотно ковырял свою порцию. Разговор ему был неприятен, и он даже не пытался скрывать этого. — Я уже принял решение, Ричард, можешь меня не отговаривать.

— Он принял решение! — Полное лицо Чамберса побагровело. — Он принял решение! Нет, вы только посмотрите на него, он принял решение! А на программу тебе наплевать. Не выйдет!

Повар прекратил свою эквилибристику и вопросительно посмотрел на Чамберса. Тот махнул рукой, показывая, что громкие фразы повара не касаются.

— Так вот, Алекс, — сказал председатель КОСМОЮНЕС-КО. — Катись ты со своими переживаниями! Завершишь ярославскую программу, там и посмотрим. А пока тебе предстоит очередной полет. На этот раз на Марс. Принято решение о расширении марсианских поселений. Там обнаружено почти открытое месторождение трансурановых. Решено ставить там завод, а на орбите Марса будет заправочная станция. Марс, таким образом, превращается в космодром подскока. Оттуда экспедиции будут уходить в Заземелье. Ты участвовал в разработке проекта? Вот и будь добр принять участие в его реализации. Туда ты летишь не один, туда идет целая флотилия. Для этого подготовлены «Ниагара», «Гагарин» и «Вашингтон», счет оборудования ведется на сотни тонн. И мне хорошо, по крайней мере я в течение десяти месяцев не буду видеть твою страдальческую физиономию и слушать, как ты терзаешься и хлишь свои комплексы. И не говори ничего! — Чамберс поднял

руки, словно защищался от Круглова. — Решение уже принято, Алекс, и принимал его не только я.

Повар поставил перед ними тарелочки со сложными салатами и гарнирами, перед каждым из них появились овальные блюда с дымящейся рыбой. Чамберс сладострастно пошевелил губами, склонился над своей порцией, вдыхая ароматы.

— Ладно, — сказал он. — Оставим на время споры. Предадимся чревоугодию. Настоятельно рекомендую, Алекс, на Марсе ты этого не поешь!

— Странное дело, — вслух подумал Круглов. — Каждый раз, когда возникают сложности в наших отношениях, вы тянете меня в ресторан. С чего бы это, Ричард?

— Не ищи особых причин, — посоветовал Чамберс, вытирая губы салфеткой и с наслаждением делая глоток чая из тонкой фарфоровой чашечки. — Просто сытого человека легче уламливать. Сытый человек лучше чувствует общую гармонию, он умиротворен, ему лень возражать.

— Психолог, — с уважительной насмешливостью сказал Круглов. — Ладно, Ричард, ты меня уговорил. Отложим разговор до возвращения с Марса, тем более что самые неприятные разговоры мне еще предстоят.

— Собираешься на родину? — внимательно глянул Чамберс.

— Пора решить все вопросы. — Круглов кивнул официанту, ожидавшему этого знака. — Тем более что назад я вернусь почти через год. Кстати, вот еще одна причина, чтобы поработать в программе «Икар». Есть возможность значительно сократить сроки перелетов. Мы слишком застоялись, пора сделать еще один шаг. Скорость должна расти, а расстояния — сокращаться.

— И ты говоришь, что не чувствуешь себя функционером? — Чамберс театрально возвел очи горе. — Правильной дорогой идете, товарищ Круглов, как говорят наши китайские друзья.

Он посмотрел на часы.

— Кажется, на этот раз мои увещания не особо затянулись, — удовлетворенно сказал он. — Итак, Марс. Сейчас там

одно поселение. Форпост в горах можно не считать, хотя он является важнейшей отправной точкой принятого решения. Наша задача — довести за десять лет поселения на Марсе до десяти — пятнадцати тысяч человек. Красивая задача, не правда ли? Кроме того, планируется создать поселение на орбите. Так что Ярославский завод со своей идеей появился крайне своевременно. Поселение на орбите будет на первых порах складом и ремонтной базой, в дальнейшем планируется развернуть там космолитейный завод, сборочный цех и мощную астрофизическую станцию. Я тебя познакомлю со всеми документами. Подумай, Алекс, тебе придется стоять у истоков космической цивилизации в полном соответствии с прогнозами вашего Циолковского. Это тебя не убеждает?

— Свое отношение к происходящему я уже высказал, — глядя в окно, сказал Круглов. — Каждому свое, не так ли?

— Только ты от этого своего почему-то бежишь, — поднимаясь, сказал Чамберс.

Они вышли из ресторана. Служба погоды проводила профилактическую разрядку облаков, и над Нью-Йорком, над его небоскребами и скверами, моросил легкий дождь, делая нежной и глянцевой листву, заставляя оживать пожухшую от жары траву, делая темными и скользкими полибетонные дорожки. С левой стороны небес облаков не было, и в синеве сияло солнце. «К грибам», — машинально подумал Круглов и едва не засмеялся: ну какие, к черту, грибы в мегаполисе? Неподалеку на темном влажном пятачке посадочной площадки приземлилось маршрутное аэротакси, из которого выскочили два одинаковых курчавых негритенка и, весело препираясь, помчались в парк, откуда доносились возбужденные детские голоса. Круглов знал, что там находится бейсбольная площадка, но негритята, по-видимому, были зрителями. По крайней мере сумок со спортивной амуницией он у них не увидел.

— Так ты сейчас куда? — спросил Чамберс, поглядывая на часы. — У меня в три часа совещание по лунным проблемам. Мы туда направляем хорошую экспедицию. Звездные

имена, Алекс. Зоопсихологи, ксенологи, специалисты по изолированным общественным группам. Не хочешь присутствовать?

— Не хочу, — глядя вслед беззаботным мальчишкам, сказал Круглов. — Мне еще в библиотеку ООН надо заскочить, поинтересоваться материалами по Марсу. Хорошим я буду функционером, если покажу свое полное невежество во всех тамошних делах.

— Правильно, — сказал Чамберс, протягивая ему руку. — Только не начинай с конца прошлого века, ты уж поверь, та история тебе ничего не даст.

Некоторое время Круглов смотрел вслед председателю КОСМОЮНЕСКО. Чамберс торопливо уходил по улице, обходя образовавшиеся лужи, в которых еще пузырился дождь. Чамберсу было рядом, это Круглову надо было добираться на другой конец города. Он обреченно вздохнул и зашагал к аэротакси, желтеющему на сером пяточке посадочной площадки.

Оказавшись в кабине, он набрал на клавиатуре адрес. Маршрутное аэротакси водителя не имело, его компьютер ориентировался по маячкам, установленным на зданиях. Едва Круглов набрал адрес, аэротакси опустило прозрачный купол, мягко, почти неслышно запели двигатели — два винтовых агрегата по триста пятьдесят лошадиных сил, скрытые под обшивкой машины, немного походящей на летающую тарелку, какой ее обычно изображали в конце прошлого века.

Круглов откинулся в кресле, некоторое время смотрел на громады небоскребов, проплывающих по курсу машины, потом взял со столика иллюстрированный журнал и принялся коротать время полета.

Он с досадой подумал, что Чамберс снова обставил его по всем статьям. Впрочем, этому не стоило особенно удивляться. Запреты врачей все еще оставались в силе, поэтому будущее Круглова в какой-то мере продолжало зависеть от председателя КОСМОЮНЕСКО. И все-таки ему было досадно. Мысленно он еще придумывал аргументы за свой переход в про-

грамму «Икар», правда, аргументы эти не казались ему самому слишком убедительными. Чамберс был прав: задачи, что стояли перед комитетом, были слишком важны, чтобы зависеть от прихоти одного человека, хотя бы этим человеком был он сам. Будь он на месте Чамберса, Алексей Николаевич поступил бы точно так же. Человечество нуждается в расширении своего космического пространства, дальнейшая экспансия неизбежна. Следовательно, он, Круглов, должен встать под знамена этой экспансии, и встать не тем, кем ему самому хотелось бы, а специалистом, в котором общество в настоящий момент весьма нуждается. Чамберс был прав, но все равно было досадно. Круглов представил себе тахиопространственный спейсрейдер, о котором он недавно говорил с руководителем программы «Икар», и легкая зависть к пилоту, который поведет корабль через два пространства, на миг охватила его. Но на подобную грусть у Круглова не было времени, следовало до отлета в Россию ознакомиться с положением дел на Марсе, со всей марсианской программой, а за час или два вникнуть во все проблемы было нереально.

Сидеть в библиотеке не хотелось, пусть там было уютно и тихо, пусть там было хорошо — работали люстры Чижевского и прекрасные кондиционеры. «Возьму дискету», — подумал Круглов. Пожалуй, это был выход — сунуть дискету в наручный компьютер и просмотреть все материалы через информкорректор, похожий на зеркальные очки.

Для получения информации не стоило ехать в библиотеку, можно было заказать ее прямо со стратосферника. Но педантизм Круглова взял свое — вдруг есть материалы, еще не занесенные в Сеть? Для получения этой информации надо было обязательно поговорить со специалистами библиотеки. Это Круглов так обманывал себя, просто ему хотелось немного пообщаться с людьми, не связанными с делами КОСМО-ЮНЕСКО, а потому и приятными в разговоре. Тем более что большая часть сотрудников библиотеки относилась к прекрасному полу, который за рабочей суетой и постоянными полетами Круглов уже стал забывать.

Глава двенадцатая

РОССИЯ. 2057 ГОД

Стратосферник очертаниями походил скорее на плоскую рыбину, чем на летательный аппарат. Сделан он был по модернизированному проекту немецкого ракетчика Зенгера, который работал над ним еще в сороковые годы. Именно с такого дальнего бомбардировщика Зенгер планировал бомбить американские города. Теперь же стратосферник, сделанный по его проекту, занимался сугубо мирным делом — перевозил пассажиров и грузы с континента на континент. Стратосферник был снабжен ракетным двигателем, полет протекал на высотах от пятидесяти до трехсот километров, и скорость стратосферника могла достигать сорока тысяч километров в час. В конце восходящей траектории полета ракетный двигатель выключался, и далее полет продолжался благодаря запасенной кинетической энергии путем планирования по волнообразной траектории с постепенно затухающей амплитудой. Проще говоря, стратосферник двигался подобно плоскому камню, пущенному умелой рукой над водой. Он отталкивался от атмосферы, оставляя за собой «блинчики» подскоков. Перелет до Москвы занимал несколько часов, которые можно было провести в баре или при желании посмотреть какой-нибудь фильм из многочисленной видеотеки лайнера. Круглов же постарался использовать это время с большей пользой — он познакомился с историей и проблемами марсианской экспансии.

Первый пилотируемый полет на Марс состоялся в две тысячи двадцать втором году. Экипаж пилотируемого корабля, который в память о первых спутниках назвали «Галилео Галилей», продолжался более двух лет. Экипаж был международным — в него входили три американца, двое русских, один немец и один китаец, который в последний момент заменил заболевшего британского астронавта. Экспедиция пробыла на Марсе двенадцать суток. Для изучения планеты этого времени

оказалось мало, зато члены экспедиции с успехом выполнили другую задачу — подготовили и установили купол, способный принять последующие экспедиции, провели пробные бурения и обнаружили запасы воды. Кроме этого, члены экспедиции установили и запустили компактный ядерный реактор «Арзамас-5», который в марсианских условиях зарекомендовал себя прекрасно. Заглушив реактор и оставив в куполе запасы продовольствия, первая марсианская экспедиция отправилась восвояси, успев, однако, по пути исследовать один из спутников Марса — Деймос.

Они не зря торопились: «Галилей» еще находился на половине пути к Земле, когда на Марс высадились вторая экспедиция. Теперь уже в научных изысканиях приняло участие три планетолета, а общая численность экспедиции превысила срок человек. Пока одни, находясь на орбите, исследовали спутники Марса, основная группа высадились на планету, провела картографические изыскания, геологическую разведку обширной территории и завершила монтаж основной базы, которая расположилась вблизи марсианского Олимпа. Оставив на планете группу исследователей, вторая экспедиция вернулась на Землю. Результаты экспедиции были довольно скромными, они не шли ни в какое сравнение с открытиями, сделанными к тому времени исследователями Луны. Но все понимали, что это всего лишь начало — Марс был лакомым кусочком, экспедиции спонсировались даже крупными корпорациями вроде «Петролиума» или «Юкоса», которые надеялись в обозримом будущем получить от своей щедрости некоторую выгоду.

После этого говорить о новых экспедициях на Красную планету стало глупо, люди находились там постоянно, все последующие планетолеты, посещающие Марс, доставляли туда оборудование, продовольствие, запасы воды и горючего, а также новых людей, которые раз в год меняли предыдущих исследователей.

На исследования не скупилась, уже тогда по перспективному плану освоения Солнечной системы предполагалось, что именно Марс станет базой для броски в дальнее Заземелье. Но для этого требовалось обнаружить на Марсе трансурановые

элементы, поставить завод по их переработке в топливо для ядерных двигателей планетолетов, а главное — создать на Марсе продовольственную базу.

Вторая задача в последующие двадцать лет решалась более успешно. Благодаря успехам в генетике канадским биоинженерам удалось вырастить культуры, которые могли плодоносить даже в суровых марсианских условиях. Сейчас в некоторых марсианских долинах уже зеленели всходы многолетних посевов озимарной пшеницы и ржи. Поэтому не стоило удивляться тому, что в последние годы на Марс стала поставляться сельскохозяйственная техника, оборудованная для работы в марсианских условиях.

Круглов не представлял, что там может расти — в суровых марсианских условиях. К Марсу он никогда не ходил. К планетам-гигантам ходил трижды, а вот Марс оставался где-то в стороне. Было бы интересно побывать в марсианских поселениях, увидеть все своими глазами, но Круглову не нравился сам полет, который грозил растянуться почти на год. Тем не менее, если назвался груздем... Алексей Николаевич печально вздохнул. Теперь он уже укорял себя за мягкотелость. Надо было добиваться нужного решения более жесткими методами, глядишь, Чамберс и дрогнул бы.

Он неторопливо принялся знакомиться с досье тех, кто в настоящее время работал на Марсе. Было их около шестидесяти человек, в основном Круглову почти не знакомые, разве что знал он в свое время некоего Билла Селлингса, правда, маловероятно было, что этот Селлингс окажется именно тем инфантильным астрохимиком, которого он знал по экспедиции к спутникам Юпитера. Хотя... Внимание Круглова привлекла фамилия Цымбаларь. А вот Олексу Круглов знал. Правда, он полагал, что Дзюба сейчас сидит на искусственном спутнике Венеры, а тот вон куда махнул! Специалист он, конечно, неплохой, только рассеянный немного. Вечно чего-то теряет, вечно все забывает, у Венеры за ним приходилось отдельно следить, как за маленьким ребенком, он ведь в порыве научной страсти порой и поесть вовремя забывал.

Он еще продолжал изучать материалы, касающиеся Марса, когда в динамиках стратосферника послышался мелодичный голос, который обратился к пассажирам по-английски, а потом продублировал сообщение на русском, испанском, французском и немецком языках.

— Уважаемые дамы и господа! Наш полет подошел к концу. Через шесть минут мы приземлимся на аэрокрост города Москвы. Температура в столице России плюс двадцать семь градусов по Цельсию. Местное время шестнадцать часов двадцать пять минут. Экипаж прощается с вами, надеемся, что путешествие было приятным для вас. Счастливого дальнейшего пути, уважаемые пассажиры. О недостатках, имевших место в полете, вы можете сообщить по телефону...

Судя по этой фразе, европейский комитет защиты прав потребителей добился контроля за межконтинентальными стратосферниками, раньше такого не было, панамериканский союз пилотов отстаивал свои исключительные права более чем успешно. Но похоже, что потребительский союз своего все равно добился, пусть даже через страсбургский суд.

Прямо в Ступино Круглов пересел на аэротакси. Мегapolis продолжал строиться. На юго-западе высилась цепочка пластиковых куполов терминалов оптовой торговли, на востоке в дымке темнели небоскребы столицы. На юге что-то фиолетово полыхало на весь горизонт. Попутчиком Круглова оказался невысокий мужчина в непривычной межпланетнику пестрой одежде. Он с кем-то разговаривал, время от времени бросая удивленные взгляды на Круглова. Космический загар в сочетании с универкомом производили на мужчину впечатление. Да и сам Круглов старался не показывать своего удивления. В моде явно произошли значительные изменения, которых он не мог понять. Впрочем, на площади Маяковского аэротакси опустилось на крышу здания интеграционного Совета Евразии, и попутчик сошел.

Круглов не имел намерений задерживаться в Москве. Город ему не нравился, более того, мегapolis давно уже перерос те пределы, которые позволяли ему называться городом. Ско-

рее это было маленькое государство, на котором вполне могли разместиться несколько небольших европейских стран. Таких городов на планете было не так уж и много — Нью-Йорк, Амстердам, в какой-то мере Париж и Гамбург, остальные уже прекратили свой рост, и только Москва постоянно вытягивала свои окраины, однако увеличивала она свои размеры и в глубину. Пожалуй, подземный город был не меньше того, что находился на поверхности, туда постепенно уходило производство и транспорт, которым жители российской столицы по привычке пользовались более охотно, нежели воздушным.

Из столицы за три часа Круглов добрался до Саратова, откуда монорельсом отправился в дальнейший путь. До Барнаула добраться можно было довольно быстро, но Круглов умышленно выбрал этот вариант — можно было в окна стремительного вагона, идущего со скоростью восемьсот километров в час, посмотреть, что сейчас происходит на родине. Слева цепочкой шли дирижабли, внешне напоминающие летающие тарелки, как их рисовали в научно-популярных журналах конца прошлого века. Под каждым дирижаблем покачивалось по несколько опор высоковольтной линии — в тайге беспроволочную передачу энергии использовать было слишком опасно, вот и тянули многокилометровые линии передач, чтобы избежать возможных лесных пожаров. Тихоходные неторопливые дирижабли очень скоро остались позади, и по обе стороны монорельса потянулась тайга. Среди деревьев мелькали купола и жилые корпуса — освоение Сибири шло полным ходом. Кое-где виднелись скопления ветряков, лопасти которых находились в постоянном вращении. Освоение территорий всегда требует дополнительной энергии, линии ЛЭП со своей задачей по снабжению энергией уже не справлялись, и приходилось прибегать к альтернативным источникам.

Впереди Круглова в мягких креслах сидела немолодая пара. Мужчина и женщина негромко беседовали. Подслушивать чужие разговоры нехорошо, но произвольно Алексей Николаевич ловил обрывки фраз, из которых он понял, о чем разговаривали попутчики.

— Елизавета Вениаминовна, — сказал мужчина. — Вы все увидите своими глазами. Настоящая долина смерти. И не где-нибудь в Африке, нет, совсем рядом — неподалеку от Ковы. Механизмы смерти еще недостаточно изучены, но предварительный вывод уже очевиден — во всем виновато болото. Под болотом залежи серы и каменного угля, настоящая химическая лаборатория. Время от времени вспыхивают подземные пожары, и тогда газовые смеси вырываются наружу, убивая все живое.

— Подземная гроза, — убежденно отозвалась женщина. — Здесь слишком велики подземные потенциалы, время от времени под землей начинаются настоящие грозы.

— Я бы не стал утверждать столь однозначно, — промямлил мужчина. — Возможно, вы правы, но пока у нас для подобных выводов нет достаточных оснований. Поисковая группа, которую вы возглавите, будет оснащена всем необходимым оборудованием...

«Люди занимаются делом, — с внезапной завистью подумал Круглов. — А ты — функционер. Ты только делаешь вид, что занимаешься делом, а на самом деле мешаешь работать другим. И при этом их обижаешь».

Он неторопливо поднялся и перешел в пустой угол салона, где мерцал стереовизор. Объемное изображение висело в воздухе, выступая сантиметров на пятнадцать из плоского экрана. Показывали старый кинофильм, название его Круглов уже забыл, но фильм, как он помнил, был о школе. Его внимательно смотрел подросток в сетчатой майке и серых брюках. Запястья рук подростка были в разноцветных браслетах, длинные волосы прижимал обруч из серебристого металла. Подростку надоело смотреть фильм, и он переключил стереовизор на другую программу. На этом канале выступала незнакомая Круглову музыкальная группа. Музыка, которую исполняла группа, на вкус Круглова была довольно скучной, в ней присутствовали индийские и китайские мотивы, но подросток слушал выступление группы с видимым удовольствием. Он даже стал покачиваться в такт мелодии.

Круглов откинулся в кресле и прикрыл глаза. Глупо было тратить время зря, надо было бы ознакомиться с марсианскими материалами до конца, но сейчас Алексею Николаевичу захотелось просто посидеть вот так, с закрытыми глазами, ни о чем не думая, а просто слушая тягучую неторопливую мелодию, которая пришла на смену хард-кантри, которую поколение Круглова слушало в юности. С закрытыми глазами движение поезда совсем не ощущалось, как и торможение на редких промежуточных станциях.

Концерт закончился, и по стереовизору розовощекий и пышущий здоровьем диктор начал излагать последние известия:

— Международная команда спасателей закончила очистку Балтийского моря от затопленного в середине прошлого века химического оружия. Поднято на поверхность более четырнадцать тысяч снарядов и мин, которые обезврежены и переработаны на конверсионном заводе в Шиханах.

Вступила в строй Камчатская термоэлектростанция, обеспечивающая потребности региона в электроэнергии.

Русско-японское предприятие на Шикотане в рамках программы восстановления океанских ресурсов выпустило в океан более двух миллиардов мальков сельди, полученных путем клонирования.

Открыли для посещения остров Новая Земля, на протяжении десятков лет служивший полигоном для ядерных испытаний России. Представители «Гринписа» заявили, что они радиационной обстановкой на острове вполне удовлетворены.

Вступил в строй завод теплоизоляционных материалов в Минусинске. Теперь не надо гнать эшелоны через всю страну, потребности Якутии полностью обеспечиваются местной продукцией.

В Санкт-Петербурге открылся океанариум. Животный мир океана представлен в нем почти двумя тысячами видов рыб и морских животных.

В Большом театре триумфально выступала Ирина Хаапалу. Ее сольные партии в «Лебедином озере» и «Лунной тишине» поразили воображение балетоманов.

В Санкт-Петербурге прошли очередные Ефремовские чтения.

В Воронеже начал работу Детский театр теней. Прославленный режиссер Игорь Виторган поставил на сцене театра пьесу Януша Милевского «Спящий дракон», с огромным успехом прошедшую в прошлом году на помостках многих европейских театров.

Люди работали.

Круглов дослушал новости и посмотрел на часы. До Барнаула оставалось еще около часа езды.

Тренированное сознание не подвело, он открыл глаза за десять минут до станции. Поезд высадил редких пассажиров и унесся по направлению к Тихому океану, оставив после себя струи взвихренного воздуха. Круглов прошел на станцию. За полгода здесь все разительно изменилось — появилось огромное панно с изображением отряда казаков, перебирающихся через реку вброд. Чуть ниже перрона открылось экспресс-кафе, к которому со всех сторон вели ступеньки из голубоватого полибетона.

Изменился и город. Центральная улица, начинающаяся привокзальной площадью, стала еще более просторной, по обе стороны ее высились изящные, архитектурно продуманные дома, образующие кварталы, в которые органично вкраплялись кусочки тайги, березовые рощи или просто зеленые газоны, где возилась пестро одетая детвора.

Странное дело, но Круглов не чувствовал себя дома, а перестроенные улицы только усиливали чувство отчужденности.

Здесь, в провинции, еще использовался наземный транспорт. Разумеется, двигателей внутреннего сгорания уже не использовали, повсеместно они были заменены электромоторами, поэтому шума от движущегося транспорта практически не было. Проезжая часть дорог была отделена от городских кварталов невысоким ограждением, на котором монтировалась маячковая система, позволяющая машинам ориентироваться. До своего прежнего дома Круглов добрался быстро. Дома никого не было.

Оксану он нашел в библиотеке. Она что-то писала, задумчиво покусывая кончик ручки.

При виде бывшего мужа лицо ее приобрело недовольный и озабоченный вид.

— Явился, — сказала она. — Ну здравствуй, я думала, ты уже окончательно небожителем стал, на нашу грешную Землю и ступить боишься.

— Я зашел домой, никого нет, — сказал Круглов. — Борька куда-то ушел...

— Ты посмотри, — недобро прищурилась Оксана. — О сыне вспомнил! Борьки нет, он в оздоровительном лагере. А тебя каким ветром занесло в наше захолустье?

— Вас захотелось увидеть, — неловко пробормотал Круглов. Сейчас он ничем не напоминал опытного и уверенного в своих силах космолетчика. Но Оксана не собиралась вникать в переживания бывшего мужа.

— Хотел посмотреть, как мы живем? — поинтересовалась она. — Хорошо живем. О тебе не тоскуем. Надо же, у нашего папы выдалось свободное время! И что, мы с Борькой должны плакать от умиления?

— Ну, зачем ты так? — тихо сказал Круглов. — Я соскучился, честное слово, соскучился.

— А мы, представь себе, совсем не скучали, — обожгла его взглядом бывшая жена. — Ни капельки не скучали. Ведь ты даже не знаешь, в какой класс пошел наш сын, ты не знаешь, как он учится! Ты ничего не знаешь и никогда не хотел знать. Поздно спохватился, Лешенька. Мы уже гуляем сами по себе.

— Ты же сама все решила для себя, — глядя в сторону, пробормотал Круглов. — А меня только поставила в известность. Ты же знаешь, мы тогда чудом уцелели.

— И поэтому ты после возвращения не торопился домой? — насмешливо поинтересовалась женщина.

Объяснять ей что-то было бесполезно. Круглов промолчал.

— Потому и ушла, что похоронила тебя мысленно, — вдруг горько сказала Оксана. — Лучше уж так, чем вечно терзаться,

ожидая, когда ты спустишься со своих небес. И спустишься ли вообще.

Она помолчала, исподлобья глядя на мужа, потом тихо сказала:

— Зачем ты приехал? Мы прекрасно жили вдвоем. Ты не представляешь себе жизни без звезд. Но мы-то с Борькой живем без них. Уезжай. Ему будет очень плохо, если вы встретитесь. Он так тебя ждал!

Плохо было сейчас Круглову, но он старался не подавать виду. Оксана говорила все правильно. И решила, наверное, тоже правильно — так было спокойней ей и сыну. А Круглов был плохим отцом, он и сам понимал это. Но он продолжал сидеть напротив Оксаны, все искал нужные слова и не находил их.

— Уезжай, — сказала Оксана и встала. Она отошла к окну и сейчас стояла, опираясь на подоконник, такая же стройная и тоненькая, как в день их знакомства.

Алексей встал.

— И все-таки ты погоди решать, — севшим голосом сказал он. — Давай поговорим, когда я вернусь.

— Ты опять улетаешь? — равнодушно спросила женщина. — Куда на этот раз?

— На Марс, — сказал Круглов. — Вернусь через год. Давай подождем немного, время все расставит на свои места. Хорошо?

Женщина смотрела в окно, наматывая на палец пряди длинных русых волос.

— Оно уже все расставило, — не оборачиваясь, сказала она. — У тебя своя жизнь, а у нас с Борькой — своя.

— И все-таки у мальчишки должен быть отец. — Фраза была заготовленной заранее, но сейчас, произнеся ее, Круглов почувствовал, как фальшиво она прозвучала.

— Вспомнил. — У губ бывшей жены появились вертикальные складочки. — И, конечно, наш сын должен гордиться отцом, покоряющим космическое пространство. Знаешь, совсем не хочется гордиться, хочется, чтобы он был рядом, чувство-

вать его твердое надежное плечо. Уезжай, Леша. Слишком поздно все. — Она подняла на Круглова сухие глаза и тихо повторила: — Уезжай.

Некоторое время Круглов неловко сидел. Разговора не получилось. А чего он, собственно, ждал? Что ему бросятся на шею с распростертыми объятиями?

— Давай все-таки подождем, — сказал он, глядя в сторону. — Я вернусь, и тогда мы поговорим. Хорошо?

— Время само все решит, — сказала Оксана.

Круглов поднялся. Нехорошо ему было, все слова, что он заготовил заранее, были ненужными и казались теперь лишеными смысла. Набор фраз, которые были бесполезны.

— До свидания, — сказал он.

Оксана не ответила. Она стояла спиной к Алексею и смотрела в окно.

Круглов пошел на выход. Он бы, конечно, вернулся, все могло перевернуться и стать совершенно другим, если бы он знал, что Оксана беззвучно плачет, стараясь, чтобы не дрожали плечи. Этого бывший муж не должен был видеть, она не хотела, чтобы Круглов видел ее слабость.

Круглов и не увидел.

Спустя два часа он уже летел во Владивосток, а оттуда в Новую Зеландию, где находился плавучий космодром. Он нарочно выбрал для полета старую эрэшку, которая сейчас неторопливо плыла над океаном. У зелено-желтой цепочки островов покачивались на ленивых волнах темные коробки рыбаков, где путем клонирования воспроизводили и выпускали в океан мальков, осуществляя таким образом воспроизводство, уже непосильное для природы. У островов нежная синяя вода меняла свой цвет до серо-зеленого из-за обилия планктона — выпущенных в океан мальков следовало хорошо кормить. Со стороны океана виднелись темные фигурки китов, пришедших попасть к островам. Охота на них была давно запрещена, теперь на весь океан насчитывалось несколько тысяч китов разного вида, шли интенсивные работы по увеличению их поголовья.

Круглов вздохнул. Следовало привести в порядок свою смятенную душу. Теперь, когда надежды на примирение с Оксаной не осталось, он вдруг почувствовал себя легче. Словно избавился от непосильной ноши, давившей на плечи. По крайней мере этот вопрос в его жизни был решен до конца.

Некоторое время он наблюдал за океанским простором, где люди работали, обеспечивая будущее мира необходимыми запасами продовольствия. Люди работали.

И Круглов, отбросив ненужные и вредные мысли о своей неудачливой личной жизни, вновь принялся за изучение марсианских материалов. В конце концов, работу ничто не могло отменить. Даже личная жизнь, которая в случае с Кругловым неизбежно отходила на второй план.

Глупо обижаться на судьбу, которая дала тебе возможность жить среди звезд.

Круглов и не обижался.

Глава тринадцатая

МАРСИАНСКИЙ ДЕКАМЕРОН, 2057 ГОД

1. ЗЕРКАЛО НА МЕРКУРИИ

Видно было, что Кобуясима волнуется. А чему здесь удивляться? Первому всегда труднее, чем тем, кто идет следом.

Японец то и дело приглаживал темные волосы и прикладывался к пакету с соком. В столовой собрались почти все, даже Тим Данн явился, хотя сразу же высказался в том плане, что идею он в принципе одобряет, но возражает против алкогольного приза. По его мнению, настоящий ученый не может туманить свою голову алкоголем, это всегда сказывается на умственных способностях. Гленн Патрик мечтательно потя-

нулся на стуле и сказал, что добрый стаканчик еще никому не мешал, известно же, что даже Эйнштейн коньячком с удовольствием баловался, и первые космонавты на орбитальных околоземных станциях этим полезным напитком не пренебрегали, и даже президент Ричард Фостер о нем отзывается очень даже положительно.

В спор стали постепенно включаться и другие участники экспедиции, образовалось два лагеря, различно относившихся к коньячному призу Лежнева, но скоро выяснилось, что в основном спор идет о том, есть ли у пана Петлюры коньяк или он нагло блефует. Одни требовали, чтобы Лежнев подтвердил существование бутылки и доказательственно выставил приз на стол, другие возражали и требовали, чтобы тайна оставалась тайной, иначе потеряется вся прелесть задуманного конкурса. Японец с импровизированной сцены робко кашлял, стараясь привлечь к себе внимание. Наконец спорщики на него свое внимание обратили и принялись чинно рассаживаться вокруг сцены.

— Давай, давай, — подбодрил японца Лежнев. — Не слушай ты этих болтунов. Тебе, Фудзи, что нужно, коньяк или все-таки историю рассказать хочется?

По внешнему виду и поведению видно было, что Фудзи Кобуясима хочется и того, и другого.

— Было это на Меркурии, — начал японец. — В сорок девятом году. Все вы, господа, помните эту экспедицию, организованную КОСМОЮНЕСКО.

— А разве в ней японцы участие принимали? — засомневался космобиолог Кен Сен Ир.

На китайца яростно зашикали, не мешай, коммуняка, японцу рассказывать, потом, если будут вопросы, задашь! Кен Сен Ир откинулся в кресле, саркастически улыбаясь: мол, давай воздвигай из малых песчинок лжи гору обмана!

— Тогда я имел штатовское подданство, — осторожно пояснил Кобуясима и улыбнулся, отчего сразу стал похож на раскосого суслика. — На родину я вернулся уже после этой экспедиции.

— Реэмигрант, — понимающе закивал Будрис Липенайтис. — Я всегда говорил, что рано или поздно, но зов родины услышит каждый, кто живет на чужбине.

— Конечно, услышит! — поддакнул Моисей Симанович. — Зов родины мои папа и мама слышали в двадцать втором, а теперь этот зов и меня в Иерусалиме достает уже второй год. Прямо не знаю — ехать или не ехать?

— Ты, Моисей, помалкивай, — повернулся к нему Лежнев. — Тебя не Россия, тебя Украина зовет. Я же знаю, что твои родители в Одессе жили.

— У каждого уважающего себя еврея, предки которого жили в Советском Союзе, одна родина, — гордо возразил Симанович. — И столица нашей родины — Москва. В остальных городах нормальному еврею жить скучно.

В начавшийся спор азартно влез американский исследователь Тим Даруотер, который на поверку оказался чистокровным индейцем чероки, и высказал свое недоумение тому, что зова не слышат оккупировавшие его родину англосаксы, иначе бы они давно уже реэмигрировали на свою историческую вотчину. И вообще, what about?..

— Господа, господа, — вмешался в начавшийся спор де Лавальер. — Давайте все-таки дослушаем уважаемого обитателя Страны восходящего солнца.

Кобуясима с благодарностью покивал ему и с нескрываемым осуждением оглядел присутствующих.

— Так вот, — сказал он, — с вашего разрешения я продолжу, господа. Как я говорил, дело было в сорок девятом году. Экспедиция находилась на Меркурии уже четыре недели, когда уважаемый Михаил Оганесян открыл ртутное зеркало в ущелье уважаемого доктора Заммердинкера. Кто был на Меркурии, тот никогда не забудет Сумеречного пояса и цепи пещер, что тянется вдоль хребта Черенкова. Это, господа, очень красивое зрелище и вместе с тем — жутковатое. Буквально рядом кипит почва, легкие металлы собираются на поверхности разноцветными, словно мыльная вода, озерами. Они частично

испаряются, и над озерами даже образуется некоторое подобие атмосферы.

У меня это была первая экспедиция в космос. За год до нее я женился на прекрасной девушке по имени Оринари. Ей было двадцать лет, и мы познакомились с ней в маленьком уютном кафе на вершине Фудзиямы. Было время цветения сакуры...

— Он нам всю свою жизнь хочет рассказать, — саркастически ухмыльнулся Кен Сен Ир. — Пусть лучше скажет, какое отношение его девушка имеет к рассказываемой истории!

— Самое непосредственное, — с достоинством сказал Кобуясима. — Можете поверить мне на слово, уважаемые господа. Я бы никогда не стал рассказывать о своей Оринари, если бы моя история не имела к ней отношения. Каждый мужчина в глубине своей души — гордый самурай, он никогда не станет впутывать любимую женщину в историю, которая ее совершенно не касается. Он лучше сделает себе харакири.

— Дайте ему рассказать! — крикнули из задних рядов. — А Кену заткните рот, иначе он нам весь конкурс сорвет! Продолжай, Фудзи. Никто меркурианского зеркала в глаза не видел, только статьи да рефераты о нем в научных журналах читали!

Кобуясима благодарно приложил руки к груди.

— Так вот, уважаемые господа. На Меркурий я летел, будучи молодоженом, и очень скучал о своей молодой жене, которая осталась на Земле одна и, как я думал и надеялся, в свою очередь очень скучала обо мне.

Зеркало, которое обнаружил всеми уважаемый Михаил Оганесян, представляло собой мембрану, которая своей серебряной поверхностью отделяла освещенную светилом поверхность и Сумеречную зону. Трудно было сказать, за счет чего оно держалось в овальном проеме скал, это потом уже уважаемый доктор Заммердинкер подробно исследовал его природу и любезно поделился своими догадками в «Нью-космик ревю», а тогда все мы были поражены открывшимся че-

ловеческим глазам фантастическим зрелищем. Представьте себе оплавленные, обуглившиеся под лучами палящего солнца скалы. Скалы эти, казалось, являются оправой для гигантского зеркала, в котором гротескно отражались камни, звездное небо и люди, которые к этому зеркалу подходили. Оно было около мили в высоту и четырехсот футов — в ширину. Издалека оно напоминало фантастический лаз в пустоту, проход в темные миры, и только приблизившись, вы обнаруживали гигантское зеркало, отражающее в увеличенном виде все находящееся перед ним.

И вот это зеркало, господа, подарило мне однажды космический стыд. В тот день мы с доктором Заммердинкером проводили съемку близ зеркала, и эта наша съемка немедленно транслировалась на Землю, мы очень желали, чтобы грандиозные открытия, сделанные нами, не пропали в случае нелепой и случайной гибели экспедиции на обратном пути. Все вы знаете, что и космические корабли, и люди, летящие в них, всего лишь песчинки, которые всецело зависят от окружающего их пространства. И если говорить честно, нам хотелось утвердить свой приоритет и доказать, что Земля не зря вкладывает деньги в освоение космоса. Я думаю, что каждый из сидящих сейчас здесь понимает наши чувства.

И вот, когда прямая трансляция на Землю была в самом разгаре, зеркало начало показывать. Да, господа, оно начало показывать картины, которые не имели никакого отношения к унылым пейзажам Меркурия!

— Помню, — мечтательно сказал Фокс Трентелл. — Такие картиночки оно тогда продемонстрировало!

Кобуясима покраснел, насколько ему позволял цвет лица.

— Да, уважаемые господа, — сказал он. — Вначале все окрасилось в красный цвет, и мы увидели бесконечную пустыню в лучах закатного солнца. Прямо в закат уезжали трое всадников на лошадях. Они были мужественными и выглядели очень усталыми, словно только что закончили тяжелую работу или героически схватились со своими врагами и едва не

потерпели поражение. По их лицам было видно, что всадники еще молоды, но уже преисполнены опыта.

— Так это же из классики! — проснулся Николай Федоров. — Я в детстве по стерео раз пять смотрел! Точно, «Приключения неуловимых»!

— Уважаемый Мыкола-сан ошибается, — с горестным достоинством поправил Кобуясима. — Это были заключительные кадры из героического японского фильма «Красные самураи».

— Откуда в Японии красные самураи? — удивился Кен Сен Ир. — Белые они всегда были! Товарищ Мао верно заметил...

— Ах, отстаньте вы со своим товарищем Мао, — закричал кто-то звонко из последних рядов. — Дайте же наконец рассказать Фудзи свою историю!

Кобуясима поклонился.

— Благодарю, — сказал он. — Так вот, мы все молча смотрели на красных от крови самураев, гордо уезжающих в закат. И в это время что-то в зеркале изменилось, оно словно бы закипело, потом в этом странном кипении начала медленно проявляться какая-то картина, но когда она появилась... — Кобуясима судорожно вздохнул. — Когда картина стала совсем четкой, господа, я увидел свою молодую супругу. Оринари, сидя, как того требовал древний обычай, занималась любовью с господином Ихонотаямой, нашим соседом, которого я хорошо знал. От стыда я едва не покончил с собой, но меня удержал уважаемый доктор Заммердинкер, который рассказал мне несколько историй из своей бурной юности. Позднее психологи, входившие в нашу экспедицию, объяснили мне, что ничего подобного в действительности не происходило. Все эти картины явились следствием отражения зеркалом образов, которые возникали в моем сознании. Моя несравненная Оринари была по-прежнему верна мне, а господин Ихонотаяма не входил в нашу гостиную и не снимал свои гэта перед семейной по-

стелью дома Кобуясима. — Японец на мгновение прикрыл рукой глаза, но нашел в себе мужество и продолжил: — Тем не менее все, что демонстрировалось зеркалом, видела вся Земля. Я не смог найти оправдания своей ревности, и мы с Оринари расстались.

И вот что интересно, господа, — ни разу после того зеркало не продемонстрировало ни одной картины, сколько бы наблюдений за ним ни велось. Возможно, что единственный раз в жизни молекулярные колебания зеркала и микролептонное излучение человеческого мозга вошли в резонанс. Но все закончилось полным конфузом и привело к разрушению моей семьи.

Сутулясь и шаркая подошвами, японец сошел с импровизированной сцены. Видимо, воспоминания расстроили Кобуясиму, потому что в зале столовой он не задержался.

Фокс Трентелл склонился к уху Астахова.

— Я тебе все расскажу до конца, Борис, — шепнул он. — Знал я эту самую Оринари, она сейчас поет в ресторане Маэды на склоне Фудзиямы. И знаешь что она мне рассказала? Ах, Фокс, говорит она мне, ваш проклятый космос лишил меня семьи. Мой Фудзи был на Меркурии, когда ко мне в гости зашел наш сосед, уважаемый всеми господин Ихонотаяма. Мы выпили sake, потом martini, потом он научил меня делать двойной «дайкири» и так незаметно склонил меня заняться любовью. И в это время по стереовизору стали показывать Меркурий, это самое зеркало, и я сказала господину Ихонотаяме: «Смотрите, Седзи, видите, где сейчас находится мой муж?» Сердце мое переполнилось гордостью за моего Фудзи, и в это время зеркало начало показывать то, как мы с господином Ихонотаямой занимаемся любовью!

Господи, ну почему этот Меркурий находится так далеко? Я бы разбила это зеркало! Оно сломало мою семейную жизнь!

— Так, выходит, это были не воображаемые картины, подсказанные меркурианскому зеркалу ревностью Фудзи Кобуя-

симы? — удивленно переспросил Борис Астахов. — Значит, зеркало показывало то, что и в самом деле происходило на Земле?

Фокс Трентелл хитро и многозначительно усмехнулся.

— О, Борис! Ну, что мы пока еще знаем о безграничных возможностях окружающей нас Вселенной?

2. АСТЕРОИД, РОБОТЫ И АЗАРТ

Некоторое время народ в столовой рассуждал и спорил о загадках Космоса, о превратностях любви, поэтому никто не заметил, что на импровизированную трибуну для рассказчиков вылез невысокий смуглый итальянец. Звали его Луиджи Пазолини, и был он кибернетистом-системщиком. На нем лежала ответственность за всю кибернетику базы, но Луиджи со всем своим хозяйством неплохо справлялся, не иначе ему святой Януарий помогал.

Пазолини оглядел присутствующих и сказал:

— Все вы, господа, знаете, какая это пагубная страсть — играть в карты.

Сидящие в столовой разразились смешками и аплодисментами. Луиджи Пазолини вскинул руки над головой и подождал, пока шум в помещении стихнет.

— Однако и вы, господа, не подозреваете, каким страшным бедствием оказывается азарт в глубоком космосе. В пятьдесят втором я был высажен на астероид Гемоксен для проведения исследовательских работ. Правительство наше слишком бедно, чтобы позволить себе комплексную и многолюдную экспедицию. И как следствие, на астероид я высадился в полном одиночестве, если, конечно, не считать робота Аристарха. Робот этот был из серии тех самых человекоподобных машин, от которых впоследствии КОСМОНАСА отказалось, но мне досталось испытать горькую чашу общения с этой машиной до самого дна. Клянусь, если бы был жив великий Данте Алигьери, он бы, несомненно, посвятил нашим с Аристархом взаи-

моотношениям душераздирающую поэму. Но, к сожалению или к счастью, великий Данте умер, и обо всем произошедшем на астероиде Гемоксен вы можете узнать лишь из моего рассказа. Поэтому я призываю всех быть повнимательнее. Некоторые полагают итальянцев несерьезными, может быть, так оно и есть, но то, что я вам сейчас расскажу, было на самом деле и, клянусь короной римского папы, доставило мне много неприятных минут.

Нет, поначалу все было хорошо. Я занимался своими делами, робот днями пропадал на поверхности астероида, брал пробы, бурил скважины, проводил химические и спектральные анализы, вел наблюдения за силовыми полями астероида, в общем, делал то, что и полагается делать не обремененному душой и не отягощенному верой в бога роботу. Аристарху в отличие от меня не надо было в конце каждой недели сидеть перед автоматическим отпускателем грехов и думать, не согрешил ли ты в эту неделю хотя бы мысленно.

Вечерами мы с Аристархом сидели в жилом куполе на трех человек, я пил пиво, а робот занимался мелким саморемонтом и подзаряжался электричеством.

Скука на астероиде была невероятная, компьютерные художественные программы мне быстро надоели, связь с Землей осуществлялась раз в три дня, поэтому вечерами я играл с компьютером в карты. В основном мы играли в преферанс. Каждый, кто играл с компьютером, знает, какая это мука — играть в карты без каких-либо заранее обусловленных ставок. Это все равно что ловить рыбу в аквариуме, где сидят несколько аквалангистов, готовых насаживать на твой крючок крупных рыбок.

Только из-за скуки, господа, я принялся обучать Аристарха игре в карты. Третьим партнером у нас был компьютер, благо манипуляторы у этой модели имелись. Поначалу я постоянно выигрывал у своих автоматических партнеров. Роботы сильны своей логикой, в то время как в картах важна не столько логика, а чисто человеческая способность к блефу.

Ну, разве может робот объявить мизер при червовом валете, которого невозможно сбросить? Или сыграть бескозырку, рискуя не получить ни одной взятки? Неудивительно, что я постоянно выигрывал у Аристарха, заставляя робота исполнять мои нехитрые желания. Однако я был доволен. Теперь я видел некоторый смысл в томительных вечерах на бешено несущемся в космическую бездну астероиде.

И вот в один из вечеров, когда я нагло объявил взятки на червях, большая часть из которых находилась на руках у Аристарха, робот замигал лампочками, уставился на меня линзами своих окуляров и принялся мудро покачивать своей круглой металлической башкой. Казалось, что до него стала доходить моя карточная стратегия, но я, к сожалению, был слишком самоуверен и не обратил на эти покачивания никакого внимания.

В следующей партии Аристарх у меня выиграл. И как! Я не поверил своим глазам. Дважды он оставил меня без трех, потом без двух взяток и закончил великолепным мизером, в котором умудрился всучить мне червовую десятку, на которую он просто обязан был взять свое.

Время от времени мы с ним продолжали обыгрывать бортовой компьютер, но удовольствия от этого я не испытывал, ведь компьютер не пошлешь в хранилище за жестяной пива. Что испытывал при этом Аристарх, я сказать затрудняюсь, но лампочки на его панцире начинали бегать живее, а два раза я даже мог поклясться, что слышу, как довольно поют его трансформаторы.

И наконец стал проигрывать я! Святая дева Мария! Я проигрывал двум жестяным банкам, вы представляете это, господа? Вы скажете, что две жестянки не могут договориться между собой играть против человека. Я тоже всегда так думал. Но они выигрывали у меня. Свои желания мы с Аристархом записывали на листок бумаги и запечатывали в конверт, что придавало игре дополнительный азарт. Чаще других конверты приходилось вскрывать Аристарху, но вот наконец выпал черный день и на мою долю. Вскрыв кон-

верт, я обнаружил, что по желанию Аристарха обязан прощипывать горячим маслом его шарообразные суставы. И не надо смеяться, господа! Вы просто не знаете, какая это муторная работа! Карточный долг — это долг чести. Остаток вечера я провел за техобслуживанием Аристарха, и, клянусь святым Айзеком, это роботу понравилось. Вы смеетесь, а мне тогда было не до шуток. Одержимый азартом, я весь отдался игре. Работа была забыта. Теперь мы играли днем и даже пропустили из-за игры очередной сеанс связи с Землей. Это несколько отрезвило меня, и работы возобновились. Но вечера! Они полностью были посвящены азартной игре. Я выигрывал все реже и реже. Желания Аристарха постепенно менялись. Теперь я уже выходил на поверхность и бурил скважины, брал образцы, проводил необходимые анализы, в то время как Аристарх оставался под куполом. Одному богу известно, чем он занимался там в мое отсутствие. Постепенно я проигрывал все больше и больше. Теперь у меня не оставалось времени ни на что, кроме обслуживания Аристарха, почесывания его темени и пяток переменным током или надраиванию его титанового корпуса до невысказанного блеска. Иногда он заставлял меня увеличить память бортовому компьютеру или пройтись над схемой компьютера теплым воздухом из пылесоса. Все рабочее время я проводил на поверхности астероида, выполняя работу за Аристарха. Что вы хотите, господа, карточный долг — это долг чести! Я вкалывал, как святой Варфоломей! Хуже! Пожалуй, даже сам господь так не напрягался в свои шесть дней сотворения мира!

Челнок прилетел за мной, когда я работал на поверхности. В купол они вошли без меня, я еще только пробирался к своей базе. Командир челнока Николо Андреотти потом говорил мне, что он долго и с изумлением разглядывал Аристарха, который, лежа на моей постели, смотрел на экране компьютера художественный фильм «Роботы Белой Зари» и время от времени заливал в головной штуцер немножечко смазки, которая была налита в жестянку из-под пива.

— Ты хоть потом разобрался, за счет чего он у тебя выигрывал, Луиджи? — с интересом поинтересовался Лежнев.

Итальянец горестно засмеялся.

— Конечно, разобрался, — сказал он. — Все было до идиотизма просто. Он просто поставил себе и компьютеру модемы, поэтому знал все карты, которые были у того на руках!

— Действительно, просто! — кивнул Лежнев. — Я даже не удивлюсь, если он действительно смотрел фильм. Но вот масло в шуцер... Признайся, Луиджи, с маслом в пивной банке ты все же немножечко переборщил!

— Но это же не я! — экспансивно всплеснул руками итальянец. — Я сам это знаю со слов Андреотти! Желающие могут уточнить у него.

— Это мы можем узнать только на Земле, — задумчиво сказал Лежнев. — Вести переговоры по радио... Нас на смех поднимут, если мы на всю систему начнем интересоваться, действительно ли робот Аристарх на астероиде Гемоксен смаковал масло из пивной банки!

— Кстати, — вмешался в разговор Фокс Трентелл, — а где он сейчас, этот Аристарх, Луиджи?

Пазолини покраснел.

— Я слишком много проиграл ему, — сознался итальянец. — Пришлось мне выкупать робота. Сами знаете, карточный долг — это долг чести! Теперь он живет у меня в Санта-Чинелли, присматривает за домом, гуляет с детьми и собакой, а в свободное время посещает карточный клуб «Семерка пик».

— Играет? — поинтересовался Лежнев.

— Вы не поверите. — Итальянец вздохнул. — Обычно они играют на пару с компьютером, который, согласно желанию Аристарха, мне тоже пришлось выкупить. Вместе они непобедимы. Они уже стали почетными членами клуба и теперь тренируются, чтобы успешно выступить на очередном чемпионате мира!

Лежнев покачал головой и оглядел окружающих.

— Желаящие выйти на сцену есть? — спросил он.

Моисей Симанович решительно поднялся со своего места.

— Только без арабов! — решительно предупредил его Астахов. Борис наслаждался происходящим. С началом конкурса его безделье становилось как бы официальным, и можно было не опасаться укоризненных взглядов товарищей и начальства. Астахов даже ворот комбинезона распустил, чтобы дышалось легче.

Симанович фыркнул и встал на место, приготовленное для рассказчиков.

— Слава Иегове, потомки и поклонники Ясира Арафата пока еще в космос не летают. Они ему на Земле поклоняются, — проворчал он. — Вот уж действительно, кого хочет покарать господь, у того он отбирает разум!

С вашего позволения, господа, я буду рассказывать не о себе. За всю мою не слишком долгую жизнь со мной, слава Иегове, ничего странного и нуждающегося в рациональных объяснениях не происходило. А вот с моим дядей... — Симанович задумался, и было видно, что он думает сейчас не о том, как бы покрасивше соврать, а о том, как ему начать свой рассказ о дяде.

3. ОБМАНУТЫЙ САТАНА

— Мой дядя, Меир Фенхель, был лихим космонавтом, — начал Симанович. — Родись он в суровые двадцатые годы прошлого столетия, дядя, несомненно, стал бы комиссаром в пыльном шлеме и кожаной куртке, но, увы, жизнь не дала дяде такого шанса, и он родился в благополучной семье еврея-ашкенази в кибуце имени Голды Меир на севере Израиля. С детства он привык бороться с трудностями, поэтому сразу после совершеннолетия эмигрировал в Соединенные Штаты, где поступил, к всеобщему удивлению родственников и материнскому горю, в известную Школу астронавтики, которую создала во Флориде КОСМОЮНЕСКО.

Разумеется, что школу он окончил с отличием. Удивляться тут нечему: Ротшильду и Рокфеллеру господь дал мозги, Моше Даяну — воинскую доблесть, а Меир Фенхель получил от него то, что евреям давалось редко и по субботним дням, — отвагу. Причем отваги господь отсыпал Меиру Фенхелю столько, что ее хватило бы на весь кибуц, но жители его в день рождения Фенхеля стояли в очереди за хитростью и коммерческой сметкой, поэтому вся благодать свалилась на голову маленького Меира.

Два учебных орбитальных полета с русскими, еще один — с американцами, и юного Меира заметили и даже стали приглашать в многонациональные экспедиции, благо к своему основному достоинству Фенхелю досталось от бога умение ладить с людьми. А вы знаете, какое это трудное занятие. Кто не знает, может попробовать договориться с ливанским арабом по очереди стрелять из автомата и убедить его, что первым стрелять должны именно вы. Так вот, Меир Фенхель был способен даже на это.

Настал день, когда дядя отправился на Венеру. Делать там, конечно, было нечего, и гешефт от Венеры был сомнительным, но Меира Фенхеля подогревало то, что он был первым евреем, которому предстояло ступить на поверхность Богини Любви. Женщин он в своей жизни покорил достаточно, теперь ему захотелось покорить планету.

Вот это тщеславное желание едва не сгубило дядю. Было это в пятьдесят седьмом году, был год беспокойного Солнца, и протуберанцы едва не лизали Меркурий. Это и привело к тому, что импульсный планетолет дяди потерпел аварию и начал свое движение по роковой спирали, в центре которой находилось Солнце. Подобный случай был с экипажем «Ладоги». Надо сказать, они с честью вышли из безвыходной ситуации.

Любой американец или европеец, несомненно, в этой ситуации опустил бы руки, но Меир Фенхель привык бороться до последнего. Надо честно сказать, что шансы на спасение у него были мизерными. Такие шансы на спасение

могли быть у раввина, который тайно высадился на побережье Саудовской Аравии, но разве этот грустный факт мог заставить дядю опустить руки? Кто думает так, просто не знает Меира Фенхеля! Не буду вдаваться в технические подробности, ибо они отнимут у нас довольно много времени, скажу только одно — древние астрономы были правы, и близ нашего светила вращается еще одна маленькая планетка, которая, подобно Меркурию, постоянно обращена к Солнцу одной своей стороной. Дядя назвал ее Вельзевулом и, к сожалению, не ошибся.

Думать о спасении планетолета не приходилось, и дядя покинул его на небольшом челноке. Некоторые из вас назовут Меира Фенхеля сумасшедшим и будут правы, ибо отвага чаще всего предполагает полное отсутствие мозгов. Не скажу, что мой дядя был абсолютно лишен серого вещества, но его поступок в свое время произвел впечатление и на меня.

Итак, Меир Фенхель подал сигнал бедствия, указал будущим спасателям свои координаты и покинул обреченный планетолет на небольшом челноке. С огромными техническими трудностями, в которые сейчас тоже не стоит вникать, Меир приземлился на неосвещенной стороне планетки и в ожидании спасателей решил заняться некоторыми исследованиями. Мало ли чего можно найти на необитаемой планете! А хорошая пригоршня алмазов или других драгоценных камней Меиру Фенхелю помешать не могла, как не могла она помешать любому из нас. Если кто-нибудь думает иначе, может мне отдать все жалованье, которое ему причитается за пребывание на Марсе.

Гулять по планете, которая едва не купается в солнечной плазме, удовольствие маленькое. Пусть ты даже в скафандре, все равно чувствуешь себя так, словно бредешь голым по пустыне Негев в самый разгар лета.

Но Меир Фенхель не просто гулял, он гулял в дело, поэтому к жаре он относился, как относятся к совместно проживающей сварливой теще. И вот, когда он обнаружил маленькое ущелье, на дне которого наблюдался подозрительно заманчи-

вый блеск, Меир увлекся так, что не заметил, как его схватили под руки, и обнаружил это, когда неизвестные, которых он не мог рассмотреть, уже увлекали его в темный зев ущелья, показавшееся ему бездонным.

А теперь я попрошу представить себе, что должен чувствовать человек, которого на безжизненной планете вдруг хватают, как какого-нибудь террориста из «Гринписа», и волокут в неизвестность? Тут уж никакой отваги не хватит. Нет, Меир Фенхель ничего предосудительного не совершил. Он просто потерял сознание.

А когда он в себя пришел, то лучше бы ему было этого не делать. Потому что прямо над ним удивленно хлопала большими и красивыми козьими глазами большерогая особь со свиным рылом и, нервно покручивая кончиком хвоста, думала вслух:

— А этого м... каким ветром к нам занесло?

Самое интересное, Меир Фенхель не мог сказать, думает ли это существо на идиш, но понимал его, как родного отца.

Долго рассказывать, как он находил общий язык с обитателями Вельзевула. Всякий суп нужно варить строго определенное время, иначе у тебя получится каша. Главное заключалось в том, что на Вельзевуле располагался тот самый пресловутый ад, которым пугают нас священники, когда мы перестаем носить им деньги.

Экскурсия по нему не доставила Меиру Фенхелю никакого удовольствия. Представьте, что вы однажды попали в компанию садистов и мазохистов, которые занимаются привычным делом и при этом не испытывают никакого удовольствия. То же самое происходило и на Вельзевуле. Грешники не испытывали удовольствия по вполне понятным причинам, однако за долгие годы вечных мучений они несколько притерпелись к пыткам и относились к ним как к неизбежному злу. Что касается тех, кто их мучил, то покажите мне такого идиота, который получал бы удовольствие от бесконечного рабочего дня и вечного исполнения служебных обязанностей!

Когда Меира Фенхеля после экскурсии повторно привели к хозяину Вельзевула, он ощущал себя эмигрантом из России, которому неожиданно сообщили, что вместо интеллигентной Вены его самолет летит в холодную Воркуту.

Однако ему любезно сообщили, что судьбой Меиру отмерено гораздо больше жизни, чем он полагает, и он может спасти себя, если подпишет контракт, по которому после смерти его душа станет полной собственностью жителей Вельзевула. А за это его доставят в любую точку системы, где находятся поселения землян. Властелин Вельзевула извинился, что не может подбросить Меира Фенхеля дальше Марса. По существующим законам путь за орбиту Марса для жителей Вельзевула был закрыт. То ли холодно для них там слишком было, то ли с богом они никак не могли договориться, но самое главное — дальше они его отправить не могли, не нарушив установленных в системе законов.

Разумеется, Меир Фенхель немедленно подписал с ними контракт. И это доказывает, что, кроме отваги, он все-таки был в определенной степени наделен мозгами. Теперь он живет в поясе астероидов и даже Марс остерегается посещать. В поясе вельзевулянам его не достать, и Меир справедливо сомневается, что когда-нибудь они договорятся с богом. Разумеется, он уверен, что никто не станет изменять законы ради одной хитроумной, хотя и заблудшей души. Поэтому у него всего лишь два пути — либо господь все-таки однажды приберет его душу, но она обязательно попадет в рай, либо он еще долго не расстанется с ней, и это, господа, крепко пахнет элементарным бессмертием.

Некоторое время все молчали.

— М-да, — покачал головой де Лавальер и потрепал себя за щегольские усики. — Ну что тут сказать? То они с богом единоборствами занимаются, то Сатану норовят обмануть. Добром все это не кончится.

— А что говорят астрономы насчет Вельзевула? — громко поинтересовался Тим Данн. — Я что-то не слышал, что-

бы внутри орбиты Меркурия была обнаружена еще какая-то планета. Может быть, все рассказанное нам сейчас обычный блеф?

— Хотелось бы верить в это, — осторожно сказал Фокс Трентелл. — Куда спокойнее жить, когда знаешь, что никакой дьявольской планетки близ Солнца нет и тебя там никто не ждет. Но в том-то вся и загвоздка, что некоторые астрономы, похоже, эту планетку изредка наблюдали. И зонд «Солнце-8» странную информацию передал, прежде чем сгорел в протуберанце.

— Вот, наверное, злились там, — хихикнул Астахов. — Они к этому Фенхелю со всей душой, а он такой фокус выкинул! Кстати, а в истории космонавтики этот случай отмечен? Ну, что некий астронавт вернулся на Землю без своего космического корабля?

— В том-то и дело, что такие случаи действительно имеются, — сообщил Данн. — Четыре случая зарегистрировано. И этот Меир Фенхель входит в это число, я хорошо помню.

— А другие чего рассказывают? — вклинился в разговор Лежнев.

— А ничего, — пожал плечами американец.

— Поня-ятно, — задумчиво протянул Лежнев. — Упал, значит, потерял сознание, очнулся — гипс!

— А может, они и в самом деле ничего не помнят, — примирительно сказал Трентелл. — Помню, мы однажды в Оттаве сели с приятелем в баре, а очнулся я в тамошнем полицейском участке. И ничего не помню, как отрезало!

Лежнев хмыкнул недоверчиво, потом негромко сказал Астахову:

— Давай, Боря! Народ уже скучать начал. Только я тебя прошу — без мистики. Не дай бог, о рае рассказывать начнешь!

Астахов встал и направился к трибуне для рассказчиков.

— Не буду я о сверхъестественном, — пообещал он. — Я лучше вам еще одну историю из жизни Второй лунной экспедиции расскажу.

4. ЛУННЫЙ МЕЧ

— Гартлинг в тот день потерял луноход. Кажется, у него забарахлил двигатель. Как бы то ни было, но до базы в кратере Арзахель он добирался пешком.

Уже в самом конце своего вынужденного путешествия он и заметил металлический красноватый отблеск на лунной поверхности. Для того чтобы выяснить, что там блесит, Гартлинг несколько отклонился от маршрута, и это его усердие было вознаграждено самым странным образом — рядом с язвочкой небольшого кратера он обнаружил короткий прямой меч. Специалистов по истории холодного оружия среди участников экспедиции не было, но на картинах и в скульптурах с такими мечами соплеменников изображали древние греки или чуть менее древние римляне. На Луне существенной разницы между ними не было. Потому что на Луне римляне или греки, тем более древние, могли оказаться лишь в фантастическом романе, да и то лишь по воле его автора.

Тем не менее меч был самым настоящим, и эфес у него был в виде головы орла или ястреба. Меч был бронзовым, и анализы показали, что сделан он был не ранее восьмидесятых годов нашей эры.

Неверующие могут увидеть этот меч в Калужском музее астронавтики. Каких-либо реальных гипотез, объясняющих, каким образом меч мог оказаться на Луне, до сих пор нет.

— А тут и гадать нечего, — сказал Данн. — Кто-нибудь из участников экспедиции и прихватил его на Луну. Чтобы разыграть остальных. А вы, дураки, на этот глупый розыгрыш клюнули!

Астахов засмеялся.

— Это самое простое объяснение, но дело в том, что такой розыгрыш действительно намечался. Только Джанни Сферелли немножечко не успел. Он действительно провез на Луну меч, но этот меч так и остался у него. Я видел его меч. У него была рукоять в виде головы пса. Это первое. Допустить, что два участника экспедиции одновременно задумали один и тот

же розыгрыш, просто невозможно. К тому же меч был обнаружен там, где мы еще не занимались исследовательскими работами.

— Скучный у тебя получился рассказ, — задумчиво сказал Лежнев. — Прямо-таки научный доклад, а не рассказ. Вот рассказ Симановича — совсем другое дело. А у тебя шарада из журнала «Развлечения» получилась. Вот вам факт, граждане, и ломайте над ним свои умные головы.

Симанович почесал затылок.

— Ну, этот самый грекоримлянин мог оказаться на поверхности Луны в результате спонтанной телепортации. Открыл глаза, вдохнул лунную пустоту и... — Симанович сделал рукой очевидный жест. — Мементум мори! Костей там не нашли?

— Не было там тела, — сказал Астахов. — Там потом весь грунт чуть ли не через решето просеяли. Но так ничего и не нашли.

— Тело могли сожрать лунные шакалы, — под общий смех сказал Симанович. — Или оно испарилось в результате прямого попадания метеорита.

— Нет, в этом что-то есть, — сказал Селлингс. — Не было на Луне никакого римлянина, был только его меч. Представьте себе, римляне одержали очередную победу. Восторг был столь велик, что в небо полетели шлемы, щиты и мечи. Этот всеобщий восторг и вызвал спонтанную телепортацию, и в результате ее меч перенесся в пространстве на сотни тысяч миль. А воин, к своему великому огорчению и стыду, остался без меча.

— А я точно знаю, — сказал Фокс Трентелл. — Это инопланетяне. Однозначно! Уперли с Земли древнего грека или римлянина прямо с поля битвы. Или с поста. Мужика в дело использовали, а меч им был просто ни к чему. Вот и бросили за ненадобностью.

— Да зачем им мужик на Луне нужен был? — удивился Луиджи Пазолини. — Они его и на Земле выпотрошить могли.

Кен Сен Ир сощурил и без того узкие глаза.

— Я думаю, это были атланты, — сказал он. — Прилетели они на Луну на исследовательском корабле. А мечи у них все-

гда при себе были. Для самозащиты. Какой-нибудь атлантский забулдыга его по пьянке и потерял.

— На Луне? — с сомнением спросил Симанович. — По пьянке?

— А что мы знаем об этих самых атлантах? — философски возразил китаец. — Может быть, это у них было в порядке вещей!

— Я тебя, Ира, уважаю, — сказал Симанович. — Но сейчас ты ерунду порешь. Какие атланты? Какие космические корабли?

— В восточных древних рукописях о них много говорится, — сказал китаец. — Даже описывается, как люди в космосе воевали!

— На мечях, — с издевкой добавил Фокс Трентелл. — Однозначно, они на Луне на мечях дрались. В Море Ясности.

— А может, это всего лишь игра природы, — после некоторого молчания предположил Кобуясима. — Вот я читал, однажды нашли камень, распилили его, а внутри точная копия Леонардо да Винчи. Мадонна Литта. Один к одному, только маленькая очень. В природе, господа, все может случиться.

— Боже мой! — со стоном сказал Мыкола Свиристюк, поднялся и с отвращением оглядел собравшихся. — Какой хреновиной мы все занимаемся! Люди где-то работают, а мы... Пойду лучше над статистикой поколдую. Все полезнее, чем гадать, как древний грек на Луне мог оказаться. Бред!

— Ну, во-первых, не древний грек, а только его меч, — вскрывая банку сока, возразил Астахов. — Во-вторых, строго говоря, мы не можем точно сказать, что это был именно грек. А в-третьих, ты, Мыкола, конечно, можешь уйти. Но тогда ты так и не узнаешь, был ли у пана Петлюры коньяк, а самое главное, ты никогда не узнаешь, кому он достался в качестве приза. И это самое прискорбное!

Широкоплечий Свиристюк немного потоптался, потом махнул рукой и сел на место.

— Он як ти мірекуешь? Горазд! — согласился он. — Почекаем!

5. ПРЯМАЯ ВЫГОДА

А чекать и в самом деле было чего.

Место рассказчика уже занял Фокс Трентелл и терпеливо ждал, когда украинец примет окончательное решение.

— Одно время, сразу после окончания Высшей школы астронавтики, я работал разгонщиком, — начал он. — Помните, когда комета Гишека нарушила равновесие в астероидном поясе, сразу же появилась нужда в нашей профессии. Как только астрономы определяли, что очередной астероид начинает угрожать Земле, пятерка разгонщиков направлялась к нему, на астероиде монтировали ракетные двигатели, после этого разгоняли астероид по безопасной траектории и благополучно эвакуировались. Пятерки наши были хорошо обучены, тренированы и психологически сбалансированы. Поэтому потерь среди разгонщиков почти не было, а почет и уважение были сами знаете какими. Разгонщики и сейчас в обществе в большом авторитете. Сами понимаете — спасители человечества, бесстрашные парни, оседлавшие смерть... Техасские ковбои с нами рядом и не сидели.

И вот мы с Бобом Хоторном балдеем на пляжах Акапулько, с нами очень миленькие блондиночки из скучающих и жаждущих приключений немочек, карманы от баксов топорщатся, в барах Акапулько выпивки сколько хочешь, да и погода стоит великолепная! Ловим мы с Бобом кайф по полной программе, и вот в один из великолепных дней нашего с ним отдыха в самое неподходящее время пейджер у нас одновременно пищат, и нас вызывают прямо на норвежскую платформу. Сами понимаете, мы с Бобом лейтенанты Космических сил ООН, поэтому спорить с приказами просто не имеем права. Прощаемся мы с рыдающими блондинками, прыгаем на мексиканский рейсовик и уже утром следующего дня предстаем перед очами нашего начальника. А начальником у нас тогда был старик Гендерсон, я думаю, о нем особо распространяться не надо, его и так все помнят. Морда в шрамах, воля как у жожака львино-

го прайда, а формулировки у него кратки и чеканны, как и подобает полковнику КОССА.

И выясняется, что астероид Харон движется в сторону Земли и вероятность столкновения с ним составляет более девяноста восьми процентов. Диаметр астероида более шести километров, поэтому, как я думаю, о возможных последствиях такого столкновения рассказывать не стоит.

А нашу пятерку для полета к Харону выбрали лишь потому, что мы были единственными, кто успел пройти подготовку на корабле серии «Белый дракон», а корабль именно этой серии был выбран для полета к Харону.

Зашли мы с Бобом в гостиницу, а там уже Миягава, Векторов и Ханцубоси нас встречают. В полном сборе наша пятерочка, и все, смею заметить, в отличной форме.

Два дня ушло на ознакомление с системой «разгонки», типом горючки, которую нам предстояло использовать, монтажно-крепежными схемами. Следом за нами предстояло лететь пятерке Кречмера, но у них было еще полмесяца в запасе. Сами знаете, система страховки у нас была отработана и до этого времени сбоев не давала.

Короче говоря, готовились мы к привычной работе, но то, что человек обычно предполагает, бог планирует по-своему, а Сатана вносит во все свои коррективы.

Через месяц нашего полета с базы пришла радиограмма, что вторая пятерка — Кречмера, значит, — на старте приказала всем жить долго и счастливо. Что-то там у них с реактором случилось, кажется, до сих пор в причинах аварии так и не разобрались.

По времени получалось, что отныне к Харону успеваем только мы. Ну, страшного в этом ничего нет. Дело привычное, как-никак наша пятерка уже три рейса сделала — Икар вводили, Клеменс и Грушу Мичурина. Ребят, конечно, жалко, настроение у всех гнилое, откуда оптимизму прибавиться!

Быть может, это и повлияло. Короче, при приближении к Харону все и произошло. Очнулись мы с Бобом, огляделись

немножечко, и стало нам ясно, что влипли мы, как никогда еще никто не влипал. Реакторная часть нашего «дракона» канула в космической неизвестности, в живых остались только мы с Бобом, да и то, если говорить по совести, Боба считать живым можно было только условно. И что интересно — жилой и транспортный отсеки почти не пострадали. А потому встала перед нами задача — покончить со всем разом или все-таки попытаться увести астероид подальше от Земли, а там уж как бог даст! И предстояло мне в одиночку «разгонку» монтировать. Боб мне к тому времени только советом помочь мог. Когда в сознание приходил.

— Что, — говорит однажды, — влипли мы, Фокс?

— Прорвемся! — говорю я ему, а сам думаю: «Как же, прорвемся! Обязательно прорвемся. Только вот непонятно куда — в рай или ад». Если по совести, то на райские блаженства нам с Бобом рассчитывать не приходилось, разве что за героизм наш да Бобовы страдания.

В общем, Боб лежит и постанывает, я потихонечку «разгонку» монтирую, а в свободное время за ним ухаживаю. И становится ясным, что «разгонку» смонтировать я скорее всего не успею. Хорошего в этом, разумеется, мало. Встретят нас истребители из БКС и начнут из лазерных пушек расстреливать. Надежды на то, что они Харон уничтожат, мало, но ясное ведь дело, что на Земле никто не будет сидеть сложа руки и ждать, когда астероид обрушится на какие-нибудь густонаселенные районы.

Однако работу я свою не бросал. Наверное, потому, что всякая надежда умирает последней. Поставлю рядом с Бобом обед и тубы с водой, а сам на поверхность. Только и возвращался, чтобы кислородные баллоны да регенеративные патроны заменить. Только впятером монтаж осуществлять — это одно, а тут ведь, как назло, буровая с кораблем нашим сгорела, а ручным турбобуром только колодец на ранчо копать, а не скважины в металлическом астероиде. Честно говоря, я больше для очистки совести копался.

Связи с Землей не было, поэтому о том, что с нами случилось, никто не знал. Но догадывались, наверное, — связи ведь нет!

И вот однажды сижу я в котловане, варю монтажные конструкции и вдруг чувствую, что темнеет вокруг. Обычно от звезд на поверхности астероида полумрак некоторый наблюдается, а тут полное ощущение, что со спины тень какая-то напоззает. Напоззла и закрыла звезды. Поднимаю голову вверх — Матерь Божия! Прямо надо мной висит какая-то конструкция, и даже все заклепочки и непонятные устройства на днище видны. Трудно сказать, на что эта штука похожа, это все равно что гризли на ошупь пытаться определить. Главное, что все это металлическое безобразия голубоватым светом освещено. Я поначалу обрадовался, слава богу, думаю, помощь подоспела. Теперь-то мы точно и с монтажом управимся, и Боба обратно вытянем, а то он уже заговариваться стал.

Прыгаю на дне своего котлована, только что шлем вверх от избытка чувств не подбрасываю. И тут в днище корабля открывается даже не люк, а отверстие огромное, и из отверстия этого концентрическими кольцами все тот же голубоватый свет распространяться начинает. И тут я понимаю всю тяжесть нашего с Бобом положения: мало того что корабль наш вдребезги разбит, мало того что цивилизации нашей грозит скорая и неминуемая гибель, тут еще и инопланетяне нас с ним вот-вот в плен возьмут! А в том, что это инопланетяне, я уже не сомневался. Уж слишком диковинный вид у этого аппарата был.

Пока я все это соображаю, из инопланетного корабля прямо ко мне начинает опускаться прозрачный шар, а в глубине его я замечаю странные фигурки. Нет, что-то человеческое в них, конечно, было, но сходство было небольшим — и рук у них, судя по скафандрам, побольше, и с нижними конечностями они особых затруднений не знали. Так могла бы выглядеть сколопендра, если бы на них космические скафандры

шили. Особого страха я не испытал — чего уж там, в детстве столько фантастики прочитал, а там каких только разумных форм не встречалось!

Вылазят эти многорукие ребятишки из своего шара — и ко мне. И начинают квакать по-своему. Понимаю, что они меня о чем-то спрашивают, но только руками развожу, дескать, извиняйте, господа, по-инопланетному не говорю, так что давайте переходите на мой родной английский, если и в самом деле хотите что-то узнать.

Техника у них оказалась хорошая, и через некоторое время мы уже друг друга понимать начали. Сколопендры эти довольно дружелюбными оказались, в первую очередь они Бобу здоровье поправили. И так поправили, что хоть на пляжную дискотеку его выпускать, кадр подходящий снимать.

А дальше начинается совсем уж невероятное. Встают эти сколопендры в позу просителей и начинают нас с Бобом уговаривать продать наш астероид. Там, видите ли, какие-то ценные для этих сколопендр минералы обнаружались, и они без этих минералов никуда. По всей галактике разыскивают его месторождения. А потому не будут ли добрые благородные астероидяне подобрать себе более подходящий объект для проживания. А искомый уступить им за определенное вознаграждение. Тут я смекнул, что они нас с Бобом за уроженцев и хозяев астероида считают. Тут я Бобу подмигиваю и говорю: чего же, говорю, хорошим людям не помочь. За определенное, разумеется, вознаграждение. Тем более что и нам с Бобом этот астероид надоел до такой степени, что мы его видеть больше не желаем. И чем быстрее этого астероида в системе не будет, тем мы, значит, счастливее будем. Сколопендры наши аж прослезились. Вот, квакают, вот оно, бескорыстное межгалактическое братство и взаимопомощь! И спрашивают нас, куда мы с Бобом переселиться хотим. Обвел я взглядом космос и небрежно этак показываю на Землю: да вот, говорю, хотя бы на эту планетку. Пусть она даже побольше нашей будет и сила тяжести

там другая, но это ничего, мы с Бобом крепкие — освоимся помаленьку. Тогда сколопендры нас и спрашивают, какую цену мы за эту кучу железа и камня хотим.

Тут уж мы с Бобом задумались. Потом высказали свои желания, и сколопендры нас перебросили на околоземную орбиту в нашем «драконе». Орбиты там исхоженные, поэтому нашли нас довольно быстро. Правда, никто не верил, что в таком искалеченном планетолете можно задание выполнить и тем более назад вернуться.

А задание мы выполнили. Мы еще на орбите с Бобом кружились, смотрим, там, где по всем расчетам Харон должен был находиться, вдруг как полыхнет! Наверное, это наши сколопендрочки удрасть торопились. Все им казалось, что мы с Бобом прогадали, вот они и смылись вместе с астероидом, пока мы не передумали.

В общем, Землю мы от смертельной опасности спасли, с инопланетным разумом пообщались и даже сами внакладе не остались.

Фокс Трентелл развел руками и покинул трибуну.

— Ні, хлопчику, годі, — сказав Мыкола Свиристюк. — Слухай, хлопче, а ти не брешешь?

— Та ні, дядьку. — Фокс Трентелл сказав це і расплывся від удовольства, сразу было видно, что дед у него из канадских хохлов.

Свиристюк покачал головой.

— Справді, нібито не брешешь... Але, мушу казати, виходить зовсім незрозуміла історія... Дуже дивно!

— Постой, постой, — задумчиво сказал пан Петлюра. — Ты ж нам так и не рассказал, какие вы с Бобом желания инопланетянам загадали. Что вы с них потребовали?

— Ну, Боб захотел классным хирургом стать, — сказал Трентелл. — Теперь он из разгонщиков ушел, свою клинику в Дюссельдорфе имеет. Про него так и говорят: золотые руки! Верите, одному шесть метров кишок вырезал — живет, другому сердце удалил — и тоже живет...

— Да иди ты! — не выдержал Лежнев. — Я понимаю, что живет: не себе же вырезает! Лучше скажи, что ты у своих сколопендрочек выпросил?

Фокс Трентелл покраснел.

— Да уж попросил, — неопределенно сказал он. — Но это лишь в Акапулько можно увидеть, и не всем, а только моим подружкам.

— Довго ще чекати? — поинтересовался Мыкола Свиристюк. — Обіцаю мою подяку всім, хто негайно перейде на мій бік. Ще ж він такий упертий? Хде приз?

Собравшиеся в столовой базы ученые оживленно заговорили.

Некоторые поддерживали Свиристюка и требовали не только немедленно выставить приз на стол, но и голосованием определить победителя. Другие возражали, говоря, что не все рассказчики еще выступили. А если так, то и о победителе говорить преждевременно. А тем более выставлять приз, если победитель еще не определился.

Спор был в самом разгаре, когда в столовой появился Олекса Цымбаларь.

— Шарль, — сказал он. — Шарль, кажется, я догадался насчет этих самых «линз».

Де Лавальер, оставив спор с упрямым украинцем, повернулся к товарищу. Лицо у него было недоверчивым. Не первый раз у них такой разговор происходил. Тут уж Цымбаларь и де Лавальер сходились как коса с камнем, только искры в разные стороны летели. Слушать их споры было одно удовольствие.

— Смотри, — сказал Цымбаларь. — Вот здесь у нас уже найденные линзы, видишь? — Он показал французу лист бумаги.

*К-9 *G-2

*P-2 *D-3

*D-6

— Ты хочешь сказать, что обнаруженные нами линзы расположены на полукружности? — сообразил тот.

— Только некоторая часть, Шарль, — сказал Цымбаларь. — Остальные «линзы» скорее всего имеют отношение к другим объектам. А здесь мы имеем дело с правильной окружностью. Значит, должны быть другие, симметричные обнаруженным, точки, которые в совокупности образуют правильную окружность. Понимаешь, теперь мы можем абсолютно точно предсказать, где обнаружится следующая «линза». Конечно, я имею в виду только этот район, где у нас достаточно данных. Но и для других мы можем сделать более точные прогнозы. Теперь понимаешь?

Де Лавальер долго разглядывал рисунок.

— Я-то понимаю, — сказал он. — А вот подумал ли ты, что должно находиться в центре этой окружности?

— При чем здесь какой-то центр? — удивился Цымбаларь. — Я тебе о закономерностях залегания в почве «линз» толкую!

— А я тебе — о причинах этого залегания, — сказал француз. — Понимаешь, это больше похоже на систему водоснабжения. Или на систему водоотстойников. Но если это именно так, то в центре каждой окружности, по которой «линзы» располагаются, должен находиться искусственный объект. Город, например, или чья-то база.

Заинтересованные разговором ученые начали придвигаться к аресологам.

— Слушайте, — сказал Луиджи Пазолини, — а ведь это легко проверить.

— Точно, — согласился Цымбаларь. — Достаточно убедиться в том, что следующая «линза» находится именно там, где она должна быть по расчетам.

— Зачем? — искренне удивился Пазолини. — Достаточно будет исследовать сам центр окружности.

— Там располагается город марсиан, — мечтательно сказал Фокс Трентелл. — Как у Брэдбери. Город с каналами и хрустальными городами.

— Нет там никакого города, — трезво заметил Астахов. — Будь там города, мы бы их со спутников заметили. Если Саня прав, то там находится заброшенная база инопланетян. Отработали планету и ушли, а база осталась. Дорогое это удовольствие — демонтировать базу после окончания работ. Если наша экспедиция на Марсе будет последней, вряд ли кто-нибудь станет демонтировать ее и вывозить на Землю.

— Борь-я, ты прагматик, — сказал Селлингс. — Нет в тебе... э-э-э... ромь-мантыки.

— Проверить бы... проверить... — едва не застонал Цымбаларь. — Чертова буря, как она не вовремя!

— Я всегда говорил, что открытия делаются с безделья, — сказал Астахов. — Не будь этой бури, ты бы сейчас ковырялся у какой-нибудь из «линз» с турбобуром, и светлая загадка никогда бы не посетила твоей темной головы.

Тимоти Данн посидел немного, перебирая отчеты из папки Цымбаларя, потом поднял голову и задумчиво оглядел присутствующих.

— А вы знаете, — сказал он, — может быть, эта идея недостаточно безумна, чтобы быть верной, но в ней что-то есть.

Все сидящие в столовой невольно прислушались к вою ветра за стенами станции. Ураган бушевал по-прежнему.

— Жаль, что буря разыгралась, — сказал Тим Данн. — Будем ждать, когда в пустыне поспокойнее будет.

— А як же приз? — печально поинтересовался Свиристюк.

— А вот после бури и решим, — сказал Лежнев. — Если Саня прав, то приз заслужил он. Да что там приз! Он гораздо большего заслуживает! Хотя, честно говоря, истории были неплохие.

Данн захлопнул папку.

— Ну что? — спросил он. — Будем дальше истории рассказывать или на сегодня закончим?

— Какие уж теперь истории... — вздохнул Лежнев. — Теперь только и ждать, когда пурга утихнет.

Глава четырнадцатая

И ТАЙНЫ ХРАМ СРЕДИ ПЕСКОВ... 2057 ГОД

Пустыня вздымалась в фиолетовые небеса многочисленными барханами, над которыми медленно плыл ущербный полумесяц Деймоса. Белых кристаллических солончаков сейчас не было видно, а по красному песку, лениво подгоняемые ветром, катились шарообразные свистуны, оторванные вчерашней бурей от корневищ. За свистунами по барханам гонялись семилапки, фиолетово-черные от возбуждения и охотничьего азарта.

Мотонарты, идущие по пескам, оставляли за собой облака потревоженной пыли, которая медленно опускалась на поверхность планеты. Со стороны казалось, что по барханам идет пылевая буря. Взвихренный песок пугал семилапок, они то ропливо зарывались в тяжелый красно-бурый грунт. По бегущим неровным бугоркам можно было определить, в какую сторону зверьки убежали, но людям было не до беглецов, мотонарты стремились к своей цели.

В лучах солнца блестели солончаки.

— Жаль, что ты будешь не первым, — сказал Тим Данн. — Какие-то существа найдены на Луне, некоторые даже доказывают, что эти существа разумны.

— У них одно, — возразил Цымбаларь, — у нас совсем другое. Там дело имеют с дикарями, а у нас признаки технологической цивилизации.

— Пока все сводится к предположениям.

— Прекрасно, — засмеялся Цымбаларь. — Однако у нас есть все возможности проверить эти предположения!

— Хорошо бы найти город! — помечтал Фокс Трентелл. — Честно говоря, возиться с морфотектонической картой Марса не так интересно. Да и сфера изучения слишком узка. Далеко мы пока не забирались, столько белых пятен остается. Амазония, Хриса, Утопия почти не исследованы, полюса до сих пор не посещены.

— Дойдет дело и до них, — пообещал Данн.

— Гарно, гарно, — вклинился в разговор Мыкола Свиристюк. — Тут таке епохальне відкриття... Не кожному дано! Молодец, Олекса! Тремтиш, може, завтра чи послезавтра наука відкриє нові перспективи, і перед розумом вікриється безодня! Що — хіба не так?

— Нет, мужики, — сказал Лежнев. — Лично я в эти контакты не верю. Раздражают меня розовые мечты, которые некоторые несознательные граждане системы связывают с инопланетянами. Вот, мол, найдем цивилизацию, чей научный и технический потенциалы больше земного, и... даешь большой скачок! Вы Кену спросите, чем китайцам такой скачок дался!

— А разве не так? — провокационно спросили сзади.

— Вот, предположим, — сказал пан Петлюра. — Предположим, что такой контакт состоялся. Поутихли первые восторги, послабее стали дружеские похлопывания ладонями и щупальцами. Первые удивления прошли: ах, у вас третий глаз на подбородке? Уши на затылке? В крови гемоглобин вместо хлорофилла? Поутихли изумления, что у землян нос между глаз, а не как у всех порядочных существ посредине темени шишкообразно выступает. Привыкли мы потихонечку друг к другу. И встанет наконец перед нами один вопрос: а что же дальше?

— Шишкообразный нос посредине темени, это да! — сказали сзади. — Это впечатляет!

Вокруг засмеялись. Нет, хорошо было лететь по наждачному песку чужой незнакомой планеты под черно-фиолетовым небом с пронзительными, почти никогда не гаснущими звездами в окружении друзей и товарищей навстречу загадке, чувствуя азарт и нетерпеливое ожидание, сжигающее душу.

— Моральная сторона всем ясна, — с жаром сказал Лежнев. — Как гсворится, полное удовлетворение — правы ученые, зря мракобесы Джордано на костре в свое время спалили. Не одиноки мы во Вселенной! Ну хорошо. Заклеймили мракобесов позором. Дальше-то что?

— Знаниями обмениваться начнем, — сказал Фокс Трентелл. — Есть что предложить!

— Как же! — в тон ему отозвался Лежнев. — Например, опыт сравнительной анатомии. Инопланетный нос над темнем возвышается и морщится от незнакомой вони благоухающих роз. Ему, носу этому инопланетному, стократ прекраснее запах сернокислого аммония, слегка сдобренного сероводородом. А мы ему розы суем! Ладно, бог с ним, с носом! А вы видите в темноте? А почему у вас нет ресниц, а вместо них меховые щеточки? А у вас почему вместо костяного грудочного панциря в наличии разнокалиберные и ненадежно-хрупкие ребра? Ах, приспособления к природным условиям? Интересно...

А дети у вас как рождаются: по любви или почкуетесь потихоньку? Вырастил втихомолку яйцеклетку, вынянчил ее в маточном кармане, шлепнул любимое чадо по юношеским лиловым ягодицам, и пускай гуляет, набирается жизненного опыта. А у вас не так? М-да... интересно!

— Эк тебя разобрало, — проворчал Данн. — Фантазия у тебя, дружок. Только не пойму я, куда ты клонишь.

— А все к тому же! — воинственно сказал Лежнев. — Желательно нам с братьями по разуму обсудить морально-этические проблемы. Только вот как их обсуждать? У нас, землян, главное — не вызреть раньше времени, волнуют нас вопросы воспитания и половой зрелости, кричим мы о культивации любви и уважения к противоположному полу, а заодно и к сожителям по родимой планете. А инопланетянину это неинтересно. Он своим детям и папа, и мама. Ему одно тревожно: вынянчиваешь яйцеклетку, так не кичись, не вывешивай ее на маточный карман, может, и не выйдет еще ничего, напрасно только обнадружишь общество преждевременными заверениями, а то ведь как — мальчика-то и не было, скисло разумное существо, растворилось в углекислотной среде.

Вот тебе и вся сравнительная этика. Это все равно что спорить с крокодилом о любви.

— А искусство? — жадно спросили сзади. — Ты про искусство скажи!

— А что искусство? Тычем мы этому инопланетянину в Данаю прекрасную, Пушкина цитируем, Моцарта и Бетховена на музыкальных инструментах воспроизводим. А ему это до лампочки. Он ведь однополое существо, а не Фокс Трентелл, у него вид голой женщины ничего в организме не будит. Бах и Моцарт ему вовсе ни к чему, его затылочная перепонка в ультразвуковых диапазонах сигналы воспринимает. Пушкин, правда, хорошо, да вопросов много возникает: а крестьянин — это кто? А дровни — это что? А лошадка — это как: флора или фауна? Скучно ему, инопланетянину, вот он и тянет тебя отдохнуть в обонятельную, вдохнуть там перекишшего ангидрида пополам с сероводородным ветерком. И удивляется он, что в этой обонятельной ты сразу зеленеешь, а мгновением позже в глубокий обморок падаешь. Навещает он тебя в больнице и радуется, что искусство его родимой планеты на тебя такое неизгладимое впечатление произвело.

И что остается? Остается только толкать научно-технический прогресс, приспособлявая чужие достижения к своим нуждам. Они нас в космической технике перегнали. Лепи, значит, космические корабли по инопланетному подобию! Мелочи только вроде щелочных противоперегрузочных камер убирай. А уберешь, так окажется, что никто из землян этих перегрузок перенести не может. Готовились звезды оседлать, а вместо этого — мemento мори!

Или со временем, скажем. У инопланетян с этим просто: впал в спячку — и лети, не старея, от галактики к галактике. Только спиральку на животе подкрути, подверни до нужного оборота, до требуемого столетия. Но мы-то земляне! Нам свои пупки крутить бесполезно. Значит, и здесь твори самостоятельно.

— Значит, ты считаешь, что контакты с иным разумом ничего людям не дадут?

— Не будет ничего хорошего, — предрек Лежнев под общий смех. — Ладно, предположим, что щелочные ванны нам

тоже пригодятся. Может, в них конечности регенерируются. Оторвало, к примеру, тебе руку — беги к ванне, суй туда обрубок, а через час уже здоровой рукой подкову гнешь, новым пальчиком в кнопку синхрофазотрона тычешь. Возможно, мы и в пупоспирали инопланетной разберемся, в анабиоз впадать научимся. Но — сами! Сами! Так что нам ихний миллионлетний опыт развития? Толку какого?

— А вот мне интересно, — сказали сзади. — Фокс Трентелл у своих инопланетян что-то достойное выпросил, или ему пупоспираль подсунули?

Грохнул дружный хохот.

— А все-таки интересно, чем там закончилась история с селенитами, — переждав общий смех, сказал Селлингс. — Нет, братцы, расстояние — это очень плохо. Слишком поздно доходят новости.

— Хотел бы я сейчас быть на Луне, — помечтал Пазолини. — Нет, это надо же, где мы только не искали братьев по разуму, а они оказались под боком.

— И все-таки это тупиковая ветка развития, — возразил Лежнев. — Слишком зависит от внешних условий. Не будь вулкана под боком у ледника, не проточи вода туннели в лунном грунте... Они обречены, и человечество ничего с этим не сможет поделать. Это как племена, что населяли районы Крайнего Севера: вроде бы им все условия создают, денег и сил не жалеют, а все равно они вымирают. Неудачная проба природы.

— Ну знаешь, — сердито сказал Пазолини. — Если так рассуждать, жизнь на Земле тоже можно считать уникальной. Находишь матушка Земля поближе к Солнцу или чуть подальше, будь на ней меньше кислороду, и ты бы сейчас не выступал с подобными рассуждениями.

— Как и ты, Луиджи, — со смешком отозвались сзади. — Во всем виновата матушка. Будь она повнимательнее, найди она себе другого сексуального партнера... Что ни говори, человеческая жизнь и в самом деле зависит от случайностей.

— Скоро этим случайностям придет конец, — сказал Фокс Трентелл. — Люди будут рождаться с заранее заданными качествами — кто-то будет рожден фермером, кто-то — межпланетчиком, кто-то генетически будет обречен писать гениальные стихи...

— И у каждого от рождения будет, что он захочет, — под общий смех закончил за Трентелла Симанович. — Не надо скитаться по астероидам, искать инопланетян и просить у них то, в чем тебе отказала природа!

Справа высились горы с гигантом Олимпом, пронзающим фиолетовые небеса. База располагалась в районе Титаниуса, но даже отсюда двадцативосьмикилометровый горный великан выглядел весьма внушительно. Остальные горы толпились у подножия Олимпа, словно подобострастные просители, вымаливающие милостыню у своего господина. Горы Олимпа состояли из базальтовых пород, близких по составу к лунному реголиту. Горные районы были практически не исследованы, только геологи время от времени отправлялись туда, с легкостью делая открытие за открытием. Месторождения актиноидных руд, найденные ими в последнее время, были предметом их особой гордости — богатейшее месторождение автоматически превращало Марс в важнейший пункт космической экспансии человечества, повышало значимость марсианских поселений, что обещало дальнейшее их расширение, а это в свою очередь было связано с увеличением населения Марса.

— Будут женщины, — мечтал Моисей Симанович. — Господи, как я соскучился по обыкновенной женской юбке!

— Вряд ли ты увидишь юбку на Марсе, — возражали ему. — Здесь и женщины предпочтут ходить в штанах. Холодно и ветра!

— Кто-то подсчитал, что за жизнь целующийся с женщинами мужчина съедает около трех тонн губной помады, — вздыхал Симанович. — Честное слово, парни, я бы с удовольствием сейчас полакомился килограммчиком или даже тремя! Ох и оторвусь я, когда мы вернемся на Землю!

— Я возьму тебя в Акапулько, — пообещал Фокс Трентелл. — Там такие женщины!

— Ну уж нет! — под общий смех возразил Симанович. — Ты там со своим инопланетным подарком, несомненно, будешь на высоте, а я как буду смотреться на твоём фоне? Лучше я позагораю на пляжах Хайфы, по крайней мере там ко мне женщины привыкли.

— Тогда ты меня с собой возьми, — предложил Трентелл.

— Нет, Фокс. Отдыхай в своей Акапульке, — вздохнул Симанович. — Ты мне всю клиентуру распугаешь. Бабы на тебя кинутся, а что тогда делать бедному еврею? Я уж как-нибудь самостоятельно отдохну.

Пустыня казалась бесконечной. Бархан за барханом вставали вокруг землян, пески окружали несущиеся на юг моторты, над песками стояло темно-фиолетовое небо, на котором даже сейчас, в самый разгар марсианского дня, были видны звезды.

— Скоро прилетает инспектор КОСМОЮНЕСКО, — сказал Тим Данн. — Решили посмотреть, что у нас здесь происходит.

— Теперь я понимаю, почему биологи последнее время не вылезают из Долины Маринера, — сказал Селлингс. — Решили удивить инспектора чем-то очень экзотичным.

— Вот бы они вырастили маленькое такое деревце, у которого вместо сока было бы виски, — вслух помечтал кто-то. — Вот это было бы открытие! А, Мыкола? Как ты считаешь? Гарно? Или тебе больше по вкусу горилка з перцем?

— Мене краще гарный коньяк, — не замедлил с ответом Свиристюк. — Як ві працуете, брешет пан, чі ні?

— Прилетит инспектор, он быстро из твоей головы глупые мысли выбьет, — мрачно отозвался тот же голос. — Начальство пьянок не любит.

— Начальник тоже человек, — сказал Тимм Данн. — Можно подумать, я вашим воспитанием каждый день занимаюсь!

— В пятой экспедиции мы там были, — сказал кто-то из ветеранов. — Там такой каньон! Не зря он называется ги-

гантской пропастью. Там глубина достигает шести километров. Нет, ребята, только там и увидишь, что когда-то на Марсе бушевала жизнь. Там следы блуждающих потоков, многометровые залежи аллювия и солей, и там мы нашли кладбище аресоподов. Зрелище грандиозное! И на дне вечные сумерки, представляете? Посмотришь, и невольно охватывает трепет. Жутковатое место. Когда мы там работали, постоянно было ощущение, что за нами кто-то внимательно наблюдает.

— И как там работают биологи? — ни к кому не обращаясь, спросил Фокс Трентелл.

— А они заняты на плоскогорье, — объяснил тот же голос. — Есть там одно местечко, по марсианским меркам очень даже уютное. У них там трактор, комбайн, сеялки... Все как на ферме. Только холод собачий!

Под мотонартами стремительно неся бурый песок.

— Это хорошо, что начальство прилетит! — неожиданно засмеялся Цымбаларь. — По крайней мере теперь у нас есть возможность выбить дополнительные средства на наши исследования. Если мы найдем город, нам окажут помощь людьми и техникой. Тим, тебе остается только радоваться и молиться, чтобы наши предположения обернулись правдой!

Никто не возражал ему, Цымбаларь был прав.

Он и Лавальер точно определили центр окружности, образованный линзами, благо это было нетрудно, но и без их расчетов стало ясно, что они угадали: над ржавым песком пустыни возвышалось нечто вроде основания витой раковины или скорее даже рога, уходящего серым корпусом в почву. Похоже, что вчерашний ураган поработал на исследователей. Он очистил нечто, напоминающее вход. Вход этот был закрыт гофрированной мембраной, выполненной из неизвестного металла или похожего на него пластика.

Тим Данн подошел и гулко ударил кулаком в мембрану.

— Черт побери! — сказал он. — Черт побери, господа и товарищи! Мы наконец нашли. Мы их нашли, парни!

Он обернулся.

Участники поиска толпились у мотонарт. Поблескивали металлопластиковые шлемы, в эфире слышались неформальные восклицания. Кто-то уже пытался неуклюже обнять Цымбаларя. На красноватом песке группа смотрелась очень живописно. Впрочем, до этого никому дела не было. Все заворуженно смотрели на вход в строение, которое принадлежало Чужим. И совсем было не важно, что именно собой представляет это строение — первый вход в подземный город или ворота в ангар или на склад неведомых инопланетян. Главное — обнаруженная постройка принадлежала именно инопланетянам. А это в свою очередь означало, что человечество не одиноко во Вселенной. Пришло время закончить вековые споры и подвести черту под размышлениями и поиском многих философов, когда-либо живших на Земле. Все смотрели на гофрированную мембрану из неизвестного материала, и каждый понимал, что с проникновением за нее начнется другая эра и мир уже никогда не будет прежним.

— Интересно, — заворуженно сказал Астахов. — Какими они были? Похожи ли на нас?

— Теперь мы это узнаем, — сказал Фокс Трентелл, лихо радочно снимая все вокруг на видеокамеру. — Какие кадры, Боря! Какие кадры!

Кадры были уникальными, и в толпе царило почтительное молчание.

Тим Данн, позируя, встал рядом с входом в подземное сооружение инопланетян. В скафандре он ничем не отличался от любого участника экспедиции, но эгоистическое чувство гордости за то, что ты принял участие в невероятном открытии, заставило солидного ученого размахивать руками перед еле слышно жужжащей видеокамерой. Впрочем, любой из толпы ощущал это чувство сопричастности к величайшему событию в истории человечества, и это чувство делало происходящее в пустыне значительным и торжественным. И все бы хорошо, но эту торжественность нарушил бас Мыколы Свиристюка.

— Так що, бісов сін? — сказав он, звертаючись до Лежнева. — Бачь, це твої пришлеці з інших планет! Хде ж приз, Сема? Такий дарунок з космосу! Треба гульбище на вісь світ! Шоб аж у небі курява знялася!

Шлемы медленно повернулись к одному из астронавтов, на рукаве которого высвечивался шеврон с изображением российского флага.

— Гульбище так гульбище! — послышался голос Лежнева, и он неуклюже развел руками. — Я от своих слов никогда не отказываюсь! Твой приз, Сашок, ты честно его заработал. У нас все без обмана, бутылка твоя!

Мыкола Свиристюк снова загудел:

— Олекса! Слухаешь? Оце фокус — з неба впало... Но не треба одриватися від народу! Чуешь?

— Чую, — сказал равнодушно Цымбаларь, и в эфире слышались веселые смешки.

— Ты не мылся, — сказал Лежнев. — Выпить тебе, Коленька, все равно не придется.

— Надул? — огорченно сказал Свиристюк, отбросив в сторону украинскую мову и переходя на английский язык, которым пользовалось подавляющее число участников экспедиции, но тут же, покачав головой, упрямо добавил: — Шахрай ті, Сема!

— Ну ты даешь, Мыкола, — сказал Лежнев. — Стану я такими делами заниматься! Коньяк есть, причем самый настоящий, французский. Только вот бутылочка маленькая — сувенирная, всего пятьдесят миллилитров.

Маленькое красное солнце висело в темно-фиолетовых небесах, которые пересекались яркой светящейся лентой пояса астероидов. Ниже, уже у самого горизонта, там, где небо становилось почти угольно-черным, молочно бугрился серп Фобоса. Было морозно и ветрено. И красные пески Марса с замершими на треугольных барханах семилапками, может быть, впервые в своей миллионлетней истории слушали дружный смех сообщества разумных существ, смеющихся над не совсем разумными желаниями одного из своих индивидуумов.

А быть может, такой смех однажды уже звучал.

Глава пятнадцатая

ЛЮДИ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ, 2058 ГОД

Марсианский город был огромен.

— Освещение постоянное, — пояснил Тим Данн. — Источников света мы не нашли, возможно, они вмонтированы в стены и потолок. Не очень понятно, но по крайней мере светло. А это очень удобно. Сложнее было бы работать в темноте.

Туннель вел в глубину. Стены, своды и пол туннеля были бугристыми, почти гофрированными, и немного извилистыми, словно в мерзлой жесткой марсианской почве прополз гигантский червяк. «А может, это и был червяк? — подумал Круглов. — Горячий гигантский червяк, который проплавил ход и ушел в глубины планеты. А теперь мы изумляемся мастерству неведомых строителей, ищем следы чужого разума. А какой разум может быть у червяка?»

Начальник экспедиции словно подслушал его мысли.

— Это не червь и не животное, — сказал он. — Мы кое-что нашли, и то, что мы нашли, не вписывается ни в какие земные представления. Мы даже предположить не можем, чему все это служило. Вот кстати. — Тим Данн шагнул к углублению в стене. — Станьте в эту нишу.

Круглов встал. Данн коснулся обеими руками оранжевой светящейся стены.

По туннелю словно пронесся воздушный вихрь.

— Что это? — недоуменно спросил Круглов.

— Не знаю, — сухо сказал Данн. — Но приборы зафиксировали, что мимо нас по туннелю только что пронеслось тело с массой, превышающей триста тонн. И все. Пока у нас больше вопросов, чем ответов на них. Ну что, двинемся дальше?

Никакой червяк не мог бы сделать такого зала, что внезапно открылся перед ними. В центре зала высилось какое-то сооружение, напоминающее гигантскую виноградную

гроздь. Только виноградины были размером с баскетбольный мяч, каждая из них заметно пульсировала и медленно меняла цвет.

— Изменения цветов идут по гамме солнечного спектра — от красного до фиолетового, — сказал Данн. — Но для чего все это, мы пока тоже не можем понять. Тут колдовали биологи, физики, химики, каждый внес свою лепту в общее недоумение, но даже приемлемой гипотезы пока никто не выдвинул. Красиво, не правда ли?

Зрелище и в самом деле было очень красивым, более того, оно завораживало. Круглов с трудом заставил себя отвернуться.

— Кое в чем мы, конечно, разобрались, — сказал Данн. — И слава богу, иначе бы вконец почувствовали себя неполноценными. Мы разобрались в системе воздухообеспечения. Здесь можно вполне обойтись без скафандров, если бы холод не мешал. Но минус шестьдесят по Цельсию, без обогрева здесь долго не продержишься. А теперь нам придется сесть на мотонарты. Пешком будет слишком далеко. А там будет самое интересное, там водоем с изумительно голубой водой, и в этой воде плавают какие-то маленькие существа. У биологов чесались руки заполучить одно из этих существ, но я запретил. Сначала надо внимательно осмотреться, здесь каждый поступок может оказаться необратимым. Выловишь одно плавающее существо, а остальные передохнут. Или вообще они могут оказаться смертельно опасными для людей.

— Вы все сделали правильно, Тим, — согласился Круглов. — Сначала надо осмотреться. Излишнее любопытство вредит любому делу.

Мотонарты мчались по туннелю, привычно повторяя все его изгибы. Бортовой компьютер был хорошо знаком с маршрутом, поэтому машина практически не снижала скорости. В интенсивно освещенных местах от людей, сидящих на мотонартах, разбежались многочисленные тени.

— До конца мы его так и не исследовали, — сказал начальник марсианской экспедиции. — Мы прошли двадцать

восемь миль, нашли множество ответвлений, но до конца так и не дошли. Некоторые ответвления кольцевого характера, но есть и такие, что, попадая в них, неожиданно оказываешься вблизи выхода или в таких местах, которые абсолютно незнакомы ни одному исследователю. Похоже, что туннели многомерны. Нам бы понять, для чего все это создано, тогда бы яснее стала психология создателей города. Одно скажу с уверенностью, это не были коренные жители Марса, для планеты они являлись такими же пришельцами, какими являемся мы.

— Тим, — спросил инспектор, — помните Брэдбери? Хрустальные города, каналы из белого камня, наполненные прозрачной водой?

— Я больше Берроузом в детстве увлекался, — отозвался начальник марсианской экспедиции. — Есть у него цикл романов о бравом капитане Джоне Картере, в одиночку покоряющем Марс. Но тут не Брэдбери и не Берроуз, тут совсем другое. Представляете, там впереди есть зал черных пятен. Ничего особенного, просто в воздухе вдруг материализуются кусочки черной материи, и имеют они самую разнообразную форму. Никакой опасности для человека они не представляют, а вот для чего они возникают, какое значение имеют для подземного города, никто не знает.

«И никогда не узнает, — подумал Круглов. — Мы подходим к происходящему со своими мерками, своими представлениями о природе и Вселенной, а земные мерки здесь просто не срабатывают, потому что все это создавалось совсем по другим канонам, здесь действуют законы, которых мы не понимаем, и для того, чтобы их понять, потребуются годы, если не столетия. Есть только один выход из сложившейся ситуации, и этот выход в том, чтобы найти создателей этого города и понять их. А для этого надо выходить в Большой космос. Мы топчемся в Солнечной системе, мы похожи на маленьких несмышленишек, пытающихся понять взрослую жизнь. А впереди гораздо большие испытания. И уже понятно, что выйти в Большой космос на старой технике мы не сумеем, на ней даже

не добраться до облака Оорта, и мы даже не представляем, что нас ждет за ней».

— Алекс, — прервал его размышления Данн. — Что там на Луне? Установили контакт с селенитами? Как они выглядят?

— Контакт пока не установили, — сказал Круглов. — Сложное это дело. Не идут они на контакт, Тим. А фотографии в инфракрасном свете получили. Как они выглядят? Вы когда-нибудь видели геккона? Тогда представьте себе геккона, вставшего на задние лапы, это и будет истинным представлением о селените. А вообще там все изрезано туннелями, если они не почувствуют к людям доверия, то установление контакта может затянуться на десятки лет. Но меня это волнует меньше всего, они слишком отстали от нас в развитии, чтобы представлять большой интерес. Нет, обычный средний человек будет с жадным интересом следить за событиями. Мне интереснее другое. Вы уже слышали об открытии спутника, который влияет на эволюционные и биологические процессы на самой Земле?

— Разумеется, — сказал начальник марсианской экспедиции. — Новости, пусть и с запозданием, до нас доходят.

— Теперь возникает вопрос, является ли этот спутник естественным образованием, созданным эволюцией, или это искусственный объект, созданный чужой цивилизацией. Вроде той, что построила этот город. От ответа на этот вопрос зависит многое, и прежде всего ответ на вопрос о происхождении спутника грозит ломкой всех философских понятий и ценностей, созданных земной цивилизацией. Одно дело знать, что ты продукт эволюции, совсем другое — осознавать себя предметом научного эксперимента.

— Ничего особенного, — после некоторого молчания сказал Данн. — Изменится представление о боге, но многие и так в него не верят. Это человечество переживет без особой трагедии, Алекс.

— Сколько открытий, — вздохнул Круглов. — Количество исследованных в космосе объектов постепенно обретает со-

вершенно неожиданное качество. Вы не находите, Тим, что мы на пороге нового витка революции научного процесса? Последние открытия могут изменить все, что составляло основу научного познания. Я не представляю, как именно это будет выглядеть, но это обязательно произойдет. А ведь впереди нас ждет еще один новый виток. Я имею в виду момент, когда мы покинем Солнечную систему.

— До этого еще далеко, — сказал Данн. — А пока мы только на Марсе. Если бы на Земле представляли все сложности нашей жизни! Амплитуда температур дикая, ночью работать невозможно, малейшая неисправность в скафандре — и человек погибнет. Мы пользуемся замкнутым циклом в то время, когда у нас под ногами замерзший океан. Алекс, почему нам не разрешают использовать местную воду? Биологи утверждают, что мы спокойно можем ею пользоваться. Вместо этого нам твердят об осторожности. Эта осторожность уже у всех сидит в печенках.

— Лунной базе тоже не разрешают использовать местные запасы воды. И правильно делают, чужая планета с ее миллионлетним циклом развития, никто не знает, что могло сформироваться в этих условиях. Не обязательно это окажутся вирусы или микроорганизмы, это может оказаться чем-то новым, еще неизвестным человечеству. Вы согласились бы прожить в полной изоляции остаток дней?

— Мы и так живем в изоляции, — сказал начальник экспедиции. — Мы слишком далеко от Земли.

— А в случае неудачи вы никогда не попадете на Землю, — возразил Круглов. — А если и попадете, то остаток дней будете жить под биологическим куполом. Хорошая перспектива, верно?

Мотонарты затормозили в огромном зале, свод которого терялся в высоте. В центре зала располагался огромный круглый бассейн, наполненный удивительно синей водой.

— И она никогда не замерзает, — сказал Данн. — Представляете? Здесь минус шестьдесят по Цельсию, а вода не замерзает. Наши специалисты долго изучали ее, но ничего осо-

бенного не нашли. Вода как вода, может, примеси немного другие, чем на Земле.

— Вот именно. — Круглов встал, с любопытством оглядываясь по сторонам. — А вы утверждаете, что ее можно пить. Козленочком можно стать, Тим!

— Козленочком? — не понял и удивился Тим Данн.

— Это я русскую сказку вспомнил. Там один мальчик все жаждой мучился, ну и попил водички из отпечатка козлиного копытца. Попил и сам стал козленочком. Не стоит торопиться, Тим, всему свое время!

Он с досадой подумал, что уговаривает начальника марсианской экспедиции не спешить, в то время как сам торопится. Возможно, программа «Икар» и в самом деле означает прорыв к звездам, но это будет достигнуто не скоро. «А жизнь-то проходит, — возразил внутренний голос. — Надо успеть сегодня, завтра этим будут заниматься другие. А ты будешь держаться за поясицу, старчески кряхтеть, и остаток жизни тебя будут мучить сожаления, что ты мог и не сделать».

— Это моя последняя командировка, — неожиданно сказал он. — Когда я сюда летел, то не думал, что столкнусь с такой неожиданностью. Вы даже не представляете, какой переворот в умах на Земле произведет ваше открытие.

— Почему же, — отозвался Данн. — Потрясения, конечно, будут. А почему последняя командировка? Вы списываетесь? Или уходите на другую работу?

— Программа «Икар». — Круглов внимательно разглядывал спокойную воду круглого белого бассейна. Вода была пронзительно голубой, и, если присмотреться, можно было заметить плавающие в ней студенистые прозрачно-белые комочки. Наклонившись, Круглов некоторое время разглядывал эти комочки. Несомненно, они были живыми и чем-то напоминали земных медуз. Повернувшись к Данну, он закончил: — Выходим на иной уровень, Тим. Впереди — звезды.

— Вечно мы куда-то спешим, — вслух подумал начальник экспедиции. — Мы о планетах системы пока еще ничего не знаем, а нас уже тянет в звездные выси. Только этот город

потребуется нескольких десятков лет серьезного изучения. А тут только за последние годы сделано столько открытий! Не слишком ли мы торопимся? Надо обстоятельно обжиться в своей системе, понять действующие в ней механизмы, обзавестись новыми источниками энергии, а потом уже двигаться дальше. Ребята делают большое дело, но это дело завтрашнего дня.

— Сегодня в городе кто-нибудь работает? — спросил Круглов.

— Группа в зале темных пятен, — не задумываясь, сообщил Данн. — И Лавальер с Цымбаларем изучают систему водохранилищ. Разумеется, что мы все отсняли, фильм о происходящем здесь вызовет особенный интерес. А самое главное, если мы немножечко поймем действующие здесь механизмы, лучшего места для будущей базы не придумать. Места здесь хватит не на одну тысячу специалистов. И объекты исследования прямо под рукой.

Люди работали.

— Марсу отводится особое место в освоении Солнечной системы, — сообщил Круглов. — Предполагается, что именно отсюда начнется экспансия к внешним планетам. Да и изучение пояса астероидов лучше вести отсюда.

— Мы предполагали нечто в этом роде, — кивнул Данн. — Поэтому в первую очередь предстоит заняться благоустройством поселений. Люди должны жить в нормальных условиях. Это сейчас мы теснимся, нам не хватает многого, но все мы готовы терпеть. Когда Марс станет базовой планетой, на нем придется менять очень многое. Жаль, что вы уйдете. Мне кажется, вы понимаете будущие проблемы лучше иных функционеров.

— Звезды — заманчивая цель, — усмехнулся Круглов. — Знаете, Тим, вы слово в слово повторяете Чамберса. Но это не мое, я всего лишь пилот, здесь требуются люди со специфическим и масштабным воображением, речь пойдет о заселении планеты, а это гораздо сложнее, чем организовать жизнь вне Земли небольших исследовательских групп. Такого уровня я уже не потяну. Потому и хочу вернуться к тому, что знаю

хорошо. Ну что, будем возвращаться? Я благодарен вам за экскурсию, но в том, что мы видели, должны разбираться специалисты. К таковым я себя не отношу. Спасибо за разговор. Нам с вами еще очень многое придется обсудить, потому что именно вам, Данн, придется организовывать здесь дальнейшую работу.

— Почему я? — прямо спросил Данн.

— Потому что вы прагматик, — так же прямо объяснил Круглов. — Серьезное дело романтику доверять нельзя, он обязательно наломает дров. А вы человек осмотрительный, рассудительный, только такие и должны начинать большое дело. Вы не пойдете на ненужный риск, и вы будете осмотрительны в вопросах расселения людей, что придут сюда уже через два года. Следом за мной уже идут шесть планетолетов с оборудованием для устройства куполов, регенерации воздуха, пригодного для дыхания, будет доставлено все необходимое для полноценной жизни поселений. Кстати, я хотел бы обязательно посетить биологическую станцию, вопросы продовольствия выходят на первый план.

Они неторопливо возвращались к мотонартам.

— Загадки интригуют, — сказал Круглов. — Но рано или поздно они объясняются. Разгадывать загадки легче, чем заниматься организацией работ. Дело не в масштабах, Тим, меняются не масштабы, меняется само направление работ. Вам придется решать не только вопросы размещения, не только обеспечивать поселения водой и продовольствием, встанут вопросы психологической совместимости, приобретет новое значение социология, придется решать вопросы общественного планирования. Перед этими задачами лично для вас, Тим, загадки Марса неизбежно отойдут на второй план, если не на третий. Уже сейчас вы должны готовиться к тому, с чем столкнетесь в ближайшем будущем. Люди Земли становятся жителями Солнечной системы. Это означает полную ломку прежних понятий.

— Странно, что вы уходите, — удивился Данн. — По-моему, вы готовы решать эти задачи больше других. Тем не менее вас это не привлекает. Так?

— Звезды, — просто объяснил Круглов. — Появилась возможность добраться до звезд. Об этом я мечтал с самого детства.

Откровенно говоря, возможность дотянуться до звезд оставалась весьма проблематичной. Предположения физиков о существовании тахиомира подтвердились экспериментально, было доказано, что материальный объект, внесенный в тахиопространство на субсветовых скоростях, освобождает огромное количество энергии, но корабль, который строился для штурма нового мира, считался невозможным, ведь физические принципы и законы, которым подчинялся новый мир, пока еще только формулировались. Однако Круглов полагал, что готовиться к старту на новом корабле нужно уже сейчас.

Мысленно он уже примерял новый спейсреjder к маршрутам до ближайших звезд.

Дух захватывало от возможностей новых кораблей! От ощущения этих возможностей любые вероятные опасности казались надуманными.

Глава шестнадцатая

ПРОГРАММА «ИКАР». 2060 ГОД

Даже на небольшом экране компьютера схема ускорителя, привязанная к схеме Солнечной системы, выглядела грандиозно.

— Собственно, в какой-то мере все девять планетолетов, участвующих в программе «Икар», являются частью ускорителя, — объяснил Бедзоев. — Энергией мы обеспечиваем себя более чем достаточно. Каждый планетоlet — это ускоритель, который вам придется пройти. Вот на этом участке, — показал

он указкой, — ваша машина достигнет субсветовой скорости, и вы войдете в тахиопространство. После этого планетолет начнет тормозить, через три миллиона километров вы вернетесь в тардиомир и далее на обычных двигателях вернетесь на «Багратиони».

Программа полета отработана на автоматических устройствах, в опытах использовались собаки и человекообразные обезьяны, но вы будете первыми из людей, которые пересекут границу между пространствами. Что вы там увидите, не знает никто.

Бедзоев был руководителем проекта. Невысокий, лысоватый, с выпуклыми карими глазами и постоянной щетиной на щеках, он совсем не походил на ученого. Именно так выглядели бездельники, которые крутились у баров и иных значных мест больших городов. На Бедзоеве была рубашка с короткими рукавами, не скрывавшими волосатые руки. По-русски он говорил великолепно, но с небольшим южным акцентом.

— Никакой самодеятельности, — сказал Бедзоев. — Полет со строго заданными характеристиками. Мне сказали, что вы летали почти на всех типах планетолетов. Это правда?

— Правда, — глядя в сторону, сказал Круглов. Ему было неловко. Кавказский менталитет, черт бы его побрал! Ну, зачем Бедзоев заставлял его хвастаться? Мог бы просмотреть анкету, там все сказано. Нет, ему обязательно надо, чтобы товар похвалили в глаза.

— Разумеется, полет будет сведен к минимальному риску, — продолжал Бедзоев, внимательно разглядывая пилота. — Но вы должны понимать, Алексей, что все предусмотреть невозможно. Вы несколько месяцев привыкали к машине, так? Что-нибудь не понравилось?

— Пульт СПУ лучше было бы разместить левее и немного выше, — сказал Круглов. — Приходится опускать взгляд, и из-за этого теряешь из виду основную панель, Зайнутдин Акбарович.

Бедзоев бросил взгляд из-под лохматых тронутых сединой бровей в сторону сидящих конструкторов.

— Уже учли, — сказали оттуда. — У этой модели изменений вносить не будем, пилоту придется заново привыкать к компоновке приборов, но в дальнейшем все поправим.

— Учитывать чужие мнения нужно заранее, — сказал руководитель проекта. — Особенно тех, кто будет на ваших машинах летать.

И вновь повернулся к Круглову:

— Другие замечания?

— Мы их уже обсудили в рабочем порядке, — благодушно сказал пилот. — Что оказалось возможным, уже поправили, все остальное будет конструкторами учтено.

В течение нескольких месяцев он изучал устройство спейсрейдера и тренировался на тренажере, где все условия полета проектировались с учетом информации, полученной автоматами. Машина сразу же поразила его воображение. Это был монстр, предназначенный для того, чтобы взломать пространство и одним прыжком преодолеть гигантское расстояние, отделяющее Солнце от других звезд. Спейсрейдеру были не страшны блуждающие космические тела, пылевые облака, которые при субсветовых скоростях превращались в серьезную проблему для обычных планетолетов. Экипаж новой машины мог не опасаться жесткого космического излучения. Полет спейсрейдера протекал в совершенно иных условиях — он уходил в тахиопространство, где расстояний просто не существовало, потом взламывал намеченную точку в тардиомире и появлялся в другой звездной системе в огненном цветке, обозначающем пролом. Обычному планетолету потребовались бы столетия, чтобы преодолеть расстояния, которые спейсрейдер покрывал одним броском. Тардиопространство, в котором жила Вселенная, и тахиомир, открытый учеными, можно было представить в виде ленты Мебиуса — оба пространства незаметно перетекали друг в друга, из одного пространства в другое можно было перейти в любом месте ленты. Точка перехода называлась тахиардом. Построения ученых были слишком слож-

ны, но разве пилот стратосферника легко понимает построения Зенгера, по которым движется его машина? Тем не менее он пользуется этими построениями в полете. Круглов добросовестно пытался разобраться в сложных математических моделях команды Бедзоева.

Круглов знал одно — это был корабль, о котором он мечтал всю свою жизнь.

Совсем скоро ему предстояло сделать на этой машине первый межпространственный бросок. Пусть он был совсем небольшим по космическим масштабам, в конце концов, самолет братьев Райт тоже не сразу взлетел, но он уже обещал перспективы. Все начинается с небольших подлетов, с подпрыгиваний на месте. Круглову было жаль, что первый межзвездный перелет совершит скорее всего кто-то другой. В таких вещах всегда хочется быть первым. И все-таки надежда оставалась. Круглову очень хотелось вынырнуть где-нибудь поблизости от Проксимы и увидеть, как, медленно вращаясь в космическом пространстве, уходит от звездолета планета чужого солнца.

Для этого стоило пройти через придирки медицинских комиссий, убедить других, что он имеет право быть пилотом. И испытать сожаление из-за того, что ради интересной работы покинул не менее интересную. В должности инспектора КОСМОЮНЕСКО он принял участие во многих великолепных проектах, которые без ложной скромности можно было назвать историческими. Читая отчет лунной группы «Контакт», Круглов вспоминал Изорию и Пржелински, неторопливого и обидчивого Оливера Рамсея, нелепую гибель Ван Келлена, опасное путешествие по тесным переходам лунных пещер и радовался, что успехи есть, что взаимопонимание установлено и человечество получило младших братьев по разуму. А это означало, что где-то есть и старшие братья. И в этом убеждал фантастический марсианский город, в залах парили черные кусочки свернутого космического пространства, где в ледяной воде плавали живые активаторы, придающие жидкости совсем уже невероятные свойства. А человечество уже рва-

лось дальше — к планетам внешнего круга. Капитан Дымков с экспедицией Краева высадились на спутниках Урана, автоматы исследовали ледяные поля Оорта, где обнаружили странную форму жизни — ледяные кочки. И на Венере уже резко упала температура — еще недостаточно, чтобы начать колонизацию планеты, но климат уже стал пригодным для того, чтобы на почве Венеры взошли первые земные растения: участки зеленой травы среди мрачных пустынно-гористых пейзажей земной сестры радовали глаз и внушали надежды.

Люди работали.

— Алексей Николаевич, — сказал после совещания Бедзоев, — я хотел бы поговорить с вами откровенно. Можно?

— Господи, Зайнутдин Акбарович! — Круглов улыбнулся. — Для вас что угодно!

— Мне хотелось спросить, почему вы вернулись в пилоты? У вас была интересная работа, определенная власть, хорошие возможности, но вы все оставили и принялись добиваться места летчика-испытателя в нашей программе. Почему? Лично я ничего не понимаю.

Круглов покачал головой.

— Что же тут непонятного? — открыто сказал он. — Именно потому, что мне не нужна была власть и хорошие возможности. Я — пилот. А все остальное от лукавого. Нет, я, конечно, благодарен судьбе — досталось многое увидеть и испытать. Я был на Луне в момент обнаружения селенитов, принимал участие в изучении поселений Чужих на Марсе. Но ведь и прежде у меня была не менее интересная жизнь, вам, наверное, это хорошо известно. Должность инспектора давала не только возможности, она еще и накладывала определенные обязанности. А к этому я так и не смог привыкнуть.

— Не понял?! — Брови Бедзоева высоко поднялись. — Не привыкли к ответственности?

— Понимаете, Зайнутдин Акбарович, всегда легче отвечать за себя. Это естественное состояние для человека. Я никак не мог привыкнуть к тому, что принимаю решение я, а рискуют другие.

— Как раз это я понимаю, — улыбнулся Бедзоев. — Только не говорите мне, что это единственная и основная причина. Ведь это не так?

— Основная причина... — Круглов усмехнулся. — Основная причина заключалась в том, что мне хотелось делать что-то нужное самому, а не наблюдать, как это делают другие. Не вышел из меня контролер, Зайнутдин Акбарович.

Бедзоев согласно покивал.

— Вот это-то я понимаю, — сказал он, ответно улыбнувшись Круглову. — Будем надеяться, Алексей Николаевич, что из вас получится отличный межпространственник. Весьма ответственная и интересная профессия, вы не находите?

Стартовый комплекс, к которому был пристыкован спейсрейдер, находился на бывшем планетолете «Волга». Планетолет сюда дошел своим ходом, после чего реактор отстрелили, а маневренность обеспечили сотовыми изотопными двигателями, которые особой мощности не развивали, но быстро и своевременно ориентировали станцию в пространстве. Планетолет был устаревшего типа, поэтому особых удобств на нем не наблюдалось, более того, люди жили в состоянии постоянной невесомости. Круглову к этому привыкать не приходилось, а вот многие ученые, ранее не покидавшие Земли, частенько попадали в различные неловкие ситуации, связанные с отсутствием веса. Свободное время Алексей Николаевич тратил на то, чтобы обучить новичков свободно двигаться в условиях невесомости. За это к нему относились с повышенным уважением и за глаза называли сэнсеем.

Ежедневно он занимался на тренажере. Компьютер постоянно менял нештатные ситуации, создавалась полная иллюзия испытательного полета, в которую Круглов постепенно вживался.

Монтаж оборудования на первом пространственнике завершался. И чем меньше время оставалось до испытания корабля, тем больше Круглов нервничал. Нет, страха не было, в

Круглове жило нетерпеливое ожидание старта, хотелось, чтобы полет наконец состоялся.

— Не торопитесь, Алексей, — сказал Бедзоев. — Лично для вас полет может оказаться последним. Никто не знает, как повлияет переход на человеческое сознание. Я говорю очень жестокие вещи, но вам следует быть готовым ко всему. Первому всегда труднее. Это прописная истина, но не зря она является истиной. Помните наш разговор? Так вот, я тоже терпеть не могу рисковать другими. Мне было бы значительно легче, если бы рядом с вами сидел я. Но это невозможно, поэтому будет сделано все, чтобы обеспечить вашу безопасность во время полета.

— Ожидание надоело, — признался Круглов. — Я давно уже готов к любой нестандартной ситуации. Тут главное не перегореть, Зайнутдин Акбарович.

— Скоро, — сказал Бедзоев. — Старт гораздо ближе, чем ты думаешь.

Люди работали.

Семиметровая модель спейсрейдера прошла трассу, появившись из красного цветка пламени у финиш-площадки. Ошибка в расчетах привела к аварии — точка тахиарда оказалась в опасной близости от планетолета. Обошлось без человеческих жертв, но часть оборудования погибла. Поставки с Земли затянулись более чем на месяц. Круглов видел, как нервничает Бедзоев, чувства ученого передались и ему.

Новое испытание, проведенное сразу за установкой доставленного оборудования, прошло блестяще. Два шимпанзе, пережившие мгновенное перемещение в пространстве, чувствовали себя великолепно, быстро обжились в невесомости и летали по коридорам, забавно выпрашивая у встречающихся ученых концентрированный сок и сухофрукты. Живший на станции кот Рыбкин, бывший гордостью и утехой межпланетчиков, быстро подружился с животными. Он спал с ними в гнезде, которое шимпанзе сплели из монтажных проводов в отведенном им отсеке, катался на шимпанзе по коридорам

комплекса. И даже научился забавно висеть на одной из лап, подкарауливая неосторожного жителя станции под сводами коридора. В конце концов шимпанзе отправили обратно на Землю, что вызвало на стартовом комплексе некоторое уныние, а кота Рыбкина ввело в глубочайшую тоску — одно время он даже отказывался есть и призывно мяукал у люка шлюзовой камеры, пока не понял, что его волосатые друзья улетели навсегда.

— Завтра, — сказал Бедзоев. — Иди к медикам, Алексей.

Спустя две недели астронавт Алексей Николаевич Круглов занял свое место в кабине спейсрейдера, повисшего в космическом пространстве рядом со старт-площадкой. Через час после старта Бедзоева невозможно было узнать — вместо молчаливого и уверенного в себе человека перед подчиненным ему коллективом предстал старик.

Красивого старта не получилось.

У Алексея Круглова не было даже могилы, ею стало пространство. Спейсрейдер размазало по всему восьмимиллионнокилометровому маршруту — не сработал соленоид шестого корабля.

Глава семнадцатая

МЕТЕОРЫ НЕ ИМЕЮТ МОГИЛ. 2060 ГОД

Официант что-то спросил, но Чамберс его не расслышал. Некоторое время он бессмысленно смотрел на китайца, пока не понял, что тот хочет принять заказ.

— Водки, — сказал Чамберс. — Принесите русской водки!

Официант что-то горячо заговорил, и опять Чамберс его не понял. Голос официанта стал громче. Теперь в нем звучала

некоторая неприязнь, которую, впрочем, официант пытался скрыть, памятуя нехитрое и вечное правило сферы обслуживания — клиент всегда прав. Китаец был высок и плечист, скорее всего уроженец китайского севера.

— Господин, — сказал официант «Красного дракона», глядя в глаза Чамберсу. — У нас нет водки. У нас китайский ресторан. Хотите подогретой хаши?

Чамберс достал из бумажника несколько купюр и положил их на белую скатерть столика.

— У вас нет водки? — спросил он. — Так пошлите за ней кого-нибудь из персонала. Я хочу выпить, очень крепко выпить. Ты меня понимаешь?

Официант покачал головой и прошел за стойку, скрывшись за бамбуковым занавесом. Вскоре он возвратился, но уже не один — с ним был хозяин ресторанчика Старый Ма. Ма величественно нес свою седую острую бородку, приближаясь к столу с явным намерением указать клиенту, который требует невозможного, на дверь. Он подошел к столику, и решительность Старого Ма сменилась неуверенностью, он узнал Чамберса. Нахальный посетитель в глазах китайца вновь превратился в уважаемого клиента.

Старый Ма витиевато поприветствовал Чамберса и без паузы принялся что-то визгливо говорить официанту, который на глазах сужался в плечах и становился меньше ростом, словно слова хозяина были каким-то магическим заклинанием, действующим на его стать. Кланяясь Чамберсу, северянин схватил деньги со столика и, продолжая низко кланяться, торопливо удалился.

Старый Ма почтительно встал рядом со столиком, сложив руки на животе. Он был в синем просторном костюме и легких тапочках. Морщинистое лицо китайца стало внимательным и угодливым, и без того узкие раскосые глаза превратились в две маленькие щелки.

— У господина Чамберса что-то случилось? — почтительно поинтересовался китаец. — Водку сейчас принесут. У Ли

Цзы очень, очень быстрые ноги. Позволено мне будет узнать, что случилось у достопочтимого господина Чамберса?

— Случилось, — сказал Чамберс. — Случилось, уважаемый Ма.

Приглашать китайца сесть за стол даже не стоило, Старый Ма никогда бы не позволил себе такой бестактности.

Чамберс достал из кармана мятый журнал и бросил его на стол.

На обложке журнала был портрет Круглова. Броский заголовок гласил: «Еще одна смерть в программе «Икар». Полеты к Солнцу обходятся слишком дорого. Слава земной авиатики исчезает в пучке ослепительного света!»

Китаец взял журнал и некоторое время внимательно разглядывал портрет, покачивая седенькой головой.

— Большая утрата, господин председатель, — сказал он со вздохом. — Очень большая утрата.

— Зачем я только отпустил его? — сдавленно спросил Чамберс. — Если бы я его не отпустил, он бы остался живым. Надо было держать его, надо было решительно поставить вопрос перед медицинской комиссией. Ничего плохого не случилось бы, если бы комиссия перестраховалась. Все было бы совсем иначе! Я смалодушничал, уважаемый Ма.

Китаец, надев старенькие круглые очки, которых нигде в мире уже не носили, внимательно читал статью.

— Я виноват, — горько сказал Чамберс. — Во всем виноват я, уважаемый Ма!

Китаец спрятал очки в верхний карман куртки и еще раз внимательно посмотрел на портрет Круглова. Этого человека он знал как завсегдатая его ресторана. Старому Ма было все равно, какую должность занимал этот человек, кем он был в жизни. Вполне хватало того, что этот человек был достойным клиентом ресторана.

— Не печальтесь, уважаемый господин Чамберс, — сказал он. — Птицы не выбирают дорог, они летают по всему небу. Разве можно приказать птице не летать? Когда они летят до-

мой, то, случается, гибнут тысячами. Но они все равно не меняют своей дороги.

Вбежал официант, тяжело дыша, поставил на стол перед Чамберсом бутылку странной русской водки, на которой было изображено какое-то старинное здание — русские всегда любили рекламировать предметы своей старины.

Чамберс открутил пробку и сделал несколько больших глотков, которые обожгли гортань и пищевод. Водка тепло растеклась по телу, снимая напряжение и ослабляя пружину, жившую в Чамберсе несколько последних дней.

— Принеси господину стакан, — повелительно сказал Старый Ма.

Услав официанта, он повернулся к гостю и церемонно поклонился.

— С вашего разрешения, — сказал хозяин ресторана, — поминальный заказ я сделаю сам. Я знал этого человека. Я его уважал. Поэтому заказ, который я сделаю, будет за счет заведения.

Оставшись в одиночестве, Чамберс сделал еще один большой глоток.

Он даже не подозревал, что смерть Круглова настолько выбьет его из привычной колеи. Когда Круглов ушел из КОСМОЮНЕСКО, Чамберс сильно на него обиделся, он все-таки думал, что межпланетчик примет иное решение, ведь он не мог не понимать, что на своем месте будет более полезен обществу, нежели рядовой пилот любой испытательной программы. Но Круглов ушел. Правда, у Чамберса не было причин для неприязни: уходя, Круглов добросовестно выполнил все начатые дела, на каждом направлении нашел себе достойную замену, и это еще раз утвердило Чамберса в мысли, что на должности инспектора Алексей Круглов был на своем месте. Он еще надеялся на возвращение межпланетчика, но все перечеркнула глупая и несвоевременная смерть пилота. Но разве смерть бывает своевременной? Чамберс положил перед собой журнал, взглядываясь в невеселое и спокойное лицо товарища. Теперь он понимал, что столкнулся с одним из тех людей,

вокруг которых всегда кипит жизнь. Вроде бы они совершенно не прикладывают к тому особых усилий, но все закручивается вокруг них — победы и поражения, гениальные догадки и обидные просчеты, любовь и ненависть, уважение и презрение, нетерпеливое стремление бежать на край земли, чтобы успеть увидеть происходящее, и не просто увидеть, а принять в нем активное участие.

В жизни Чамберса Круглов был подобен стремительному метеору, на миг озарившему яркой вспышкой серость будней. Такие люди никогда не умирали от старости, нет, они гибли в катастрофах, умирали от инсультов и сердечной недостаточности, и все потому, что они жили взалхлеб. Есть люди, которые не вписываются в серые будни, такие люди живут по мечте. Большинство по мечте жить боятся. Они плывут по течению жизни и с тоской смотрят вслед тем, кто живет не так. Чамберс с пьяной тоской подумал, что он никогда не осмелится жить так, как хочется. Все в его жизни будет подчинено сложившемуся распорядку — совещания, деловые встречи, умные разговоры и поиски нужных делу людей. А ведь и он когда-то в своем Канзасе мечтал вырасти и стать исследователем сельвы, пройти путем загадочно исчезнувшей экспедиции Фосетта, найти древние индейские храмы и загадочные племена, которые живут в сумрачных влажных джунглях.

Теперь он несколько иначе воспринимал все то, что так раздражало его в Круглове прежде. Алекс шел к своей цели, он не ждал, когда люди достигнут звезд, он сам хотел достичь их. Скорее всего именно потому он казался немного суховатым, жестким человеком, поступающим так, как решил сам. Он шел к своим звездам, не оборачиваясь на прошлое, терпя фиаско в личной жизни, не всегда обращая внимание на реакцию окружающих.

Возможно, что именно поэтому он всегда оказывался в гуще событий.

Чамберс выпил холодной водки, без особой охоты поковырял палочками принесенную еду и огляделся по сторонам.

В ресторанчике сидели обычные среднестатистические люди, которым, как и ему самому, не суждено было сделать великих открытий. Не совершить фантастических путешествий. Они были обречены прожить всю свою жизнь в окружении родных и знакомых, каждый день ходить на работу, по выходным отправляться на уик-энд и гордиться выловленной в Мичигане щукой, как гордятся орденами и медалями, полученными за каторжную и опасную работу. Этим людям было суждено умереть в своей постели, они видели звезды только высоко над головой, но никогда не тяготились сознанием этого.

Каждому свое — одному необходимо постоянно жить с повышенным адреналином в крови, стремиться познать то, что для всех остальных будет невероятной историей о невозможных героях.

Есть люди, подобные метеорам. Только увидев пламенный росчерк, означающий окончание их жизненного пути, ты начинаешь понимать, кого ты в жизни встретил и кого в ней лишился. Метеоры не имеют могил, они продолжают жить во Вселенной, оставаясь в ней остывшим пеплом, пламенным прочерком, однажды прорезавшим ночь, памятью, которую хранят звезды о своих малых собратьях.

Чамберс немного посидел, тоскливо разглядывая обложку мягкого журнала, и вдруг вспомнил, как он просил Круглова разрешить эксплуатацию нескольких планетолетов с почти выработанными ресурсами. Что тогда сказал ему Круглов? «Чамберс, — сказал он. — А вы бы разрешили лететь на таком планетолете своему сыну?» И еще он сказал: «Мне не хочется, чтобы пилотов хоронили под их национальные гимны раньше положенного времени».

И он был прав...

Чамберс допил водку и встал. Уважительно кивнув Старому Ма, он неторопливо пошел на выход, сутулясь и от того выглядя намного старше своих лет.

«Надо менять жизнь, — пришла в голову неожиданная мысль. — Надо все резко и необратимо менять, чтобы потом не было обидно за бездарно растроченные годы, чтобы не было

стыдно перед самим собой, что ты прокоптил восковой свечкой, вместо того чтобы вспыхнуть звездой».

Снаружи стояла ночь.

Теперь, когда смог не нависал над городом, когда огни реклам остались в стороне, над дремлющими деревьями парка, похожего на спящего неведомого зверя, путаясь в невидимых ветвях, опускаясь почти до земли, сияли звезды.

Время от времени некоторые из них срывались с небес и ослепительными белыми полосками чертили темное небо, оставляя за собой быстро гаснущие следы. Стоял сентябрь, Земля вошла в очередной метеорный поток, и теперь звезды вспыхивали в атмосфере чаще, чем в иное время года. Некоторое время Чамберс стоял, запрокинув голову вверх, и с детским нетерпением ждал очередной падающей звездочки, чтобы успеть загадать на нее желание. И не успевал. Вспыхивающие полоски гасли, прежде чем он успевал сформулировать подготовленную мысль. Водка туманила мозги.

Метеоры не имеют могил. От них остается лишь росчерк в звездном небе. Каждый сгоревший метеор — это еще одно напоминание о том, что надо торопиться жить, ведь жизнь скоротечна и не вмещает тех желаний, что живут в человеческой душе.

Если, конечно, ты не отдашь им всю свою жизнь без остатка.

Царицын, февраль — август 2002 года

ПЕРЕКРЕСТОК

Глава первая

Командировку эту Дмитрий Баскунчак не планировал, вышло так, что срочно потребовалось взять интервью у нового лауреата «Аэлиты» Евгения Нулика, а номер журнала был уже в работе, поэтому выезжать в волжский городок Царицын, где жил писатель, пришлось срочно. Разумеется, не обошлось без накладок — в спешке Баскунчак забыл электронную записную книжку с адресами знакомых, проживающих в Царицыне, а это означало определенные неудобства.

Город встретил его гнетущим зноем.

Поезд пришел в Царицын около десяти часов. Несмотря на утро, солнце стояло уже высоко. На привокзальной площади толпились потные таксисты и частники, готовые за сходную цену увезти пассажира куда угодно. Водители предлагали услуги и непрерывно пили минералку, поэтому изо всех урн торчали донышки пустых пластиковых бутылочек.

На вокзале царила обычная суматоха. Необычным было скопление железнодорожников в форменной одежде. Остановившись рядом с ними, Баскунчак услышал негромкий разговор.

— В ста километрах от Саратова, — сказал морщинистый пожилой железнодорожник. — Шесть цистерн диоксида. Там все МЧС оцепило.

— Теперь начнут виновных искать, — зло сказал круглолицый полный мужчина в серо-голубой форменной рубашке

без погон. — Что-что, а крайних у нас искать научились. Всегда стрелочник виноват!

Они косо и неприязненно глянули в сторону Баскунчака и заспешили прочь.

Понятное дело, в свои неприятности чужих людей посвящать незачем. Где-то случилась железнодорожная катастрофа. Как обычно, везли какую-то дрянь и, как обычно, загадили природу. Саратов был далеко, поэтому катастрофа на железной дороге Баскунчака не особенно взволновала. Разве что любопытство на секунду проснулось, детали захотелось узнать.

Гостиница оказалась рядом. Дмитрий Баскунчак уже предвкушал, как закажет в номер ледяное пиво и встанет под душ, но оказалось, что в гостинице «Царицынская» разместились участники саммита под многообещающим названием «Операционные системы в малом бизнесе», и свободных номеров не было. Через зеленый от кленов и тополей сквер, где у похожего на фаллос памятника колыхался ленивый Вечный огонь, имелась еще одна гостиница. Однако и там журналиста ожидала неудача — гостиница была интуристовская, а именно интуристов сейчас в ней поселилось более чем достаточно: Царицын посетила китайская делегация из города-побратима с трудно выговариваемым названием, а кроме того, из бывшего Третьего рейха приехала на места боевой славы группа очень пожилых туристов. Немецкий Дмитрий Баскунчак учил в школе, поэтому по коротким гортанным возгласам гостей из-за рубежа он все же догадался, что из Германии приехали бывшие летчики Люфтваффе — посмотреть на Курган Славы и просто помыть наконец сапоги в волжской воде.

Легче от этого Дмитрию не стало, свободных мест не оказалось и в «Интуристе». Теперь вместо того чтобы принять холодный душ и сесть у окна с бутылочкой холодного пива, предстояло ехать к черту на кулички, и не факт, что там, на куличках, в гостинице окажутся свободные места.

Приунывший Баскунчак вышел из прохладного вестибюля гостиницы и окунулся в расплавленный воздух городской ули-

цы. Над потемневшим мягким асфальтом дрожало марево. Ленивые и загорелые прохожие больше напоминали жителей приморского курортного городка. Жара жарой, но Баскунчак сразу отметил, что оголенные до норм возможного приличия девицы выигрышно отличались от жительниц столицы и других городов, куда заносила его профессия.

По пути он зашел на почтамт и связался с редакцией, где взял домашний телефон и адрес лауреата. Оттуда же он позвонил Нулику по телефону. Трубку никто не брал, а это значило, что и ехать к писателю пока не стоило.

Около почтамта кружилась стайка цыганок в цветастых юбках. Жара на них не действовала. Они целенаправленно выхватывали из толпы прохожих, по одним им известным признакам выявляя податливых, и предлагали намеченным жертвам погадать. На Дмитрия они внимания не обратили.

Около входа в местный ЦУМ его бессовестно надула продавщица, продав бутылку пива, нагретого южным солнцем. Возвращать открытое пиво Баскунчак посчитал неудобным, и вот так — с дорожной сумкой через плечо и с бутылкой теплого противного пива в левой руке — побрел в сторону набережной, дорогу к которой ему подсказали прохожие.

Волга текла неторопливо и вязко, по синеве волн медленно двигалась длинная ржавая баржа, из-за нее неспешно выплывал речной трамвайчик, около которого лениво кружились серые речные чайки. Баскунчак сунул бутылку с недопитым пивом в попавшуюся по дороге урну, по широкой лестнице спустился вниз, уселся на каменный парапет, разглядывая воду. Теперь волжская вода не казалась синей и прозрачной, на ее поверхности радужно расплывались нефтяные пятна, и вниз по течению плыли окурки, которые нетерпеливо и безостановочно долбили многочисленные мальки, не обращавшие на радужные пятна ни малейшего внимания.

Около самой воды сидел огромный парень в белой футболке и светлых брюках. Парень неторопливо крошил булку,

бросая крошки в воду, которая, казалось, кипела от движений множества мелких рыбешек, привлеченных неожиданным угощением. Баскунчак сразу обратил внимание, что парень не местный — слишком бледен он был, резко выделяясь среди загорелых до угольной черноты аборигенов.

Парень поднял голову и внимательно посмотрел на Дмитрия.
— Командировка? — поинтересовался он.

Дмитрий кивнул. Палило уже так, что разговаривать не хотелось.

— Я тоже, — сказал парень, стряхивая с широких ладоней остатки булки.

Баскунчак равнодушно, но с некоторым сочувствием покивал.

— Бывает, — неопределенно отозвался он. — А я вот в гостиницу не смог устроиться. Там сегодня иностранцев заселяют, не до русских персоналу.

— Какая разница? — пожал широкими плечами парень и поднялся. Легко перемахнув через парапет, он оказался рядом с журналистом и протянул ему руку: — Иван Жилин.

— Дмитрий. — Баскунчак пожал жесткую руку неожиданного знакомого, почувствовал жесткие мозоли на ладони — похоже, в своей жизни Иван знал не только ручку и клавиатуру персонального компьютера. — Не подскажешь, где тут еще гостиницы есть? Мне бы лучше, чтобы неподалеку от центра и чтобы бар хороший был.

— Гостиниц много, — неопределенно сказал Жилин, разглядывая собеседника. — Журналист?

— Почему обязательно журналист? — вздохнул Дмитрий. — Ну, журналист. У меня что, на лбу написано — журналист? С чего ты взял?

— Похож, — коротко сказал Жилин.

— Пива хочется, — неожиданно для самого себя признался Баскунчак. — Холодного...

— А на речном вокзале есть кафе, — сказал Жилин. — Там пиво всегда холодное. На улице не покупай, у них лед долго

не держится, а аквакальтеров нет. Или в павильончиках бери, там местный частник за репутацию радеет.

Тут бы Дмитрию и споткнуться о незнакомое слово, но он слишком разомлел от жары, даже внутренне он сейчас напоминал себе кусок сливочного масла, тающего на солнце.

— Значит, журналист, — сказал Жилин. — И в какой же газете изволите акульей пера подвизаться?

Баскунчак пожал плечами.

— У нас журнал, — сказал он. — Фантастику читаете?

— Бывает. — Жилин хмыкнул. Лицо у него было славное — грубоватое, с крупными чертами, и вместе с тем интеллигентное. Такому бы главных персонажей в романтических фильмах играть.

— Тогда должны наш журнал знать, — с законной гордостью сказал Баскунчак. — Журнал «Возможно», его каждый уважающий себя фэн знает.

— Фантастика — это хорошо, — пробормотал Жилин. — Фантастика — это здорово. Нам книжка строить и жить помогает... Народу нужны книжки, в которых есть место подвигу и романтике.

— Ну что, по пивку? — Дмитрий подхватил сумку, с надеждой глядя на остекленное круглое здание речного порта.

— Жарко, — непонятно сказал Жилин. — Я, пожалуй, пока рыбок покормлю.

— Рад был познакомиться, — вежливо сказал Баскунчак, протягивая случайному знакомому руку.

Он целеустремленно направился к ближайшему павильону, но Жилин окликнул его:

— Дима!

Баскунчак обернулся.

— Вы вот что, — нерешительно, но, словно приняв какое-то решение, сказал Жилин. — Я насчет гостиницы... Не буду вас обнадеживать, но попробуйте позвонить вот по этому телефону. Если спросят, скажите, что я вам рекомендовал.

— Спасибо, — сказал Баскунчак.

— Не за что, — отозвался Жилин. — Вы сами фантастику любите?

— Если бы не любил, то в журнале бы не работал, — обиделся вопросу Баскунчак. Настоящий любитель фантастики такой вопрос ему бы не задал, настоящие любители фантастики Диму Баскунчака знали по конвенциям и статьям в журнале, они его знали как обладателя «Интерпресскона» и премии Александра Беляева. Да что там говорить, в кругах фэнов Дмитрий Баскунчак был известен не меньше, а то и больше иных писателей.

— Это хорошо, — сказал Жилин. — Значит, удивления будет меньше. Вы там не особо удивляйтесь, нормальная гостиница, очень уютная, только постояльцы разные бывают...

Глава вторая

По телефону, который дал Дмитрию Жилин, долго не отвечали.

Отозвались, когда он уже хотел плюнуть на все и положить трубку.

Женщина спросила Баскунчака, кто ему дал номер телефона.

— Ах, Жилин... — со странной интонацией сказала она. — А кто вы по профессии? Журналист? А из какой газеты?

— Послушайте, — утомленно сказал Баскунчак, — если я журналист, значит, мне в гостинице жить нельзя? Или у вас там режимное предприятие?

— Минуточку, — сказала женщина.

Слышно было, как она с кем-то переговаривается на другом конце трубки. «Вечно Иван что-нибудь придумает, — сказали там басом. — Ладно, скажи, как ему доехать». «А но-

мер?» — спросила женщина. «Отдашь триста двенадцатый, — сказал мужчина. — Все равно Мвен сегодня выезжает».

Добраться до неведомой гостиницы оказалось очень просто — маршрутка, идущая на «Семь ветров», довезла его почти до гостиничного комплекса, состоящего из четырех пятиэтажных зданий, между которыми каракатицей растянулся купол из стекловолокна. Комплекс был оригинальным, по крайней мере в столице Баскунчак таких зданий не встречал. В вестибюле, увитом зеленью, было прохладно и тихо.

Поселиться в гостинице оказалось еще проще. Миленькая администраторша, откинув с лобика кудрявую прядь волос, внимательно просмотрела паспорт, вернула его Дмитрию и протянула квадратик магнитного ключа. Даже анкету заполнить не пришлось.

— По коридору. Потом на лифте подниметесь на третий этаж, — объяснила она.

Руки у нее были маленькие, с тонкими пальчиками, перламутрово блестящими почти птичьими коготками. Баскунчак привычно хотел сделать ей комплимент, но что-то удержало его.

Повинуясь инструкциям администраторши, Дмитрий поднялся на третий этаж. Номер был небольшим, но уютным. В комнате стоял телевизор, имелся телефонный аппарат, а в холодильнике индеевели бутылки с соком и напитками. Пива только, к сожалению, не было.

Он подошел к зеркалу. Из зеркала на него глянул черноусый и кареглазый испанский идальго, измученный жарой. Только без кастаньет. Он снова вспомнил кудрявую администраторшу и пальцами пригладил усы.

Приняв душ и сменив рубашку, Баскунчак снова позвонил Нулику. Того дома не было. Продиктовав на автоответчик сообщение, Баскунчак вышел на лоджию. Лоджия была длинная, разделенная для каждого номера тонкими перегородками, отделанными мозаикой.

На соседней лоджии негромко разговаривали двое.

Один был высок, плечист и грузен. У него было грубое, обветренное до красноты лицо с маленькими злыми глазами. Низкий лоб под ежиком седых волос пересекали глубокие морщины. Однако нос картошкой придавал лицу его обладателя простецкое и добродушное выражение. Второй обращал на себя внимание породистостью и вальяжными манерами. У него было нервное артистическое и холеное лицо, он чем-то напомнил Баскунчаку артиста Ширвиндта. Только речь подкачала — выглядевший аристократом человек немного заикался, причем было видно, что это заикание у него не с детства, а явилось следствием какого-то потрясения, пережитого человеком не так давно.

— Не знаю, — сказал плечистый мужчина. — По-моему, ты просто отлыниваешь от работы.

— Н-нет-нет, п-позволь, — возразил аристократ. — М-меня просто интер-ресует его в-внутренний м-мир.

— Стажер есть стажер, — недовольно сказал собеседник.

— С-стажер стажеру р-рознь, — возразил аристократ. — Т-ты т-тоже стажер, и я с-стажер. Мы все с-стажеры на с-службе у будущего. С-старые стажеры и м-молодые. Мы стажире-емся в-всю ж-жизнь, каждый по-с-своему. А когда мы ум-мираем, п-потомки оц-ценивают нашу р-работу и в-выдают диплом на вечное с-существование.

— Или не выдают, — жестко сказал плечистый. — Как правило, к сожалению, не выдают. Володя, ты опять начал заикаться. Показался бы врачу.

— Ерунда, — раздраженно сказал аристократ. — Сам знаешь, это не л-лечится.

Плечистый подозрительно посмотрел на стоящего на соседнем балконе Баскунчака и ушел в комнату. Его собеседник последовал за ним. Дмитрий почувствовал себя неловко, словно он и в самом деле подслушивал. Вместе с тем лица говоривших показались Дмитрию удивительно знакомыми, только вот он никак не мог вспомнить, где с ними встречался, хотя твердо знал — видел их, и не раз.

Он ушел к себе, включил телевизор. Работало семь каналов, но на каждом шла ненавистная ему реклама, а на РТР шел репортаж об очередной зачистке в Чечне. Накануне «духи» подорвали автобус с местными жителями, и теперь ОМОН начал очередную официальную разборку с ними. Показали укрытые брезентом трупы. Трупов было много. Баскунчак поморщился и щелкнул кнопкой пульта.

Можно было, конечно, пройтись и полюбоваться местными достопримечательностями. Время позволяло. Дмитрий постоял немного посреди номера, и мысль ему понравилась. Он решительно открыл дверь.

Прямо перед ним из соседнего номера выходил нескладный долговязый мужчина с короткой стрижкой и удлиненным лицом, на котором выделялись внимательные цепкие глаза. Мужчина безразлично посмотрел на нового соседа по этажу и неторопливо пошел на выход.

Из следующего номера выскочил полный волосатый мужчина и побежал вслед за долговязым, на ходу окликаая того:

— Леонид Андреевич! Одну минуточку!

— Господи, Марк! — с легким раздражением сказал долговязый. — Ну что вы волнуетесь? У нас масса времени!

— Между прочим, Кондратьев уже завтра приезжает, — настаивал его собеседник. Волосы у него были неестественно черные, не по возрасту. Красил он их, что ли? Сам он был небольшой, пухленький и чем-то напоминал бронзового китайского божка в рубаше, расстегнутой на три верхние пуговицы. Если только у китайских божков бывает волосатая грудь и они носят рубашки с коротким рукавом.

— Вот и хорошо, — продолжая движение, сказал долговязый. — Я с ним сам поговорю. Не надо спешить, для адаптации тоже время необходимо, а вы этого не понимаете.

Полный и упругий, как ртутный шарик, мужчина вновь устремился за ним.

— Вечно вы упрощаете, Леонид Андреевич. А все не так уж и просто, все-таки не с Алтая вернулись...

Дальнейшего Дмитрий уже не слышал.

Он спустился вниз. Какое ему дело до чужих забот. Свои бы решить! Где этого Нулика черт носит? Честно говоря, Баскунчаку очень нравилось, как Нулик работает. К тому же Евгений писал хорошие песни и сам исполнял их. Это у него выходило очень неплохо. Не зря же именно Нулик всегда исполнял на конвентах гимн фэнов. И собеседник он был очень приятный, умело рассказывал забавные истории из жизни писателей, да и на философские темы с ним было интересно разговаривать.

Неторопливо размышляя о будущем интервью, Дмитрий спустился по лестнице.

Как он и думал, слева от администратора за стеклянной дверью притаился тихий бар.

В баре за длинной металлической стойкой на фоне бутылок с пестрыми этикетками восседал, сверкая лысиной, краснотлицей пожилой бармен в белой куртке с засученными рукавами. Его большие волосатые кулаки лениво лежали среди серебряных колпаков, покрывавших блюда с закусками. Слева от бармена возвышалась непонятная серебряная машина, от которой поднимались струйки ароматного пара.

Над головой бармена висел плакат, который гласил: «Ваш старый Микки Маус борется за звание бара отличного обслуживания».

При виде Дмитрия бармен оживился, волосатые кулаки пришли в движение, бармен удовлетворенно закачал головой.

— Добрый день, — сказал он. — Новенький?

— Сегодня приехал, — сказал Баскунчак, вешая сумку на крючок рядом с сиденьем.

— Выпить? — поднял седые брови бармен.

— В такую жару? — искренне удивился Баскунчак.

— Хотите поесть? — задумался бармен. — У нас очень дешевые блюда.

— Пива! — решительно сказал Дмитрий. — У вас есть холодное?

— Обижаете, — гулко захохотал бармен. — Только холодное у нас и есть. «Балтику»? «Толстяк»? Или вы предпочитаете баночное?

— Местное есть? — поинтересовался Баскунчак.

Бармен снова засмеялся.

— Хороший подход к делу, — сказал он. — Вы мне нравитесь. Значит, «Толстяк», жигулевское сегодня еще не привезли. Меня зовут Джойс, старина Джойс.

«И этот туда же, — с некоторой неприязнью подумал Баскунчак. — Ладно еще молодежь себе иностранные имена берет. Мода у них такая. Тебе-то это зачем, виски уже совсем седые. Ты бы еще Улиссом назвался!» Но вслух ничего не сказал.

Из открытого морозильника пахнуло холодом.

Бармен ловко опрокинул бутылку над пузатой коричневой кружкой с изображением Мефистофеля. Кружка сразу запотела. Журналист с удовольствием принял ее. Пиво и самом деле оказалось ледяным.

— Давно здесь работаете? — вежливо спросил Баскунчак, делая бодрый глоток.

Бармен подумал.

— Третий год, — сказал он. — До этого я работал в Мирза-Чарле, потом порт закрыли. Хотел податься на родину, но Иван меня уговорил, и я приехал сюда.

— Вы не Жилина имеете в виду?

— Ивана, — без удивления подтвердил Бармен. — И знаете, он оказался прав. Ну, что бы я делал дома? Скучно. А вы с ним знакомы?

Ответить Баскунчак не успел.

В бар вошел человек. Бармен торопливо извинился, отходя от журналиста.

Баскунчак внимательно разглядывал вошедшего, машинально вытирая свои щегольские черные усы, промокшие от пива. Вошедший выглядел обычно — средних лет, не много, значит, старше его, Баскунчака, плотный, круглолицый. Одет он был в светлую рубашку с широким воротом и

в светлые же брюки. На ногах синели небрежные шлепанцы, звонко шелкающие на каждом шагу. Лицо посетителя казалось озабоченным и даже немного хмурым. Бармен плеснул ему в бокал бренди — на два пальца, долил соком и добавил льда.

Он что-то спросил посетителя. Тот недовольно и безнадежно махнул рукой, залпом допил коктейль и вышел так же стремительно, как и вошел. Слышно было, как торопливо шлепают его шлепанцы в холле. Бармен поставил фужер в мойку и вернулся к Баскунчаку.

— У каждого свои неприятности, — философски сказал он. — И радости у каждого свои. Но все ко мне все равно заглядывают, к старому Микки Маусу. Не забывают. — В голосе бармена неожиданно зазвучала теплая нотка. — К нам надолго?

— Дня на два, — прикинул Баскунчак. — Найти человека, взять у него интервью... Ну и город посмотреть. Ни разу в Царицыне не был.

— Каждый человек в душе путешественник, — мудро рассудил бармен Джойс. — Однако рано или поздно всех тянет домой. Вчера Леонид Андреевич вернулся. На травке, говорит, хочется поваляться. Я его понимаю. Сам постепенно становлюсь домоседом.

Они поговорили о разных пустяках. Бармен подсказал, как быстрее добраться с «Семи ветров» до Мемориала, потом поговорили об увеселительных заведениях, работающих в центре города. Бармен Джойс оказался патриотом своего заведения.

— Можете сравнить, молодой человек, — сказал он. — Но лучше моего бара в городе вы не найдете. Конечно, если вам нравится галдеж и долбежка, если вы не дурак подраться или покадрить девочек, можете отправляться в «Молотов-гараж». У меня всегда тихо и спокойно, публика приличная, музыка — сами можете убедиться, — ниже классики ничего не держу. Вивальди, «битлы», Ванесса Мэй... Желающие могут Николая Баскова послушать...

Только сейчас Баскунчак заметил легкий акцент в говоре бармена. Однако расспрашивать его Дмитрий посчитал неудобным. Допив пиво, он расплатился.

— У вас телефон есть?

— Естественно, — сказал бармен. — Сейчас принесу. Сумму за разговор вам внесут в стоимость номера. — Он подмигнул. — Учет и контроль, молодой человек. Возможно, так не становятся богатыми, но не становятся и нищими.

Нулика все еще не было дома. Дублировать свою просьбу о встрече на автоответчик Баскунчак не стал.

Глава третья

Времени было много.

Он неторопливо прошел через пустынный прохладный вестибюль и вышел на улицу. Тело моментально обволокло зном. Правильнее было бы переждать жару в номере, но Баскунчак все-таки решил съездить на Мемориал. Времени у него было немного, хотелось посмотреть, как все выглядит на самом деле, а не на рекламных плакатах или в телевизионных передачах. И надо сказать, Мемориал его ожиданий не обманул. С Кургана Славы открывалась панорама всего города. Царицын был длинным, он подковой располагался на изгибе реки. Вблизи центральная статуя выглядела грандиозно и грозно, тропинки, ведущие вниз, окружала низенькая и ровная зеленая трава, словно газоны кто-то ежедневно подстригал. У братских могил толпились уже знакомые Баскунчаку немцы из Люфтваффе. Похоже, возлагали венки.

Немцы негромко переговаривались между собой, время от времени показывая в раскинувшейся панораме города памятные места. Словно вновь разглядывали Царицын из остекленных кабин своих «юнкерсов» и «мессершмиттов». Время от

времени кто-то из старых пердунов принимался делать плавные движения ладонями, и по этим жестам можно было понять, что обсуждаются воздушные бои с использованием фигур высшего пилотажа.

Странное дело, но сейчас Баскунчак почувствовал неприязнь к этим иноземным ветеранам, ведь не только в воздушных боях они принимали участие, баржи и катера с гражданским населением они топили, жилые дома в воздух поднимали. Ишь расчувствовались, боевое прошлое вспомнили!

Он лениво спустился по широкой лестнице, окруженной многочисленными бетонными барельефами и обрамленной ровными рядами зеленеющих тополей. Несмотря на зелень и на многочисленные разбрызгиватели, над которыми стояли маленькие радуги, жара чувствовалась.

В Царицыне функционировало невероятное чудо техники — скоростной трамвай или, как его здесь называли, метротрам. Выглядело это так, если бы в одну упряжку, невзирая на изречение классика, впрягли коня и трепетную лань. Часть своего пути трамвай совершал по подземным туннелям. Себялюбивые местные жители даже облицевали несколько подземных станций мрамором и гранитом, но сделали это несравненно скромнее, чем в столице. Тем не менее, пусть хоть и схожий с тянитолкаем, метротрам довольно быстро довез Баскунчака до центральной аллеи. Предназначена она была исключительно для героев, это уже потом аллею облюбовали художники и иные ремесленники, которые с разрешения мэрии продавали здесь свои поделки чуть в стороне от длинных мраморных стел с именами героев. Здесь продавались картины, изделия из уральских камней, забавные поделки и монеты, продавали стихи, изданные за свой счет, непризнанные гении, обменивались ордена и медали, здесь всегда былолюдно и интересно.

Баскунчак потолкался в рядах, посмотрел картины и купил жене забавного гномика в настоящих лаптях, которые, как завершила дородная мастерица с обвисающими красными щеками, и в самом деле изготавливались из настоящего

липового лыка. Дмитрию было все равно, из какого лыка плелись крошечные лапоточки гномика, просто кукла очень понравилась. Да и цены здесь были, не в пример Арбату, божеские.

Таскаться с гномиком в руках было неудобно, и Дмитрий купил полиэтиленовый пакет. Выпив в красном брезентовом павильоне, украшенном надписями «Мальборо», пару кружек холодного пива, Баскунчак закурил.

Жара постепенно спадала, аллея заполнялась людьми. Больше всего было девушек. Легко, если не легкомысленно одетые, они напоминали Дмитрию бабочек-однодневок. Стройные, длинноногие, с диковинными прическами, они гордо несли себя по улицам, делая вид, что им безразлично внимание окружающих. Трогательные в своей нахальной уверенности, что они самые лучшие, они и в самом деле были такими.

Баскунчак вспомнил, как пару лет назад приехавший из Царицына Юра Селецкий, потирая обеими руками свою коротко, под машинку, остриженную голову, восторженно рассказывал о царицынских девушках. Тогда Баскунчак ему не поверил, теперь он Селецкого понимал. Здесь и в самом деле можно было запросто заработать косоглазие. Глаза разбегались.

Смеркалось по-южному быстро. Когда Баскунчак вышел из павильона, небо уже было совсем темным, на нем загорались неяркие городские звезды.

Маршрутку на «Семь ветров» он ждал минут двадцать — вдвое больше, чем ехал на ней. Остановки он днем не запомнил, поэтому поинтересовался у водителя, где ему лучше сойти, чтобы попасть в гостиницу. Вечером в чужом незнакомом городе ориентироваться гораздо труднее.

— А какая гостиница на «Семи ветрах»? — удивился водитель. — Я сам там живу. Нет у нас никакой гостиницы.

— Там еще бармен... Джойсом его зовут, — настаивал Дмитрий, пытаясь выудить из кармана магнитную карточку.

— Так тебе на Перекресток? — Водитель засмеялся. — Скажу, где сходить. А то заладил свое — гостиница, гостиница...

— А разве это не гостиница? — Дмитрий достал наконец карточку, близоруко вглядываясь в нее в полутьме. Поверх карточки действительно краснела надпись «Перекресток».

— Конечно, нет, — сказал водитель. — В гостинице разная шушера живет, а там — люди. Сам их возил, знаю.

Туманный ответ этот ничего не объяснял, но Баскунчак на объяснениях и не настаивал. Хорошо еще, водитель знал, где сходить, и готов был подсказать. Как там Иван сказал? Чтобы не особо удивлялся? Баскунчак и не удивлялся, устал он от жары и от выпитого пива устал: Покажи ему сейчас снежного человека или инопланетянина, Дмитрий посмотрел бы на него равнодушно. Чего в мире не бывает! Вот и такое случается.

Вечером он до Нулика дозвонился. Оказывается, тот уезжал на дачу.

— Мы же с Шаховым договаривались, — удивился он. — Я тебя только завтра ждал.

— Вы не ждали, а мы приперлись, — грубовато сказал Баскунчак. — Давай договариваться, Женя, когда встретимся.

— А ты где остановился? — поинтересовался Нулик. — Я на Мерецкова живу.

— А я на Перекрестке, — с удовольствием сообщил Баскунчак.

— Это где? — с некоторой растерянностью поинтересовался Нулик, и Дмитрий с удовольствием представил, как писатель сейчас задумчиво теревит свою бардовскую бородку, которая вкупе с тельняшкой придавала Нулику вид бывалого матроса, за какие-то провинности списанного с корабля.

— У вас, на «Семи ветрах», — злорадно сказал Баскунчак.

— Понастроили, — неопределенно хмыкнул Нулик, и непонятно было, радуется он развернувшемуся в родном городе строительству или порицает его. — Ладно, я понял, где ты якорь бросил. Оттуда до нас маршрутка ходит, сорок пятый номер, на остановке «Орбита» выходить. Записал?

А чего записывать? Такие вещи Баскунчак в памяти своей журналистской держал. Договорились на десять утра. Нулик долго объяснял, как найти дом и на какой этаж подниматься.

Наконец они вежливо попрощались. Баскунчак положил трубку на аппарат, не раздеваясь, рухнул на постель и некоторое время бессмысленно смотрел в потолок. Все складывалось хорошо. Если завтра они с Нуликом интервью отработают, можно будет брать билет на поезд. В крайнем случае можно уехать послезавтра. Думается, Нулик позволит ему набрать текст на своем компьютере, а то и завизирует его. Хорошо бы завизировать текст, чтобы избавиться от возможных неприятностей. Писатели — народ капризный, скажет еще потом, что его неправильно поняли, неверно мысль изложили.

Вечером аппетит разгулялся. Весь день есть не хотелось из-за жары, но теперь, когда жара спала, организм требовал своего. Пивом сыт не будешь. Чтобы заглушить голод, Баскунчак достал из холодильника сок. Сок был виноградный, именно такой, как Дмитрий любил, — в меру терпкий и кисло-сладкий, но лишенный приторности.

Он включил телевизор. На втором канале шла передача «Криминальная Россия», на этот раз посвященная новокузнецкому людоеду Спесивцеву, который харчил исключительно девочек-подростков. От слишком натуралистических деталей этой передачи Баскунчака замутило, и он переключил каналы. На ОРТ шла содержательная беседа двух дам и одного старого импотента, которые обстоятельно обсуждали животрепещущий вопрос — надо ли немедленно легализовать проституцию, или следует пока подождать. Судя по сладострастным улыбочкам телевизионных дам, они хотели немедленной отмены всех запретов. На СТС шел фильм, посвященный трудной жизни геев в современном обществе. Баскунчак плюнул на культурную программу и выключил телевизор.

Поколебавшись, он решил сходить в бар. Конечно, для интервью нужна свежая голова, но, честно говоря, примерный вопросник Баскунчак составил еще в Москве, а пара рюмок хорошей водки или коньяка еще никому не вредили. На худой конец, можно было выпить пива, сняв им ощущение духоты, царившей в номере, несмотря на работающий кондиционер. Завтра он встретится с Нуликом, возьмет у него интервью,

постарается его завизировать, можно будет новые песни Нулика послушать, если выпадет такой случай. Вообще завтрашний день обещал быть приятным, лишь бы жара такая не стояла. Однако в то, что погода резко изменится, верилось с трудом.

В баре было по-прежнему тихо. Посетителей, правда, прибавилось, но на журналиста никто не обращал особого внимания. Негромко играла музыка, но, несмотря на свою некоторую музыкальную образованность, Баскунчак не мог сказать точно, что играют и кто исполнитель. Он заказал салат и двести граммов «Белого аиста», в качестве которого был уверен.

— Обижаете, молодой человек, — взмахнул пухлыми руками бармен Джойс. — У меня все напитки качественные. Но... двести граммов... Не много ли? Может, для начала две рюмочки по пятьдесят? И салат... Разрешите, я вам порекомендую кое-что из сегодняшней кухни?

Да, гостиница была необычная. И бар был необычным. В любом московском баре не нашлось бы работника, который стал уговаривать взять меньше спиртного, наоборот, сделали бы все, чтобы он и двумястами граммами не ограничился. Да и их московская компания на этом никогда бы не остановилась. Банные оргии трезвости не прощали. Баскунчак вспомнил Селецкого, Баритонова, Имперяна и весело хмыкнул.

— На ваш вкус, Джойс, — великодушно сказал он.

— Есть что-нибудь будете? — поинтересовался бармен. — Сегодня хорошая китайская кухня. Я бы рекомендовал тун жэу мин танн, обжаренный красный рис и чай. Можно взять чоу мейн из морепродуктов.

— Джойс, — спросил Баскунчак. — А тун жеу мин... э-э-э... танн... что это такое? — И порадовался, что с одного раза запомнил название. Китайской кухне в Царицыне он удивляться не стал. Мало ли где у русского города может оказаться его побратим. Последнее время экзотические кухни стали пользоваться особой популярностью. Одно Баскунчак знал точно: с китайской кухней, как и с любой иностранной, надо было обращаться осторожно. А то закажешь такое, что в рот не

возьмешь. Был у него печальный эпизод, когда он в далеком городе Ош заказал в ресторане местное блюдо, которое при ближайшем рассмотрении оказалось жареной саранчой. Именно поэтому он с таким интересом ждал ответа бармена. Ответ его едва не разочаровал.

— Яйца, фаршированные мясом, — объяснил Джойс. — Очень вкусно.

Ожидание заказа не затянулось. Видимо, все уже было у бармена в полуфабрикатах. Эти самые «минтанны» и в самом деле оказались очень вкусны, да и красный рис пряно обжигал рот и возбуждал аппетит. Играла негромкая музыка. Вечером людей в баре было значительно больше, чем днем. Одеты все они были разнообразно, а некоторые даже странно. На Баскунчака никто не обращал внимания, и это ему нравилось. Странное дело, но коньяка оказалось вполне достаточно, два блюда насытили журналиста, а крепкий несладкий чай доставил ему подлинное блаженство. Дмитрий всегда подозревал, что настоящий чай сладить нельзя, сладить надо было лишь тот эрзац, который продается в магазинах. Сейчас он убедился, что его теория была верна. *Этот* чай не требовал сахара, напротив — он его напрочь отрицал.

Счет приятно удивил его. В столице такой ужин стоил куда дороже. Баскунчак расплатился. Поблагодарил бармена и, подумав немного, купил две бутылки пива. Бутылки были старомодными, из темного стекла и по пол-литра. С бутылками в обеих руках он вышел в холл.

Холл был едва освещен, и в глубине его голубовато светились многочисленные двери, которых днем Баскунчак не видел или просто не заметил. Настроение было хорошим, в номере одному сидеть не хотелось, поэтому Баскунчак решил немного попутешествовать перед сном.

Он пересек холл, наугад толкнул одну из дверей и замер.

Перед ним расстилался необычный город. Странные длинные дома, напоминающие ящики без окон и дверей, с какими-то отверстиями у крыш, приземистые, угрюмые, непомерно длинные — иные расстились на километр и больше. Над

домами было серое от звезд небо, на котором выделялось несколько ярких скоплений, вместе они давали больше света, нежели дает Земле ее спутник в период своего полнолуния. Над странным миром царила не ночь, скорее это были сумерки, лишённые полутеней.

Дмитрий изумленно огляделся.

У стены одного из серых безрадостных домов лежали странные существа. Ростом с земного десятилетнего ребенка, каждый из них напоминал зеленого чешуйчатого кузнечика с прозрачными крыльями, четырьмя гибкими конечностями и прямо поставленной, узкой, почти человеческой головой.

Чуть дальше, там, где торцы зданий образовывали нечто вроде площади, стояла скульптурная группа из трех фигур. Высокий человек обнимал двух человекоподобных кузнечиков. Все трое смеялись, поднимая лица вверх, — они чему-то одинаково радовались. Желтый нарядный камень, не похожий на холодный мрамор земных статуй, дополнял впечатление радости.

Нет, известные журналисту скульпторы не умели с такой живостью передать лица, в их скульптурах всегда оставалось что-то безжизненное, показывающее, что перед тобой камень, а не тело. Здесь же было живое лицо, до того живое, что хотелось улыбнуться в ответ на его улыбку.

Баскунчак изумленно разглядывал скульптуру, не понимая, куда это он попал. И в это время сердце его сжали невидимые тиски. Дмитрий покачнулся, зашарил глазами по сторонам. Рядом со скульптурой возвышалось нечто странное, ни на что не похожее: не то ком земли, не то раздувшаяся черепаха, не то рыцарский шлем из земных музеев. Из середины этой каменной опухоли вздымалась гибкая — змеиным телом — трубка, и на конце ее был нарост вроде большого огурца или ананаса. Он сверкал, этот нарост, от него отбрасывались лучи, но не как от лампочки — сплошным сиянием, а словно от тысячи колюче-ярких остриев, как если бы он был инкрустирован драгоценными камнями и каждая грань сияла особо, — он пронзал, а не освещал лучами. Трубка со сверкающим наростом вытягивалась в сторону Баскунчака.

Нарост шевельнулся, и Баскунчак вновь ощутил свинцовую тяжесть в теле и острую боль в груди. Бутылки выпали из рук. Отстраненно Дмитрий смотрел, как они разлетаются на осколки. В глазах начало темнеть. Журналист нащупал дверь за спиной, из последних сил потянул ее на себя и оказался в полутемном холле. Многочисленные двери по-прежнему таинственно высвечивались перед ним, только сейчас руки Дмитрия были пусты, а брюки внизу были мокрыми от пива.

Сзади полышались шаги.

Дмитрий испуганно обернулся.

Высокий мужчина со странным неподвижным лицом поравнялся с ним. Мужчина был в темном комбинезоне, плотно облегающем его мускулистое тело.

— Чужую дверь открыли, дружище? — спросил мужчина. — Не стоит без подготовки. Будьте внимательнее, рассеянность чревата неприятностями.

И скрылся за дверью.

Рассмотреть его Баскунчак не успел, тем не менее он готов был поклясться, что затылок у мужчины был нечеловеческим — весь в каких-то хрящевых узелках и бугристый. Он помотал головой, отгоняя наваждение, растерянно огляделся по сторонам. Все происходившее показалось ему сном, но мокрые брюки и отсутствие только что купленного пива убеждали в обратном.

Растерянный, он вернулся в бар.

Бармен Джойс оставил очередного клиента, подошел к журналисту и внимательно оглядел его.

— Неосторожно, — укоризненно сказал он. — Пиво, разумеется, потеряли?

Баскунчак кивнул.

— Что это, Джойс? — спросил он. — Это... это фантастика какая-то. Вы не можете объяснить, куда это я попал?

— Откуда я знаю, какую дверь вы открыли, — флегматично возразил бармен.

Он удалился за стойку и вернулся. Держа в пухлых волосатых кулаках две бутылки пива, он вернулся, поставил бутылки

на ближайший столик и, кивнув на них, сказал с доброй улыбкой, делающей его похожей на гангстера:

— За счет заведения.

Еще раз взгляделся в бледное, потрясенное лицо журналиста, на котором выделялись черные глаза и жесткие черные усы, ободряюще потрепал плечо Дмитрия.

— Непривычно?

— Ерунда какая-то, — сказал Дмитрий. — Пейзаж этот... Иван Жилин... Но так не бывает, Джойс! Я только сейчас вспомнил — космопорт в Мирза-Чарле, да?

— Не ломайте голову, — посоветовал бармен. — Идите в номер, посидите, выпейте холодного пивка... Рано или поздно все объяснится. Придет Иван и все вам объяснит. Он хороший человек, и он умеет объяснять. Чем-то вы ему приглянулись. Мне, честно говоря, тоже. Но я не умею объяснять. Вы правильно поняли, это не совсем обычная гостиница, это действительно Перекресток, дружище. Но меня ждут. — Кивнув журналисту, бармен устремился в другой конец бара, где за сдвинутыми столиками сидели несколько человек — все рослые, крепкие ребята. Там, в углу, нежно звенело банджо.

Дмитрий помотал головой и растерянно сгреб бутылки с пивом со стола.

Открывая ее, Дмитрий тоже услышал песню. Певучие люди жили в этой странной гостинице, которую почему-то именовали Перекрестком.

В соседнем номере кто-то негромким, но полным скрытой силы пел:

Deep blue sea, baby, deep blue sea,
 Deep blue sea, baby, deep blue sea,
 Deep blue sea, baby, deep blue sea,
 Hit was Willy, who got drowned in the deep blue sea...*

* В синем море, детка, в синем море,
 В синем море, детка, в синем море,
 В синем море, детка, в синем море,
 Нашего Вилли Бог прибрал — в глубоком синем море... (англ.)

Глава четвертая

В номере он снял потную футболку, открыл дверь на лоджию и сел на постель, открывая бутылку пива расческой.

Сделав большой глоток, он откинулся на подушку и начал собирать воедино события прошедшего дня. Даже не дня, а последних часов — ведь ничего особенного с ним в городе не происходило. Перекресток... Надо же! Случайный знакомый, по стечению обстоятельств имеющий фамилию и имя героя известных фантастов, отправил его в гостиницу. Странная оказалась гостиница, двери в ней открываются черт знает куда, в баре сидит бармен из придуманного этими фантастами международного космопорта Мирза-Чарле. По коридору ходит худой долговязый длиннолицый человек, которого называют Леонидом Андреевичем и который, судя по его желанию полежать на травке, тоже является известным литературным героем. И встретиться он должен с неким Кондратьевым, также довольно известной литературной личностью.

Баскунчак вспомнил разговор двух соседей, подслушанный им днем на лоджии, и похолодел. Что там говорил этот самый Владимир? Все мы стажеры на службе у будущего? Та-а-ак... И с какого времени он начал заикаться? Правильно, заикаться он стал после полета к Амальтее, его при аварии током ударило.

Но так не бывает! Этого просто не могло быть.

Расскажи такое Шахову, редактор просто посоветует пить меньше, а если об этом Имперян узнает, шуточек и подкальваний со стороны старой имперечницы хватит до конца года.

Баскунчак вышел на балкон.

Мир уже погрузился в ночную тьму. В воздухе царил духота, в которой запахи нагретого асфальта и камня причудливо смешивались с ароматами трав и листвы деревьев, которыми был засажен близкий, но невидимый во тьме Курган Славы.

Небеса усеивали звезды, на востоке сияло сразу шесть одинаковых красных звезд, опускающихся почти до горизонта. Такого тоже не могло быть. Не могли шесть явственно красных звезд образовывать такое необычное созвездие! Конечно, Баскунчак особыми знаниями о звездном небе не отличался, но все-таки изредка поглядывал на звездное небо, а потому твердо знал, что в Северном полушарии такого созвездия быть не может.

Он долго вглядывался в незнакомое созвездие, с удовольствием отхлебывая из бутылки ледяное пиво, и гадал, что же такое он все-таки видит, пока не понял, что разглядывает огни телевизионной вышки, стоящей на Кургане Славы. А вот эта отдельно краснеющая звезда была всего лишь предупредительным огоньком, обозначающим острое окончание меча центральной фигуры Мемориала.

Потом он нашел Марс. Какие-то неясные воспоминания нахлынули вдруг, что-то у него было связано с красной звездочкой, но что именно их связывало, Баскунчак не мог понять.

Он досадливо чертыхнулся и вновь вернулся в номер.

Надо было ложиться спать, чтобы быть бодрым и свежим, да и забот на завтрашний день у Баскунчака хватало. По телевизору шел очередной американский боевик, то и дело прерываемый рекламой. Если бы не реклама, Дмитрий, быть может, и посмотрел фильм, тем более что актеры в нем снялись известные и на пиротехнику создатели фильма денег не жалели, а уж кровь лилась в фильме рекой. Однако рекламные ролики отбивали всякую охоту смотреть на экран, а смотреть сессию Царицынской думы или богослужение по случаю открытия храма Серафима Саровского стал бы только сумасшедший командировочный, поэтому телевизор Баскунчак выключил безо всякого сожаления.

Некоторое время он лежал на постели, пока не понял, что уснуть не сможет. Слишком уж дикие мысли приходили ему сегодня в голову. Дмитрию казалось, что он играет главную роль в каком-то любительском спектакле, а зрители тер-

пеливо ждут, как именно он отреагирует на ту или иную несообразность. Невнятные объяснения бармена, которого просто не могло быть в здешнем баре, только подогревали любопытство Баскунчака. Все выходило как в бородатом анекдоте — оказавшись в берлоге, попробуйте не думать о страшном медведе хотя бы сорок секунд, и вы убедитесь, что все это просто сон.

Ближе к полуночи он поднялся и принялся надевать любимую клетчатую рубашку.

Гостиница спала. Она была тиха и неподвижна, как ночной лес, как спящая река, ленивым шелестом накатывающая волны на песчаный берег, она была неслышна и невидима, как здоровый организм таинственного существа, в котором укрылась ночь, она казалась спящим драконом, в пасти которого осторожно двигался Баскунчак по красному ковровому покрытию, сейчас напоминающему шершавый язык.

Коридоры были едва освещены и из-за этого казались загадочными.

Спустившись по лестнице, Баскунчак оказался в холле. Ряды дверей голубовато сияли в полутьме просторного помещения, слабо мерцающие двери выглядели как зрачки чудовищного многоглазого существа, с ленивым любопытством наблюдающего за крадущимся Дмитрием и, возможно, размышляющего, схватить его сейчас или дать прикоснуться к непонятным тайнам.

Дмитрий ощущал гулкое биение сердца в груди. Во рту пересохло, нервы были напряжены, и журналист казался себе пружиной, готовой стремительно развернуться при малейшем намеке на опасность.

В холле никого не было.

Мысленно вздрагивая и машинально напрягая вслед своим испугам мышцы, Баскунчак осторожно толкнул ближайшую дверь.

За дверью был день.

Он стоял на дороге.

Дорога была странная. Совершенно прямая, она выходила из-за мутно-синего горизонта, пересекала круг земли напополам и уходила снова за мутно-синий горизонт, туда, где что-то очень далекое и большое невнятно вспыхивало, мерцало, двигалось, вспучивалось и опадало. Дорога была широкая, она матово отсвечивала на солнце, и полотно ее как бы лежало поверх степи массивной, в несколько сантиметров толщиной, закругленной на краях полосой какого-то плотного, но не твердого материала. Дмитрий ступил на нее и, удивляясь неожиданной упругости, несколько раз легонько подпрыгнул на месте. Это, конечно, не был бетон, но это не был и прогретый солнцем асфальт. Что-то вроде очень плотной резины. От этой резины шла прохлада, а не душный зной раскаленного покрытия. И на поверхности дороги не было видно никаких следов, даже пыли на ней не было. Дмитрий наклонился и провел рукой по гладкой, почти скользкой поверхности. Посмотрел на ладонь. Ладонь осталась чистой.

Раздался длинный шуршащий звук, и синеву неба наискось пересекла длинная бело-фиолетовая искра. Искра унеслась вверх, оставив почти в зените радужное кольцо, которое медленно расплывалось, теряя очертания и превращаясь в большую зеленоватую кляксу. Клякса медленно шевелилась, пульсировала, раздувалась и снова опадала, подобно живому существу, и наконец испарилась, не оставив после себя следа.

Баскунчак посидел немного, но ничего особенного не происходило, более того — вообще ничего не происходило. Была дорога, дорогу окружала степь, и все это накрывала огромная синяя чаша неба. По синеве бежали белесые блики.

Он вернулся в холл. Наверное, так чувствует себя в момент кражи вор, опасаящийся, что его застанут хозяева. И вместе с этим происходящее казалось Дмитрию бредовым сном из тех, что снятся усталым людям перед рассветом.

Помедлив, он толкнул следующую дверь.

Ощущение было такое, словно Баскунчак разглядывал мир с террасы высокого здания.

С этой высоты лес был как пышная пятнистая пена; как огромная, на весь мир, рыхлая губка; как животное, которое затаилось когда-то в ожидании, а потом заснуло и поросло грубым мохом. Как бесформенная маска, скрывающая лицо, которое никто еще никогда не видел.

Внизу шевелился лес, менял окраску, переливаясь и вспыхивая, обманывая зрение, наплывая и отступая, издевался, пугал и глумился лес, и весь он был необычен, и его нельзя было описать, и от него тошнило. Но самым необычным, самым невозможным, самым невообразимым в этом лесу были люди, и поэтому прежде всего Дмитрий Баскунчак увидел их. Они шли к вездеходу, крошечные, тонкие и ловкие, уверенные и изящные, они шли легко, не оступаясь, мгновенно и точно выбирая, куда ступить.

Некоторое время он наблюдал за людьми, затем снова сфокусировал взгляд на лесе. Ему казалось, что сейчас произойдет что-то необычное, но он никак не мог понять, куда нужно смотреть, чтобы это необычное увидеть. Он напряженно пытался охватить взглядом сразу все пространство, открытое ему. От напряжения глаза стали слезиться, и в то самое мгновение, когда нестерпимо захотелось моргнуть, он наконец увидел желаемое. Это проявилось, как изображение на фотобумаге, как фигурка на детской загадочной картинке «Куда спрятался зайчик?» — и, однажды разглядев это, больше невозможно было потерять его из виду. Оно было совсем рядом.

Огромный живой столб поднимался к кронам деревьев, сноп тончайших прозрачных нитей, липких, блестящих, извиляющихся и напряженных; пронизывающий плотную листву и уходящий выше в облака. Он зарождался в булькающей жирной пучине, которую Дмитрий сразу же окрестил клоакой, плюющейся клейкой пеной на плоские зеленые берега.

Запах разложения, запах тлена заставил Дмитрия брезгливо поморщиться, он пытался сдержать себя, но запах разлагающейся плоти лез в ноздри, заставляя подсознание рождать страшные и невероятные картины, он пугал неотвратимостью смерти, и это заставило журналиста шагнуть назад.

Запахи холла быстро отрезвили его. В холле привычно пахло кожей, пылью, в эту гамму запахов вплетались еле слышимые вкусные запахи еды, проникавшие даже сквозь плотно закрытые двери бара.

При воспоминании о еде Баскунчака замутило, и он то-ропливо шагнул к следующей двери, еще не решаясь открыть ее, но нестерпимо желая этого.

За дверью ему открылась панорама странного мира.

Багровое закатное солнце скатывалось за лес. Было так тихо, что слышался шорох листьев, звон кузнечиков в траве, далекая жалобная песнь какой-то невидимой птицы. С юга-запада, из-за леса, тянуло влажной соленой прохладой. На огромной зеленой поляне, что была перед Дмитрием, цвели крупные, как на Северном Урале, колокольчики. Только они были не синими, а густо-коричневыми с фиолетовым отливом по краям лепестков и, словно подсолнухи, следили за солнцем, подставляя ему свои раскрытые чашечки. В густой сочной траве пестрели маленькие цветы, напоминающие чем-то багрово-белые георгины. Но от того, что лепестки этих цветов были раз в десять меньше, чем у георгинов, цветы казались хрупкими, беспомощными и вызывали жалость, как все беспомощное. Лес, окружающий поляну, темнел плотной непроходимой мрачностью. С нижних сучьев деревьев свешивались длинные темно-зеленые бороды мхов. С востока над лесом нависали такие же мрачные, почти черные скалы.

Над этим странным, очень похожим на земной, но все-таки чужим миром фиолетово светились усыпанные звездами небеса. Звезды были яркими, они сплетались в странный незнакомый узор, и добавлением к этому невероятному узору на небе светились два месяца — один огромный, желтый, с неровностями полуосвященных цирков на кромке, второй — маленький, красный, который заметно передвигался по небосклону.

Дмитрий снова посмотрел на поляну.

По поляне цепочкой двигались люди. С расстояния, отделявшего журналиста от поляны, люди казались крошечны-

ми, но, вглядываясь в них, Дмитрий различал, что часть людей была одета в нечто, напоминающее пестрые спортивные костюмы, другая же — меньшая — часть движущейся в цепочке людей была в бесформенных шкурах.

Люди скрылись в лесу.

Некоторое время над миром стояла тишина, потом раздался длинный басовитый звук, и в почерневших небесах проплыл диковинный корабль, напоминающий одновременно неповоротливую черепаху и стремительного дельфина.

Уже более уверенно Дмитрий Баскунчак вошел в следующую дверь.

И здесь его спокойствие было поколеблено, более того, он испытал потрясение. Вместо очередного непривычного, но все-таки живого мира Дмитрий увидел пепел и развалины.

Нет, поначалу он увидел внизу черное море, море это колыхалось ленивыми волнами, и только вглядевшись, Дмитрий понял, что это сплошной ковер цветов, похожих на бархатно-черные маки. Заросли этих цветов протянулись до самого горизонта, а возможно, цветы были единственным растением, что жило здесь. Они заменили все — леса, кустарники, тростники, травы. Как ребра громадных скелетов, виднелись среди черного ковра улицы городов, красными ранами ржавели железные конструкции. Нигде ни живого существа, ни деревца — только одни-единственные черные маки!

От увиденной картины по спине Баскунчака прошел холодок. Машинально он тронул усы, прикрыл глаза, но, когда открыл их, картина не изменилась. Неблагополучием и страхом несло от этого мира, смертью и ужасом, словно когда-то здесь вскрикнули разом в предсмертном вздохе несколько миллионов человек, и этот крик продолжал колебать и шевелить взошедшие на крови маки. Стало душно, и рука Дмитрия непроизвольно потянулась к верхним пуговицам рубашки. Непослушные пальцы рванули пуговицы из петель, но легче дышать не стало, и Дмитрий опомнился, лишь оказавшись в полутемном холле.

Нет, черт побери, неблагополучные миры жили за голубовато светящимися стеклянными дверьми!

Опасно было испытывать дальше собственное везение, но, начав свои тайные путешествия, Баскунчак уже не мог резко оборвать их. Не мог он отказаться от прикосновения к тайне, к загадкам, так притягивавшим его к себе с детских лет, когда каждая книга, прочитанная Баскунчаком, была откровением, каждый рассказ будил любопытство и нетерпеливое желание познать мир, когда казалось, что жизнь бесконечна, а мир познаваем.

Он встал и решительно толкнул следующую дверь.

Вернее — хотел толкнуть ее, но остановился. Возле двери лежал предмет, в котором по очертаниям и форме можно было безошибочно узнать оружие. Никогда Баскунчак такого оружия не видел, приспособление было тяжеленное, гладкое, масляное, надежное, с удобной рифленой рукоятью, которое так и просилось в ладонь. Баскунчак воровато огляделся по сторонам и, убедившись, что он перед дверью один, торопливо присел на корточки. Похоже, аппарат был большой убойной силы, но как к нему подступиться, Баскунчак не знал. Трудно было сообразить, каким образом этой штукой пользуются. Ахнет — костей не соберешь! Нет, в общем, какое-то сходство с обычным пистолетом все-таки имелось — рукоять, ствол, из которого торчал тонкий голубой стержень, и с казенной части блестели полупрозрачно два полированных голубоватых кругляша. Два плоских магазина по обеим сторонам ствола торчали... В Дмитриии проснулся мальчишеский интерес и тяга к оружию. Скажите, кто бы отказался иметь у себя нечто необычное и смертельно опасное?

Он осторожно потянул за рукоять. Рукоять была теплая, рубчатая, удобно ложающаяся в руку. Баскунчак сомкнул пальцы и потянул странный пистолет к себе. Даже тяжесть на мгновение почувствовал. А в кулаке ничего не оказалось. Положив руку на оружие, он ощутил твердый и тяжелый металл. Потянул руку к себе, и вновь она оказалась пустой.

Не судьба, значит.

Баскунчак задумчиво мотнул головой, поднялся и, по-прежнему разглядывая необычный пистолет, толкнул дверь.

Вокруг были заросли, а стоял Баскунчак на проселочной дороге, превращенной в месиво продолжительным дождем. Дождь и сейчас продолжал лить. Рубашка моментально промокла, волосы прилипли к голове, и по лицу побежали стремительные холодные струйки.

Из кювета, где в глиняной жиже кисли кучи какого-то зловещего черного тряпья, несло смрадом. Шагах в двадцати, на той стороне дороги, торчал, завалившись бортом в трясины, обгорелый аппарат на гусеницах. Нечто, напоминающее оружийный ствол, нелепо целилось в низкие тучи.

Дмитрий огляделся.

Дороги как таковой не было. Была река жидкой глины, и по этой жиже, поминутно увязая, тащились запряженные изнемогающими волами расхлябанные телеги на огромных деревянных колесах, и закутанные до глаз женщины, поминутно оскальзываясь, плача и громко выкрикивая что-то на непонятном языке, неистово молотили волов по ребристым бокам, а на телегах, погребенные среди мокрых узлов, среди торчащих ножками стульев и столов, жались друг к другу бледные золотушные ребяташки, как обезьяны под дождем, — их было много, десятки на каждой телеге, и не было в этом плачевном обозе ни одного мужчины.

Мужчин он увидел несколько позже. Их было двое — в пятнистой грязной униформе, небритые, злые, они стояли у обочины дороги, твердо и хозяйски расставив ноги в высоких шнурованных сапогах, и внимательно разглядывали Баскунчака, направив на него короткоствольные, но от того не ставшие менее опасными автоматы. Они явно готовились задать Дмитрию какие-то вопросы, а может, все уже решили для себя. В глазах этих солдат неизвестно кому принадлежащей армии Баскунчак был не менее как дезертиром или, вполне вероятно, он казался им шпионом или диверсантом, к которому следо-

вало быстро и решительно принять предусмотренные военным временем меры.

Ожидать последующих шагов патруля Баскунчак не стал.

Он вновь оказался в холле. Грязный, мокрый, он с огорчением подумал, что на шероховатом красном ковре, покрывающем холл, останутся следы жидкой грязи, и это было очень неприятным. Это означало утренние упреки администрации.

О дальнейшем изучении дверей не могло быть речи. Огорченно сняв туфли и закатав грязные штанины, Баскунчак взял туфли в руки и, стараясь держаться ближе к стене, начал пробираться в свой номер.

К своему облегчению, по пути Дмитрий никого не встретил.

В номере он прошел в ванную комнату и принялся приводить себя в порядок. Прежде чем положить часы на полку, он посмотрел на циферблат. На часах было около трех.

Он вернулся в комнату, достал из холодильника вторую бутылку пива, открыл ее и жадно сделал пару больших глотков. Неторопливо вышел на лоджию и сел в кресло. Пять красных огоньков мелкими стежками стягивали землю и небеса. Значительно правее их, почти касаясь невидимого горизонта, над погруженным во тьму городом висела огромная смешливая и загадочная Луна.

Баскунчак вдруг ощутил, что ему не хочется уезжать. Каждая загадка должна быть однажды разгадана. Вот и сейчас, вспоминая свое тайное путешествие по мирам, Баскунчак находил, что эти миры кажутся ему удивительно знакомыми, более того, он попытался вспомнить, чьим воображением эти миры были однажды рождены.

Легче всего было вспомнить, кому принадлежит Дорога. И Лес, который был похож на спящего зверя. С некоторым усилием Баскунчак вспомнил, кто писал о планете, заросшей огромными черными маками. Разум отказывался воспринимать реальность происходящего. Этого просто не могло быть, не должно быть, уж больно не вязались чудеса с провинциальным волжским городом, растянувшимся по берегу

ленивой реки и окруженным степью, продуваемой жаркими и душными ветрами.

И все-таки... Чудеса чаще всего случаются там, где их никто не ждет.

Баскунчак задумчиво допил пиво и вернулся в ванную комнату.

«Дай мне только этого Жилина встретить, — яростно подумал он, застирывая пропитанные желтой глиной носки. — Я из него душу выну! Он мне расскажет, во что это он меня втравил!»

Нет, особой неприязни к Жилину журналист не испытывал, в нем жило любопытство газетчика, привыкшего вникать в мелочи происходящего, и еще в нем жило здоровое раздражение человека, которого слепо сунули в реку событий, не удосужившись дать предварительно какие-то объяснения.

Спать он улегся около четырех утра и, уже засыпая, тревожно подумал: «Не проспать бы мне встречу с Нуликом! Ищи его потом где-то на даче».

Восток уже был розово-голубым.

Глава пятая

Все обошлось, домой к Нулику журналист приехал хоть не выспавшись, но вовремя.

Выходя из гостиницы, Баскунчак купил в киоске «Комсомольскую правду». Уже на выходе ему показалось, что киоскерша его испуганно окликает, но возвращаться было некогда — к остановке стремительно приближалось маршрутное такси с номером сорок пять.

В маршрутке он принялся торопливо просматривать газету. На первой странице ее были фотографии двух мужи-

ков среднего возраста в обтягивающих комбинезонах. Крупная надпись гласила «Заблудившийся корабль находит Землю». На второй странице он прочитал сообщение, которое заставило его заволноваться. «КРАСНОЯРСК. 11 июня 2115 года. Выполнявшая международную программу исследования глубокого космического пространства и возможностей межзвездных перелетов Академия Наук СССР в 2017 году отправила в глубокое пространство экспедицию в составе двух планетолетов первого класса — пилотируемого корабля «Таймыр» и беспилотного устройства «Ермак». Специальной целью экспедиции являлась попытка достижения светового барьера.

При выполнении этой задачи планетолет «Таймыр» исчез, причем обстоятельства его исчезновения позволили комиссии сделать вывод о его гибели.

Спустя почти столетие планетолет «Таймыр» появился в околоземном пространстве с двумя астронавтами, оставшимися в живых. Материалы экспедиции изучаются. Астронавты Сергей Иванович Кондратьев и Евгений Маркович Славин чувствуют себя удовлетворительно и проходят адаптационное лечение в санатории на Белом море».

Черт! Баскунчак торопливо посмотрел на дату выпуска. Получалась, что «Комсомолка» была выпущена 13 июня этого самого 2115 года. Но этого не могло быть! Он торопливо перелистал газету. Ничего не привлекло его внимания, но на развороте! На развороте газету полностью занимала огромная статья, озаглавленная броско — «Охота на тахоргов — спорт или узаконенное браконьерство?». Тут же были помещены фотографии каких-то людей, которых неведомый Баскунчаку журналист упрямо именовал браконьерами, и фотография убитого тахорга, в пасти которого легко мог развернуться «КамАЗ» с полуприцепом. Если герои статьи и впрямь занимались браконьерством, храбрости им было не занимать.

Прочитать статью Баскунчак не успел, водитель объявил остановку «Орбита», и, сунув газету в сумку, Дмитрий поспешил выйти.

Дом Нулика он нашел сразу.

В квартире писателя шел вяло текущий ремонт, который время от времени прерывался, затухал, а когда возобновлялся, то оказывалось, что уже сделанное надо было переделывать заново. В коридоре стены были ободраны. Но не до такой степени, чтобы на них можно было клеить новые обои. Зато кухня, ванная комната и туалет радовали глаз. Сложнее было с комнатой. Ремонт, конечно, был необходим и в ней, но все искупало наличие книг. Книги теснились на полках, стопками высились поверх старого трехстворчатого шифоньера, громоздились на подоконнике. В углу, словно убитый медведь, чернел старый диван, рядом с диваном блестел полировкой столик, на котором серым пластиком облицовки выделялся ноутбук. Рядом с ноутбуком стоял стакан недопитого чая с желтым ломтиком лимона.

Сам хозяин разгуливал по квартире в тельняшке и шортах. Был он хмур и философски меланхоличен, как поп, лишенный прихода. Он стеснительно улыбался, разводя руками и пощипывая бородку, потом предложил Баскунчаку чаю, но Дмитрий от чая отказался, и они вышли на застекленную лоджию, где одновременно закурили.

По улице имени маршала Мерецкова катили машины. На противоположной стороне, где высилось длинное желтое двухэтажное здание дореволюционной постройки, выясняли отношения водители двух столкнувшихся машин. С высоты шестого этажа было видно, как за длинным забором, окружающим желтое здание, на просторном асфальтовом плацу, расчерченном белыми линиями, маршируют солдатики.

Интервью превратилось в сбивчивый и не слишком внятный рассказ, причем рассказчиком выступил сам Баскунчак.

— Дима, извини, — потер бородку Нулик. — Но в такое нормальному человеку верится с трудом. Может, ты выпил вчера, а?

— Две рюмки по пятьдесят? — горячо возразил Баскунчак. — Женя, ты же меня знаешь, сколько конов встречались!

Ну что, с двух рюмок у меня крыша поедет? Ты вспомни, сколько мы на «Росконе» в номере Левы Склонова выпили! Я же себя нормально чувствовал, мы же еще стихи читали!

— Читали, — с некоторым сомнением согласился Нулик. Видно было, что совместные возлияния в номере писателя Склонова он помнит, в вот чтение наизусть стихов — не очень. — Это когда он арабскую водку привез, которую султан какого-то эмирата личной печатью опечатывает?

Они посмеялись, потом вспомнили некоторые проделки Склонова, но Баскунчак упрямо вернулся к начатому разговору.

— Ты вот это посмотри! — Он торжествующе положил перед Нуликом газету.

Некоторое время писатель изучал ее, потом поднял голову и нерешительно пожевал губами.

— Ну, это еще ничего не доказывает, — сказал он. — Если бы ты мне такую штуку в семидесятом предъявил, я бы еще задумался. А сейчас, когда у любого такие полиграфические возможности появились... У нас гараж сейчас свои книжки выпускает, да и любой типографии только деньги заплати, она тебе все что хочешь напечатает. И на любом галактическом языке. Рынок, Дима, рынок!

— А зачем? — спросил Баскунчак. — Меня удивить?

— Зачем? — Нулик оттянул ворот тельняшки. — Действительно, зачем? Но все-таки с трудом верится. Ты уж, Дима, извини, но все обычно гораздо проще. Вся жизнь — это фантастика, я уже сколько раз в этом убеждался. Придумаешь что-то, а потом убеждаешься, что в жизни еще хлеще случается. Ладно, я сейчас одному знакомому позвоню, он про такие дела все знает.

Он взялся за телефон, долго названивал куда-то, спрашивал кого-то о Перекрестке и подолгу слушал, меланхолично пощипывая бородку. Потом положил трубку и почти радостно сказал:

— Я же говорил! Есть у меня один хороший знакомый, тоже журналистикой занимается. Из тех, кто без мыла к любо-

му залезет. Он все про всех знает. По-моему, у него досье на полгорода имеется. И фамилия у него соответствующая — Брехов!

— Узнал что-нибудь? — обрадовался Баскунчак и от волнения отхлебнул из стакана, стоящего на столике, холодный сладкий чай.

— Ты что-нибудь о Былицком слышал? — поинтересовался Нулик. — Да откуда! Это наш местный компьютерный гений. Говорят, похлеще Гейтса будет, только непризнанный пока. Так вот, этот твой «Перекресток» принадлежит ему. Официально.

— Ну и что? — Баскунчак пожал плечами. — Можно подумать, что это все объясняет.

— А это значит, что весь этот дом компьютерной техникой нашпигован, — участливо принялся объяснять Нулик. — Былицкий на этом и поднялся. Светлая голова, он несколько лет хитрые компьютерные программы по бухгалтерскому учету для бизнесменов разрабатывал. Чтобы и учитывали все нюансы, и налоговые службы в них вклиниться не могли. Для бизнесмена вся картина как на ладони, а налоговики залезут — для них только официальные данные, которые кому хочешь можно показывать. А самое главное — и в том, и в другом варианте все цифры пляшут. Полный баланс. Заработал он много, в недвижимость деньги вкладывать стал. Ему еще программка «Кусака» принадлежит, не пользовался?

— Не пользовался, — недовольно проворчал Баскунчак. Разговор уходил куда-то в сторону.

— Ну, скажем, взял ты программу со всеми наворотами, а тебе нужна только основная версия, которая, собственно, и составляет суть программы, — начал объяснять Нулик. — Запускаешь «Кусаку», она тебе и обкусывает все ненужные элементы, оставляя только эту самую суть, причем вполне работоспособную...

— Ну и что? — повторил Баскунчак. — Какое отношение эта самая «Кусака» имеет отношение к происходящему в гостинице?

— Никакого, — согласился Нулик. — Это я к тому, что Былицкий деньги не считает. Последнее время он фантоматикой увлекался. Еще Лем о подобном писал. Сам знаешь, лазерные голограммы, комбинированные полевые наведения. Этот мой знакомый у Былицкого дома был. Там такого наворочено! С виду шикарные обои, даже рукой трогай — пушистые такие, полосатые, как шкура тигра. А на самом деле голимая голография. Зимний сад у него, ты представить не можешь, во что он там обыкновенные кактусы и герани превратил! Вот и в гостинице твоей... Увлёкся мужик фантастикой, а своя фантазия у него еще богаче и голова в нужном направлении работает. Ну и плюс к этому актеры некоторые роли играют. Иначе и быть не может. Развлекается мужик. И газетка оттуда же. Ты что же, думаешь, у нас и в самом деле двадцать второй век наступил? Каждый с ума по-своему сходит... Ну что, давай интервью займемся? А то мне еще в больницу бежать, знакомого обязательно поведать надо.

Прозаическое объяснение происшедших событий разочаровывало. Ну гений, ну голография... Баскунчак чувствовал себя обворованным. Как в детстве, когда тебя манят вкусной конфеткой, а взамен неожиданно подсовывают горькое лекарство. Помнится, ходила тогда в школе шуточка — бралась красивая обертка от вкусной конфеты, и в нее аккуратно заворачивалось мыло, плоский камешек или еще что-нибудь похлеще. Подделка вручалась намеченной жертве, и окружающие одноклассники с интересом следили за реакцией испытуемого.

Без особого интереса Баскунчак задавал вопросы, на которые Нулик отвечал без рисовки, обычно присущей многим популярным писателям, которые продолжали почему-то считать, что поэт в России больше чем поэт и в условиях рынка. Нулик считал, что в мире невозможно что-то придумать, любой фантастический элемент уже присутствует в нем в том или ином виде. Необходимо, считал он, подорвать доверие к печатному слову. Слишком долго в стране доверие к печатному слову было безграничным, к писателю относились если не

как к мессии, то по меньшей мере как к ученому. Не зря же Сталин в свое время воспользовался удачным выражением Юрия Олеши и ввел в обиход понятие писателя как инженера человеческих душ. Но ведь врут писатели, безбожно врут, а еще больше врут средства массовой информации, и это значит, что обязанность писателя — помочь читателю выработать иммунитет от своей излишней доверчивости. «Дурак и жулик — две стороны одной медали, — закуривая, заметил Нулик. — Чем меньше будет дураков, тем меньше станет жуликов. Все жульнические компании конца прошлого века спекулировали на доверии к печатному слову. Даже известный слоган «Мы обуем всю Россию» многие россияне воспринимали буквально, а не в иносказательном смысле, как требовало понимать время». Потому этих россиян и в самом деле обули. В смысле — оставили без штанов.

Вернулись к литературе.

— Женя, в свое время ты стал популярным из-за своих рассказов. Почему ты сейчас пишешь большие вещи? — спросил Баскунчак. — И вообще роман в последнее время лидирует, а рассказ оказался в загоне. Что, издательская политика влияет?

Нулик лукаво глянул на него.

— И в самом деле, — сказал он. — Сейчас в фантастике наступили интересные времена. Роман — плодится, рассказ — вымирает. Что поделать, Дима, — рынок! Надо честно сказать, рассказом сегодня сыт не будешь. Кроме того, рассказ — достаточно жесткий жанр. Он писателю ошибок не прощает. Рассказ кончается там, где кончается мысль. Ну и читатель. У нас сегодня он особенный, воспитанный на «мыльных операх» и сериалах. Это раньше читателю нужна была пища для размышлений, сейчас ему чаще нужна жвачка.

— Так ты считаешь, что рынок для писателя вреден, он писателя развращает, приучает его писать длинные вещи, в которых мысль не главное?

— Не знаю, — с сомнением сказал Нулик и тычком затушил сигарету в пепельнице. — Одно меня успокаивает — ры-

нок всеяден. Наступит время, когда он удовлетворит большинство и вспомнит о меньшинстве. Например, о любителе рассказов, которому тоже хочется читать.

— Думаешь, такое время наступит? — удивился Баскунчак.

— Уже наступает. — И Нулик подмигнул журналисту. — В «ПСТ» третий сборник моих рассказов выходит. И альманах «Фантастика» уже по три выпуска в год выходить стал.

— И последний вопрос, — с облегчением сказал Баскунчак. — Традиционный. Над чем ты работаешь сейчас?

И тут же пожалел о своем вопросе.

— Над помидорами на даче! — злобно сказал писатель.

Закончив очередную повесть, Нулик находился в простое, который почему-то считал внезапно подступившей творческой импотенцией. В таком состоянии он становился до желчи раздражительным и потенциально опасным для собеседника. Даже на близких людей бросался от бессилия. Но Баскунчак об этом, к сожалению, не знал.

Заметив испуг собеседника, Нулик тоскливо сказал:

— Не пишется... Вроде бы все есть, столько деталей интересных нашел, идеологическая борьба проктологов с гинекологами, один только мужик, подрабатывающий гиеной, чего стоит, а вот не ложится текст. Ума не приложу, исписался я, что ли?

Подобное состояние Нулика было Баскунчаку привычным.

— Не понимаю, — сказал журналист и выключил диктофон. — Откуда взялась грязь?

Углубленный в печальные размышления о собственном литературном будущем Нулик недоуменно вскинул бородку.

— Какая грязь? — вскинул он брови. — Ты о чем?

— Да все о том же, — сказал Дмитрий. — Если все это были голографические изображения, то откуда взялась грязь? Я ведь вернулся в номер весь в грязи, час стирал да отмывался.

— А я откуда знаю? — с некоторой агрессивностью откликнулся Нулик. — Спроси Былицкого.

— Я бы спросил. — Баскунчак встал, отошел к выходу на балкон, взял с подоконника забытые сигареты и закурил. — Только ведь ты говоришь, что он человек богатый. А к богатому сейчас просто так не подойдешь, не возьмешь его за пуговицу — ты, мол, милый друг, объясни, что тут у тебя и для чего. У него же охрана, да и искать мне его некогда, завтра уже уезжать надо. У вас в аэропорту с билетами хорошо?

— Конечно, — благостно покивал Нулик. — Цены на самолет куда дороже, чем на поезд. Да и опасны наши воздушные лайнеры, поездом, как говорится, сутки, а самолетом — в рай. Поэтому народ больше поездами ездит, здоровье бережет.

Он снова углубился в газету.

— Грамотно сделано, — сказал он. — Вполне профессионально, это я тебе как бывший газетчик говорю. Смотри, тут еще один фельетончик есть!

Он подошел к журналисту и сунул ему газету. В фельетоне в ехидной форме рассказывалось о деятельности лаборатории генетики фирмы «Волга-Единорог». В продукции фирмы работники перерабатывающего комбината в очередной партии коров обнаружили чудовищную скотину, напоминающую видом тихоокеанского краба. «Чем нас накормят творцы в следующий раз? — ехидно спрашивал журналист. — Гигантскими летучими мышами? Коврами-самолетами с планеты Ружена? Пора бы положить конец безответственным экспериментам волжских сорвиголов».

— Грамотно сделано, — повторил Нулик. — Даже интересно. Ты вот новости моды почитай!

Баскунчак почитал.

«Грядущий сезон не несет особых сенсаций.

Мамическое решение силуэта по-прежнему довлеет над папическим. Вместе с тем тригонометрические мотивы постепенно уступают место орнитофлорическим, сдержанновакхическим. А для молодых стройных женщин — даже квазиэкзистенциалистским. Брунсы вытесняются академками, комбирузы — комбианами, шлюмы — пилоэтами, дюральки — феритками, а кальций — магнием. В повседневной носке никогда не надое-

дают кенгуру естественных цветов, а на выход рекомендуем наборы люмпексов.

Модны чистые насыщенные цвета: ранний селеновый, тускарора, кутящей гамбы, ноктилюка, протуберанцевый, гематоксилинэозин».

— Бред, — чистосердечно сказал Баскунчак.

— Не скажи, — хитро прищурился Нулик. — Приходит время, и слова меняют свои понятия. Знаешь, что в девятнадцатом веке означало слово «пилотаж»? В жизни не догадаешься! Искусство забивания свай! А знаешь, что хохлы в то время обозначали словом «банда»? Публичный дом! Меняются понятия, это он верно уловил.

— Кто? — неохотно спросил Дмитрий.

— Да Былицкий! — с жаром сказал Нулик.

— А по-моему, я все это где-то раньше читал, — с сомнением подумал вслух Баскунчак.

Он посмотрел вниз.

Солдатики на плацу продолжали маршировать, к столкнувшимся автомашинам присоединился милицейский «опель», участники столкновения спорили уже так, что их крики долетали до шестого этажа.

— Женя, — сказал Баскунчак, — у тебя время есть? Я хотел набросать у тебя текст интервью, чтобы ты, значит, сразу ознакомился и дал добро. Если чего, мы в него правки внесем, чтобы потом вопросов не возникало.

Нулик озабоченно посмотрел на часы.

— До двух часов у меня время есть, — сказал он. — Управимся?

К двум часам они не только перечитали текст интервью, но и внесли в него некоторые правки. Как это часто бывает, умная мысль пришла опосля, но была она настолько умная, что не вставить ее в интервью было просто невозможно.

Потом, как водится, немного посидели, поговорили о знакомых, о том, что их общий знакомый питерский писатель Андрей Боголюбов уже с четвертым издательством судится, и тенденции просматриваются нехорошие. Оба согласились на

том, что Боголюбов все-таки прав, что зачастую издатели со своими авторами поступают не так, как того авторы заслуживают, а так, как авторы позволяют с собой поступать. Потом поговорили о писателе Логинове, который в очередной раз обрушился на многострадального графа Толстого, разоблачая его безграмотность и литературную беспомощность. Нулик оживился и тут же с ехидными интонациями в голосе процитировал свое стихотворение, которое было посвящено именно этому писателю:

Не дери предпоследних локонов,
Не завидуй везенью графьему!
Дорогой наш товарищ Логинов,
Пропоют и тебе анафему!*

Под этот интересный разговор незаметно уговорили трехсотграммовую бутылочку коньяка, которая нашлась у запасливого Нулика. Расчувствовавшийся и разнежившийся Евгений взял-таки в руки гитару и спел пару своих новых песен. И коньяк был хороший, и песни отличные и, как всегда, ехидные, но все-таки прежнего удовольствия Баскунчак не получил. Про другое он думал в это время и ничего с собой поделаться не мог.

Хрен с ней, пусть будет голография. Но грязь-то откуда? Неужели этот самый Былицкий специально за дверь поставил большое корыто с жидкой глиной в расчете на любопытствующего Дмитрия? Ой не верилось в это Баскунчаку. Да и встреченные им люди ничем не походили на актеров. Хотя это еще ни о чем не говорило, самые замечательные актеры тем и отличаются, что на актеров совершенно не похожи. Скажем, встретишь ты Моргунова или Броневого в метро, а не на сцене, узнаешь ли ты их, скажешь ли, что это знаменитые на всю Россию артисты театра или кино? Лично Баскунчак в этом глубоко сомневался, он однажды на концерте «Стальной магнолии» Янковского встретил и не

* Стихи Е. Нулика.

угадал, с кем рядом сидит, пока не представили. Но от мысли, что его развели, как простого российского лоха, журналисту становилось неприятно. Он-то себя всегда за умного считал! Однако и сейчас сомневался он, не верил в бескорыстное влечение какого-то Былицкого к необыкновенным розыгрышам. Нулик говорил, что этот Былицкий хорошим бизнесменом оказался, на собственных мозгах себе состояние сколотил. А такие люди деньгами просто не разбрасываются, если и тратят их, то обязательно в дело. Недвижимость — это серьезно, это капиталовложений заслуживает, а розыгрыш московского журналиста дохода никакого не дает, на это серьезные люди денег тратить не будут. «Погоди, — возразил сам себе Баскунчак. — А с чего ты взял, что это тебя разыгрывают? Ты ведь там случайно оказался, а тебе еще заметили, что этот самый Перекресток совсем не гостиница. Но что же это тогда? Может, это психологический центр какой-то, а двери эти странные существуют для тестирования. Тебя никто не просил, а ты взял и сунул в эти самые двери свой любопытный нос. Еще и благодарить должен, что тебе его не отдавили!»

— И так далее, — прервал его размышления заключительным аккордом Нулик и поставил гитару в угол.

— Женья, у тебя Инет подключен? — неожиданно спросил Баскунчак.

— Разумеется, — приподнял бородку Нулик.

— А давай мы от тебя интервью в редакцию отправим, — предложил Баскунчак. — А я здесь еще на пару деньков задержусь.

— Любопытство не порок, — философски сказал Нулик и встал, чтобы включить домашний компьютер в соседней комнате.

Вернувшись, он с интересом посмотрел на журналиста.

— И что ты собираешься делать? Смотреть?

— Смотреть? — удивился Баскунчак. — Нет, Женья, я уже насмотрелся. Теперь мне хочется спрашивать.

Глава шестая

С Нуликом Баскунчак попрощался уже на улице.

Газету он, разумеется, забрал с собой. Видно было, что Нулику тоже хочется посмотреть ее внимательнее, любопытство его разбирало, но просить Дмитрия оставить газету писатель не стал.

Писатель заторопился по своим неотложным делам, а Дмитрий прошелся вдоль магазинов, купил в одном из них пачку сигарет и задумчиво посидел на скамеечке рядом с выкрашенной зеленой краской чебуречной, над которой красовалась реклама «Сабираешься в дорогу? Посети нас, дарагой. Здесь всего купишь многа, как нигде в кафе другой». И гадать не стоило, кто этой чебуречной хозяин. Правда, чебуреки и в самом деле оказались вкусными и дешевыми, и мяса в них хватало, и на свежем масле их жарили. Вообще Баскунчак давно заметил, что в провинциальных городах готовят вкуснее, а цена на блюда дешевле, чем в Москве. То ли люди в провинции жили более совестливые, то ли продукты им доставались дешевле, а скорее всего верным было и то, и другое.

Жара размягчала и плавил асфальт, но сегодня она уже воспринималась спокойнее. На маршрутном такси Баскунчак доехал до набережной, немного постоял, разглядывая Волгу и ползущие по ней речные трамвайчики. Подсознательно, но он пришел к тому месту, где накануне встретился с Жилиным. Как и следовало ожидать, Жилина не было, вместо него стоял загоревший до черноты подросток, на котором из одежды были лишь черные шорты. В руках у подростка была короткая и тонкая бамбуковая удочка, которой он ловил верхоплавок. Ловил он на два крючка, поэтому время от времени на выдернутой из воды снасти плясали сразу две серебристые рыбки. Некоторое время Баскунчак с ленивым интересом наблюдал за ним, потом прервал это увлекательное, но бесполезное занятие и отправился в ближайшее кафе.

Кафе состояло из громоздкого сине-белого полотняного павильона и полутора десятков таких же зонтиков, под которыми разлаписто располагались белые пластиковые столы и аляповатые стулья.

Из павильона лениво выглянула официантка, внимательно оглядела Дмитрия и неторопливо направилась в его сторону. Одета она была в белую футболку с синей надписью «Кемпбелл» и коротенькую — почти по пейджер — юбочку, но на голове у нее был высокий голубой кокошник. Правда, кокошник был почти незаметен, взгляд сам устремлялся ниже — на красиво выступающие длинные и плавные ноги девицы.

Выбор блюд был довольно богатым, но есть не хотелось, и Дмитрий заказал пиво, пакетик сушеных кальмаров и воблу, которая, к его удивлению, тоже значилась в меню.

Рассеянно поглазев вслед официантке, Баскунчак снова вернулся к предмету своих сегодняшних размышлений. Прежде всего он взялся за «Комсомолку».

Разумеется, начал он со статьи о тахоргах.

Тахорги были обитателями планеты Пандора, придуманной в свое время братьями Стругацкими. Поэтому про них Баскунчаку ничего объяснять не требовалось. Журналист, написавший статью, ставил вопрос о бесконтрольно выдаваемых лицензиях и выражал опасение, что вскоре тахоргов на Пандоре вообще не останется. Журналист напоминал читателям о трагической истории с марсианскими пиявками, которых выбили за три облавы, ехидно напоминал Обществу защиты животных, зачем оно было создано, и в главных охотниках, вроде Поля Гнедых или Корнея Хлумова, он видел не героев, а жестоких убийц. Далее он касался истории псевдохомо с Тагоры, которую Баскунчак помнил уже смутно, и обращался к Мировому Совету, требуя навести порядок в лицензировании и в охоте в целом. Статья была написана хорошо, даже талантливо, но самое пикантное заключалось в том, что журналист принял участие в такой охоте и живописал ее участников с большой откровенностью, используя преимущественно черную краску.

Одна страничка была посвящена спорту. Прошел финал межзвездного кубка по футболу имени Пеле. Легендарный «Спартак» уступил в финале малоизвестной команде с Эльдорадо со счетом два-три. В Море Ясности прошли очередные соревнования селенистов, гонки на звездных парусниках, как и ожидалось, вновь выиграл некто Гампл с планеты Ксемос, как явствовало из текста, не в первый и, надо было думать, не в последний раз, ставился вопрос о создании Планеты Состязаний, где бы могли проводиться соревнования разумных рас.

Если бы не тексты, то «Комсомолка» показалась бы обычной газетой, разве что политике в ней было уделено удивительно мало места. Вот о сравнительном языкознании звездных рас в газете говорилось, развитию нанотехнологий было уделено немало внимания. Вполне серьезно обсуждались вопросы космической инженерии. А о политике почти ничего не было. Ну, встретился член Мирового Совета с Полномочным послом планеты Саула, но какие вопросы обсуждались на этой встрече, не сообщалось. На последней странице с фотографии позировал какой-то полуоципантый страус, а может, это была страусиха, демонстрирующая таким же страусам свои прелести. Фотографии в газете были четкие, объемные, трудно даже было сказать, каким способом поддерживался этот эффект присутствия. Кроме того, на последней странице чернели ряды сайтов Большого Всепланетного Информатория, на которых можно было найти более подробную информацию.

Баскунчак задумчиво свернул газету. И вовремя он это сделал, соблазнительная официанточка уже принесла ему большую кружку пенистого янтарного пива и на специальной одноразовой тарелочке кальмаров и средних размеров воблу, которую надо было чистить самому. Для отходов поставлена была еще одна тарелочка, но уже не пластиковая, а картонная.

И что же из всего произошедшего вытекало? Задумавшись, Баскунчак даже забыл уделить внимание девице. Видно было, что официантке это не понравилось. Фыркнув, она пошла в павильончик, нахально покачивая бедрами, но Баскунчак даже не глянул ей вслед.

Получалось так, что Баскунчак стал невольным участником неизвестно кем задуманной игры. Правда, игра эта была довольно увлекательной и захватывающей, но тратить на нее время было бы не слишком разумным. И пусть этот самый Былицкий делает что угодно, смеяться над Баскунчаком он не будет. «А собственно, с чего ты взял, что над тобой собираются смеяться? — вновь спросил себя Баскунчак. — В такой ситуации легко ошибиться. Ну, придумал себе человек мир, в котором хочется жить, а ты по чистой случайности в это дело влез. Ну и что с того?»

В этой версии, конечно, было свое здоровое зерно. Не предполагать же, что весь этот мир не создан воображением известных фантастов, а существует на самом деле. Тогда все получалось. Все сходилось, и у задачи в учебнике был единственный ответ. У богатых, как известно, свои привычки. Будь у него, Баскунчака, такие деньги, он постарался бы их потратить более толково. Впрочем, смотря сколько денег. Когда их много, можно потратить и на подобные развлечения, знать бы только, в чем именно они состоят. Увидеть бы Жилина, потребовать от него объяснений.

Вобла была икряной. Пиво холодным. Да и жара постепенно спала. Как-то незаметно синеву небес затянули облака, которые спрятали землю от палящих лучей солнца. Волга сразу же утратила свои цвета, только желтым золотом светился противоположный песчаный берег, на который еще падали солнечные лучи. Низко над землей на ту сторону с характерным стрекотом прошел вертолет, покачивая раздвоенным хвостом. На остановке у речного вокзала открыл двери троллейбус.

Совсем неожиданно из него выскочили несколько парней. Конфликт, судя по всему, начался еще в троллейбусе, а происходившее на остановке было неизбежной развязкой. Трое накинулись на одного, но посочувствовать жертве Баскунчак не успел. Молодой паренек в синей линялой футболке и джинсах безответной жертвой себя не считал, к тому же он довольно умело владел какими-то хитрыми приемами. Вскоре двое

из нападавших уже лежали на земле, а третий, постоянно оборачиваясь, с перекошенным от страха лицом бежал к дверям речного порта, откуда уже спешили дюжие охранники в униформе. Дождаться их умелый боец не стал. Он неторопливой трусой пробежал мимо столиков, убедившись, что за ним не гонятся, остановился и нарочито медленно, независимо направился в сторону широкой лестницы, каскадами спускающейся к Волге.

Нападавшие, окруженные толпой охранников, что-то объясняли, размахивая руками. «Обычная история, — подумал Баскунчак, — кто-то чего-то сказал, а кому-то эти слова не понравились. Как в анекдоте. Хороший сегодня денек, сказал медвежонок. Прекрасный денек, согласился ежик. Вот так, слово за слово, ежик и получил по морде».

Он неторопливо допил пиво, прислушался к себе и кивнул официантке, чтобы посчитала заказ. И опять поразился сметхотворности суммы, названной официанткой.

Расплатившись, он неторопливо побрел к лестнице, но вовремя вспомнил, что забыл на столе газету. Вернувшись, он свернул газету в трубочку, бросил в рот солоноватую щепотку кальмаров и пошел в прежнем направлении.

Возвращаться в гостиницу почему-то не хотелось.

Он не стал подниматься по лестнице, а побрел по набережной, вверх по течению Волги, и вскоре вышел на дикий пляж. Некоторое время он смотрел сверху на купающихся, испытывая острую зависть и сожаление о забытых дома плавках, но потом заметил, что отдыхающие зачастую разгуливают по берегу в семейных трусах, совсем не смущаясь своего внешнего вида. Он спустился вниз и разделся. Его спортивные трусики на фоне широченных трусищ мужиков выглядели вполне достойно.

Вода в реке была прохладной и приятно освежала. Баскунчак поплавал немного, не теряя из виду одежды, оставленной на берегу, потом выбрался из воды и отправился к павильончику, рядом с которым курился голубоватым дымком длинный мангал. У мангала орудовал небритый волосатый кавка-

зец в несвежей белой куртке и мятом белом колпаке. Кавказец успевал одновременно ловко переворачивать сразу несколько шампуров с сочно пузырящимися коричневатыми кусками мяса, посвистывать вслед длинноногим аборигеншам, идущим мимо шашлычной, и еще о чем-то гортанно переговариваться с таким же небритым сородичем, который выглядывал из дверей павильона.

Шашлык действительно оказался очень сочным, вино в меру кисловатым и холодным. Баскунчак спустился вниз, сел на ноздреватый горячий камень и принялся пиршествовать, разглядывая водную гладь. Метрах в ста пятидесяти от берега желтела песчаная коса, по которой разгуливали ленивые чайки. За рекой из зелени листвы высоких деревьев выглядывали маленькие кирпичные домики какого-то поселка. Чуть выше по течению краснел пузатый бакен.

Мысли постепенно приняли прежнее направление. Конечно же, было очень любопытно, каким образом этому самому Былицкому удалось добиться такого реализма в создании виртуального мира. Особыми компьютерными знаниями Баскунчак не обладал, но журналы для компьютерных гениев почитывал и знал, что с помощью специальных датчиков на голове, руках и ногах можно добиться полной иллюзии присутствия. Но здесь-то никаких датчиков не было! Да и люди виртуальными совершенно не казались, живые были люди, не менее реальные, чем сам Баскунчак. И главное, хотелось понять, для чего все это было сделано. Для чего был напечатан фантастический номер «Комсомольской правды»? Какие роли исполняли люди, окружавшие Баскунчака в гостинице? Один вопрос был снят, Перекресток потому так и назывался, что был самым настоящим перекрестком. И о его существовании люди, судя по разговору с водителем маршрутного такси, знали.

Поговорить, поговорить бы со знающим человеком! Странно, что Нулик не проявляет особенного любопытства. У него прямо под носом такое чудо, а он даже ни разу не попытался ничего выяснить, даже не знал о существовании этого Перекрестка... До чего мы все же ленивы и не любопытны!

«А сам? — возразил внутренний голос. — Сидишь здесь и философствуешь, вместо того чтобы пойти в гостиницу и доносить всех вопросами».

Баскунчак опустил глаза и обнаружил, что держит в руке пустой шампур и стакан, на дне которого краснеет несколько капелек вина.

Глава седьмая

Бар Перекрестка был закрыт, в холле никого не было, даже стеклянная будочка, в которой продавали журналы и газеты, была пуста. За стойкой администратора сидела молоденькая девица, на этот раз темноволосая, но такая же миленькая, как та, которая вчера размещала Баскунчака.

Дмитрий попытался разговорить девушку, но это ему не удалось.

Отойдя от стойки, Баскунчак вспомнил, что забыл газету.

— Да-да, — тряхнула черными кудряшками девица. — Вот ваша «Комсомолка».

С газетой в руках Дмитрий пересек холл. Перед лестницей он бережно развернул «Комсомолку». На обложке сияла пухлая рожа мужика в семейных трусах, прижимающего к пухлому животу несколько бутылок пива. За спиной его хмурился строгий милиционер с дубинкой. **ПРОИЗВОДИТЕЛЬ ПИВА «КЛИНСКОЕ» УЛИЧЕН В ПСИХОТРОННОЙ РЕКЛАМЕ**, гласил заголовок. На последней странице ошипанных страусих не было. С последней страницы зазывно улыбалась красотка с ногами, начинающимися от ушей. Кроме фотоснимка, в рамке было помещено несколько сомнительных анекдотов, длинными полосками пересекающихся клеточек пытался привлечь к себе очередной кроссворд от Васильева. Баскунчак лихорадочно принялся листать газету. Обширная статья на

развороте была, но не о тахоргах, а о браконьерах, свирепствующих в низовьях Волги.

Это была совсем другая газета.

Баскунчак хотел вернуться к стойке. Но вовремя раздумал. Ясное дело, что газета со статьей о тахоргах исчезла навсегда, и на все вопросы девица будет бледнеть и недоуменно пожимать плечиками. Он посмотрел на дату. Газета была сегодняшней.

Еще одно весомое доказательство того, что в этой странной гостинице происходят невероятные вещи, благополучно уплыло из рук.

Раздосадованный Баскунчак вошел в свой номер, сбросил туфли, стянул с себя футболку и лег на застланную постель, задумчиво глядя в потолок.

Ну нет! Он не позволит играть с собой!

На кой черт ему сдались эти игры!

Подумаешь, тайны мадридского двора!

Он встал и начал решительно собирать сумку. Собрав ее, он сел на постель и понял, что никуда не поедет. Пока не разберется в происходящем. Надо только дождаться ночи и вновь посетить Перекресток. А потом совершить прогулочку в глубину. Обязательно в глубину. Совсем незачем отираться около дверей и чувствовать себя бедным родственником. Как там в старой песенке пелось? «На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы». Он вспомнил мотивчик и замурлыкал себе под нос эту древнюю песенку, которую когда-то написал для забытого уже кинофильма какой-то диссидент. Пришедшая в голову идея не была особенно неожиданной, скорее она являлась естественным следствием его дневных размышлений. Тем не менее ему сразу стало легче.

Оставалось только прожить день.

Он позвонил Шахову. Его интервью с Нуликом было получено, одобрено и отправлено в набор. Шахов сварливо осведомился, когда Дмитрий покинет волжские берега, они поговорили о приближающемся вручении ежегодной премии имени братьев Стругацких и сошлись на том, что в этом году премию

получит роман Вячеслава Фишера «Гравилеты империи Тан». «Поедешь ты», — сказал Шахов. «Пусть едет Имперян. С друзьями пообщается», — возразил Баскунчак. «Я уже все решил, — непреклонно сказал Шахов. — Поедешь ты». С начальством не спорят. С начальством соглашаются. Тем более если начальство предлагает именно то, что тебя и в самом деле интересует.

Закончив разговор, Баскунчак разделся и пошел в ванную. Вечером следовало быть в форме. Приняв холодный душ, Баскунчак вернулся в комнату. Решение было принято, поэтому он быстро заснул под легкое, почти неслышимое кошачье урчание кондиционера.

И проснулся за пару часов до намеченного времени.

Он открыл дверь, и ему понравилось тихое озеро, окруженное ивами. По берегу озера белели мраморные ротонды. Он вошел в одну из них, сел на барьер, разглядывая зеркальную гладь озера, и услышал голоса. Разговаривали двое. Один из собеседников был чернокожим с лоснящимся круглым лицом, на котором выделялись толстые темные губы и живые белки глаз. Второй — белокурый громадный скандинав — неторопливо втолковывал ему на непонятном языке, в котором причудливо смешивались английские и русские слова:

— А я говорю, время пришло. Ты только подумай, Мгуи, природа словно нарочно отгородила пустыню от влажных морских ветров. С севера — Тянь-Шань, на западе — Памир, на юге — хребты Тибета и Гималаи. С востока ворота открыты, но там до океана почти три тысячи километров. Сто миллиметров осадков в год — в десять раз меньше, чем нужно в субтропиках!

— Технически проблема выполнима, — задумчиво сказал негр. — Решение само напрашивается — проломить Карокорум, а пустынную впадину соединить с долиной реки Инд.

— На Инд рассчитывать не приходится, — возразил скандинав. — Воды Инда давно израсходованы на орошение сухих степей Пакистана.

Негр пошевелил пальцами, Баскунчак увидел его розовую ладонь.

— Ерунда. Нам не нужна вода Инда, нам требуется русло реки. Русло можно будет использовать как естественный водопровод. А подавать по нему мы станем талую воду антарктических айсбергов. Можно опреснять океанскую воду и качать ее вверх по реке.

— Надо все просчитать, — с некоторым сомнением сказал скандинав.

— У меня все уже давно просчитано, — самоуверенно сказал негр.

Собеседники неторопливым прогулочным шагом прошли мимо ротонды, поприветствовав незнакомого им Баскунчака взглядами. Видно было, что между негром и скандинавом постепенно разгорался спор. Негр энергично жестикулировал, в чем-то пытаясь убедить собеседника. Скандинав невозмутимо парировал доводы негра.

Баскунчак попытался сообразить, в какую утопию он попал на этот раз, ничего не вспомнил и, махнув рукой, отправился на разведку.

Лес закончился, неожиданно перед Дмитрием открылась огромная котловина, в которой таился город. Белоснежные кубы и параллелепипеды зданий открылись взгляду журналиста. Кубы и параллелепипеды окружала зелень. Небо было безоблачным, но над городом шел мелкий дождь. Солнечные лучи, отражаясь в каплях, образовывали над городом сочную гигантскую радугу, переливающуюся всеми цветами спектра. Зрелище было изумительное. Некоторое время Баскунчак любовался картиной, открывшейся ему. Потом он стал неторопливо спускаться в город. Через полчаса он уже был на окраине города. Ему попадались странно и непривычно одетые люди. Баскунчак полагал, что и он в их глазах выглядит необычно, но особого любопытства со стороны прохожих он не наблюдал — короткий любопытствующий взгляд, и прохожий следовал своей дорогой, не задавая Дмитрию каких-либо вопросов.

Изъяснялись жители города на все том же невообразимом сленге, в котором русские слова мешались с английскими, иногда даже ему казалось, что по звучанию он распознает испанские слова, но все это было искаженным, словно полученный словесный сплав был непрочным и норовил развалиться на составляющие его основы. Тем не менее окружающие легко понимали друг друга, да и сам Баскунчак, к своему изумлению, понимал почти все из сказанного ими.

Несколько часов он бродил по городу, пытаясь самостоятельно определить, что это за город и где он находится, но так и не определил.

Судя по погодным условиям, это был юг, но в парках росли кедры и лиственницы вперемежку с колючими шишкастыми кактусами, а на грядках пламенели маки и тюльпаны. Город был изрезан узкими каналами, вода в каналах была ледяная, словно в горной речке. Не было реклам и вывесок, но дома были отделаны разноцветными мозаичными панелями, которые делали их непохожими друг на друга.

У застекленного подъезда одного из них стоял человек в серебряном комбинезоне. Мужчине было лет под пятьдесят, у него было усталое вытянутое лицо, высокий лоб, широкая полоска усов под крупным, с горбинкой, носом. Его собеседником был плотный юноша, замороженно смотрящий на старшего товарища.

— Твою кандидатуру удалось отстоять, — сказал пожилой.

— Спасибо, — сказал юноша. — Не знаю, печалиться или радоваться. Не могу сейчас, через год бы...

— Почему? — строго и недовольно спросил пожилой.

Юноша явно смутился.

— Вы же сами учили меня, что у каждого человека есть своя функция. Я не сразу сформулировал свою, хотя ответ напрашивался сам собой. Врач борется со смертью. Его функция — отодвигать смерть. Мы надеемся вернуть к жизни человека, который в лапах смерти уже второй год. Это небывало!

— Космос бесконечен, — по-прежнему хмуро сказал пожилой. — Есть расы, победившие смерть. Ты получишь решение, как только установится Галактическое товарищество.

Молодой заметно замялся.

— Можно ли быть уверенным, что рецепты чужой жизни подойдут для нас? И потом, готовый рецепт может записать любой человек, ему не обязательно быть медиком. Заманчивее поломать голову самому...

Некоторое время пожилой внимательно разглядывал собеседника, потом сказал:

— Малыш, будем откровенны до грубости. Работой, о которой ты мне рассказываешь, занимаются около трех тысяч человек, и никто не знает тебя. Отправившись в космос, ты будешь одним из многих, а вернувшись, станешь высшим авторитетом, к медицинскому заключению которого будут прислушиваться все.

«Конфликт, — подумал Баскунчак, миновав их. — Пожилой тянет молодого в космос, а тот отказывается, полагая, что более важные дела найдутся именно на Земле. И он прав. Но вот из какого автора эта цитата?»

Замысел Былицкого казался ему грандиозным. Он уже представлял, как дома будет рассказывать обо всем, что случилось с ним в провинциальном городе. Захотелось догнать встреченных им людей и поговорить с ними, чтобы выяснить подробности, касающиеся этого мира. Но разговор незнакомцев продолжался, и Баскунчак не осмелился вмешаться. Забираться в глубину неизвестного города в первый же день он тоже не решился, поэтому вернулся к дверям, которые выделялись на фоне голубого неба дрожащим радужным прямоугольником.

В холле было тихо и темно.

Прежде чем Баскунчак открыл следующую дверь, он услышал рев.

Открыв дверь, он сразу понял, что поступил опрометчиво.

Прямо за дверью начинался лес. Нет, это не был привычный для него сыроватый и прохладный лес Подмосковья. Де-

ревья сплетались ветвями, образуя непроходимую чашу, все овивали толстые жилистые лианы с мясистыми и сочащимися влагой листьями, маленькая извилистая еле заметная тропинка вела в самую чашу, но ступить на нее мог только безумец — именно из чащи доносился этот жуткий рев, который был исполнен неприкрытой угрозой.

Было жарко и душно, воздух можно было выжимать, как тряпку, он был пропитан незнакомыми ароматами цветов и трав, в которые время от времени вплетались волны ужасающей вони, запахи тления и гниения. В этом чудовищном лесу поминутно рождались и умирали невероятные существа, охотились друг на друга, набрасывались, пытаясь утолить голод и собственные инстинкты, в этом лесу человек никогда бы не смог выжить, разве что построил бы себе убежище из бетона и стали многометровой толщины и никогда бы не покидал его.

Лес кипел и бесновался, лес предупреждал, лес откровенно угрожал, он смертельно ненавидел простор. А потом раздался страшный треск, и, проломив непроходимую глухую стену джунглей, на поляну с голубоватыми блюдцами болотной воды, поднимая фонтаны брызг, выскочило жутковатое существо, похожее на огромную бронированную лягушку. Существо присело, внимательно разглядывая пространство впереди желтыми глазами с вертикальными зрачками, замерло на мгновение и вновь заревело. Пасть у него была огромной, с неровными зубами, которыми чудовище запросто могло в мгновение ока смолотить железнодорожный вагон. От леса вновь накатила волна вони — так пахло болото, испуская развороченным чревом своим метан и сероводород. Чудовище устремилось через поляну, поросшую голубоватыми цветами, прямо на Баскунчака. Проще всего было бы шагнуть назад, но испуг оказался слишком велик, и Баскунчак побежал куда-то в сторону, с ужасом слыша тяжелые шлепающие звуки позади себя и приближающееся дрожание земли. Он уже ни о чем не думал, потому что лихорадочно крутившиеся в его голове бессвязные обрывки нельзя было назвать мыслями.

Он еще пытался остановиться, успокоиться, ведь все, что окружало его, было безопасным фантомом, который никак не мог угрожать человеческой жизни, но страхи, живущие в подсознании каждого человека, инстинкты, накопленные с доисторических времен, гнали его вперед, и Баскунчак бежал, падая и спотыкаясь, неистово кляня себя за глупую беспечную неосторожность.

Волна запахов догнала его, смяла остатки воли. Теперь уже пахло животным — странное сочетание запахов чужой крови, земли и резко пахнущей смазки, смешанных с запахами болотных цветов и рассеченной в движении свежей листвы.

Баскунчак упал, еще не понимая, как безнадежно ему не повезло, закрыл обеими руками голову, и в это время что-то массивное, тяжелое, совсем не похожее на безопасное фантомное изображение надвинулось на него, вминая маленькое человеческое тело в жесткую пружинистую траву.

Нет, Баскунчак не потерял сознание, но все словно куда-то отдалилось, звуки стали глуше, запахи слабее. Послышался странный треск, потом он услышал азартные человеческие голоса.

Кто-то склонился над ним.

— Вот повезло мужику, — хрипловатым, еще возбужденным голосом сказал кто-то. — В последнюю минуту с хвоста у него сняли!

— Ребята, — крикнул уже иной голос. — У кого есть радиобраслет? Свяжитесь с базой, пусть сюда отправят Протоса. Тут для него есть небольшая работа.

— Ерунда, — возразил первый голос, и чьи-то пальцы коснулись плеча Баскунчака. — Он цел, просто испугался.

— Испугаешься, когда на тебя катит такая махина с полуметровыми клыками. — Это уже сказала женщина, и Баскунчаку вдруг захотелось увидеть ее лицо. Уж больно показался знакомым этот голос.

— Вы только посмотрите, во что он одет, — неожиданно сказал мужчина, который требовал вызвать Протоса. — Это чужак!

— Думаешь, странник? — с интересом спросила женщина.

— Не знаю, — сказал мужчина, — но это не наш. Много их сейчас бродит по реальностям. Мне Вадим с Антоном о таком рассказывали. Беспечность Совета меня просто умиляет. Нельзя так, нельзя! Надо ставить вопрос об ограничении свободного доступа.

Баскунчак хотел сесть и сказать им, что не имеет к странникам никакого отношения, что он обычный журналист, пишущий на темы фантастики, поэтому ему было очень интересно разобраться в мирах, которые создал за Перекрестком неизвестный ему Былицкий. Но, похоже, осматривавший его мужчина чего-то не заметил: огромный хищник, который, дрожа бородавчатой кожей, сейчас лежал на траве неподалеку от него, все-таки успел зацепить Дмитрия. Едва Баскунчак пошевелился, как волна острой боли прошла по всему его телу и ослепительно лопнула где-то в голове, заливая сознание слепящей вспышкой. «Так это не фантом!» — успел разочарованно подумать Дмитрий и потерял сознание.

Организм, пусть и с запозданием, отреагировал на происходящее.

Хотелось думать, что окружающие поймут его правильно.

Глава восьмая

А пришел он в себя утром в своем номере, на мягкой постели. Некоторое время он с тайным страхом прислушивался к своему телу и боялся пошевелиться. Потом осторожно потянулся. Боли не было.

Он сел на постели, оглядел себя, потом висящую на спинке кресла одежду. Ничего необычного.

Баскунчак отправился в ванную комнату, почистил зубы, неторопливо побрился и принялся умываться. Произошедшее

с ним еще требовало осмысления, но прежде следовало привести себя в порядок.

Он еще умывался, когда в дверь постучали.

Дмитрий вышел из ванной, промокая мокрое лицо полотенцем, распахнул дверь и увидел того, кого так стремился увидеть в последнее время.

На пороге стоял Жилин.

— Доброе утро! — весело сказал он. — Не ждали? Думаю, пришла пора поговорить. В номер пустите?

Баскунчак посторонился.

— Входите.

Жилин вошел в номер, с любопытством человека, попавшего в чужой дом, огляделся. Взгляд его остановился на собранной сумке.

— Уже собрались? — спросил он.

— Домой пора, — пожал плечами Баскунчак. — Не вечность же сидеть в командировке! А как ваши успехи? Вы свою командировку завершили?

— Заканчиваю.

Жилин открыл дверь на балкон. Громадный, плечистый, он, казалось, занимал весь дверной проем.

— Значит, вы пришли открывать мне глаза, — с любопытством спросил журналист. — Кое-что я уже понял.

— И даже успел кое-что посмотреть, — в тон ему отозвался посетитель. — Было интересно?

— Конечно, — легко признал Баскунчак. — И все-таки хотелось понять смысл всей этой виртуальной игрушки. Зачем все? Для кого?

— Игрушка? — удивился Жилин. — Это вы так все восприняли? Это не игрушка, Дмитрий, это серьезный эксперимент, в котором участвуют тысячи людей. Про Былицкого вам уже рассказали?

— Немного, — сказал Баскунчак.

— И что вы думаете?

— Я все понимаю, — сказал Баскунчак. — Этот ваш Былицкий достиг неслыханных результатов. Но вся виртуальная

бутафория не имела бы никакого смысла, если бы в игре не принимали участия люди. Как вас зовут в действительности? — Заметив, что собеседник качнул головой, Баскунчак предупредительно поднял руку. — Хорошо, хорошо, хотите быть Жилиным, так будьте им. В конце концов, все это не имеет значения. Но скажите, вам-то какой интерес играть в чужой пьесе? Былицкий вам хорошо платит?

Жилин, улыбаясь, смотрел на журналиста.

— Пусть будет по-вашему, — сказал он. — Я готов рассмотреть и такую возможность. Наш мир придуман, а ваш существует в реальности. Но где приятнее жить? Здесь, в вашем мире, грязь, трупы, продажные политики, постоянная угроза войны, загаженная планета, нищета и несправедливость. У нас светлый мир, где каждый с удовольствием занимается своим делом, чистые реки, дружелюбные люди. Проблемы, конечно, есть. Но ведь очень скучно жить без проблем.

— Жить в иллюзорном мире? — грустно сказал Баскунчак. — Нет, увольте. Эскапизм — это не для меня. Я предпочитаю активную жизненную позицию. Каким бы грязным и неустроенным ни казался вам мой мир, но он мой, Иван, понимаете? Он мой! И мне совсем не хочется, чтобы разные светлые личности, пусть даже из благородных побуждений, указывали бы, как нам жить и что нам делать. В своих проблемах мы разберемся сами, без мудрых и всезнающих учителей со стороны.

— Как вы нелогичны, — возразил Жилин, грозя пальцем. — Ведь если мы — продукт творчества ваших писателей, то вы все-таки будете прислушиваться к людям, что живут или жили рядом с вами. Это их мысли, их идеи! Вы ведь не отказываетесь от опыта предков? И потом, — Жилин пожал плечами, — на самом деле все обстоит совсем иначе. Вы ставите телегу впереди лошади, извините меня за старомодное сравнение. Вы считаете, что мы продукт вашей жизнедеятельности. Можете меня пощупать, Дмитрий, я не обижусь. Вы считаете, что ваши писатели придумали замечательные миры, нашелся человек, который проникся изображенным

светлым будущим и сделал его в силу своей гениальности реальным.

Но если посмотреть на проблему с другой стороны? Представьте, что это ваш мир создан и реализован воображением гениев, а писатели в нем — и не только они — всего лишь искусственный элемент культуры, который призван озвучить человеческую мечту. Помните старую китайскую притчу? Бедный монах Чжао воображает себя бабочкой или бабочка, паря над землей, воображает себя бедным монахом по имени Чжао?

Так вот, в действительности все происходит в точном соответствии с этой притчей.

Давайте говорить серьезно.

Это я должен был вам все показать. И Перекресток, и миры... Былицкий, конечно, гений, он создавал модель мира, а получил новое измерение со своей Вселенной. Впрочем, сказать так — значит ничего не сказать. Он получил множество измерений со своими Вселенными.

— И какая из них истинная? — с резкой насмешливостью сказал Баскунчак.

— А какая разница? Самое главное, что все они реальны. В каждой из них можно жить, только не всегда хочется. — Жилин весело хмыкнул. — Понимаешь, дело не в Былицком и не в его измерениях. Совсем не в них. Дело в тебе, Дима. — Он впервые назвал Дмитрия на «ты». — Былицкий прогнозировал мир, который мог возникнуть при сохранении некоторых особенных тенденций его развития. А в результате он получил все это. — Жилин небрежно показал рукой на окно. — Вы же оказались человеком увлекающимся, вы оторвались от реальности. Настоящий мир не здесь, он там, за Перекрестком. Пора возвращаться домой, Баскунчак.

Ничего не случилось. Не рухнул мир, не обрушилось голубыми обломками хрустальное небо. Только сердце на секунду сжала невыразимая беспощадная тоска, тело вдруг ослабло, словно Баскунчак заглянул в бездну, где клубился туман облаков, не давая увидеть зловещие смертельные глубины. В конце концов, это был всего лишь еще один вариант.

— Пора домой, Дима, — мягко сказал Жилин. — Тебе пора вспомнить, что ты научный сотрудник Института экспериментальной истории. Ты работал во Вселенной Былицкого и потерялся. Так бывает, люди сживаются с искусственной реальностью, они даже начинают воображать, что именно это подлинный мир. Пора вспомнить все и вернуться домой.

— А что там? — Баскунчак вдруг ощутил, что ученически держит руки на коленях.

Было горько и пусто на душе, вместе с тем где-то в глубине тихой зарей просыпалась неверная надежда.

— А там настоящий мир, — улыбнулся Жилин. — Твой мир, Дима. Наверное, очень здорово — заниматься экспериментальной историей. Правда, теперь для тебя это будет проблематичным. Слишком впечатлительным ты оказался. Но ты можешь выбрать и иную профессию, ты можешь заняться любым делом. Разве тебе не хочется вернуться и заняться стоящим делом? Сейчас идет набор добровольцев на Харибду, одиннадцать световых лет. На Саракше работы по горло, там и историку есть чем заняться. И на Сауле работы по горло. По крайней мере так утверждает Флейшман. Ты помнишь Флейшмана?

Баскунчак пожал плечами.

Что он мог сказать? Он не помнил Флейшмана, он не помнил того мира, в который его призывали вернуться. Более того, сейчас он почему-то чувствовал себя неловко, словно Жилин врал и при этом осознавал, что он, Баскунчак, это понимает.

— Психоинформационная блокада, — озабоченно сказал Жилин. — Плюс адаптационные уколы. Я же говорил! Нет, все ориентировались на мнение Былицкого. А он тоже взял и удрал сюда. Бог, спустившийся с небес. И обязательно — чтобы ноги в грязи. Ты действительно ничего не помнишь?

— Ничего, — искренне сказал Баскунчак.

— Ничего, — ободряюще сказал Жилин. — Ты вспомнишь. Зайди в триста шестой номер. Там тебя ждут. А здесь тебе

делать нечего. Это тупиковая реальность. Сюда тебя, конечно, больше никто не пустит, уж больно ты впечатлителен. Это, пожалуй, к лучшему, здесь тебе делать нечего, этот мир, как ни печально, все равно обречен. Удачи, Дима. Встретимся за Перекрестком. Ну, будь. Мне еще с Былицким разговаривать. С ним будет сложнее. Вообразить себя богом еще не значит быть им в действительности.

Он вышел, и Баскунчак остался один.

Он открыл сумку, достал из нее сказочного гномика и некоторое время разглядывал его, в грустной усмешке скривив подковкой щегольские черные усы. Потом положил гнома обратно и несколько минут задумчиво курил, пуская в потолок дымные быстро расплзающиеся кольца. Все могло обстоять именно так, как рассказывал Жилин. Чертовски заманчиво оказаться в светлом и удивительном мире, где люди любят и уважают друг друга, где труд на всеобщее благо есть обязательная потребность человека. Наверное, там текут чистые реки, уничтожены границы и подлещы, нет дураков и ценятся три единственные вещи, которые стоит ценить, — ум, порядочность и красота.

Хорошо бы пожить в таком мире, меняя профессии и места пребывания. Увидеть звездный мир, к которому ты так стремился в детстве. Поговорить с Видящими Суть Вещей. Поспорить с Комовым о вертикальном прогрессе и его роли в развитии человечества, посмотреть на то, как в этом прекрасном мире развивается общество, и понять, почему оно стало таким счастливым. Как здорово было бы побывать на Ружене и Рите, на Пандоре, написать проблемную статью о Гиганде, поработать на пути Странников, разобраться во взаимоотношениях негуманоидных рас на Саракше и Инфре Дракона. Хорошо было бы принять участие в исследовании кольца астероидов и астроинженерных работах. Побывать в Плеядах, наконец.

Многого хотелось Дмитрию Баскунчаку.

В триста шестом номере его, несомненно, ждали. Он даже догадывался, кто именно его там ждет.

Но он продолжал сидеть на смятой неразобранной постели, с тоской понимая, что никуда не пойдет. Пусть Жилин был тысячу раз прав. Но за окном начинался его, Баскунчака, мир. Пусть он был до невозможности загажен физически и духовно, пусть в нем было страшно и почти невозможно жить, пусть даже он катился в бездну, из которой не будет спасения.

Баскунчак должен был жить в нем.

И все даже заключалось не в семье, не в друзьях, которых у него в этом мире хватало. Хотя и это было очень важным. Он просто не мог представить себе, что уйдет, не обернувшись. В конце концов, жену можно будет взять собой. В добром мире не может быть злых администраторов. Они добрые, они все поймут правильно. Не могут не понять. Они обязательно разрешат.

Но он должен остаться здесь. Иного выхода просто не было.

Ведь если побегут все, кто способен держать оружие, если побегут те, кто способен найти выход из тупиковых ситуаций, если побегут те, кто не способен равнодушно смотреть на человеческие несчастья и беды, то любой мир превратится в воющую клоаку, полную отработанного вещества, способного рвануть так, чтобы уничтожить не только себя, но и все близлежащие Вселенные.

Надо было оставаться.

Заманчиво, очень заманчиво было встать на Перекрестке и выбрать свою дорогу, но Баскунчак продолжал сидеть, понимая, что его выбор уже сделан. И хотя выбранный путь пугал своей безнадежностью, вопреки всем печальным прогнозам, вопреки вероятности и вариантам, Баскунчак оставался ему верным. Пусть даже потом придет время тоски и сожалений.

Мир обреченный. В это верилось с трудом. Мир всегда зависит от людей, которые его обживают. Баскунчак не чувствовал себя одиноким. Много хороших людей, которым верил он и которые верили ему, оставались в этом мире, пусть он был фантазией гениального до сумасшествия программиста или, наоборот, мрачной реалией, от которой было так легко убежать в мир фантазий, — особой разницы не было.

В триста шестом номере Баскунчака, несомненно, ждали. Он даже догадывался, кто его там ждет. Легко догадываться, когда знаешь все заранее. Хорошие люди ждали хорошего человека.

Баскунчак вышел на балкон.

Чертов Жилин! Хитрюга! Он все-таки заставил Дмитрия сделать свой выбор. Другого решения он от Баскунчака скорее всего и не ждал. Сказанные им слова были призваны убедить Баскунчака в обратном.

Любое бегство — это всегда проявление трусости, как ты его ни оправдывай, какие веские аргументы в свою защиту ни приводи. Не важно, в какой реальности ты живешь, важно, что именно она тебя окружает. Убегая от проблем окружающего тебя мира, ты прежде всего предаешь самого себя.

В конце концов, Вселенная без человека просто не существует. Именно человек в самом широком смысле этого слова придает смысл существованию звезд. Поэтому любая Вселенная — это окружность, в центре которой всегда находится Человек, готовый за нее драться.

Он постоял на балконе еще немного, не чувствуя окружающего его летнего зноя, потом вернулся в номер и стал медленно собираться в дорогу, по которой предстояло пройти ему, пусть даже эта дорога вела в никуда.

Царицын, июнь 2002 года

**ЛОВУШКА
ДЛЯ НАРУШИТЕЛЯ**

Когда позвонил Габуня, Николай Басов уже изнемогал от безделья. Конечно, Анзор — хозяин, ему виднее, но ведь техника должна работать, она должна прибыль приносить!

А если говорить честно, Басову надоело на Земле.

Поэтому в офисе хозяина на улице Слободской он появился в назначенный срок.

Анзор Бедоевич сидел в кресле, по левую сторону стола мерцал экраном компьютер. Мерцал он для солидности, за все время работы у Анзора Бедоевича Николай ни разу не видел, чтобы хозяин выполнял на нем какие-нибудь, пусть даже самые простейшие, операции. Да что там расчеты! Анзор Бедоевич на компьютере даже в игры не играл, не солидно это было для настоящего предпринимателя!

Завидев Басова, Анзор Бедоевич поздоровался с ним, встал, одергивая малиновый пиджак, отошел к забранному узорчатой решеткой окну и некоторое время значительно молчал, не глядя на своего пилота.

— Значит, так, Николай, — с легким акцентом сказал он. — Работа есть...

Снова посмотрел в окно, потом внимательно оглядел руки, зачем-то поправил большой платиновый перстень на безымянном пальце правой руки.

— Люди серьезные попросили... — снова сказал он.

Похоже, что от полученного предложения Анзор Бедоевич не был в восторге, и лишь какие-то скрытые обстоятельства заставляли это предложение принять. Была в хозяине какая-то нерешительность, которой Басов за Анзором Бедоевичем никогда не замечал. Обычно хозяин был напорист и энергичен, и напористость эта возрастала вместе с суммой возможного контракта. Басов его не судил строго. Молодое поколение, оно и мыслит и поступает по-иному, потому-то Басов работал у Габунии, а не наоборот.

— Лететь надо, — с неожиданной мрачностью сказал хозяин.

— Да я всегда готов, — сказал Басов. — Устал уже по кабакам ходить. Только вы ведь знаете, Анзор Бедоевич, урана нет.

— Уран будет, — сказал хозяин, возвращаясь в кресло. — Садись, брат, в ногах правды нет, э?!

— Далеко лететь-то? — спросил Басов.

Не то чтобы ему интересно было, он последнюю неделю был в таком состоянии, что хоть на Луну, только бы дома не сидеть. Да и подработать хотелось. Сколько еще ему летать оставалось? Летный максимум — он ведь для всех писан, тут уж никакие связи, никакие взятки не помогут, если возраст подошел!

Габуния задумчиво побарабанил пальцами по столу, решительно выключил компьютер, словно давал пилоту понять, что шутки кончились, и негромко сказал:

— Лиситею знаешь?

Басов присвистнул.

— Шутите, босс? Это же восьмой спутник Юпитера! Какому идиоту туда понадобилось?

— Надо, Коля, — серьезно сказал Анзор Бедоевич. Так серьезно сказал, что Басов ему сразу поверил.

Поверил, а потому — занял:

— Анзор Бедоевич! Не вытянем мы! Я бы понял еще, на Луну! Сами знаете, где корабль стоит! Не в ангаре ведь на Плисецком космодроме! На штрафняке он у нас стоит! Техосмотр два года не проходили, графитовые стержни со дня установки реактора не менялись... Ускорители! Сами знаете, ка-

кие у нас ускорители! Нет, Анзор Бедоевич, про окрестности Юпитера и речи не может идти! Это ж вообще у черта на куличках! И потом, там же плазменное кольцо Всехсвятского, тяготение совсем иное, а мы с вами на старом «Генацвали»...

— Не мы, Коля, — поправил его Анзор Бедоевич. — Ты!

Конечно, это Басов лишку хватил, Габуния никогда выше пассажирского лайнера над Землей не поднимался! Пусти его в открытый космос, он и там в малиновом скафандре разгуливать стал бы и перстни свои многочисленные до блеска начищать!

А с другой стороны, Николай Басов был лицом подневольным, наемным астронавтом он был, поэтому ему особо и рыпаться не приходилось. Заартачься Басов, завтра же у «Генацвали» появился бы новый пилот! В этом особо и сомневаться не приходилось, уж своего хозяина за годы совместной работы Николай хорошо изучил, еще с того времени, когда приходилось на списанном «Буране» спутники на орбиту выводить!

Если Габуния выглядел озабоченно, у него на то обязательно имелись особые основания. На памяти Басова его шеф всего два раза и выглядел угрюмым. Первый раз — когда кредит «Росбанку» отдавал, а второй — когда его жена с секретаршей прямо в офисе застучала.

Но сейчас Анзор Бедоевич проявлял удивительную деловитость, никаких шуток он в таком состоянии в свой адрес не принимал. Выставил вперед тупой небритый подбородок и смотрел на Басова со странной, почти траурной печалью. Слово прощался.

Басов посидел немного, ожидая разъяснений.

Шеф молчал.

— Платят-то хоть прилично? — уныло поинтересовался Басов. Зря он радовался недавнему звонку, ох зря!

Габуния помолчал немного, разглядывая ногти, потом назвал сумму и, помедлив, уточнил:

— Тебе!

— Деревянными? — поинтересовался Басов.

Шеф отрицательно качнул головой.

Видно было, что Анзора Бедоевича терзали какие-то сомнения, но делиться ими со своим бессменным пилотом он явно не собирался.

— Зеленью? — поднял брови заинтересованный пилот.

Габуния снова качнул головой. И снова отрицательно.

— Ничего себе! — изумился Басов. — Это что же они на Лиситею везут? Наркоту?

— Вах, тебе-то какая разница, Николай? — Габуния смотрел в окно. — Накладные будут в порядке, груз опечатан... Сопровождать его люди будут, им за груз отвечать. Тебе главное, чтобы груз до Лиситеи добрался, к тому же страховку они оформляют. Берешься? Или мне все-таки кого-то в резерве поискать, э?

— Сопровождающих много будет? — спросил Басов. — Вы же знаете, Анзор Бедоевич, на нашем «Генацвали» особых удобств нет, да и меню не слишком разнообразное.

Габуния прямо на глазах ожил.

В красивых кавказских глазах его загорелись огоньки, сам он выпрямился и не жлобом, считающим копейку, смотрелся, джигитом Анзор Бедоевич выглядел, такому только в Космофлот на правый фланг.

— Ничего, они народ неприхотливый. Завтра поедешь на штрафную стоянку, — сказал он. — Клиентам наш корабль покажешь.

И показывая уже совсем недостижимую щедрость, сказал:

— Штрафы я заплатил!

Посидел, качаясь, как мулла на молитве, снова потух, вздохнул и пробормотал:

— Такие дела, батоно. Бабки, конечно, платят хорошие, но вот предчувствия у меня...

Что говорить? Басов ощущал то же самое. Просто по складу характера он был хладнокровным меланхоликом, поэтому и посчитал, что как-нибудь все рассосется. В конце концов, кто не рискует, тот шампанского не пьет.

Скоро предстояло выйти на пенсию, а на нее не слишком расшикуешься.

Басов привык к шампанскому.

2

Утром на Слободской Басова уже ждали дзое.

Анзор Бедоевич явно обрадовался приходу Басова, щедро разрешил пользоваться его служебной машиной и включил компьютер, внимательно вглядываясь в появившиеся на экране столбики цифр, — демонстрировал клиентам, что у делового человека каждая секунда на счету.

Первый из клиентов, который, судя по жестам и разговору, был за старшего, независимо допивал кофе и всем своим видом показывал, что торопиться не намерен. Был он невысок, лысоват, имел аккуратную черную бородку с редкой проседью и одет был в легкий бежевый плащ, из-под которого выбивался небрежно повязанный вокруг жилистой шеи белый шелковый шарф. Чуть удлиненное лицо его покрывала сеточка морщин, в складках которых таились настороженные глаза. Сразу было видно, что этого человека жизнь была не единожды, причем была плашмя, с размаху и даже в спину. Такие глаза обычно бывают у африканских слонов, которым удается прожить более десяти лет, не попавшись на прицел многочисленным любителям сафари.

Второй клиент был полной противоположностью своему товарищу. Кряжистый и широкоплечий, с плотным красным лицом, на котором из-за мощного плоского лба почти не было видно маленьких бесцветных глаз, он напомнил Басову подследоватую гориллу, способную по команде разнести офис Габунни, а быть может, и всю улицу. Когда клиент шевелился, мышцы под черной кожаной курткой вздувались, и сходство его с человекообразным приматом многократно увеличивалось. На Басова этот человек посмотрел с ленивым интересом, явно сравнивая физические данные астронавта со своими возможностями, и отвернулся. Похоже, он всех окружавших его людей делил на здоровяков и хиляков, а Басов со своими шестьюдесятью пятью килограммами веса в здоровяки явно не вписывался.

Старший клиент неторопливо поставил кофейную чашечку на стол, бесцеремонно оглядел Басова, и Николаю даже

показалось, что взгляд настороженных глаз клиента прошелся по содержимому его карманов.

— Пилот? — сипло спросил клиент. — Ну хорошо... Допустим... — И протянул Басову маленькую влажную ладошку. — Сергей Степанович.

Подумал немного и добавил:

— Можно просто — Степаныч...

Басов вопросительно глянул на второго.

Тот, не поднимаясь со стула, сунул Басову огромную ручищу, даже не для приветствия, а так, чтобы Басов подержал ее и ощутил тяжесть, и неласково буркнул:

— Жорик!

3

Космический грузовик «Генацвали», принадлежащий фирме Габунии, стоял не на космодроме, а на городской штрафной площадке для автомобилей. Тому было немало причин, и первая из них, пожалуй, самая важная для Анзора Бедоевича, — так было дешевле.

Выйдя из машины, Басов и его клиенты неторопливо шли по бесконечным рядам, более напоминающим одновременно склад металлолома и выставку военной техники. Удалые предприниматели хранили здесь свое добро. Рядом со старенькими «мерседесами» стояли, печально распутив лопасти винтов, мощные «Барракуды» и «Алеуты», из-за ржавеющих «Татр» и «БелАЗов» высовывал свой белый нос допотопный «Челленджер», а чуть поодаль независимой компактной группкой стояли новенькие, еще блестящие заводской смазкой танки «Т-92» и «Шеридан», причем принадлежность к разным военным блокам боевые машины явно не смущала.

В этой компании «Генацвали», раскорячившийся черепахой на колоннах устаревших пороховых ускорителей, не то

чтобы не смотрелся, нет, выглядел он довольно внушительно, но анахронично, как если бы в международном аэропорту кто-то вздумал держать ракетную площадку Кибальчича или ракету «ФАУ».

— Мы что, на этом полетим? — В расширившихся глазах Степаныча появилось светлое удивление. — На этом?

Корабль произвел впечатление и на Жорика, тот даже вытащил руки из карманов и вопросительно посмотрел на партнера.

— Ну не на этом же, — кивнул Басов в сторону хищно распластавшегося над бетоном «Бурана».

Некоторое время Степаныч внимательно разглядывал «Генацвали», потом перевел взгляд на «Буран». Похоже, «Буран» показался ему куда более надежным! Он еще раз сравнил «Буран» с «Генацвали», и удивление в его глазах сменил ужас.

— А не взорвется при старте? — опасливо спросил он.

Дилетанты всегда раздражали Басова. Ничего в космической технике не соображают, а мнения пытаются высказывать.

И Басов обиделся.

— Пройдемте внутрь, — недовольно пригласил он. — Я вам трюм покажу. Грузиться будем здесь?

— Не в Зеленодольске же! — презрительно сказал Жорик и, не дожидаясь приглашения, полез в лифт, который и вознес всех троих на борт грузовика.

4

Выводя «Генацвали» на орбиту, Басов всегда испытывал чувство восторга. Особенно когда планетолет пробивался через редкую проседь серебристых облаков и на обзорные экраны выплывала космическая тьма, усеянная уже по-неземному яркими звездами.

Сейчас ликования не было.

Басов угрюмо наблюдал, как наперерез ему резкой борзой идет патрульный катер космишников. Катер был со всеми наворотами, циркулярные тяги на нем стояли, форсаж предусматривался, даже что-то похожее на тахионные ускорители посверкивало. От такого бежать — себя не беречь!

Николай сбросил с таким трудом набранную скорость.

«Началось», — уныло подумал он.

Вообще-то не полагалось до полного выхода на орбиту тормозить стартовавший корабль, об этом и в правилах космождения указывалось, но разве космишникам правила писаны? Били они и будут бить пилотов, как птиц на взлете!

Стыковка была долгой и нудной. Как всегда, стыковочные узлы у патрульного катера и планетолета не совпали, только выдвижную штангу зря погнули.

Патрульный в своем блестящем скафандре, покрытом антирадарным сплавом, ступил на борт «Генацвали». Покрытие помогало космишникам устраивать невидимые засады на оживленных трассах, и сколько ни писали, что настоящий патрульный должен быть виден издалека, чтобы уже своим внешним видом отпугивать потенциального нарушителя от нарушения законов, отказываться от своей удобной маскировки не собирались.

— Добрый день! Патрульный сержант Денисов. — Шлем у космишника был с опущенными светофильтрами, и это немного успокаивало: пошкурить, значит, вышел на трассу, иначе лица бы своего не прятал. — Вы с какой скоростью на орбиту выходили?

— Как это с какой? — натянуто улыбнулся Басов. — С первой космической.

Теперь уже засмеялся патрульный.

Издавательски так засмеялся, с подтекстом.

— Это с каких пор первая космическая у нас стала равняться пяти километрам в час? Что-то я черепах на околоземных орбитах еще не видел!

Ага! В глубоком космосе он их видел!

Николай понимал, что позиция у него шаткая, но продолжал стоять на своем. С первой космической я на орбиту выходил, вот и бортжурнал можете посмотреть.

И свидетели... Вон они как раз звездами любовались.

Сопровождающие груз свидетели слаженно закивали, и было видно, что при необходимости они еще и не это подтвердят. Жора головой кивал, как кувалдой, и от этого его кивки казались еще весомее.

— Что мне твой бортжурнал! — заметно приуныв при виде свидетелей, хмыкнул патрульный. — У меня радар, можешь распечатку взглянуть. Номер твоей ракеты, или Пушкин на ней летал?

— Не знаю, на чем ваш Пушкин летал, — старался быть вежливым Басов. Из последних сил, между прочим, старался. — А мой корабль от Земли может только на первой космической оторваться. Или я еще не в космосе? — Это Басов уже для поднятия духа хамить стал.

В космосе как? Спорь не спорь — все равно виновным окажешься. Но когда у Басова уже два предупреждения в компьютере космишников торчало, терять ему было нечего. Слава богу, что штрафные квитанции на корпусе при взлете обгорели!

Что еще Басов сказать мог? Пороховые ускорители у него сразу после старта отказали, не иначе Анзор Бедоевич пожмотничал — конверсионный порох у китайцев брал. Пришлось на маршевом двигателе на орбиту выходить. Хорошо еще пять километров набрал, мог вообще выше скорости пешехода не подняться.

Узрев свидетелей, космишник стал покладист и миролюбив. У него на этот раз свидетелей не было. Задачи были другие. Поэтому басовский бортжурнал и свидетели против его радара даже посolidнее смотрелись. Патрульный это понимал, а потому неохотно принялся выписывать штрафную квитанцию, но не торопился, ожидая, когда Басов скажет: «Командир! Может, без квитанций обойдемся? Чего отчетность напрасно засорять?»

Но Басов молчал и безразлично смотрел на звезды, а свидетели, напротив, с живейшим интересом наблюдали за дей-

ствиями патрульного, и тому ничего другого не оставалось, как раздраженно шлепнуть на составленный протокол своим фирменным факсимиле, исполненным наподобие европейской торговой марки и содержащим все сведения о составителе протокола. Уныло, но вежливо попрощавшись, патрульный отправился восвояси на свой блестящий кораблик.

След пламени из дюз патрульного катера долго таял в вакууме, планетолет некоторое время потряхивало от работы компенсационных двигателей после лихой отшвартовки космишника, а Басов, раздраженно бросив свежую штрафную квитанцию на панель бортового журнала, прищурился на слегка потускневшие экраны и пробормотал:

— Добро пожаловать к звездам!

5

Орбитальный мотель российско-американской компании «Спейсхата» смотрелся на орбите огромной елочной игрушкой. Игрушкой он и был.

Фирма рекламировала его как первую пятизвездочную гостиницу космоса, по удобствам не уступающим знаменитым «Хилтонам». Особо она отмечала прочный корпус мотеля, изготовленный из особо прочных титановых сплавов и способный противостоять даже метеорной опасности. При первой же проверке молодой космишник — скорее по глупости, чем из наблюдательности, — попробовал ковырнуть хваленую обшивку перочинным ножом. Оказалось, она была сделана из обычной шестимиллиметровой фанеры, которую для убедительности и солидности окрасили серебрянкой. Мотель, разумеется, немедленно прикрыли и начали обсуждать — спустить ли фанерное сооружение в плотные слои атмосферы, или использовать для складирования оборудования.

Пока шли споры, мотель открылся вновь. Но теперь он принадлежал нью-йоркской академии здоровья, а ее юристы легко доказали, что техническая реконструкция орбитальной гостиницы полностью проведена.

Тем не менее состоятельные снобы в этой гостинице не останавливались, и мотель постепенно стал пристанищем разных темных элементов и водителей вроде Басова, которые жили на хозяйскую копейку, а потому в пространстве экономили на всем.

Вмешательство патрульного основательно подъяло и без того скудные запасы горючего для вспомогательных двигателей «Генацвали». Стоимость окислителя на внутренних трассах опять поднялась, и Басов искренне порадовался, что оплату взяли на себя клиенты Анзора Бедоевича. Теперь уже плата за рейс не казалась ему такой уж большой.

Очередь на орбитальную заправочную растянулась по орбите, окислителя на всех не хватало, и по всему выходило, что ночевки в космической гостинице астронавтам с «Генацвали» никак не избежать. Все уютнее, чем в предназначенном для перевозки грузов стареньком «Генацвали»! Отметившись в реестре заправочной, Басов состыковался с гостиницей, радуясь, что по сводкам погоды магнитных бурь на Солнце не наблюдалось, да и планеты-гиганты сюрпризов не обещали.

Может, когда-то просторный центральный зал мотеля и был роскошным рестораном с серебряными тубами, в которых подавались деликатесы, но сейчас он напоминал обычный «Макдоналдс», единственным отличием от земных забегаловок было то, что гамбургеры здесь делались маленькие и при подаче заворачивались в съедобную пленку — таким образом, хозяева мотеля отдавали дань неизбежной невесомости.

Людей в мотеле было не особо много, и занятие каждого из них можно было определить без особого труда.

Десятка два человек сидели в зале, пристегнувшись к стульям ремнями, чтобы не воспарить над столиками, за которыми они принимали пищу.

Двое мрачных типов, переговаривающиеся намеками, несомненно, были кладоискателями, раздобывшими карту бога-

того полезными ископаемыми астероида. Им было невдомек, что эти ископаемые можно было добывать практически в любом обломке, летающем между орбитами Марса и Юпитера, а на поиски астероида, обозначенного в карте, у них уйдут все средства, а возможно, и вся жизнь.

Небольшая робкая группа молодых ребят, восторженно озиравшихся по сторонам, скорее всего подписала контракт на лунные шахты. Дурачки, мечтали о космосе и доверились первому попавшемуся вербовщику, который наплел им с три короба, и теперь ребятишкам предстояло полтора года гнить в скафандрах по двенадцать часов в сутки.

А вот мужчина средних лет, торопливо поглощавший гамбургеры за угловым столиком, был явно российским инженером: привычка экономить у них стала генетической, даже хорошие заработки в космосе не помогали — так и продолжали питаться гамбургерами и запасенной еще с Земли килькой в томатном соусе.

Внешний вид девицы, которая кокетничала с мальчиками из закуской, не оставлял никаких сомнений, что мотель посетила редкая еще в космосе путана. Заработки у них здесь были хорошими, но условия работы невыносимыми. Если кто пробовал заниматься любовью в невесомости, знает, какое это тяжелое и нудное занятие. Поэтому путаны продолжали обживать земные курорты, а в открытый космос выбирались редкие и не лишенные романтичности представительницы этой профессии. Правда, выглядели они довольно соблазнительно, и это надо было понимать — тот, кто нажил деньги каторжным трудом, не стремится легко с ними расстаться.

Но постепенно эта древнейшая земная профессия начинала обживаться и в космосе, даже появилась категория маршрутных путан, готовых за хорошее вознаграждение разделить с астронавтом все тяготы длинного и однообразного пути.

Девике было около двадцати пяти лет. Это была стройная и высокая блондинка в обтягивающем комбинезоне со смелым декольте.

Поймав взгляд Басова, она обещающе улыбнулась.

Разумеется, Басов насчет своей внешности не обманывался, внешность у него была совсем не такая, на которую были падки девицы, но, судя по окружению, определенные шансы у него были. Инженера в расчет можно было не брать из-за его скарденности, кладоискатели были явно стеснены в средствах, попавшие в шахтеры мальчишки были еще слишком молоды, чтобы думать о любовных приключениях на орбите, а обслуживающий персонал забегаловки путана, надо было думать, уже перебрала, да и глупо девице было надеяться на то, что с ней станет рассчитываться постоянный персонал станции.

Опытным взглядом Басов отметил, что ни одного настоящего пространственника за столиками нет.

Его спутники уже сделали заказы и теперь с интересом наблюдали, как с кухни к ним летит официант с магнитным подносом, на котором громоздились тубы и затянутые пищевым пластиком тарелки с гамбургерами. Официант был бывалый — в одной руке он держал поднос, а пальцами другой ловко шевелил, направляя свой полет.

— Не занято? — услышал Басов над ухом и краем глаза увидел уже знакомое декольте.

Как он и ожидал, голосок у путаны был с легкой приятной хрипотцой. Именно такие женские голоса на Басова действовали неотразимо.

6

— Ну, че ты суетишься? — лениво сказала Диана. — Не сопрут твой корабль. Поспи немного...

Она сладко зевнула, неосторожно повернулась и воспарила над гостиничной кроватью.

Басов осторожно привлек ее обратно.

— Недавно в космосе? — поинтересовался он. — Смотрю, милая, лонжами ты пользоваться не умеешь. Ты на станции работаешь или вольная охотница?

— Я — путешественница, — зевнула Диана. — Полетела к парню своему на Венеру, да так и застряла в космосе.

Придерживаясь за Басова, она осторожно спустила свои стройные ножки на пол и торопливо сунула их в башмаки пилота. Башмаки были на магнитных подковах, поэтому Диане не угрожала опасность воспарить еще раз. Тяжело и неловко передвигая ноги, Диана вышла в коридор, гулко ударившись ботинком о переборку.

Басов подождал, пока путана справит свои нехитрые дела и вновь уляжется в постель, привычно воспарил и подлетел к большому круглому иллюминатору.

В иллюминатор был виден серп Земли и яркий цилиндрик заправочной станции. Около станции, лихорадочно помигивая бортовыми сигнальными огнями, выполняли маневры заправляющиеся корабли.

— А вы далеко лыжи наострили? — хриповато поинтересовалась Диана.

— Далеко, — сказал Басов. — Что, с нами захотелось прокатиться?

Диана подумала.

— А че? — сказала она, — Я не против. Все равно тут одни козлы собрались, кредитной карточкой лишний раз не помажут. Да и задолжала я здесь одному... Если нормально отбашляешь, чего бы мне с тобой не слетать!

Басов усмехнулся, погладил гладкое бедро женщины.

— И даже не спросишь куда?

Диана зевнула, лениво шлепнула по руке Басова и неторопливо потянула на себя простыню. Вообще-то всю ночь они развлекались в спальном мешке, пристегнутом к кровати. Пусть тесно, зато удобно.

— Диан, — спросил Басов, неторопливо облачась в комбинезон. — А в космосе ты чего задержалась? Мужика на Венере не нашла?

— Как же, найдешь там, — хриповато отозвалась путана. — Это только по книгам Венера — богиня любви. А на самом деле они же там в шахтах работают, на Урановом Эльдorado, знаешь? В общем, все они там... ну не нужны им бабы, вообще им уже никто не нужен. Сидят в своих куполах и виски хлещут. А то еще самогонку из клетчатки гонят. Нет, ты мне скажи, Ник, ты серьезно хочешь, чтобы я в твоём эскорте была? Мне один черт здесь делать нечего. Только попутчики у тебя странные, один на дьявола чем-то похож, а другой на мафиозо. Если они ко мне приставать будут, никуда я с вами не полечу!

Басов неторопливо застегнул ботинки, сразу почувствовав устойчивую уверенность, ухмыльнулся:

— А вот вернусь, девочка, и поговорим!

7

Очередь на орбитальной заправочной станции двигалась неспешно. И неудивительно — около заправки народ маневрирует медленно, все осторожничают, поэтому стыковка и заправка топлива или окислителя требует определенного времени.

Из-за этого эфир постоянно засорялся посторонними радиопереговорами. Одни пилоты переругивались меж собой из-за очередности стыковки с заправочной, другие делились информацией о сложившемся положении вещей, третьи рассказывали друг другу анекдоты. Анекдоты были с бородой, откуда свежим взяться, если рассказывавшие их пилоты года по полтора на Земле не были?

А вот пространственные новости послушать стоило.

Басов встал в очередь, потеснив небольшой скоростной ракетоплан, включил автопилот и принялся слушать радиопереговоры.

— ...тяжелой воды, — жаловался кто-то. — Из-за этого торчал у Марса почти два месяца.

— Надо было рискнуть, — наставительно сказал собеседник.

— Тебе легко говорить, Сун, — занял марсианский сиделец. — Все-таки есть незнакомые мне приемы...

Басову этот профессиональный разговор был неинтересен. Треп, на который жалко тратить время.

Он включил автонастройку.

— ...в общем, с помощью кувалды и такой-то матери мы закончили ремонт и пошкандыли на Япет...

— ...Я не пойму, — горячился обладатель мощного радиопередатчика. — Ионники у них курам на смех. А гоняют по системе так, что не угонишься. Нет, ты, Ричард, сам прикинь, меня они у Меркурия обошли, как стоячего! Разве так бывает?

— В мире все бывает, — флегматично и сипло отозвался собеседник.

Опять захрипел эфир, потом, медленно наполняясь сочностью и обертонами, рубку заполнил красивый баритон:

— Сижу в кабинете, а в соседнем мужика колют. Слышу, спор стоит. Задержанный, значит, доказывает, что ни о какой контрабанде и речи быть не может, поскольку в накладной указаны спиртометры, а не вечные двигатели. Следовательно ему отвечает: да какие же это спиртометры, когда и так видно, что вечные двигатели. Какой дурак эти ваши спиртометры фреоном заправлять будет! И потом — кому в открытом космосе столько спиртометров понадобится может?

«Я грузы вожу по накладным, а не по внешнему виду, — нахально отвечает задержанный. — А что касается, кому мой груз понадобится мог, то в накладной все указано, фирма «Протыриус», место регистрации Марс, место нахождения — спутник Урана Европа».

«И документы ваши безграмотно оформлены, — говорит следователь. — И фирма «Протыриус» никогда на Земле не регистрировалась, и Европа никогда спутником Урана не

являлась, она вокруг Юпитера обращается со дня сотворения мира!»

Басов вздохнул.

Вот она, жизнь пилотская! Сегодня ты свободной кометой по Вселенной мчишься, а завтра в камере лунной колонии сидишь. Знакомо, все Басову было знакомо, с таким хозяином, как Анзор Бедоевич, с чем только не познакомишься. Даже по накладным этой самой фирмы «Протыриус» приходилось гелий на Меркурий возить. Еле ускребся тогда после неожиданного взрыва на Солнце. Протуберанец до самой Луны задницу «Генацвали» облизывал, Басов уже и молиться стал на портрет Гагарина в красном углу. То ли Юрий Алексеевич действительно помог, то ли протуберанец угас, только все для Басова и его корабля закончилось благополучно. Правда, садиться пришлось уже на ручном управлении. Корабельный компьютер от активности солнечных электронов спятил и как запел у самого Меркурия старинный «Гимн восходящему солнцу», так и до самой ремонтной мастерской не заткнулся.

Стоп, а вот эта информация Басову уже была интересна. Он прислушался к хриплому голосу, выдававшему опыт говорившего и налет им не одного миллиарда километров.

— ...По трассе не ходи, — объяснял кому-то обладатель лучевого ларингита. — Траектория там хорошая, спору нет, и разогнаться можно прилично. Только вот у астероидов, где самое месиво, они «лежачего полицейского» поставили в виде уплотненной гравитации. Чтоб, значит, никто мимо патрульной станции на скорости не проскочил. Еле продрался... половину массы потерял, груз к чертовой бабушке... Записывай координаты, Ион!

Вот спасибо! Басов эти координаты тоже с удовольствием записал. Вот уж действительно, не знаешь, где найдешь, а где потеряешь!

Так же неожиданно для себя он получил карту патрулей на ближайшие три месяца, и совсем уже подарком была информация о засадах космишников у пояса астероидов. Ради этого можно было поболтаться у заправочной станции и неделю.

Профессионально стыкуясь с заправочной станции, приветливо помаргивающей ему зелеными огоньками, Басов неожиданно подумал: может, в самом деле, взять Дианку с собой?

Рейс предстоял длинный и скучный, путанка вполне могла бы скрасить басовское одиночество, тем более что на разговорчивость спутников, как Басов уже успел убедиться, рассчитывать не приходилось.

8

Когда ускорение заканчивается и планетолет выходит на инерционную орбиту к ближайшему небесному телу, чтобы под воздействием гравитационных сил системы устремиться дальше, начинается скука и рутина. Можно, конечно, каждый день проверять исправность узлов и блоков, но кто же это станет делать? А вести научные наблюдения было бы уж совсем глупо, не для того ты в космос летел, и без тебя хватит людей, которые эту самую науку двигают.

Вот и возникает извечный вопрос: что делать?

Вопреки всем представлениям о героических буднях астронавтов, Басов коротал время, играя в карты с путаной. Сопровождавшие груз Степаныч и Жорик из своей каюты не показывались, но, судя по сообщениям бортового компьютера, тоже не теряли времени даром — резались с этим компьютером в «Космическое вторжение». Как это ни странно, более сообразительным себя показывал Жорик — он был уже на шестом уровне, в то время как Степаныч безнадежно застрял на третьем. Это при том, что Жорик играл обычным космонавтом, которому приходилось полагаться только на возможности корабля, а Степаныч играл ученым-физиком, который использовал некоторые хитрости, недоступные простым пилотам. Что ж, каждый тратит время как может.

Басов играл в карты.

Говорят, что голая женщина интеллигентной не бывает. А умной?

К началу второго месяца полета Басов продул ей все планеты Солнечной системы, и они начали играть на астероиды, благо справочник с основными характеристиками и координатами на корабле имелся.

— На Веспу будем играть? — заглядывал в справочник Басов. — Нормальный астероид, говорят, на нем даже золото есть...

Диана капризничала.

— Ну, вы, мужики, и бабники! У вас все астероиды женские имена имеют!

— Я-то здесь при чем? — пожимал плечами Басов. — Ты, Дианочка, не по адресу наезжаешь, это астрономы балуют. Будешь против Веспы Меркурий ставить?

На Икар они уже играли, надо сказать — неудачно для Басова.

— Не хочу на бабу! — тянула свое путанка. — Хочу на мужика!

Басов поднял на нее просветленные глаза.

— О! — сказал он. — Можно сразу на двух сыграть! Малая планетка 3054 Стругацкие, названа так в честь знаменитых писателей-фантастов, свидетельство выдано в одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году. Ты как, Диан?

— Сдавай на фантастов, — согласилась путанка. — Я против них Марс поставлю!

— А почему Марс? — удивился Басов.

— А откуда к нам марсиане прилетали? — загадочно хихикнула спутница.

Николай Басов и не подозревал, что ставит на кон писателей, прозорливо угадавших, как он будет мучиться с безделья во время многомесячного полета на космическом корабле. Правда, у фантастов капитан корабля читал журналы, во времена написания книги картежные игры считались предосудительным делом. Им и за журналы от критиков досталось. По мнению критиков, командир корабля должен был не журналы читать, а круглосу-

точно радеть об исправности корабля, безопасности пассажиров, а в оставшееся для сна время заниматься научными наблюдениями за видимыми звездами. Критики, как это обычно случается, были дураками, а фантасты оказались прозорливыми людьми. Однако разыграть знаменитостей прошлого века Басов с Дианой и не успели, в динамиках внутренней связи зашуршало, и компьютер сухо пригласил Николая в рубку управления.

Басов удивился.

Трасса была безопасной, он сам ее рассчитывал с учетом карты патрулей и данных о возможных опасностях. По его расчетам, впереди не могло быть ничего опасного.

В рубке управления его ждало жестокое разочарование.

На обзорном экране высвечивалась знакомая хищная рыба патрульного корабля. И не простого катера — эсминца дальнего радиуса висел в пространстве, а антенны «Генацвали» уже принимали приглашение капитану корабля прибыть на борт эсминца. Вежливое, но сухое приглашение более напоминало приказ.

И еще одно потрясение ожидало Басова — журнал посещений компьютера свидетельствовал, что корабельной радиостанцией кто-то дважды пользовался без его ведома.

Обдумать это Басов не успел, следовало поторопиться на борт эсминца. Космишники, как всякие наделенные властью люди, ждать не любили.

9

Космишник сидел на станции и не отрывал взгляда от компьютера. На вплывшего в рубку Басова не обратил внимания. Грозно сопя, он бил толстыми и непослушными пальцами по клавиатуре и шептал:

— Не уйдешь, мой хороший... Куда? Не-ет, здесь ты у меня не проскочишь, здесь я тебе все минами перегородил. Вот та-

ак... Давай, давай, выбрасывай сигнал бедствия, ты у меня уже года на три лишних набегал... Куда! — неожиданно взревел он и досадливо грохнул кулаком о пластиковую поверхность стола. — Ушел... Ну, зараза!

Басов подошел ближе.

Нет, космишник не был занят каким-то важным делом, на дежурстве в открытом космосе он увлеченно резался в «Космических ментов».

Судя по его недовольному виду, от космишника опять только что ушел на своем корабле неуловимый контрабандист Хан Соло. Бесполезно было с этим бороться, некоторые даже пробовали отключать Хану Соло гиперскорость в опциях и все равно в самый последний момент, когда к кораблю контрабандиста уже тянулись торжествующие магнитные захваты патрульного катера, «Солнечная сестра» уходила в подпространство.

Басову рассказывали, что разработчики игры специально вставили этот ход в игру, чтобы досадить хакерам и космическим патрульным, которым, по мнению разработчиков, игра не могла не понравиться. Ход был беспроигрышным — над тем, как захватить неуловимого контрабандиста, ломали голову многие и, говорят, даже сошел с ума один большой чин из Космической инспекции.

Хмурый и недовольный вид говорил о том, что дежурный патрульный был занят тем же, что и его начальник, — потерпев поражение, он начал игру сначала.

— Слышь, мужик, — наконец обратил он внимание на Басова. — Как твоя посуда называется?

Басов вздохнул. «Начинается...» — печально подумал он.

Космишник повернулся к пилоту. Вид у него был озабоченным.

— Братан, — уже просительно сказал он. — Видишь, какая штука... Уходит, зараза! Я уж и так, и эдак... У тебя кода на этого Ханса Соло нет?

— Да, говорят, его вообще не существует, — честно признался Басов.

Космишник погрозил ему пальцем. Словно тубу с сублимированным борщом показал. Настроен он был благожела-

тельно и всем своим видом показывал, что благожелательность эту нарушать не следует.

— Тебя как зовут? — поинтересовался он. — Коля? Значит, так, Коля, ты мне код, а я тебя отпускаю не шмоная, ага? Нет кода, будет тебе проверка по всей строгости закона. Реактор твой не фонит... Если поискать, еще что-то найдется, а?

— Командир! — почти взмолился Басов. — Да откуда у простого пилотаги код, который жаждет получить полсистемы? Давай разойдемся красиво, я сделаю так, чтобы тебе космическое одиночество скучным не показалось, ты сделаешь вид, что меня не видел... Идет?

Космишник, пользуясь невесомостью, подлетел ближе.

— Один летишь? — поинтересовался он.

— Два пассажира, — сказал Басов. О Диане он предусмотрительно промолчал, кто же в начале игры козыри из рукава вынимает? Хоть и плохим игроком был Басов, а правила знал твердо.

— Тогда у своих пассажиров спроси, — заявил космишник. — Может, кто-то из них знает!

С такими упертыми Николай Басов уже встречался, и не раз. Уныло пожав плечами, он достал сотовый видеофон и набрал номер каюты пассажиров.

— Откуда? — сказал Степаныч, возмущенно задирая брови. Лицо его собралось в гармошку. — Чего он выделывается, пусть берет по счетчику и все дела!

— Предлагал, — вздохнул Басов. — Ему код нужен!

— Код, говоришь? — Как-то незаметно Степаныча оттер в сторону его неразговорчивый спутник. Некоторое время Жора листал свою записную книжку, потом посветлел лицом и сказал Басову: — Записывай! NBI THE SPEISLITL и потом два раза табулятор нажать... Капитанский капкан называется... Записал? Текст набирать обязательно большими буквами и с интервалами...

Космишник, сопя, записывал.

— Так я пошел? — уныло спросил Басов.

— Попробуем! — уже не обращая на задержанного ни малейшего внимания, сказал патрульный, плотоядно шевеля тол-

стыми губами. Понятное дело, куда Басову на своем корыте от его эсминца деться?

Вернувшись в пилотское кресло, Басов неторопливо отошел от патрульного эсминца, маневрируя, вышел на стартовую директрису и на посадочных отошел подальше, чтобы, не дай бог, посудине космишника полированную шкурку не попортить.

Жорик, шумно вздыхая, стоял у него за спиной.

— А теперь ходу, братила! — сказал он, жарко дыша в спину Басова. — Ходу, пока он не прочухался!

— Так ты ему фальшивый ключ дал? — сообразил Басов и приуныл. — Это ты, Жорик, зря. Нам от него один хрен не уйти. Поймет, что уже не догнать, — гравизамедлителем остановит.

— Остановит, — хмыкнул Жора. — Ему сейчас не до нас станет. Как только он пароль наберет, все содержимое его компов посыплется. Одна забота будет — до базы доскрестись.

Час от часу не легче! Басов почувствовал холодок в желудке. Подкинуть патрульному вирус! До такого только такие, как Жорик, додуматься могут. Конечно, чего им мозгами раскидывать? Они ведь в системе временные, им права беречь не приходится.

Басов только прикинул последствия неразумного поступка Жорика, и ему захотелось взвыть от отчаяния.

10

Погони за ними, разумеется, не было, но это еще ничего не значило. Басов утешал себя одной мыслью, что номера его «Генацвали» на компьютере патрульного эсминца не сохранилось, а сам космишник его, конечно же, не запомнил. Слишком уж другим занят был, не терпелось ему с Ханом Соло поквитаться. Хотелось по крайней мере на это надеяться.

Несколько миллиончиков километров Басов все-таки срезал. Воспользовался расчетами по Лобачевскому, и все получилось как нельзя лучше. Риск, конечно, но в космосе кто не рискует, тому не пить земной родниковой воды.

Пришлось, конечно, повозиться, чтобы подделать дату старта и бортовое время, но овчинка выделки стоила, не пойдя Басов на подлог, париться им до Марса еще два месяца. А так через сутки уже прямо по курсу красным полумесяцем повис Марс с белесыми точками спутников над его поверхностью. Если бы всю дорогу «Генацвали» шел с ускорением, то и тормозить при подлете к Марсу пришлось бы едва не полгода. Да еще приплюсуйте сюда время, затраченное на маневрирование, чтобы выйти на постоянную орбиту. А тут скорость не превышала десяти тысяч километров в час, и до Марса оказалось рукой подать. А раз нет долгого торможения, то выгода налицо. По всем расчетам получалось, что лететь до Марса в режиме торможения чуть более суток. И то только для того, чтобы подозрения не вызвать своей прыткостью.

«Генацвали» торможения пока не начинал, и на корабле царила невесомость. Поэтому Жорик в рубку неуклюже приплыл, безуспешно пытаясь натянуть стоптанные в задниках кроссовки.

С трудом забравшись в кресло, Жорик зачарованно разглядывал красный полумесяц Марса. Тут и гадать не стоило, сразу было видно, что в дальнем космосе Жорик был впервые.

Жорик ткнул в обзорный экран толстым негнушимся пальцем.

— Марс... — зачарованным голосом сказал он. — Во, блин, дела!

Он с надеждой посмотрел на Басова.

— Садиться будем?

В планы Басова это однозначно не входило. Сейчас было куда более спокойно за Кольцом. Забраться за астероиды и забыть о последних событиях, как о страшном дурном сне.

Космишники обычно сидят на оживленных трассах, для них пространство за кольцом вроде проселочной дороги: караулить там — только время терять. А всем известно, что для космишника время — деньги.

— Жаль, — по-детски огорчился Жорик. — А я, блин, думал, что на Олимп посмотрю, у трех Гарпий сфоткаюсь! Ладно. — Он безнадежно махнул рукой. — Другим разом тогда...

Но по расстроенному лицу его было видно, что в другой раз Жорик не особенно верит. Он еще раз бросил печальный взор на экран, где в непосредственной близости от «Генацвали» плыл багровый серп Марса. Басов решил еще немного сэкономить на горючем и скорректировал курс корабля так, чтобы получить от планеты максимальное ускорение. На экране рядом с полумесяцем появилась небольшая белая точка — Фобос совершал свой очередной оборот вокруг своего сюзерена.

Шаркая башмаками с магнитными подковками, в рубку вошел Степаныч. Морщинистое лицо Степаныча отливало желтизной и было кислым, словно последнее время его обладатель питался исключительно лимонами.

— Предчувствия у меня нехорошие, — пожаловался он вместо приветствия. — Матушка снилась, все волновалась, что в дорогу пирожков не напекла!

— Сны у тебя, Степаныч, — встревоженно сказал Жорик. — Ты вспомни, что прошлый раз было, тогда тебе тоже матушка все снилась!

Степаныч зевнул, стеснительно прикрыл рот рукой и тоже посмотрел на экран.

— Марс, значит, — без выражения сказал он. — Бог, понимаешь, войны. Похоже, скоро на месте будем?

— Как повезет, — осторожничая, сказал Николай Басов. — Сам понимаешь, с нашими заморочками трудно сказать, где завтра будешь — в месте назначения или в камере лунной колонии. Теперь не дай бог тому космишнику под горячую руку попасть — схарчит и не подавится.

— Ты уж, Коленька, постарайся, — косо глянул на него Степаныч. — Нам в лапы закона попадать ни к чему, нам он мешает, и что характерно — не любит.

Басов воспрянул.

Появилась естественная возможность узнать, что именно находится в трюме «Генацвали». Он вообще считал, что теперь уж от него таиться просто глупо. Все они, как говорится, в одной упряжке были.

Однако Степаныч от ответа на вопрос уклонился. Недоброжелательно глянув на сгорающего от любопытства Басова, собеседник пилота лишь погрозил ему сухим указательным пальцем.

— Девица твоя где? — поинтересовался он.

— Спит, — коротко и недовольно сказал Николай.

Видал он таких! Они, значит, в тайны играть будут, а он им душу свою распахивай. Ждите, разбежался!

Не обращая внимания на его недовольство, Степаныч еще раз посмотрел на красный серп Марса, рядом с которым сейчас белело сразу два спутника — Деймос тоже обогнул планету.

— Не нравится мне все это, — с явным огорчением пробормотал Степаныч. — Баба на корабле, а тут еще и матушка со своими пирожками...

11

Пояс астероидов выглядел красочно — широкая сверкающая лента пересекала черное космическое пространство, где-то вдалеке светилось туманное пятнышко Юпитера, да и Марс маленьким красным серпом все еще светился в стороне от корабля. Миллиарды мелких и крупных обломков — то ли остатки бывшей планеты, то ли кладбище нерожденного мира —

вращались по странной орбите, отделяя мелкие планеты внутреннего периметра от своих гигантских собратьев.

— Красиво, — сказала Диана, глядя на экран. — Прямо бриллиантовое кольцо. Представляешь, Колечка, сколько бы такое кольцо стоило?

Басов представлял.

Диана вытянула длинные стройные ноги, закидывая их на панель пульта управления.

— Ты грабками осторожнее шевели, — лениво сказал ей Басов. — Нажмешь что-нибудь, унесет нас всех к чертовой матери, ни один спасатель не найдет.

Разумеется, он врал. Система управления была надежно заблокирована от дурака, страховка предусматривала все случаи, включая и такие помехи, как длинные и стройные женские ноги. Но Диане об этом знать было не обязательно, а порядок в рубке был для всех один — и для капитана, и для генерального секретаря ООН, вздумай тот полюбоваться звездами.

Диана фыркнула, но ноги с пульта управления сняла. Вообще-то на путану она была не слишком похожа. В долгой своей космической жизни Басов путан повидал и мог сказать, что космические девицы, обладая определенным интеллектуальным уровнем и владея курсом физики в объеме средней школы, были довольно вульгарны и бесцеремонны. И это было понятно — все же не только тело свое попутчику отдавали, но и рисковали с пилотами наравне.

В Диане проглядывала воспитанность. Но Басов над этим не особо задумывался. Мало ли чем девица занималась, прежде чем на орбите осесть? Не его это дело. Сложившиеся взаимоотношения Басова вполне устраивали, тем более что Диана в его дела не лезла, постельные обязанности выполняла свято и даже с некоторым непонятным Басову азартом, да и поговорить с ней было о чем. Это тебе не Степаныч со своим Жориком — те слова не скажут, не подумав над вопросом несколько минут. Причем Степаныч явно размышлял над теми подвохами, которые вопрос мог бы скрывать, а Жорик молчал из-за того, что осваивал вопрос, делая его доступным для своего понимания.

Теперь у Басова было время поразмышлять о двух выходах в эфир с корабельной рации. Себя он отмел сразу, после некоторых раздумий освободил от подозрений Диану — с чего бы это путане в эфир выходить, с кем ей разговаривать. Быковатый Жорик тоже отпадал. Оставался Степаныч. Но с какой стати ему было выходить в эфир, не поставив об этом в известность Басова? Нет, не нравился командиру «Генацвали» этот рейс на Лиситею, совсем не нравился.

В тайны играют лишь дураки и преступники. Дураками своих пассажиров он назвать не мог. Что же тогда оставалось?

— Коля, а на кой черт вам эта Лиситея сдалась? — спросила Диана. — Ты же пилотяга, вы ведь бабки на транзитах зашибаете, чего ж тебя понесло непонятно куда? Туда ведь и рейсов систематических не бывает.

Басов промолчал. Не мог же он сказать звездной девочке, что сам над этим голову ломает уже второй месяц? Стыдно было признаваться в том, что его самого за дурака держат и в детали рейса не посвящают. Более того, он даже не догадывался, что именно они везут на Лиситею. Степаныч на вопросы только щурил и без того узенькие глазки, а Жорик на прямой вопрос ответил с подкупающей простотой:

— Ты, Никола, голову не ломай. Те, кто много знает, они, конечно, умные очень, да вот беда — живут недолго. Был один до Христа, не помню, как его звали. Так он, братила, метко заметил: в многих знаниях — много печалей, а то и скорбь всеобщая наблюдается. А тебе оно надо, чтобы по тебе люди скорбили?

Басову всеобщая скорбь по себе, любимому, была абсолютно не нужна. Поэтому он почел за благо дальнейшие распросы оставить до более благоприятных времен.

Но всего этого он, разумеется, Диане рассказывать не стал, напустил на себя многозначительный вид и процедил, словно нехотя, в том смысле, что никогда не знаешь, где потеряешь, а где и найдешь. И, чтобы предотвратить дальнейшие совершенно ненужные вопросы, погладил женщину по гладкой ноге.

Вот уж исполнительный член команды — его намек Диана сразу же восприняла как призыв к действию.

У космонавта жизнь почти солдатская — космонавт, как говорится, спит, а служба идет. Главное, чтобы было с кем спать. Помнится, в конце века, учитывая, что космонавт — профессия сугубо мужская, предложили набирать пилотов из лиц, имеющих гомосексуальные наклонности. Может, так бы оно все и вышло, но тут в Международный центр астронавтики пришел начальником генерал Клемент — мужчина грубый, справедливый и насквозь гетеросексуальный. Вызвал он к себе умников и грубо этак в упор спросил их: «Вы что, хотите ведь космос педиками заселить?» Умники подумали, а ведь действительно, что же это тогда получится, и взялись за разработку гетеросексуальной космической программы. На кораблях, где в экипаж женщины не были включены, в обязательном порядке в комплект оборудования входили резиновые вагины и надувные Барби. Разгорячившиеся ученые умы предложили включить в оборудование кораблей вибромассажеры, но тут генерал Клемент снова вмешался. «А зачем?» — поднял он брови. Умники озадаченно переглянулись: «А действительно, зачем?» и дали отбой своим сексуальным начинаниям.

Басов в дальнем космосе не один год провел. Но, положив руку на сердце, мог смело признаться — ни одна надувная Барби в сравнение идти не могла с Дианой. Да даже не с Дианой, а с любой девицей, в жилах которой текла настоящая кровь.

12

Блуждать на орбитах вокруг гиганта — удовольствие невеликое. Вот тут уже необходимо мастерство проявлять. Допустить небрежность — будешь расплачиваться перерасходом горючего. Это в лучшем случае. В худшем придется сигнал бедствия подавать и ждать, когда спасатели придут. А если горючее израсходовано на ускорения и торможения, если его

не хватает на самое необходимое, то о бытовых удобствах и говорить не приходится. Это уж как водится — в каютах иней, сидишь на сухом пайке, через неделю уже кусок в горло не лезет, а о соблюдении гигиены и вовсе говорить не приходится. Душа нет, система самоочистки не работает, на корабле воняет аммиаком и фекалиями, а сам ты благоухаешь не хуже африканского аборигена, который всю свою сознательную жизнь проводит в буше. Басов это знал не понаслышке, ему самому в семьдесят четвертом пришлось четыре месяца дожидаться спасателей у Сатурна, все прелести походной жизни испытал — и более того, поэтому сейчас он рассчитывал курс «Генацвали» словно портной из Бердичева — мерил несколько раз, а отрезать вообще не торопился.

Тут уж было не до сна.

Для пассажиров, разумеется, ничего не изменилось, все мучения выпали, как водится, на долю пилота, капитана и штурмана, каковыми на «Генацвали» являлся один Николай Басов.

Несколько суток он не вылезал из рубки, предоставив пассажиров самим себе, а когда все-таки выбрался на свет божий, то в кают-компании происходило несколько неожиданное для него. Степаныч с пристрастием допрашивал путану. В роли пугала у него был Жорик, который время от времени сжимал кулаки, многозначительно щурил глаза и скрипел зубами, выпятив грозно нижнюю челюсть.

— Коль, чего они ко мне лезут? — воспряла духом Диана при виде пилота. — Достали уже своими расспросами!

— Кончайте, мужики, — мрачно сказал Басов. — Вам что, делать нечего?

— Пусть она сначала скажет, кто ее подослал, — недовольно сморщился Степаныч. — Какого хрена она в трюме лазила? Ишь любопытная. А любопытной Варваре... Это еще хорошо будет, если нос оторвут, могут ведь вообще придушить!

— А чего вы все темните! — с вызовом сказала Диана. — Блин, военная тайна, чего они везут. Темнят, темнят... Ну, я и решила посмотреть, что они там везут. А чего, нельзя?

— Был у меня один любопытный, — сообщил Степаныч, задумчиво морща лоб. — Жаль только, пожил недолго. Любопытство беднягу сгубило, все свой длинный нос в чужие дела совал!

В кают-компании царила невесомость, но всех спасала обувь на магнитных подошвах. Тем не менее движения у всех были неуклюжие и скованные, понятное дело, к невесомости еще привыкнуть нужно было.

Басов обходился без магнитной обуви, поэтому он медленно проплыл мимо пассажиров к свободному креслу, ухватился за его спинку руками и ловко втиснул тело в тренировочном костюме в кресло. Седалище его костюма, как и поверхность кресла, была выполнена из липучки, поэтому одновременно он закрепился в кресле — липучка держала нормально.

— Ну, что ты всполошился? — миролюбиво сказал Басов. — Бабы — народ любопытный, ну полезла Дианка одним глазком на ваши шмотки глянуть... Какая в этом беда? Она что, шпион марсианский, у нее где-то радиостанция спрятана? Кому она расскажет, если даже и узнает что-то о грузе?

Диана держалась вызывающе.

— Нужен мне ваш груз! — гордо сказала она. — Это они, Коля, с безделья мучаются, плохо им в Заземелье без баб.

— Во, стерва! — радостно удивился Жорик. — Да мне, если хочешь знать, бабы вообще не нужны. И Степаныч ими уже переболел, поняла?! А глазоньки свои настырные ты спрячь, я же их вырвать могу, любопытная ты наша!

Так. Бунт намечался на корабле. А если не бунт, то маленькие народные волнения.

— Диана, замолчи! — приказал он и повернулся к Жорику. — И ты тут тоже грабками не размахивай. Глазоньки он выдерет! Мне ведь тоже может надоест обормотов по космосу возить. Усекаешь?

Жора немедленно затих, только бубнил себе под нос, что некоторые на себя слишком много берут, незаменимых людей

у нас нет, а рейсы все когда-нибудь кончаются, но Басов его уже не слушал.

— Ну и что ты там увидела? — повернулся он к Диане. — Чего они от нас прячут так старательно?

Диана фыркнула.

— Ты не поверишь, — сказала она. — Нет, ты не поверишь, Коля. Они везут... яйца!

13

Вот тут Басов и понял, что влип.

Диане он поверил сразу. Ей смысла не было врать.

И сразу понял, что именно эти типы затеяли и чем лично ему, Басову, это может грозить. Пожизненным заключением это грозило ему в лунной колонии. Незаконное распространение жизни! Межгосударственный договор карал за это сурово. Стерильность планет Солнечной системы необходимо было соблюдать тщательно. В противном случае можно было получить такие мутации бактерий и микробов, рядом с которыми средневековые оспа и чума показались бы безобидными заболеваниями. Были прецеденты! Никто и никогда бы не пошел на то, чтобы умышленно распространить на каком-нибудь небесном теле подобие жизни. Это тебе не реактор без тяжелой воды запускать, не ядрами из пороховой пушки по метеоритам палить. Ясный месяц, что в трюме были не обычные яйца, а геноизмененные. Он повернулся к Степанычу.

Тот живо и выразительно шевелил губами, срывая с лица морщинистый пластик. Собственно изменений особых не произошло — под пластиком оказались все те же старческие щеки, только вот лоб, изрезанный глубокими морщинами, стал повыше, глаза побольше, нос изменил свою фор-

му, губы стали потолще. Перед Басовым сидел профессор фон Брегманн, лауреат Нобелевской премии в области биометастики за прошлый год. Николай узнал его сразу, слишком часто портреты профессора появлялись в прессе, слишком много шума было в последнее время вокруг его открытий. А замаскировался так, что от какого-нибудь космического снабженца не отличить!

Он глянул на Жорика. Жорик продолжал что-то бормотать о пилотах, которые мнят о себе бог знает что да еще в дальние и опасные рейсы берут всяких шлюх, через которые и случаются разные неприятности, не зря же академику матушка снилась с ее пирожками, через эту матушку все и пошло кувырком...

— А ты чего сидишь? — удивился Басов. — Если уж академик саморазоблачился, то тебе сам бог велел.

— Бога нет, — оборвав свою бесконечную тираду, заявил Жорик. — А саморазоблачаться мне незачем, роботам это ни к чему.

— Биологическая думающая машина второго поколения, — высокомерно сказал фон Брегманн, пожевал старчески губами, подумал немного и добавил: — Почти человек.

— Ясно, — задумчиво сказал пилот. — Хорошо еще вовремя все выяснили.

Он посмотрел на женщину.

С путаной тоже произошли определенные изменения. Нет, внешне Диана оставалась все той же очаровательной блондинкой со стройной фигурой, красивой грудью и длинными ногами. Изменения произошли чисто психологического характера. Вместо молоденькой дурочки, космической «плечевой», прожигающей жизнь в обществе пилотяг, в кресле сидела уверенная в себе женщина, при виде которой сразу становилось понятным, что даже не женщина это сидит, а представитель закона, наделенный правами карать и миловать.

В руке у Дианы был небольшой, но весьма эффективный «сонник». По тому, как женщина его держала, сразу было вид-

но, что пользоваться этим устройством женщина умеет хорошо и не замедлит воспользоваться, если такая необходимость неожиданно возникнет.

— Лейтенант Комитета Галактической Безопасности Диана Римонайте, — поймав взгляд пилота, представилась она. — Надеюсь, никому не надо объяснять, что вся компания задержана?

Басову объяснять ничего не надо было. Это он поторопился внести в некоторые вопросы ясность.

— Я тут не при делах, — сказал он, стараясь не смотреть на женщину. — Сам был обманут, вам же это хорошо известно.

— Я знаю, Коля, — с мягкими нотками в низком голосе сказала женщина. — В моем рапорте все будет подробно отражено. Надеюсь, что мои показания суд примет во внимание.

— Так, — профессор откашлялся, — и давно вы меня ведете?

— С самой Швейцарии, — любезно сообщила прекрасная представительница КГБ.

— А зачем вся эта комедия? — сухо спросил Брегманн. — Почему вы меня не арестовали еще на Земле? Зачем вообще в космос выпустили?

Диана обворожительно улыбнулась.

— Надо было выяснить, есть ли у вас сообщники, — сказала она. — Да и местонахождение вашей лаборатории мы только на прошлой неделе установили. Сами понимаете, вы ведь величина, вас просто так брать нельзя было, надо было собрать весомые доказательства вашей вины. Думаете, я поверила, что вас так увлекают компьютерные игры? Ваш робот играл за двоих. А чем занимались вы?

Басов медленно приходил в себя.

Все постепенно сходилось. Это он, идиот, думал, что маршруты космишников ему случайно достались, на самом деле их ему просто подсунули! И кто рацией пользовался, тоже

стало понятно. Ах зараза, обвела вокруг пальца! Это уж Басов для самоуспокоения подумал. На самом деле он отлично понимал, вокруг чего его обвела обворожительная лейтенантша. Чувствовал же, чувствовал! Путаны, они ведь не такие. Басов едва не застонал, вспоминая свои прегрешения, о которых стало известно офицеру госбезопасности. На полновесный лунный червонец эти прегрешения тянули. Как же, прислушаются в суде к ее доводам! Отмотают на всю катушку!

Он посмотрел на Диану тоскливыми ожидающими глазами, но ничего не сказал, только вздохнул. Все-таки хороша она была в постели, чертовски хороша!

Брегманн почесал лысину.

— И последний вопрос, — сказал он. — А если бы вас, мадам, Басов не взял? Что тогда?

Диана засмеялась.

— Нет, профессор, — сказала она. — Вы как маленький. Как бы он меня не взял? Ну, вы сами посудите, рейс дальний, скучный, вы как собеседники для него никакой ценности не представляете... И ведь к тому же Коля мужик интересный...

Что? Николай Басов даже приосанился немного. Горькая пилюля была в красочной обертке. Ах, Диана, Диана! Но ведь права она была, космос Басова возьми. Так ведь он тогда и посчитал. Содержательных бесед он от попутчиков действительно не ожидал, а тут как раз девочка во всех отношениях приятная подвернулась! Теперь Басов хорошо понимал, почему он Диане в карты постоянно проигрывал. Насквозь она его видела.

— Ясно, — сказал Брегманн. — Но вы, уважаемая, не приняли во внимание одного существенного обстоятельства.

Улыбочка у профессора была прямо-таки Мефистофельская.

— Я же говорил вам, что Джордж — биологическая думающая машина второго поколения, — хихикнул Брегманн. —

Почти человек. Но все-таки не человек. Джордж! — повысил он голос, и Басов непроизвольно посмотрел на Жорика. То, что он увидел, потрясло его в буквальном смысле этого слова. Похоже, Диана тоже оказалась неподготовленной к увиденному.

Голова Жорика лежала на столе, глупо улыбаясь. На толстой шее робота торчала странная рогулька, с которой на присутствующих взирали ясные Жорины глаза. Чуть ниже, целясь прямо в Диану, торчал ствол электроразрядника.

— Все в порядке, — сказал робот. — Ситуация под контролем, профессор. Я держу эту сучку под прицелом.

Диана закусила губу и с видимой досадой бросила «сонник» на пол.

Брегманн неторопливо наклонился, подобрал «сонник» и сунул его в карман комбинезона.

— Вот так-то, милочка, — покровительственно сказал он. — Всегда выигрывает тот, кто мыслит нестандартно. Вы, конечно, умны и добросовестны, дорогой мой лейтенант, но, как видите, я принял меры предосторожности, и они оказались как нельзя более кстати.

Он встал, довольно потирая руки, бросил на Басова взгляд, полный превосходства, и хмыкнул:

— Ну-с, приятель, теперь ваша очередь, готовьтесь к посадке на Лиситею.

Басов засмеялся.

— Вряд ли вы заставите меня это сделать, — сказал он. — Я, конечно, люблю деньги, но не до такой степени, чтобы ставить на кон собственную свободу.

Теперь засмеялся Брегманн.

— Ох уж эти космические герои, — проворчал он. — Я понял так, что вы не хотите сидеть в тюрьме? Ваше право. Но если вы не желаете ставить на кон свою свободу, неужели вы рискнете двумя жизнями? Я не сомневаюсь, Басов, что вы герой, но девушка! Неужели вы не пожалеете той, что подарила вам столько приятных минут?

14

Тут он Басова, конечно, качественно подсек.

Один бы Николай еще побарахтался, потянул время. Но рисковать женщиной, пусть даже та совсем неожиданно для Басова оказалась сотрудницей одиозной организации, о которой среди пилотов вспоминать было не принято, Николай не хотел. Да и пылких объятий лейтенанта Дианы Басов еще не забыл.

Поэтому он только плюнул с досадой и отправился в рубку управления кораблем. Брегманн ему, разумеется, не особо и доверял, поэтому они с роботом сразу же разделились — Жорик остался охранять Диану, а профессор Брегманн отправился в рубку, чтобы лично проследить за Басовым и не дать ему выкинуть какой-нибудь не особо приятный фокус.

В посадке на спутник Юпитера не было ничего сложного.

Басов притер «Генацвали» к относительно ровной поверхности ледяного поля близ темных скал, на которые ему указал Брегманн.

— Басов, — сказал Брегманн. — Ну что же вы такой мрачный? Улыбнитесь! Все-таки вам предстоит присутствовать при историческом событии!

— И кого вы собираетесь выпустить на поверхность Лисити? — поинтересовался Басов. — Орлов? Крокодилов?

Брегманн вглядывался в снежную поверхность спутника Юпитера.

— Все нормально, — сказал он. — Инкубатор на месте...

Повернувшись к Басову, он рассеянно сообщил:

— Зачем же крокодилов? Это, Басов, будут гордые птицы. Они заставят всех вспомнить сказки из «Тысяча и одной ночи». Представляете, размах крыльев — двадцать метров. Настоящие птицы Рух!

— И что они здесь будут жрать? — спросил Басов, мрачно глядя, как компьютерные системы «Генацвали» готовят к работе шлюз корабля. — У таких птичек и аппетит должен быть соответствующий. Да и дышать им надо, а на Лиситее, как я помню, атмосфера из метана.

— А это моя гордость, — вздернув подбородок, сообщил Брегманн, рассеянно поигрывая «сонником». — Питания им не нужно, белок и углеводы они синтезируют прямо из местной атмосферы, дыхание тоже соответствующее — я полностью изменил метаболизм птиц.

Он подумал.

— Никто не узнает в них простого американского кондора, — гордо сказал он. — Представляете, сколько времени я провел в горах, чтобы собрать необходимый генетический материал, а также заставить птичек нести геноизмененные яйца? А ведь это еще была не самая главная проблема, проблема заключалась в том, чтобы собрать яйца и сделать это незаметно от кондоров и представителей охраны национальных заповедников!

— Да зачем вам это? — удивленно вскричал Басов. — Вы же знаете, что бывает за незаконное распространение жизни! Ведь пожизненное дадут, не меньше. Я понимаю, вашему роботу все равно, где существовать, для него понятий о воле и неволе не существует. Но вам ведь не хочется провести остаток дней в лунной колонии? Вон уже и органы вами заинтересовались!

Брегманн продолжал играть «сонником». Басов мог рискнуть, от профессора его отделяло всего два с половиной метра, при удачном раскладе пилот легко мог бы завладеть оружием. Но суперменом Басов себя не чувствовал, а действие «сонника» он уже однажды испытал, и приятных воспоминаний это у него не оставило. Поэтому Басов и решил, что напрасно рисковать не стоит. Хорошо, что противник разговоры ведет, планов своих не скрывает.

А Брегманн их действительно не скрывал.

Выяснилось, что он Лиситею у ООН выкупил на свою Нобелевскую премию. Теперь же, вырастив на спутнике чудо-птиц, он рассчитывал привлечь на этот спутник Юпитера туристов и таким образом полагал свою затею окупить, и не просто окупить, а и заработать достаточно средств на продолжение исследований. Сделать это он намеревался простым способом — заявить об открытии чудо-птиц как естественных обитателей спутника Юпитера. В конце концов, нормальных форм жизни в Солнечной системе до сих пор не обнаружено, ведь нельзя же таковыми считать марсианских песчаных блох.

— А свидетели? — не удержался Басов.

— А свидетели будут молчать, — сказал Брегманн. — И вы, и эта длинноногая лейтенантша.

— И вы полагаете, что сможете добиться нашего молчания? — не удержался Николай Басов.

Брегманн пожал костлявыми плечами и отвел взгляд в сторону.

— Ну, — неопределенно сказал он, — молчание можно обеспечить не только уговорами. Покойники, знаете ли, довольно молчаливы.

Пилот Басов профессору поверил сразу, а потому ужаснулся.

— Вы хотите сказать, что с легкостью пожертвуете двумя человеческими жизнями? — спросил он. — Но ведь Анзор Бедоевич меня будет искать, как вы ему объясните мое исчезновение? Да и КГБ Диану тоже в беде не оставит.

Брегманн ухмыльнулся.

— Положим, ваш шеф искать вас не станет, он слишком любит деньги, все дело, как говорится, в цене. А Диана... Все можно обставить как несчастный случай... Ах, Басов, не делайте из меня монстра. Убийство — это уже крайняя мера. Я предпочитаю договориться. Ладно, — неожиданно встал он и потянулся, не выпуская «сонника» из рук. — Разрешите мне проводить вас в ваше узилище? Мне ведь еще работать и работать!

15

«Вляпался, — уныло думал Басов, старательно отводя взгляд от женщины, которая находилась в его каюте. — Спасибо Анзору Бедоевичу. Сам тоже хорош. Знал ведь, что бабки за красивые глаза не платят, а польстился. Посадят тебя, дурака, и за дело».

Он искоса глянул на Диану.

Лейтенант МГБ сидела в кресле и маленькой пилкой полировала ногти. Казалось, она ни капли не обеспокоилась своим поражением, напротив — еще больше преисполнилась уверенностью в победе. Спокойное лицо, расслабленное тело. Дама на даче.

Николай вздохнул. Хорошо бы сейчас сбросить стресс, как это привычно Басову. Но после случившегося это было невозможно. В спальный мешок можно было потащить славную боевую подругу, что делит с тобой все тяготы нелегкой космической жизни, увлечь же туда лейтенанта из Комитета Галактической Безопасности казалось Басову столь же невозможным, как пешком вернуться на Землю.

От скуки он принялся исследовать люк, ведущий в каюту. Как и следовало ожидать, робот Жорик постарался на совесть — открыть дверь изнутри не представлялось возможным.

Он печально вздохнул и вернулся на свое место.

Спасти его мог только какой-нибудь героический поступок, но что можно сделать в такой ситуации, Басов совершенно не представлял. Нет, мысленно он уже вступал в решительную схватку с роботом и одерживал победу, освобождая Диану и беря под стражу Брегманна. Получалось довольно лихо, но Николай отлично понимал, что в жизни ему все это никогда не повторить.

— Не суетись, — лениво сказала Диана, не глядя на Басова. — В этой ситуации трудно что-то сделать. Но ты не волнуйся, у него все равно ничего не получится.

Самоуверенная какая. Это кто же Брегманну помешает? Все козыри у него на руках. И следить за ними не могли, после всех нарушений Басов и сам с трудом мог сообразить, каким образом они оказались в системе Юпитера. Да... «Заправлены в планшеты космические карты, и штурман уточняет в последний раз маршрут». Если бы именно так и летали, а то ведь чаще всего приходится по наитию, по наглой орбите или на гравитационном разделе системы шелку себе выкраивать. Умная голова был Лобачевский, такой умный, что Басов иной раз просто не понимал его неевклидовой геометрии. Не понимал, а пользовался. Ладно, следить за ними, естественно, не могли. То, что девочка в эфир выходила, ровным счетом ничего не значило. Что она могла передать? Только то, что сумела разнюхать. А ловко она профессора подколола тем, что за него робот на компьютере играл. Конечно, у этого самого Жорика небось подсоединений много, вполне мог на двух компьютерах работать, хозяина своего покрывать. Но Дианка это как засекла? Что-то дельное во всех этих рассуждениях было, только вот Басов никак не мог сообразить, что именно.

Диана отложила пилку, полюбовалась безукоризненными ногтями, глянула на Басова и невинно спросила:

— Ну, Коленька, проведем последнюю ночь вместе, или ты меня уже ненавидишь? Да не волнуйся ты, работодателя мы твоего, конечно, прижмем. Тебе-то чего беспокоиться? Ты ведь преступных замыслов не вынашивал, под детектор с чистой совестью пойдешь.

Более всего Басову хотелось послать эту самоуверенную дуру куда подальше. Но сообразив, что в любом случае расклад карт был пока не в его пользу, Басов гоношиться не стал — принял душ и нырнул в спальный мешок, встречая обжигающее тело обнаженной Дианы. Нет, все-таки в любви она была большой специалисткой, Басову даже казалось, что в комитетовской школе факультатив какой-нибудь был. Где этому всему обучали. Ему даже интересно стало, кто там у них экзамены принимает, несчастный, наверное, человек.

С этой мыслью Николай Басов и заснул, постепенно выравнивая дыхание и приходя в себя. А все сомнения он оставил на будущее. Как говорится, будет день — будет и веревка на шее. Тем более что в этой ситуации лично от него, Басова, ничего не зависело. Теперь все зависело от того, с какой стороны звезды будут смотреть. Хотелось бы, конечно, чтобы удача, что сопутствовала Басову последние пять лет, не покинула его и на этот раз.

16

За окном мела оранжево-желтая пурга.

В другое время Басов с удовольствием бы полюбовался этим красочным зрелищем. Сейчас он только уныло поглядывал на экран, теша себя несбыточными надеждами — а вдруг у Брегманна ничего не получится, система обогрева инкубатора откажет или птенцы окажутся неприспособленными к местным условиям и погибнут сразу же после того, как вылупятся. Но он понимал, что надеяться на это глупо — не такой он дурак, этот профессор Брегманн, среди ученых дураки встречаются крайне редко, а среди лауреатов Нобелевской премии их скорее всего вообще нет.

Профессор Брегманн всем своим видом показывал, что мысли пилота правильны. Он довольно потирал руки, насмешливо поглядывая на представителя КГБ. Даже сейчас, находясь в беде, Диана выглядела на редкость соблазнительно. Басов только никак не мог понять, на чем зиждется ее уверенность, что все закончится благополучно. Но, похоже, Диана абсолютно не волновалась. Помнится, ночью она проявляла значительно больше страсти.

— Ничего у вас не выйдет, господин Брегманн, — хладнокровно сказала Диана. — Вы только усугубляете свое поло-

жение открытым неповиновением представителю власти.

— Ничего, ничего, — хмыкнул Брегманн. — Вспомните историю, милочка. Победителей не судят! В космосе царит беспредел, здесь прав тот, у кого больше прав. А больше прав всегда у того, кто сильнее.

Жора выразительно качнул своими рогульками. Глаза на концах этих рогулек наблюдали за соперниками. Один глаз надзирал за Басовым, другой не менее внимательно бдил за Дианой. Впрочем, Басов мог поспорить, что этот глаз смотрел на редкость похотливо. И ведь было на что посмотреть! «Надо сказать, — с неожиданным раздражением подумал Басов, — что эти биологические роботы Брегманна еще те штучки. Ишь как на декольте зырит!»

Диалог двух противников между тем продолжался.

— Так это победителей, — возразила женщина. — Вам, Брегманн, это не грозит. Вы уже проиграли.

Нобелевский лауреат снисходительно глянул на противника.

— Ох уж это уязвленное женское самолюбие, — сказал он. — Разве вы не сидите сейчас в рубке под присмотром моего робота? Потерпите, милочка, осталось уже немного.

Он посмотрел на часы и уточнил:

— Три минуты пятьдесят семь секунд. Ах, дорогая Диана, вы даже не представляете, как они красивы, мои создания. Они рождены для полета.

Нет, даже в такой обстановке Диана оставалась Дианой. Да, она была настоящим бойцом невидимого фронта. Были мгновения, когда Басов откровенно восхищался ею.

— Сомневаюсь, — сказала Диана. — Сомневаюсь, что они созданы для полета. Думается, у них совершенно иные функции, профессор. И ваш помощник Лисицын это очень хорошо знал.

— Не говорите мне ничего за этого глупца, — раздраженно дернул щекой Брегманн. — Он не мог решить и простейшей задачи, связанной с метапластированием. Бездарь! Бездарь!

— Или просто умный человек, — широко и очаровательно усмехнулась женщина. — Вы его недооценивали, профессор.

Именно он и посвятил нас в ваш преступный замысел. И сделал все, чтобы этот замысел не осуществился.

В иллюминатор была видна освещенная, искрящаяся в лучах Юпитера поверхность Лиситеи, на которой прямоугольник инкубатора выглядел инородным телом.

— Плевать мне на вашего Лисицына, — довольным голосом сказал профессор. — Сейчас вы, милочка, да и вы, Николай, станете свидетелями моего триумфа. Это будет подлинная победа настоящей науки. Настоящей науке тесно в рамках доктринерства и уголовных уложений. Настоящая наука не может их признавать, потому что...

Он не договорил. В иллюминатор было видно, как отстрелились створки инкубатора.

— Сейчас, сейчас вы их увидите! — сипло сказал профессор Брегманн. — Сейчас эти чудесные создания моего гения появятся на свет.

И они увидели.

Только это было совсем не то, что рассчитывал увидеть сам профессор Брегманн. Наверное, неведомый Басову Лисицын был достойным учеником нобелевского лауреата. Только теперь Басов понял, почему Диана была так спокойна. Из инкубатора, быстро увеличиваясь в размерах, полезли космические полицейские в новеньких блестящих скафандрах.

И их число стремительно увеличивалось.

Царицын, март 2002 год

ЗВЕРИ У ДВЕРИ

*Памяти Учителей, что вели меня за
руку по бесконечной дороге, которая на деле
оказалась так коротка.*

МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ...

(вместо предисловия)

Мы были кузнецами своего счастья, и дух наш был молод.

Ковали мы счастья ключи, а если говорить точнее — строили мир Светлого Будущего. Того самого Будущего, в котором нам будет жить хорошо. Ну, если не нам, то нашим детям. Или внукам, в конце концов.

Долгое время меня волновал вопрос, почему мы этот мир не построили. Крылась какая-то недосказанность в том остервенении, с которым мы все принялись крушить фундамент, на котором возводилось строительство, рушить стены и бить в нем окна. Эта недосказанность долго смущала меня, и я попытался добросовестно найти причины наших неудач. Ведь и эскиз был красив, и архитекторы — неплохи, и работали мы все, не покладая рук и не считаясь с тяготами и лишениями строительства.

Так вот, господа, если кто-то из вас уже привык к новому старому обращению, или товарищи, если вы еще не отвыкли от старого обращения, бывшего в начале строительства новым, я утверждаю, что строительство было успешным! Мы построили мир, о котором мечтали и в котором хотели бы жить.

Просто этот мир, который не виден самим строителям, не совсем обычен. Он — виртуален. Да-да, господа-товарищи, мы

построили виртуальное Светлое Будущего, и оно оказалось виртуальным в силу объективных причин, о которых будет сказано ниже.

Одно время я работал начальником районной службы по борьбе с экономическими преступлениями. Нам спускали отчет по борьбе с нетрудовыми доходами. Отчет этот, как большинство ведомственных бумаг, был глуп и нунужен, а потому однажды был просчитан всеми составлявшими его порто потолочным методом, а позже тем же самым методом в него пропорционально добавлялись нужные цифры, а уж затем этот отчет достигал немыслимой красоты. В нужное время отчеты отправлялись в областные управления. Там виртуальные отчеты обрабатывали, несколько поправляли и дополняли, чтобы придать ему еще немного красоты, и отправляли в министерство обобщенный отчет, который выглядел еще красивей, но от реальности и истины был столь же далек, как далек от них рассказ мужчины о своих любовных победах. Такие же отчеты приходили со всей страны. Их обсчитывали, обобщали, дополняли, а в результате рождался уже совсем немыслимо красивый, хрустящий от своей торжественности Общий Отчет, в котором не было ни одной честной цифры, но тем не менее отчет этот отражал картину борьбы с нетрудовыми доходами в том ракурсе, в котором эту борьбу хотелось бы видеть Высокому Начальству. Высокое Начальство докладывало Отчет Высшему Начальству, а Высшее Начальство на основе этих виртуальных и постепенно становящихся ритуальными цифр осуществляло планирование беспощадной последующей борьбы, которая должна была окончательно свести нетрудовые доходы строителей Светлого Будущего на нет.

И ведь все это было не тенденцией, присущей моему родимому ведомству, но чертой, характерной для всего ведущегося по всем направлениям строительства.

В стране росло незавершенное строительство, но каждый год Высшему Руководству докладывались красивые и

впечатляющие цифры о пущенных в строй объектах и сданных метрах жилой площади. На основании этих цифр планировались новые долгострои, незавершенка в стране росла, и нам, строителям Светлого Будущего, было негде жить, потому что квадратные метры жилья были виртуальными, и, следовательно, в них мог жить и работать лишь виртуальный гражданин. И именно виртуальные граждане вселялись в виртуальные квартиры и вставляли в виртуальных цехах к виртуальным станкам, чтобы производить виртуальные ценности. Но мы-то учитывали их в наших отчетах и победных рапортах!

Мы рапортовали об огромных урожаях и закупали хлеб за границей. Собранный нами хлеб ели виртуальные граждане.

Мы создали виртуальную литературу. По количеству государственных и иных премий, выданных нашим талантам, мы перещеголяли весь мир. Читать же мы продолжали Пушкина и Толстого, Достоевского и Чехова, Гоголя и Лермонтова, Беляева и Стругацких, а когда совсем становилось невмоготу, мы читали самопально переведенные и отпечатанные на машинках и оттого страшно заманчивые западные боевики или пугающих своим кладбищенским реализмом Солженицына с Шаламовым. Виртуальные произведения наших лауреатов читают виртуальные жители нашей страны.

Хлопкоробы собирали на полях виртуальный хлопок. Виртуальный хлопок превращался во вполне реальные деньги, на которые покупалась импортная одежда. В одежде из нашего хлопка ходили виртуальные граждане нашей страны.

Животноводы выращивали виртуальную скотину и птицу. В результате мы теперь едим финский сервелат и голландские сосиски, ножки Буша и западногерманскую ветчину. Наши виртуальные сосиски и колбасу ест среднестатистический виртуальный гражданин. И неудивительно, ведь мы долгие годы трудились для того, чтобы он был счастлив.

Десятки лет мы сидели на голом фундаменте и объявляли, что построили первый этаж, потом второй, третий, четвертый...

Виртуальные жители нашей страны поднимались к солнцу в построенном нами виртуальном небоскребе, а мы продолжали сидеть на заложенном энтузиастами фундаменте и считали, считали, считали... Считать мы научились хорошо. Не зря же мы победили неграмотность.

Высокая отчетная раскрываемость преступлений привела к тому, что преступные одиночные группы сплотились у нас в грозную организованную преступность, превратившись в сообщества. Но в виртуальном мире преступности действительно нет, мы победили ее нашими отчетами и победными религиями.

Мы так стремились быть первыми на Луне, что нас обогнули американцы. Но это только здесь. В виртуальном мире «лунных вариантов» нам равных нет.

Мы так долго проповедовали интернационализм, что он пророс распадом страны и кровавой Чечней. В виртуальном мире царит мир и спокойствие.

Мы были столь ярыми атеистами, что теперь лихорадочно строим сотни церквей и замаливаем грехи. Милиция собирает с пьяных водителей деньги на строительство очередной церкви, член Политбюро неумело крестится и целует руку, пахнущую ладаном и елеем. Но это здесь. В виртуальном мире, что мы так успешно строили, все иначе.

«Дети — цветы жизни», — говорили мы. Мы так старательно растили эти цветы, что теперь они произрастают на помойках и в грязных темных подвалах. Но это только здесь, там, в виртуальном мире, они не моют машин толстосумам, они учатся и мечтают, как этого хотелось нам.

Мы долго и добросовестно строили наше светлое будущее. И мы его построили. Жаль только, что оно оказалось воображаемым. Жить в этом мире нам, к сожалению, нельзя. В нем могут жить такие же, как он сам, воображаемые люди.

Мы построили наш мир.

Грязные и оборванные, гордые тем, что мы еще делаем ракеты и впереди всех в области балета, сидим мы на кроша-

шемся от времени и ветхости фундаменте нашего вчера и поем хриплыми от ветров и водки голосами:

Гуд бай, Америка! О-о-о!
Где не был никогда я...

Порыв ветра подхватывает эти слова и уносит их в противоположную сторону, где мы тоже никогда не были и не будем; туда, где за снежными шапками Тянь-Шаня расположена удивительная страна Китай. Жители ее еще продолжают верить в виртуальные небоскребы. Отчеты, которые идут с мест, продолжают радовать глаз.

Где-то находится виртуальный мир, в котором живут счастье и согласие. Виртуальные граждане улетают на своих виртуальных звездолетах к виртуальным звездам. Они живут виртуальным счастьем, побеждают виртуальные опасности, по-прежнему веря в свое виртуальное всемогущество.

Нам остались пожелтевшие страницы книг, когда-то завораживавших нас в детстве. Желтые страницы книг и тоска по несбывшемуся.

Очень хочется в мир, который снился тебе в детстве.

Глава 1

Небо было темно-фиолетовым, и оно быстро густело, высвечиваясь яркими звездами, которые ночь щедро высыпала над красно-бурыми, еще курящимися от легкого ветра барханами. Среди звезд бледной щербатой тенью плыл Деймос, и неподалеку от него висела яркая звездочка СКАНа. Было как-то не по себе. Рыбкин подтянул поближе тяжелый уродливый карабин. Неподалеку зашевелился песок. Из разворошенного бархана появилась треугольная голова ми-

микродона. Ящер медленно и лениво огляделся по сторонам, встопоршил шейный гребень. В глотке мимикродона клокотало, словно он прочищал ее перед пением. Толстая бородавчатая шкура медленно приобретала цвет окружающих его барханов. Если бы Рыбкин пошевелился, обитатель песков, несомненно, его бы заметил и попытался зарыться в песок, но следопыт сидел неподвижно, и ящер на него не среагировал. Вот так на них и охотится пиявка: она вначале находит свежие холмики выбросов из подземных ходов ящера, затем сдувает газовый пузырь и ложится на холодный наждачно жесткий песок, ожидая, когда беззащитная добыча выползет из своих лабиринтов и, став столбиком, замороженно уставится в небо, медленно приспособившись к окружающему ландшафту. В этот момент к мимикродону можно подбираться с любой стороны и есть его откуда угодно. Ошалевший от ужаса ящер, вместо того чтобы зарываться в песок, начинает лихорадочно менять окраску и скрипуче верещать. Но пиявка почему-то всегда нападает справа. И на людей тоже. Непонятно, почему она нападает справа? Тиканья часов боится, что ли? За все время был отмечен всего один случай, когда пиявка напала слева. Слева она напала на Руди Крейцера, однако он был левшой и носил часы на правой руке. Ладно, предположим, что она действительно боится тиканья часов. Но мимикродоны ведь часов не носят, а на них пиявки тоже почему-то нападают справа. Хотя их можно есть откуда угодно, ведь песчаные ящеры травоядны, сопротивления пиявке они оказать не могут. И забавны они очень. За последние два года на Землю больше сотни ящеров вывезли, даже модно стало держать в доме мимикродона вместо собаки. Говорят, даже такое межпланетное научное светило, как Владимир Сергеевич Юрковский, не уберглось от соблазна. Ходят слухи, что Владимир Сергеевич тоже завел себе самочку мимикродона. Имя ей имя женское дал — Варенька. Владимир Сергеевич привязался к ящерке так, что даже в полеты ее берет. Любопытно

было бы посмотреть, как мимикродон чувствует себя в невесомости.

В темном небе мелькнула какая-то тень, и Рыбкин насто-рожился. Кроме пиявок, на Марсе летать ничто не могло, правда, ходили еще легенды о плоских гарпиях, но за тридцать последних лет никто не мог похвастать, что видел плоскую гарпию живьем. Так что... Рука легла на карабин, но тревога оказалась ложной.

Рыбкин снова принялся наблюдать за песчаным ящером. Тот уже отстоял положенное время и теперь неуклюжим песчаным холмиком двигался от бархана к бархану, меланхолично пережевывая жесткие синевато-зеленые стебли марсианской колючки. За мимикродоном оставался длинный и прямой след хвоста, напоминающий колею от колеса краулера.

Интересно, долго Наташа пробудет на Земле? — неожиданно подумал Рыбкин. Скучно без нее. Слов нет, Пеньков с Сережей Белым — ребята хорошие, остроумные и веселые, и Матти тоже интересный человек, однако без Наташи у них в обсерватории стало скучно. Наташа Рыбкину ужасно нравилась, он ухаживал за ней уже четвертый год, но никак не мог сказать о своих чувствах девушке прямо. Феликс чувствовал, что и сам он девушке небезразличен. После той знаменитой марсианской облавы, когда огнемечки едва не сожгли их с Юрковским в городе Чужих в районе Старой Базы, Феликс явственно увидел тревогу в ее глазах. И радуется она всегда его появлениям в обсерватории, хотя ребята над ней и подтрунивают немного. Рыбкину вдруг ужасно захотелось увидеть девушку, ее светлые длинные волосы, маленькое круглое личико с огромными, широко открытыми глазами. Наташу даже комбинезон не портил, сразу было видно, какая она стройная и ладная. Феликс огорченно вздохнул и посмотрел на часы на левой руке. Было девять тридцать. На правой руке часы немного убежали вперед, но это было совсем не важно. Важно было то, что Наташи на Марсе не было. А мимикродоны были.

И пиявки были. Правда, их осталось мало, совсем мало. Человек стал хозяином Марса, и это, конечно, было хорошо, но вместе с тем и плохо. Плохо, когда человека ничего не сдерживает, кроме осенних пылевых бурь и других естественных причин. И все-таки пиявки на Марсе должны были остаться. Во время облавы было убито шестнадцать, с той, что раздавило стрелой крана у Азизбекова, — семнадцать. И еще одну подстрелил Гемфри Морган. Но нельзя же было всерьез рассчитывать, что на всем Марсе существовало всего двадцать пиявок!

Над барханами снова поплыла неясная тень, но это была тень Фобоса. Спутник встал на востоке искривленным неправильным молочно-белым серпом и сейчас довольно быстро катился по усеянному звездами небосводу на запад. Ящер, задрав рогатую голову вверх, посмотрел на движущийся спутник Марса и снова принялся за колючки. Обитатель красных песков торопился отложить запас в пищевые мешки до наступления осенних бурь и тем более зимних холодов. Зимой мимикродоны ложатся в спячку, и кровь у них становится густая и тягучая, как смородиновое желе.

Мимикродон, за которым Феликс наблюдал без особого интереса, вдруг глухо заклокотал и принялся зарываться в песок. Сначала Рыбкин подумал, что ящер заметил пиявку, но, взглядевшись в сумрачную мглу, понял тревогу животного и забеспокоился сам: из высокого бархана, рядом с которым зарывалось в песок животное, в окружении пара и взбуродраженного песка бил фонтанчик блуждающего родника, этого редкого и удивительного марсианского природного явления. Такого быть не могло и все-таки было — где-то под землей по непонятным марсианским артериям двигались массы горячей воды, которые вдруг неизвестно почему поднимались к поверхности, выбивались высоким кипящим фонтанчиком из песка и разливались по сухой и потрескавшейся марсианской почве, превращаясь в гладкое ледяное блюдце. Но могло случиться и так, что блуждающие род-

нички появлялись сотнями, в самой непосредственной близости друг от друга, и тогда среди песков несколько часов клочкотало и дымилось черное бездонное озеро, как, например, то, в котором три года назад, еще до облавы, погиб доктор Новаго, принимавший первые роды на Марсе. Роды ему пришлось принимать у Ирины Славиной. Она тогда родила мальчика, которого назвали Евгением. Круглоглазый любознательный бутуз стал общим любимцем Марса, а на плантациях в нем вообще души не чаяли, особенно женщины.

Судя по всему, блуждающий родник был одиночным и особой опасности не представлял. Вместе с тем мимикродона он напугал окончательно, и рассчитывать на удачу засады теперь не приходилось. Феликс поднялся, отряхиваясь от песка, с огорчением посетовал на свое невезение и, повесив карабин на грудь, неторопливо пошел туда, где на горизонте куполообразно сияло зарево Теплового Сырта, первого поселения землян на Марсе. Медленно, но неуклонно Теплый Сырт превращался в обширный и благоустроенный научный городок, вокруг которого уже разрастались плантации, где высаживались земные растения. Все правильно, доставка продуктов с Земли обходилась недешево, а почва Марса оказалась достаточно плодородной. На ней, особенно в небольшой смеси с земным черноземом, великолепно приживались и давали в парниковых условиях прекрасный урожай огурцы, помидоры, капуста и кабачки, хорошо рос подсолнух с невиданными по размерам семечками, и рожь приживалась на редкость успешно, и кукуруза. Ирина Славина рассказывала, что около плантаций ящеров собираются целые толпы, ждут, когда их подкормят. Агроспециалисты даже кормушки для ящеров установили... Вот странно, Феликс даже остановился от внезапно пришедшей в голову мысли: мимикродонов там полно, а пиявки не появляются, хотя всем прекрасно известно, что ящеры для пиявок являются основной пищей. Может, их и в самом деле в последнюю облаву всех перебили? Остались лишь единицы, кото-

рые опасаются встречаться с людьми и нападают лишь в крайнем случае?

Стыдно признаться, но Рыбкин тогда был ярым сторонником облавы и уничтожения пиявок. Необходимо было обезопасить людей, о другой стороне медали тогда никто и не думал. За тридцать лет пиявки совершили более полутора тысяч нападений на людей, три человека были убиты, двенадцать искалечены. Пиявки отвлекали людей от исследований, ставили под угрозу всю научную работу системы «Теплый Сырт». Можно сказать, что тогда иного выбора не было. А теперь выясняется, что детально изучить пиявок никто так и не удосужился. Подумаешь, биологи получили семнадцать искалеченных трупов животных и два гнезда в заброшенном городе Чужих! А их повадки, образ жизни, все, что было связано с жизнедеятельностью пиявок и ареалом их обитания, так и осталось неизвестным людям. Надо сказать, что мы вели себя, как конкистадоры в Южной Америке в древние времена: земли захватить, а обитателей уничтожить! А конечный результат? Уже после облавы зарегистрировано шесть нападений пиявок на людей, причем уже два человека погибли. Только теперь неизвестно, где эти пиявки гнездятся. Без оружия как нельзя было ходить, так никто и не ходит. Опанасенко не прав; да, конечно, на Марсе уже появились дети, но и облава с целью очищения Марса от пиявок была ошибкой. Ошибкой, с которой тогда никто не спорил. Но это не значит, что с Опанасенко не надо спорить и теперь. Надо все-таки не забывать, что мы на чужой планете и вокруг нас чужая жизнь. Уничтожить ее проще всего, но более правильным будет ее изучить и понять. Стрелять надо тоже вовремя... А мы сначала стреляем, а потом начинаем сострадать.

Рыбкин остановился, напряженно вглядываясь в расстилающиеся перед ним пески. Нет, ему просто показалось, впереди шуршал подмерзший песок, и где-то у невидимого в сумерках горизонта с правильными интервалами ухали насосы нефтедобывающей станции.

Глава 2

Купол обсерватории с окружающими его павильончиками был чуть в стороне, и, поколебавшись, Феликс все-таки свернул к нему. Конечно, он великолепно знал, что Наташи там нет, но вполне вероятно, ребята что-то знали, может быть, они даже точно знали, когда Наташа возвращается; одним словом, ноги сами вели Феликса к обсерватории. Однако до обсерватории он так и не дошел.

Тень пиявки он заметил не сразу, просто сначала ощутил какую-то внутреннюю тревогу. Остановившись, он осторожно взгляделся в небо. Стремительная тень на мгновение закрывала звезды в небе, и надо было иметь очень острое зрение, чтобы уловить это еле уловимое движение в высоте. По мгновенно гаснущим и вновь появляющимся звездам Рыбкин понял, что пиявка кружит вокруг него — и кружит, вполне вероятно, уже долго. Иногда пиявки кружили в воздухе несколько часов, прежде чем рисковали напасть на человека. Вели они себя почти осмысленно, казалось, пиявки даже проверяют, не является ли одиноко идущий человек приманкой, таким сыром в мышеловке, а где-то поблизости скрывается вооруженная до зубов засада. Вот и сейчас пиявка, покружившись вокруг него, темной тенью унеслась в пески, чтобы оттуда по сужающейся спирали возвратиться к шагающему по барханам человеку. Однако Феликс остановился.

Час назад он использовал в качестве приманки мимикродона, сейчас этой самой приманкой стал он сам. Но это его вполне устраивало, потому что отвечало тем задачам, которые следопыт поставил перед собой. Рыбкин опустился на песок, приготовив карабин. Обычный карабин против пиявок был слабой защитой, но после нападения на начальника строительства Теплого Сырта Виктора Кирилловича Гайдадымова с Земли перебросили карабины с подстволь-

никами, гранаты из них могли бы разорвать пиявку пополам. Две такие гранаты в магазине подствольника были, но стрелять Феликсу ужасно не хотелось, не для того он неделю бродил по пескам в поисках хищника, чтобы сразу в него стрелять. Он сел на песок, терпеливо ожидая возвращения пиявки.

И пиявка вернулась.

Вначале Феликс ощутил легкое движение воздуха, потом поблизости что-то заскрежетало о песок, и острые, привыкшие к темноте глаза Рыбкина, оснащенные к тому же линзами ночного видения, заметили пиявку метрах в двадцати от себя.

Конусообразное тело пиявки, покрытое редким жестким волосом, покачивалось на гребне бархана. Полуметровая круглая пасть была усеяна большими плоскими треугольными зубами и походила на зев мясорубки. Только у мясорубки не было цепочки желтых глаз с вертикальными, узкими, как у кошек, зрачками. Пиявка, изогнувшись темной запятой, стояла на хвосте, вглядываясь в человека. Было видно, что пиявка напряжена и готова при любом опасном движении унести в небо над песками, а может быть, и напасть.

Рыбкин даже не заметил того стремительного движения, которым пиявка приблизилась к нему. Вот она стояла на дальнем бархане, неуловимый кивок — и она уже рядом с ним, всего метрах в семи, может быть, даже меньше. Теперь линзы позволяли рассмотреть ее всю. Пиявка была длиной около шести метров; судя по количеству колец на теле, это была молодая особь, не старше двух марсианских лет. Волосы еще не окончательно ороговели и поэтому загибались, придавая пиявке некоторое сходство с земным морским червем. Сейчас Феликсу было видно, что все шесть глаз пиявки широко открыты и зрачки кругло расширились, почти заполняя глазницы.

Пиявка смотрела на человека. Человек, не шевелясь, наблюдал за хозяйкой Марса. От стремительности пиявки по

спине следопыта пробежал холодок. Если пиявка решит напасть, то он даже не успеет выстрелить. Только теперь Феликс начал понимать, какую опасную авантюру он затеял. Но переигрывать что-то было поздно.

Пиявка медленно опустилась на песок и негромко зашипела, как мяч, из которого выпускают воздух. Теперь она лежала на земле, по-прежнему внимательно наблюдая за человеком. Однако недавней смертельной угрозы Рыбкин уже не ощущал. Он осторожно двинул рукой, пытаясь положить карабин на песок, но этого движения оказалось более чем достаточно, чтобы животное снова напряженно поднялось над песком, закачалось, угрожающе раздувая кольца, и вдруг упруго взвилось в воздух. Мгновение — и оно исчезло в ночи. Следопыт посидел немного, но пиявка своего присутствия не обнаруживала, и Рыбкин вдруг ощутил, что он весь взмок. Спустя несколько минут напряжение отпустило, и тело начала бить мелкая дрожь. Нет, это был не страх, бояться чего-то было уже поздно, просто мышцы, долгое время пребывавшие в напряжении, не могли никак расслабиться и таким вот образом отдавали ненужную уже больше энергию в окружающую пустоту. Мороз резко сушил пот на скулах — там, где не было очков и кислородной маски.

Он встал, вешая автомат на грудь, и в это время западнее Теплового Сырта, километрах в десяти от поселения, в небо вонзилась стремительная серебряная стрела взлетающей ракеты.

Почва под ногами следопыта задрожала от раскачивающей ее исполинской силы. Ракета ушла в высоту, оставив за собой розовое кольцо, окруженное изумрудным светящимся облачком ионного выхлопа.

Феликс засекал время и с удивлением обнаружил, что его контакт с пиявкой продолжался не более трех минут. А ведь он мог поклясться, что прошло не менее получаса. Главное было сделано. Теперь бы Рыбкин не отказался от чашечки горячего кофе, которое великолепно готовил Сережа Белый, тем более что до обсерватории было всего минут десять неторопливой ходьбы.

* * *

Астрономы сидели в столовой, и после холодных марсианских песков в ней было уютно и светло.

— Можно? — тихо сказал Феликс.

— Заходи, заходи, — отозвался Сергей. — Кофе будешь?

Рыбкин поставил карабин в угол.

— Я уж думал, что ты нас совсем забыл, — сказал Сергей.

— А чего ему у нас делать? — удивился прямодушный Пеньков. — Наташеньки нашей нет...

— Заткнись, Володька, — сказал Белый. — Вечно ты вылезешь. Садись, Феликс. — Он принялся наливать в чашку кофе.

Пеньков поднялся.

— Ну, — сказал он, — тогда я пошел.

— Карабин возьми, — сказал ему вслед Матти.

— Да на кой он мне? — искренне удивился Пеньков. — Не от мимикродонов же отбиваться!

— Возьми, возьми, — сказал Сергей. — Вон видишь, следопыты с оружием ходят!

— Так они по пескам шастают, — с недовольной гримасой сказал Пеньков. — А мне тут от купола до павильона и назад!

Рыбкин пошевелился.

— Возьмите, Володя, — сказал он. — Я тут рядом с вами на пиявку наткнулся.

Матти с тревогой посмотрел на следопыта.

— И не напала? — с недоверием спросил он.

— Обошлось... — Рыбкин с наслаждением глотнул горячего кофе. — Я ее испугался, а она меня. И неизвестно еще, кто кого больше.

— Вот и я говорю, — с легким сомнением сказал Матти. — Выстрелов мы не слышали.

— Я ведь не стрелял, — сказал Рыбкин.

Матти с привычной завистью посмотрел на следопыта. Все-таки увлекательная у Рыбкина была работа, не то что у них. Бросить бы все к чертовой матери...

— Нет, вы мне одно скажите. — Пеньков решительно оседлал стул. — Для чего тогда эта облава была нужна, если мы по-прежнему пивок боимся и без карабина нос на улицу высу-нуть не можем?

— Тебя и с карабином выпускать опасно, — сердито ска-зал Сергей. — Пользуясь тем, что Наташи нет, ты у нас все павильоны расстреляешь.

— Groш нам цена, — сказал Пеньков. — Groш нам всем цена. На Марсе уже целый детский сад, а мы с местной пако-стью никак справиться не можем. Как они нам мешали, так и продолжают мешать!

— Да я уже говорил, — улыбаясь, сказал Матти. — Это не они нам мешают, это мы им мешаем. Все-таки это они коренные обитатели Марса. И слава Богу, что мы их не всех перебили...

Рыбкин внимательно посмотрел на Матти.

У следопыта были большие светлые глаза, и он очень ред-ко мигал.

— Странные глаза у тебя, дружище, — проворчал Матти.

— Это из-за ночных линз, — почти виновато сказал Фе-ликс. — А вы и в самом деле так считаете?

— В самом деле, — сказал Матти. — Это чисто человече-ское: сначала живность всю перебьем, потом начинаем запо-ведники устраивать. Да вы на Землю посмотрите! Что от джунг-лей Амазонки осталось? А от полесских болот? Тоже мне покорители природы. Все-то нам мешает. Муравьи с таракан-нами мешают, муха це-це мешает, тигр уссурийский — и тот помешал! Но ведь это он в тайге живет, а мы в этой тайге лишь гости!

— Я с вами вполне согласен, — тихо сказал Феликс.

— А я не согласен! — громогласно сказал Пеньков. — Пусть вы скорбите о завядших цветах и убитых монстрах, но ведь надо смотреть правде в глаза! Все, что мешает человеческому движению вперед, должно уйти в небытие. Раз нам мешают на Марсе пивяки, то они должны уступить свое место человеку. Кто-то из нас лишний, и лично я думаю, что это — они!

Белый вдруг сказал с резкой досадой:

— Ты, Володька, вообще полутонув не знаешь. Либо они, либо мы. Но я согласен с ребятами. Нельзя же жить, как на Диком Западе, — чуть что, из кольтов палить! Ну что мы за тридцать лет о пивках узнали? Да ничего мы о них не узнали, кроме того, что внутреннее строение трупов изучили и выяснили, за счет чего они летают и каким образом пищу переваривают! А ведь это чужая жизнь, Вовка! Понимаешь, *чужая!* Быстро мы к необычному привыкаем. И решения принимаем удивительные. Раз ты травоядный безопасный, вроде мимикродона, значит, живи, а если ты хищник и нас начинаешь за мимикродонов принимать, то — извини, нет тебе места рядом с человеком, опасен ты, братец, для человеческого общества.

Сергей махнул рукой и повернулся к Рыбкину:

— Еще кофе будешь, Феликс?

Рыбкин посмотрел на часы.

— Мне уже пора, — тихо сказал он и выжидательно посмотрел на Сергея. Пеньков и Матти деликатно отвели взгляды.

— Да выходила она на связь, выходила, — сжалившись, сказал Белый. — Через две недели с «Джорджем Вашингтоном» прилетает. Тебе привет передавала.

— Слушай, Феликс, — спросил грубый Пеньков. — А чего ты ей замуж выйти не предложишь? Хорошая девчонка, симпатичная и вообще...

Рыбкин густо покраснел, и стыдливый румянец проступил даже через загар. На некоторое время все его лицо стало однотонным, даже светлые пятна от очков и кислородной маски исчезли.

— Ты куда-то собирался? — спросил Пенькова Матти. — Ну и иди.

— И пойду, — сказал Пеньков. — Просто мне за них обидно, Матти, ходят вокруг, как журавль с цапляй.

— Иди, иди, — погнал его Матти. — Карабин не забудь, сваха!

Феликс поднялся. Был он невысок, но сложен удивительно пропорционально. Комбинезон плотно облегал его фигуру.

— Спасибо за кофе, — поблагодарил он Сергея. — У вас запасных батарей для комбинезона не будет? Что-то я сегодня не рассчитал.

— Сейчас принесу, — сказал Белый.

Когда он вернулся с батареями, Феликс Рыбкин уже был в очках. Кислородная маска болталась под подбородком, меховой капюшон комбинезона туго облегал лицо.

— Спасибо, — все так же негромко поблагодарил следопыт.

Белый помялся немного, протянул Рыбкину руку и, смущенно отводя взгляд в сторону, сказал:

— Ты знаешь, Феликс, а я с Пеньковым согласен. Он у нас, конечно, невоспитанный и грубый, но в данном случае... Ты бы поговорил с Наташей, она ведь тебя любит, думаешь, нам не видно?

Рыбкин улыбнулся, показывая мелкие ровные зубы.

— Спасибо, — в третий раз поблагодарил он. — Вы — настоящие друзья, ребята!

За пределами обсерватории стоял мороз, который сразу же взялся за нос и лоб следопыта. Небо было совсем черным, и в угольной пустоте над горизонтом туманно светилось пятнышко Юпитера, а чуть ниже планеты серебрился, подобно Млечному Пути, пояс астероидов. В мешанине звезд угадывались привычные созвездия, только звезды сияли куда ярче, чем на Земле, от которой к Марсу уже шел планетолет «Джордж Вашингтон». Рыбкин вспомнил свой разговор с ребятами и едва не засмеялся от внезапно нахлынувших чувств. Он обернулся. Проектора у тамбура горели по-прежнему, высвещая плечистую фигуру Пенькова. Пеньков смотрел вслед следопыту; увидев, что Феликс обернулся, Пеньков поднял в прощальном жесте руку. Рыбкин ответно помахал ему и шагнул по жесткому подмерзшему песку, скрипящему под ногами, как снег в морозный день на Земле.

Глава 3

Мимикродона, несмотря на его жесткую шкуру, убить легко. Если знать, куда стрелять. Рыбкину было жалко убивать ящера, но это было необходимо. Убитого ящера он погрузил на мотонарты и вскоре уже прибыл на место. Было еще довольно рано, но оно и к лучшему, требовалось еще кое-что сделать до появления пиявки. Почему-то Рыбкин верил, что пиявка обязательно появится.

Выгрузив мимикродона и свой карабин на песок, следопыт отправил нарты обратно и огляделся. Вдали сверкал купол обсерватории, около которого двигались маленькие черные фигурки. Солнце висело на западе маленьким желтым и холодным кружком, и в небе молочными привидениями высвечивались серпы Деймоса и Фобоса — был как раз тот период, когда в небе одновременно видны обе марсианских луны. На юге у горизонта вздымалось ржавое облако — то ли там бушевал самум, то ли шел на большой скорости тяжелый краулер — с такого расстояния разобрать было трудно.

Чуть левее облака высвечивалась плоская солончаковая равнина. В лучах закатного солнца горели большие белые пятна соли. Обычно вокруг этих пятен лежит множество кактусов, названных так за их колючки. Хотя какие это кактусы — без корней, без листьев, без стволов. Скорее эти растения более походили на перекасти-поле, тем более что и принцип движения у них был похожим — кактус мог лежать без движения неделями, засасывая и сжимая в себе разреженный марсианский воздух, а в период созревания спор начинал реактивными скачками передвигаться в поисках почвы, которая могла бы эти споры принять. Говорят, на плантациях их хватает, лезут сорняками, даже порой полимерные купола пробивают, потому что в земном черноземе прорастают все споры. И непонятно, что именно их гонит к плантациям, каким образом они обнаруживают, что почва

плантаций более всего подходит для них? Феликс разговаривал с астроботаниками, но те только недоуменно разводили руками, и ответ был в том духе, что, мол, есть много, друг Горацио, на свете...

А вообще в словах старшего следопыта Опансенко имелся свой резон. Люди на Марсе обитают уже тридцать лет, но за эти тридцать лет мы изучили лишь кусочек этой планеты площадью около тысячи квадратных километров. Да и то, можно сказать, условно. А вся планета, ее недра и полюса, ее подземные океаны — все это остается для нас загадочным. Правда, надо сказать, что людям повезло: именно в обжитом районе благодаря пивкам обнаружили город Чужих. Город был необитаем, за три года астроархеологи и следопыты прошли всего два подземных этажа этого города и обнаружили лишь стены из материала, который называли янтариним, да две маленькие семигранные гайки из непонятного сплава, которого и существовать не должно было. И никаких следов техники, никаких следов обитания разумных существ — ничего, позволившего бы сделать вывод о внешнем виде этих существ, их социуме, техническом развитии и взаимоотношениях с миром. Только две гайки, наличие которых позволяло сделать вывод, что неизвестная цивилизация, как и человечество, шла по технологическому пути совершенствования созданной ими машинерии. Теперь две большие группы следопытов исследовали планету в поисках иных городов, но найти их на Марсе ничуть не легче, чем на Земле.

Барханы медленно темнели. Солнце почти касалось своим краем горизонта, белые искры солончаков гасли, а с востока уже накатывалась угольно-фиолетовая тьма, усеянная звездами. Рыбкин посмотрел на бледные серпы марсианских спутников. Да, Опансенко был прав, человечеству действительно повезло — отхватили сразу два чужих искусственных спутника, два астероида, насквозь пронизанных пустотами ходов. Спутники были облицованы все тем же янтариним. И никаких следов внеземной культуры. Хозяева выехали, оставив дом в идеальной чистоте. Если бы сегодня землянам по каким-то

причинам пришлось бы оставить Марс, то исследователям, пришедшим после них, осталось бы куда больше, чем самим землянам оставили Чужие. Феликс попытался представить себе неведомых обитателей спутников и города и не смог. Хорошо, если бы они были похожи на людей...

Додумать эту мысль он не успел — неподалеку от него что-то тяжело рухнуло на песок, и послышался скрип, словно монетой провели по стеклу. Летающая пиявка, или как ее называл Хасэгава — сора-тобу-хиру, — не обманула ожиданий Феликса, более того, она явилась даже раньше, чем он рассчитывал. Обычно пиявки не появлялись при свете солнца, эта же появилась, когда на западе над темной полоской барханов еще светилась желтовато-зеленая полоска заката. Теперь он видел ее хорошо, очертаниями летающая пиявка напоминала смерч, да и в раскачивающемся ее движении было нечто похожее. Летающая пиявка приблизилась и замерла на бархане странным воздушным головастиком, немного напоминающим запятую. Несомненно, что она видела лежащего на песке мимикродона, но вместе с тем в трех-четыре метрах от мертвого ящера пиявка заметила человека. Нельзя сказать, что Рыбкин не боялся ее, это было бы глупо, любой человек подвержен чувству страха, а Феликс видел ранения Хлебникова: у того было разорвано правое легкое, и врачам пришлось ставить Хлебникову искусственное легкое и два клонированных ребра.

Покачиваясь, пиявка приблизилась.

Несомненно, она выглядела очень грациозно. Ее движение в воздухе казалось естественным и непринужденным.

На гребне ближайшего бархана пиявка замерла. Судя по кольцам и мягкой щетине, это была вчерашняя визитерша, но биться на это об заклад Феликс не стал бы.

Пиявка знакомо зашипела и опустилась на бархан. Теперь она чем-то напоминала тренированного сторожевого пса, терпеливо ждущего команды хозяина. «А может, это и в самом деле сторожа чужого города? — мелькнула у Феликса неожиданная мысль. — Хозяева улетели, город опустел, а разбежав-

шиеся собаки постепенно одичали...» Но тут же он вспомнил идеальную пустоту и чистоту города и спутников Марса и отбросил свою мысль, как заведомо ложную. Если хозяева были так аккуратны при эвакуации, то они, несомненно, не забыли и о своих сторожах, не оставили бы их питаться невкусными и жесткими мимикродонами. Воображать же, что ящеры и есть одичавшие жители города, было бы совсем глупо.

Летающая пиявка снова встрепенулась. Во все шесть широко открытых и не моргающих глаз она смотрела на человека. Потом все-таки моргнула, но пленками век покрылись лишь три ее глаза, остальные продолжали наблюдать за окружающим миром. Рыбкин отдавал себе отчет, что он первый человек, наблюдающий сора-тобу-хиру вблизи. Это было смертельно опасно и вместе с тем притягательно интересно. Когда пиявка качнулась по направлению к следопыту, Феликс не сделал попытки взяться за карабин. Пиявка проскочила в двух метрах мимо него, Рыбкин ощутил движение разреженного воздуха вокруг ее тела, но движение сора-тобу-хиру было столь стремительным, что он даже не успел испугаться. Только тело на мгновение опалило внутреннем жаром да глухо екнуло сердце.

Хищник замер рядом с мимикродоном, оглядывая его, но пара глаз по-прежнему наблюдала за следопытом. Рыбкин не шевелился. Пиявка успокоенно склонилась над ящером, втягивая его голову в ротовое отверстие, и тут же вскинулась. Верхнюю часть ящера словно бритвой срезало, а внутри пиявки послышался глухой треск, потом сверху вниз по ее глянцевою, покрытому щетиной загнутых волос телу пробежала судорога, словно пиявка что-то глотала. Успокоенная неподвижностью следопыта пиявка взялась за ящера с жадным усердием. Не прошло и пяти минут, как от мимикродона осталась лишь темная подмерзшая лужица на песке. Остальное исчезло в бездонной утробе сора-тобу-хиру. Некоторое время пиявка снова настороженно наблюдала за человеком, потом приблизилась еще ближе, словно смерч обошла его кругом и вдруг резким неуловимым прыж-

ком отскочила на край бархана, не сводя с человека немигающих глаз. Человек оставался неподвижным, и пиявка успокоенно легла вдоль бархана. Слышно было, как у нее внутри что-то булькает и слабо посвистывает. Долгое время они наблюдали друг за другом, наконец пиявка снова обрела подвижную ртутную упругость и скачками унеслась по барханам прочь. С каждым прыжком она пролетала несколько десятков метров. Вскоре пиявки не стало видно, только над солончаками ее гибкое тело на мгновение металлически блеснуло под светом звезд и тут же погасло.

Феликс поднялся с песка, потянулся и сделал несколько выпадов в стороны, разминая мышцы. Он сделал это! От избытка чувств хотелось насвистывать или напевать, но в черном наморднике кислородной маски петь было затруднительно.

Хотелось немедленно с кем-то поделиться произошедшим, но Рыбкин сдержался. Все еще было впереди, а ненужные разговоры, которые неизбежно бы поднялись вокруг него, могли только повредить задуманному.

Глава 4

Похоже, мимикродоны постепенно начинали считать землян своими кормильцами. У Биоцентра на плантациях их собиралось сотни полторы, и забавно было наблюдать, как разношерстная толпа ящеров, принимая самую разнообразную окраску, степенно толпится у кормушек в ожидании, когда работающие на плантациях женщины вынесут кукурузные стебли или ботву моркови и редиса. Без сомнения, земная зелень казалась песчаным ящерам куда вкуснее марсианской колючки или кактусов. Ели мимикродоны так же степенно, как и жили. Вообще картина была уморительная. Представьте себе

кучу рыжих, под цвет песка, ящеров, которые, едва шевеля страшными треугольными мордами и распутив перепончатые капюшончики, рядами стоят на задних лапах и однообразно жуют пучки зелени, прикрывая от наслаждения глаза кожистыми бугристыми веками. Картина была странная и несколько комичная. Удивительное дело, но работницы Биоцентра их различали.

— Вон того зовут Адамсом, — показывала Галя Иваненко. — А вон того — с розовым капюшончиком — мы Дидимом назвали. Видишь, как он недоверчиво зелень обнюхивает?

— А по-моему, они все одинаковы, — искренне сказал Феликс.

— Ой, ну что ты! — почти обиделась Галя. — Ты только повнимательней к ним приглядишься. У Адамса каемочка на капюшончике широкая, а у Дидима видишь, какая впадинка сзади? И мордочки у них совершенно разные, как лица у людей.

— Мордочки... — только и пробормотал Феликс. Увидь такую мордочку во сне, месяц спать не будешь.

Они шли по дорожке к корпусу Биоцентра, и мимикродоны медленно провожали их взглядами, не переставая меланхолично жевать.

— Ты знаешь, Феликс, — похвасталась Галя, — они даже яички здесь неподалеку откладывать стали.

— Я и смотрю, — согласился следопыт. — Раньше мне казалось, что они только большими и бывают, а здесь вот и маленькие попадают.

Галя весело засмеялась.

— А маленькие прямо как дети, — сказала она. — Их даже огурцы собирать можно научить. Только они что сорвут, сразу в рот тянут.

«Детишки, — с чувством подумал Рыбкин. — Маленькие детишки. Кошмары из больных снов. Зря мы их приручаем. Жили они тысячи лет без людей и еще тысячу прожили бы. Но это же природа человеческая. Мы ведь все, что встреча-

ем на своем пути, стараемся как-то освоить. Растительность окультурить, животных приручить, а во всем остальном обязательно ищем источник энергии». Но тут же сам устыдился своих мыслей. А как тогда было назвать то, чем занимался он сам?

— А это наш Санька, — сказала Галя. — Ты только посмотри на него, он ведь такой уморительный.

Навстречу им ковылял маленький мимикродон. Рыбкин сам был невысоким, а ящер ему едва до пояса доставал. Капюшон у мимикродона висел складками, был ящер нежно-голубого цвета и в маленькой лапке держал длинный зеленый огурец, от которого он важно, но с видимым удовольствием откусывал.

— А почему Санька? — удивился Феликс.

— Да ты только присмотришься к нему, — всплеснула руками Галя. — Вылитый Александр Филиппович! И повадки такие же!

И в самом деле, при внимательном рассмотрении мимикродончик и в самом деле напоминал директора системы «Теплый Сырт» Александра Филипповича Лямина. Даже лапы он ставил немного неуклюже и ступнями внутрь, как это делал директор.

Феликс усмехнулся.

— А почему он голубой? — спросил он Иваненко.

— А это он в столовую забрел, — охотно объяснила Галя. — И так ему там понравилось, что он уже больше недели цвет не меняет. Как изменился под цвет стола, так и ходит. И все у дверей столовой отирается и скрипит — внутрь просится.

По обе стороны Биоцентра светлели пластиком парники. Было их десятков шесть — видно, Лямин серьезно озаботился питанием поселенцев. Знакомых на тропинке к Биоцентру встречалось много, но совсем незнакомых лиц встречалось еще больше. И неудивительно — с полутора тысяч население Теплого Сырта увеличилось в последние три года более чем вдвое, и всех знать было уже практически невозможно. Теплый Сырт рос. Если раньше купола монтировали из материалов, приве-

зенных с Земли, то сейчас хитроумные инженеры придумали, как отливать эти купола из кремнийлита — чего-чего, а песка на Марсе хватало. Купола получались довольно симпатичные и требовали лишь отделочных работ, но с этим успешно справлялась строительная бригада, организованная Виктором Кирилловичем Гайдадымовым. Вот уже полгода бригаду здорово выручали вакуум-сварщики, переброшенные из системы Сатурна. Там они монтировали международный СКАН на девятьсот человек, а теперь ждали на Марсе планетолет «Джордж Вашингтон», который должен был их доставить на Землю. Разумеется, сидеть сложа руки ребята не привыкли, и поселок рос как на дрожжах, уже и купола начали ставить впрок, в расчете на будущее расширение Теплого Сырта. Было сварщиков двенадцать человек, и бригадиром у них был Юра Бородин, который во время Большой облавы был стажером на «Тахмасибе». Тогда, помнилось Рыбкину, Юра был зеленым чечако, который на старожилос космоса взирал с благоговейным почтением. За время работы в окрестностях Сатурна Юра Бородин здорово вырос, вот уже и лидером стал среди своих ребят.

О гибели Юрковского и Крутикова на Марсе объявили в тот же самый день, когда они погибли. Многие плакали. Юрковского на Марсе любили, да и сам Рыбкин жалел о смерти Юрковского очень долго. Конечно, Владимир Сергеевич был немножечко позер и фанфарон, никто его, к примеру, не заставлял лезть вслед за пиявками в подземный город Чужих. И у кольца Сатурна никак нельзя было терять осторожность. Но, положи руку на сердце, пусть каждый скажет, что он сам без греха. Смелость Владимира Сергеевича искупала все его недостатки. Узнав о гибели Юрковского, Феликс ощутил тоску. Тогда Рыбкину казалось, что со смертью Крутикова и Юрковского был подведен итог целой космической эпохе, которую создали вошедшие в легенды Ермаков, Быков, Дауге, Крутиков, Юрковский, Бахтанджан, Гарди, Кяхов, Соммерсет — да невозможно было перечислить всех героев той поры, когда сам Феликс еще учился в Магнитогорском интернате.

Легенда о людях, покоривших Урановую Голконду, потрясла Феликса настолько, что он раз и навсегда определил для себя свою дальнейшую судьбу и шел к цели, не обращая внимания на людские насмешки и ухабы судьбы.

Разумеется, Рыбкина всегда интересовало, что все-таки нашли в кольце Сатурна вошедшие в легенды планетолог и космический штурман. Это что-то должно было быть очень значительным, чтобы солидные и умные мужики, забыв осторожность, полезли в смертельно опасное кольцо. Возможно, что эта находка была связана с марсианскими спутниками и городом Чужих. Скорее так, ведь Юрковский ясно сказал про шанс, который им выпал. Ладно, рано или поздно следопытам все равно придется пройти по следам первопроходцев.

И тайну кольца они тоже когда-нибудь обязательно разгадают.

В Биоцентре было довольнолюдно, и Рыбкин, попрощавшись с Галей Иваненко, сразу направился к Тому Джефферсону, но на половине дороги был перехвачен маленьким и сухопарым доктором Менделем.

— Рыбкин! — радостно вскричал Мендель. — Вот уж приятная встреча! Вы когда должны были прийти ко мне на профосмотр, Феликс?

Следопыт смутился.

— Извините, Лазарь Григорьевич, — виновато сказал он. — Замотался я в последнее время. Честное слово, завтра с утра я обязательно буду у вас.

— Ну, зачем же откладывать на завтра то, что мы отлично можем сделать сегодня? — удивился Мендель и распахнул дверь своего кабинета. — Прошу вас, товарищ Рыбкин!

Покоряясь неизбежному, Феликс вошел в кабинет.

Доктор Мендель внимательно осмотрел следопыта и, строго глядя на него, спросил:

— Вы когда последний раз были в спортзале, молодой человек?

Феликс развел руками.

— И не надо таких жестов, — сказал доктор Мендель. — Всегда надо помнить, что вы на другой планете. Дети знают, что Марс меньше Земли, а вот следопыты не знают. И центрифуга им не нужна, они, видите ли, и без центрифуги себя прекрасно чувствуют. — Он потянул к себе листок с расписанием космосообщения и бегло просмотрел его. — А вот отправлю-ка я вас на полгода на Землю. Вот тут у нас через две недели рейсовый планетолет прибывает...

— Все что угодно, доктор, — испуганно сказал Рыбкин. — Только не это!

Испуг его был таким неподдельным, что доктор Мендель усмехнулся. Был он одним из старожилков, из первой марсианской тысячи.

Сам он по профессии был хирург, но нехватка специалистов на Марсе заставила Менделя освоить и другие специальности. Лазаря Григорьевича побаивались за его твердость и жесткость позиции, при необходимости он любого мог уложить в маленький стационар Биоцентра на нужный срок и никаких ссылок больного на обязательность личного присутствия при проводимых работах или исследованиях не принимал. «Больной отстраняется от работы на время, — безапелляционно говорил он, — покойник же, к сожалению, — навсегда».

— Вы боитесь Земли? — удивился доктор. — Вы не хотите отдохнуть? Поплывать с аквастатом среди коралловых рифов?

Рыбкин вздохнул.

— Вы сейчас похожи на демона-искусителя, Лазарь Григорьевич, — сообщил он. — Вы сами-то когда последний раз на Земле были?

Доктор Мендель засмеялся.

— Прежде всего я пекусь о здоровье населения Теплого Сырта, — сказал он. — Ради этого приходится поступаться личными интересами.

Некоторое время они весело смеялись, глядя друг другу в глаза. После шпильки следопыта врач заметно подобрел.

Что-то записав в карточке Рыбкина, Лазарь Григорьевич улыбнулся:

— Зайдете ко мне через неделю, Феликс. — И погрозил сухоньким пальцем. — И о спорте, о спорте не забывайте, дорогой мой следопыт. Вам хорошая физическая форма куда важнее, чем другим.

Распрощавшись с доктором Менделем, Феликс поспешил к Джефферсону. На его счастье, Том все еще был на месте.

Главный ксенобиолог Марса был высок, могуч и бородат. Про Джефферсона говорили, что он одно время с успехом поигрывал в НБЛ за «Чикаго буллз», где его даже считали преемником великого Джордана, жившего в конце прошлого столетия. Но видимо, где-то в глубине души этого могучего негра жил ген путешествий, потому что в двадцать девять лет Том неожиданно для всех оставил баскетбол, защитил диссертацию по проблемам ксенобиологии и в составе шестой международной экспедиции ЮНЕСКО отправился на Марс.

— Слушаю тебя, Фил. — Джефферсон встал из-за стола и крепко пожал маленькую ладонь Рыбкина своей могучей ладонью. — Что тебя привело к нам?

— Хотел взять у тебя материалы по исследованию местной фауны, — сказал Рыбкин. — Это очень сложно, Том?

Хозяин белозубо усмехнулся.

— Какие могут быть сложности для хорошего человека? — пророкотал он. Что тебя конкретно интересует?

— Мимикродоны и пиявки, — сказал Феликс.

— По мимикродонам материалов более чем достаточно. — Джефферсон повернулся к столику с вычислителем. — А вот по пиявкам... Сам понимаешь, что это за твари. По сора-тобухиру у меня практически ничего нет, кроме единичных наблюдений. Обычно наблюдателям не везло. А материалы изучения гнездовой ты не хуже меня знаешь, вместе по подземельям лазили... Тебе все полностью сбросить?

— Разумеется, — кивнул Рыбкин.

— Не знаю, Феликс, что ты затеял, — сказал Джефферсон, — и спрашивать не буду. Но если ты присматриваешься к

мимикродонам, то должен тебя огорчить: ничего, кроме инстинктов на уровне, скажем, колонии пингвинов или стаи диких уток. Да что я тебе говорю, ты сам все видел, когда сюда шел.

Джефферсон помолчал, явно ожидая ответа.

— А близко интересоваться сора-тобу-хиру я бы тебе не советовал, — не дождавшись, проворчал он. — Это безжалостные и безмозглые убийцы, Рыбкин. С ними должны работать профессионалы. Для дилетантов это слишком опасно.

Он протянул Рыбкину катушку с материалами.

— Спасибо, Том, — вежливо сказал следопыт.

— Больше ты мне ничего не скажешь? — с некоторым раздражением осведомился Джефферсон.

— Пока еще рано, — сказал Рыбкин. — Пока еще я сам мало что понимаю, Том. А что касается специалистов... Тут ты прав, нет у нас пока специалистов по летающим пиявкам. И я боюсь, что они еще не скоро появятся.

— Как знаешь, — с сухой обидой сказал космобиолог. — Надеюсь, ты не натворишь глупостей.

— Я сам на это надеюсь, — тихо сказал Феликс и вежливо попросался. Когда он выходил, Джефферсон сидел лицом к вычислителю, и по прямой его спине было видно, что он очень обижен недоверием следопыта.

Глава 5

Сора-тобу-хиру прилетала, как по расписанию, каждый день. Вероятно, ее привлекали привозимые Рыбкиным мимикродоны, а может, пиявкой двигало любопытство хищника, столкнувшегося с незнакомым явлением. Так дикие волки на Земле ежедневно приходят к построенной в чаще охотничьей заимке, с любопытством обнюхивая пахнущие человеком предметы.

Пиявка явно привыкала к человеку. Теперь она уже нетерпеливо скользила к очередному мимикродону, жадно набрасываясь на него.

Нет, за следопытом она по-прежнему наблюдала, но взгляд пиявки теперь был иной, какой-то расслабленный, словно хищник убедился в отсутствии угрозы со стороны человека. Покончив с мимикродоном, пиявка вытягивалась на песке неподалеку от человека, и снова начиналось выматывающее состязание взглядов, но теперь уже пиявка изредка прикрывала глаза, словно немножечко уже верила в человеческую порядочность. Медленно Рыбкин придвигался к ней ближе. Пиявка настораживалась, видно было, как вспухают ее кольцевые мышцы. Округлый зев пиявки раскрывался, и внутри демонстрационно начинали двигаться длинные изогнутые челюсти, усаженные крупными и частыми треугольными зубами. Феликс замирал и ждал, когда пиявка успокоится, а потом вновь придвигался ближе, и снова пиявка напрягалась и вздувалась над багряно-рыжим барханом бурой запятой. Все еще оставалась черта, на которой приближение человека казалось пиявке опасным. Едва Феликс подбирался к этой черте, как сора-тобу-хиру упругой пружиной взвивалась в воздух, отскакивала на десяток метров и снова замирала на очередном бархане. Иногда она сопровождала свои движения странным скрежетом, словно предупреждала следопыта о том, что он не должен заходить слишком далеко. И тогда Рыбкин начинал разговаривать с хищником. Он рассказывал пиявке, каким он видит Марс, о том, когда и откуда прилетели люди, рассказывал о Земле, понимая, что поступает глупо, ведь вскрытиями убитых при облове пиявок было установлено, что сора-тобу-хиру слышат в ультразвуковом диапазоне. У пиявок даже имелся некий орган, который позволял хищнику подобно земным летучим мышам зондировать пространство вокруг себя и определять местонахождение цели на песке, а это было совсем немаловажным при охоте на мимикродонов, сливающихся с поверхностью планеты благодаря своей способности к мимикрии.

Но все-таки Феликсу казалось, что пиявка его слышит и что его рассказы как-то успокаивают животное. Сора-тобухиру медленно опускалась на песок, и даже скрежетания ее становились иными, они оставались ворчливыми, но Рыбкину казалось, что угроза из них исчезает. Правда, он не обольщался. Психология пиявки оставалась для него загадкой. Джефферсон был прав, приручением пиявки должны были заниматься специалисты. Но на Марсе таких специалистов не было. Да, пожалуй, и не только на Марсе, в Солнечной системе их не было пока, таких специалистов.

Пособия по приручению диких животных, полученные с Земли, Рыбкину ничего особо не дали. Они обосновывались опытом изучения земных животных, но кто и когда наблюдал за марсианскими пиявками? Накамура разве что, но профессор Накамура погиб, а свои дневники японец зашифровывал личным кодом, который до сих пор оставался непонятым. Честно говоря, Рыбкин не понимал Накамуру. Конечно, приоритет и личные амбиции играли какую-то роль, но кто бы полез в личные записи профессора без его на то позволения? Напряженная неделя подходила к концу. Днем Феликс работал по общей программе группы, обследуя Третий квартал подземного города, ночами он выходил в пески, чтобы встретиться с летающей пиявкой.

Времени на отдых оставалось мало, и если бы не фенилцитин, то Рыбкин скорее всего уже бы не выдержал. Все чаще он с тревогой думал о том, что ему предстоит показаться пред светлыми очами доктора Менделя. Мендель был строг и никогда не простит поселенцу такого безобразного отношения к собственному здоровью. Вот возьмет и отправит Феликса на Землю.

Разумеется, Феликса это никак не устраивало. «Надо выпасться, — все чаще думал он. — Хотя бы пару деньков. И обязательно сходить в спортзал. И на центрифугу».

И тут ему неожиданно повезло — группа Гемфри Моргана обнаружила на Южном полюсе удивительные по исполнению водонакопители, и все начальство Феликса отправилось туда.

Договорившись с ребятами из своей группы, Рыбкин решил исполнить задуманное и наконец хорошенько выспаться.

Проспав весь день, Феликс с удовольствием прошел оздоровительные процедуры, откатался на центрифуге, добросовестно оттаскал два дня в спортзале подготовленные тяжи и почувствовал себя значительно лучше. Не настолько, конечно, чтобы обмануть старого и опытного доктора Менделя, но вполне достаточно, чтобы убедить его в том, что следопыт Рыбкин решительно взялся за себя и свое здоровье. Он даже побывал на карнавале, который устроили в спортивном зале вакуум-сварщики во главе с Юрой Бородиным. Условия требовали от каждого обязательного карнавального костюма, и Феликс у полимерщиков отлил себе костюм графа Дракулы. Получилось довольно устрашающе и вместе с тем немножечко смешно, потому что Феликс не учел свой небольшой рост, а девушки в Теплом Сырте в массе своей были рослыми и длинноногими, и маленький граф Дракула в их оживленном окружении смотрелся достаточно забавно.

Бородин рассказал свою знаменитую историю об одноногом пришельце и объявил приз за лучшую гипотезу.

Историю эту Рыбкин слышал уже не однажды, поэтому он попробовал придумать логически непротиворечивую гипотезу, но так ничего и не придумал, кроме того, что уже высказывалось небожителями с кольца Сатурна. В конце концов он плюнул на все рассуждения и пошел танцевать с Даной Ливановой, которая пригласила графа Дракулу на белый танец.

Скоро всем стало хорошо, и веселье достигло своего апогея, когда Ирина Славина потребовала внимания. Под восхищенные аплодисменты в зал внесли первый ящик настоящего марсианского вина, пусть в пластиковых бутылках из-под сока, но настоящего красного вина из плантационного винограда «Изабелла». Желающих попробовать это вино оказалось много. Каждому захотелось быть причастным к историческому моменту и сделать глоток первого марсианского вина, пусть оно даже и уступало знаменитым земным винам и более напоминало сладенький, едва сдобренный градусами компот. Все

знали, какого труда стоило сотрудницам Биоцентра заставить заработать на Марсе земные бактерии брожения.

Рыбкину тоже сунули пластиковый бокал с багряным прозрачным вином. Феликс отошел в сторону, ужасно жалея, что рядом нет Наташи.

Все-таки праздник удался вакуум-сварщикам на славу, молодцы были вакуум-сварщики, даже жалко было, что скоро им всем предстояло улететь.

В самый разгар веселья и танцев в зал ворвался взъерошенный и возбужденный радист Игорь Халымбаджа.

— Товарищи, товарищи! — закричал он, потрясая листком с текстом радиogramмы. — Вот вы тут веселитесь, а Ляхов на «Молнии» сегодня в восемнадцать-десять стартовал с орбиты Луны! Первая межзвездная стартовала, товарищи!

Шум поднялся невероятный, но пронзительный голос Игоря выделялся и в общем гаме. Кто-то из межпланетчиков принялся выплясывать на сцене, вакуум-сварщики подняли Халымбаджу и принялись его качать. Игорь был довольно рослым и тяжелым, поэтому качали его с некоторыми усилиями, каждый раз рискуя уронить чествуемого на пол. Все это было прекрасно, все это было замечательно, но Феликс уже с тревогой поглядывал на часы — близилась его очередная прогулка по пустыне.

Воспользовавшись общей суматохой, он выскользнул из зала, переоделся в отсеке, который служил следопытам за общежитие, проверил комплектность и зарядку батарей для подогрева костюма, передернул оба затвора карабина и убедился, что магазины снаряжены. Десять минут спустя мотонарты уже несли его над темными барханами. Небо, как всегда в это время года, было звездным, и на севере молочно-бурым мутным круглым пятнышком повис Юпитер. Мороз был приличный, сразу чувствовалось, что приближаются осенние холода, а с ними и очередной сезон пылевых бурь, когда над пустынями повисает рыжий туман из пронизанного окисями железа песка и испарившейся влаги. Тысячи тонн песка, взвихренного холодными марсианскими ветрами, медленно оседали в

пустыне, меняя лик планеты, создавая на ее поверхности иллюзии каналов, человеческих лиц, пирамид и поделенных на кварталы городов. Неудивительно, что астрономы прошлого, наблюдавшие Марс с Земли, так жестоко обманывались в своих наблюдениях.

Солончаки белыми иглами блестели под светом звезд. Над бурой пустыней катился молочно-белый Деймос, а на западе узкой полоской уже догорала слабенькая марсианская желтовато-зеленая заря.

Наступало время осеннего созревания, и вся пустыня была покрыта катящимися по воле ветра колючками. Впрочем, ветер ветром, но почему-то многие кактусы катились как раз против ветра — туда, где в зареве прожекторов высвечивались купола Теплого Сырта, и это было очередной марсианской загадкой, требующей своего разрешения.

Обсерваторию освещали прожектора, и было видно, как вращается пропеллер ветряка и ветер гоняет над крышей западного павильона флюгер. Иллюминаторы жилого отсека были темными — похоже, ребята работали, а скорее всего просто еще не вернулись с праздничного карнавала.

Зато сора-тобу-хиру уже была здесь, Феликс сразу же увидел ее длинный след, словно по песку протянули мешок с чем-то тяжелым. След кончался округлым отпечатком пиявочной пятки. Он едва успел отправить мотонарты обратно, как пиявка появилась. Она была бесшумная и стремительная, как тень. Покружившись рядом с Рыбкиным, летающая пиявка направилась к очередному мимикродону. Ящеров Феликс старался отстреливать подальше от Теплого Сырта, не дай бог подстрелить какого-нибудь женского любимца, упреков бы хватило на всю оставшуюся жизнь. Смотреть на то, как пиявка обрабатывает мимикродона, было неприятно и жутковато. Острые челюсти пиявки отхватывали от бедного ящера пласт за пластом, оставляя чистые срезы плоти, еще сочащиеся густой оранжевой кровью. На этот раз пиявка повела себя не совсем обычно. Оставив недоеденного мимикродона, она скользнула ближе к следопыту. Теперь она была так близко от Рыбкина, что при

желании Феликс мог бы дотянуться до нее рукой. Сора-тобухиру, покачиваясь на мускулистой пяте, внимательно смотрела на человека. Глаза у нее были желтоватые, с длинными вертикальными зрачками, они ярко блестели, и в них отражались пустыня, звезды и сам следопыт. Сора-тобухиру заскрежетала горловыми пластинами, качнулась вперед, и ее тело мелькнуло рядом с лицом Рыбкина. Кислородная маска не давала почувствовать запаха хищника, но Феликсу показалось, что он ощущает приторную сладость свежей крови.

Так же стремительно пиявка качнулась назад к мимикродону и вновь изогнулась над ним, заканчивая трапезу. Оставив на песке влажные следы крови, пиявка вытянулась вертикально, внутри нее что-то заклокотало, и послышался звук, напоминающий глухой выдох. Желтые немигающие глаза пиявки по-прежнему смотрели на человека. Рыбкин не шевелился. Пиявка приблизилась и вытянулась на песке рядом с человеком. У нее было темное глянцевое тело, состоящее из тугих колец, поросших изогнутой редкой щетиной.

Рыбкин осторожно вытянул руку, буквально по миллиметрам приближая пальцы к ее телу. Наконец пальцы в перчатках ощутили упругую жесткость щетины, скользнули дальше и коснулись темного бока пиявки. Рыбкин подержал руку на теле пиявки, потом, неожиданно для себя самого, принялся поглаживать бок хищника. Вряд ли задубевшая шкура пиявки чувствовала его прикосновения, но он медленно почесывал ее, раздвигая щетину, и с удовлетворением видел, как медленно гаснет цепочка желтых глаз, скрываясь за бугристой кожей век. Это были секунды обоюдного доверия. Сердце Феликса билось так неистово, что он боялся его стуком испугать хищника. Он был первым, кто коснулся живой пиявки.

Коснулся — и остался жив.

Сколько времени прошло в этом странном единении, Рыбкин не знал. Из оцепенения пиявку вывел салют, вспыхнувший над далекими куполами Теплого Сырта. Следопыт вдруг ощутил, как упруго вздулись мускулы под жесткой шкурой, а в следующий момент сора-тобухиру уже плясала на гребне

высокого бархана метрах в десяти от Рыбкина, а в фиолетово-темном небе за ней рассыпались искрами огненные шары салюта.

Сполохи высветили летающую пиявку в ее полном великолепии. Сейчас эта страшная обительница Марса выглядела удивительно изящно. Но салют испугал сору-тобу-хиру, пиявка взвилась в воздух, и вскоре ее тень стремительно промелькнула на фоне пылающих ярких созвездий, уносясь через холодные марсианские солончаки, вдруг радужно вспыхнувших под рассыпающимся в небе салютом.

Глава 6

Новости, которые происходили в Большом мире, обитатели Теплового Сырта узнавали из компакт-радиограмм, поступавших с Земли. Использовался старый способ, который применялся военными разведками еще со Второй мировой войны. Информация записывалась на большой скорости и в несколько секунд выстреливалась на приемники межпланетных станций, где аппаратура производила обратную развертку информации.

Таким же способом передавалась необходимая научная информация, запрошенные специалистами научные монографии и материалы научных конференций и симпозиумов, в том числе полученных с других планет Солнечной системы. Халымбаджа был большим специалистом в обработке полученных КРабов, к тому же на него работал кибернетический центр Марса, поэтому заказываемую литературу Феликс Рыбкин получал без запоздания, чему немало способствовал и тот факт, что Игорь относился к следопытам с нескрываемой симпатией. В обмен на свою оперативность он всегда требовал от них рассказов о своих находках и изысканиях. Неудивитель-

но, что в отдельных вопросах Халымбаджа был информированной самого директора Теплового Сырта Александра Филипповича Лямина.

Последнее время он атаковал Феликса.

— Слушай, Феликс, — ныл Игорь. — Расскажи! Я же вижу, ты снова что-то затеял. И вечерами тебя не бывает. Где тебя носит, а? Вроде и Наталья еще не прилетела.

Как все информированные люди Теплового Сырта, он был в курсе астрономического романа Рыбкина, всячески сочувствовал ему и страшно радовался, когда Феликс делился с ним своими переживаниями. Сейчас его задевало таинственное молчание Рыбкина. Вот уж действительно загадочный человек. Не зря же сам Игорь назвал Феликса Лоуренсом-Марсианским. Неделями где-то пропадает, а потом такое выдает, что все поселение месяц гудит, осмысливает новые открытия следопытов.

— Ну, Феликс! — Глаза у Халымбаджи были такие умоляющие и страдальческие, что порой Рыбкина так и подмывало выложить радисту все. Ведь было что рассказать, честное слово, было!

С каждой новой встречей Феликса и сору-тобу-хиру связывали все новые ниточки взаимопонимания. Уже через два дня Рыбкин отправился на встречу без очередного мимикродона. Этой встречи Феликс опасался больше всего. Ведь ему предстояло встретиться с голодным хищником, и неизвестно было, как летающая пиявка себя поведет. Голод не тетка, голодная пиявка вполне могла наброситься на человека, который после долгих встреч казался ей абсолютно беззащитным.

И действительно, некоторое время пиявка кружила по окрестностям бархана в поисках мимикродона, пока не сообразила, что на этот раз добыча ей не приготовлена. Минут двадцать она недовольно булькала и шипела на соседнем бархане, потом спустилась с гребня и приблизилась к следопыту. Рыбкин напрягся, увидев рядом цепочку голодных желтых глаз. Спроси его кто-нибудь, почему он посчитал пиявку голодной, Рыбкин бы, пожалуй, не ответил. Возможно, что за время кон-

тактов с сору-тобу-хиру он научился определять состояние хищника, но скорее этот вывод он сделал из того, как настойчиво летающая пиявка искала очередного мимикродона. Сытый хищник не заботится так о своем пропитании. Впрочем, и этот вывод Рыбкин сделал на основе изучения материалов о земных хищниках. Многие исследователи указывали, что хищник никогда не убивает свои жертвы без причины, он убивает всегда для того, чтобы насытиться. Убивать без причины — привилегия человека, его отрицательное и страшное качество.

Пиявка покачалась над следопытом, выжидательно разглядывая его. Феликс сидел в напряжении, чувствуя, как медленно текут по его спине холодные струйки пота. Мышцы окаменели, готовые в любую секунду взорваться от выброса адреналина. Сейчас Рыбкин чувствовал свое тело настолько, что слышал даже биение пульса и мерное тиканье часов на обеих руках. Пауза становилась все более напряженной и опасной. Летающая пиявка, выгибаясь гибким сегментным телом, описала вокруг следопыта круг и вновь остановилась перед ним. Теперь Рыбкину казалось, что в желтых немигающих глазах пиявки сквозит любопытство. Внутри пиявки снова что-то заклокотало, она изогнулась и, совершив головокружительный бросок, скрылась за ближайшим барханом. «Вот и все, — устало подумал Феликс. — Без мимикродона я ей не интересен. Хорошо, что не напала».

Он приподнялся — и, как выяснилось, поспешил. Стремительная тень мелькнула у него над головой, и летающая пиявка явилась вновь. Она снова застыла перед человеком, покачиваясь и раздувая верхнюю часть своего конусообразного тела.

И снова человек и инопланетный хищник замерли друг против друга в безмолвном ожидании. Этакая война нервов, в которой победа должна была принадлежать тому, кто окажется терпеливей.

Пиявка сдалась первой. Она знакомо зашипела, вытягиваясь на бархане и расслабляя кольца. Феликс протянул руку,

касаясь ее упругого тела. Пиявка смотрела на него. Феликс снова принялся почесывать бурое и бугристое тело хищника, ощущая пальцами грубую жесткую щетину. Летающая пиявка развернулась во всю свою шестиметровую длину, шумно выпуская воздух, и заскрежетала. Тело ее пружинисто выгнулось навстречу человеческой руке, и Феликс с облегчением понял, что в этом опасном поединке он одержал очень важную и необходимую победу. Желтые глаза пиявки расслабленно погасли. Из верхней части конуса, где скрывалась круглая пасть с зубастыми пластинами челюстей, послышалось нечто вроде довольного урчания. Казалось, что на сору-тобу-хиру напало какое-то странное оцепенение. Она лежала неподвижно, отдаваясь рукам человека, словно испытывала удовлетворение от прикосновения человеческих рук.

Вокруг них была холодная марсианская пустыня, над которой горели яркие немигающие звезды. Волнистая из-за бесконечных барханов равнина отражала свет звезд, искрясь кристаллами солончаков. Время от времени неподалеку с шуршанием пролетали марсианские кактусы. Где-то далеко полыхнула зарница — аресологи запустили в верхние слои атмосферы Марса очередную геофизическую ракету.

Неожиданно летающая пиявка пошевелилась. Мягкие бока ее налились жесткой упругостью футбольного мяча, летающая пиявка шумно засасывала воздух внутрь своего тела, и слышно было, как воздух клокочет внутри ее дыхательных камер, смешиваясь с водородом и превращаясь в горючую смесь, позволяющую марсианскому хищнику совершать огромные прыжки.

Вспыхнули огоньки глаз. Пиявка приподнялась над песком, некоторое время качалась из стороны в сторону, словно дерзость человека ее изумляла, потом с легким шуршанием обогнула его по кругу и замерла, вытягиваясь во весь свой рост. Рыбкин почувствовал себя крошечным рядом с этим исполином. Пиявка опять с шумом выдохнула воздух, и на песке взвились фонтанчики потревоженного песка. Кольца летаю-

щей пиявки стали упруго сжиматься, пиявка резко уменьшалась в размерах, и вот уже цепочка ее глаз вновь оказалась на уровне лица человека. Бам-м! — словно лопнула струна невидимого музыкального инструмента. Машинально Феликс закрыл глаза, а когда открыл их, пиявка уже плясала на высоком гребне бархана, готовясь к новому прыжку.

Дождавшись окончательного исчезновения пиявки в холодном безжизненном пространстве пустыни, Рыбкин сел на песок, посидел немного, мечтательно глядя на звезды, потом откинулся на спину и, счастливо улыбаясь, закрыл глаза.

— Рыбкин! — Голос Халымбаджи привел следопыта в чувство. — Ну, расскажи хоть что-нибудь! Это правда, что ты занимаешься пиявками?

— С чего ты взял? — насторожился Феликс.

— Но я же не похож на идиота, — сказал Игорь. — У Джефа ты снял весь массив информации по сору-тобу-хиру и мимикродонам, с Земли тебе идут материалы по дрессировке хищников... Ты мне одно скажи, получается?

«Ну, Том, — с неожиданным для него самого раздражением подумал Рыбкин. — Нашел кому рассказать!»

Он был несправедлив к радисту. Игорь Халымбаджа был неплохим парнем, разве что любопытство у него бежало впереди рассудительности, а язык порой обгонял мысль. Но подобные недостатки присущи не только радистам, справедливо рассудил Рыбкин, порою ими и следопыты грешат.

— Позже, Игорек, позже, — досадливо морщась, сказал следопыт. — Еще на пару недель у тебя терпения хватит?

Радист почему-то огляделся по сторонам.

— Обещаешь? — жадно спросил он.

— Обещаю, обещаю, — махнул рукой Рыбкин. — Только ты пока никому не слова. Я обещаю, что ты все узнаешь первым. Хорошо?

— «Джордж Вашингтон» на подходе, — поощрительно сообщил Халымбаджа и улыбнулся. — Они три дня назад в режим торможения вошли.

Глава 7

А на следующую ночь, ближе к утру, сору-тобу-хиру спасла ему жизнь. Было это почти на заре, когда бледная желтая полоска зари высветила горизонт на востоке, и звезды стали тускнеть и исчезать одна за другой с неба, медленно светлеющего до нежных фиолетовых оттенков. Промерзший за ночь песок марсианской пустыни с легким шипением отдавал воздуху влагу, заискрились таинственно солончаки, и среди блестящих кристаллов соли засуетились со свистом колючие темные шары кактусов. Марсианские колючки начали вылезать из песка, разбрасывая по мерзлой поверхности барханов широкие листья, торопясь впитать влагу, которая легким туманом повисла между барханов. Феликс возвращался на Теплый Сырт с базы следопытов у чужого города. Он вышел пораньше, чтобы к восходу солнца добраться до поселения. Марс был значительно меньше Земли, и со всем своим снаряжением Рыбкин весил чуть более тридцати пяти килограммов, поэтому идти было легко.

К северу над горизонтом мерцали две яркие голубоватобелые звезды. Одна из них, несомненно, была Землей, вторую же Рыбкин никак не мог опознать, пока не догадался, что это не звезда, а планетолет, идущий в режиме торможения. Скорее всего это был планетолет «Джордж Вашингтон», на котором должна была прилететь Наташа. От этой мысли даже просто смотреть на ослепительную звездочку у горизонта стало теплее и приятнее.

Рыбкин расслабился, и это едва не погубило его. Пиявка вынырнула из барханов неожиданно, следопыт заметил ее в последний момент, когда сору-тобу-хиру уже развернулась для нападения, открыв жуткую зубастую пасть. Летающая пиявка была огромной, она пронеслась над барханом темной тенью, на секунду замерла в воздухе, изогнулась перед атакой, и Феликс понял, что теперь уже он ничего не успеет сделать.

Неожиданный удар сшиб его на мерзлый песок. Феликс упал, обрушив на себя часть изогнутого бурого бархана, и неловко завозился, пытаясь подняться. Нового нападения почему-то не последовало. Причину этого Феликс понял, когда поднялся и отряхнул со стекол очков налипший песок. Над барханами в жестокой схватке сцепились две сору-тобу-хиру — одна была гигантской, не менее чем в двенадцать колец, вторая, более активная, была значительно меньше, но вместе с тем подвижнее. Меньшая пиявка яростно накидывалась на своего сородича, яростно оттесняя его в пустыню. Медленно, но неотвратно, расстояние между пиявками и следопытом увеличивалось. Большая пиявка отказалась от нападения и скачками устремилась на юг. Меньшая пиявка последовала за ней. Обе пиявки совершали гигантские и стремительные скачки, пока не растворились в холодном красном безмолвии пустыни, над которой уже желтел холодный кружок Солнца в окружении неяркой марсианской зари.

Рыбкин сел на песок, запоздало переживая ужас нападения. Несомненно, меньшая пиявка спасла ему жизнь. Среагировать на это нападение Феликс бы не сумел. «Сегодня же привезу ей большого мимикродона, — подумал следопыт. — Или даже двух. Она это заслужила!» Неизвестно почему, но он был уверен, что это была его пиявка. В конце концов, не было на Марсе случая, когда одна пиявка нападала на другую с целью защиты жертвы. Совместной охоты пиявки тоже никогда не вели. Сору-тобу-хиру всегда охотились в одиночку. Феликс расстегнул клапан, достал из комбинезона фляжку с горячим кофе и жадно сделал несколько глотков. Он живо представил вдруг, как пиявка разделяется с ним, оставляя на теле ровные срезы, которые Феликс уже не один раз видел на тушах мимикродонов. Ему стало не по себе, и он против воли опасно огляделся.

Пустыня постепенно оживала. На солончаках зашевелились темные шары кактусов. Они выпустили длинные толстые стрелы стеблей, на которых навстречу солнцу раскрывались

огромные мясистые листья. Через час листья пожухнут и опадут, но запасенной с их помощью энергии кактусам будет достаточно, чтобы превратить свое тело в емкий кислородный баллон. Вдоль бархана потянулась цепочка бугорков — мимикродон куда-то направлялся по своим делам, не рискуя высунуть своего страшного рыла из-под залежей красного песка. Скорее всего он видел недавнюю схватку в воздухе, и эта схватка произвела на него неизгладимое впечатление.

Похоже, что схватка эта произвела впечатление не только на мимикродона. Рыбкин услышал далекие голоса, доносящиеся от сверкающей на солнце обсерватории, и увидел группу людей, неуклюже бегущих по красному песку в его сторону.

Пенькова и Матти Феликс узнал сразу, но третья фигурка... Она была значительно стройнее двух других. Феликс закрыл глаза, чувствуя, как яростно забилося его сердце. Он недоуменно посмотрел на север, где неярко и ровно горели две большие звезды. Одна из них, несомненно, была Землей. Вторая... Феликс обязательно хлопнул бы себя по лбу, если бы не надетые на лицо кислородная маска и очки. Спутать СПУ-комплекс с тормозящим планетолетом! На это был способен лишь новичок, космический первогодок, для которого нет разницы между пламенем тормозного двигателя планетолета и плазменным сгустком солнечного генератора, которому в ближайшем будущем предстояло освещать и согревать поверхность Марса вместо центрального светила.

Маленькая фигурка в комбинезоне с разбегу упала на колени перед следопытом.

— Живой? — услышал Феликс голос Наташи.

Она уткнулась кислородной маской в плечо Рыбкина.

— Нет, ты все-таки дурак, Феликс! Дурак, дурак, дурак! Я о нем беспокоюсь, места себе на Земле не нахожу, а он тут чем занимается?!

Рыбкин боялся пошевелиться и неосторожным движением спугнуть девушку. Еще больше он боялся расплескать чувство счастья, которое вдруг до краев наполнило его душу.

Пеньков и Матти смущенно переминались рядом, не решаясь вмешаться в это неожиданное объяснение.

— Что с ним делается? — наконец неловко пробасил Пеньков. — Он, говорят, в одиночку весь подземный город облазил. Еще до облавы.

Матти локтем ткнул громоздкого Пенькова в бок. Пеньков по-детски шмыгнул носом и замолчал. Слышно было, как он переводит дыхание. Мембраны в маске хрипели.

Рыбкин осторожно отстранил Наташу, отстегнул свою кислородную маску и поцеловал девушку в открытую часть щеки.

Матти деликатно отвернулся и фальшиво озабоченным голосом предложил Пенькову:

— Володя, пошли посмотрим солончаки. Мне кажется, она вылетела из трещины.

— А по-моему... — начал Пеньков, но Матти сделал страшные глаза, и неуклюжий астроном наконец сообразил.

— Ага, — заторопился он. — А Феликс за Наташенькой присмотрит!

Они, смешно подпрыгивая и держа карабины на изготовку, поднялись на высокий бархан.

Наташа смущенно освободилась, поднялась на ноги и, глядя в сторону, сказала:

— Ну, вот я наконец и вернулась. Ты рад?

— Ужасно, — признался Феликс. — Ты даже не представляешь, как я рад!

Их переход на «ты» был так естественен, что никто из них не смутился. Тем не менее Наташа отвела взгляд и принялась отряхивать меховой комбинезон от песка.

— Я так испугалась! — сказала она. — Ребята меня встречали, а тут, смотрим, на тебя сразу две пивявки набросились! Как только они тебя не тронули!

Феликс встал, наклонился и поднял с песка карабин. Матти с Пеньковым были метрах в двухстах от них. О чем-то разговаривая между собой, они неторопливо возвращались назад.

За их спинами поблескивали стволы карабинов. Пеньков словно футбольный мяч гнал перед собой кактус.

— Пойдем, — сказал Феликс. — Я тебя провожу.

— А мальчишки? — встревожилась девушка.

— Они уже тоже возвращаются, — сказал Феликс.

— А если пиявка действительно выбралась из расщелины? — продолжала тревожиться Наташа.

Следопыт снова посмотрел на возвращающихся из солончака астрономов.

— Нет там никакой расщелины, — сказал он. — Просто ребята не хотели смущать нас.

Девушка подошла ближе, заглядывая Рыбкину в глаза, и Феликс вновь ощутил теплую волну нежности. Он осторожно взял девушку за руку, и, несмотря на то что оба они были в меховых перчатках, они ощутили тепло рук друг друга. Взявшись за руки, они двинулись к куполу обсерватории, около которого с карабином в руках стоял Сережа Белов.

Глава 8

Свадьба Феликса и Наташи была на Марсе третьей.

Было шумно и весело. Приглашены были многие — пожаловали следопыты во главе с Опанасенко, астрономы из обсерватории и другие, знавшие Рыбкина и Наташу. Женщины с Биоцентра преподнесли невесте букет огромных красных тюльпанов. С тюльпанами в руках и в белом платье, которое за два вечера сшил слывший марсианским модельером Саня Дрекслер, Наташа смотрелась потрясающе. Поддерживая сзади фату, за ней уморительно и неуклюже ковылял мимикродон Санька. Сейчас он был белоснежным, как невеста, и с большим алым пятном на груди. Поселенцы пили марсианское вино, изготовленное в Биоцентре под

руководством Ирины Славиной, директор системы «Теплый Сырт» Александр Филиппович Лямин щедрым жестом выделил молодоженам новенький жилой купол. «Джордж Вашингтон» все еще тестировал отражатели, и вакуум-сварщики под руководством Юры Бородина закончили оборудование купола, а на куполе сварили веселого и симпатичного микродона, опирающегося на семигранную гайку. Да и сыграли они на свадьбе весело и самозабвенно — ансамбль их, состоящий из двух гитар, синтезатора и скрипки, мог поднять из могилы мертвого, а на свадьбе собрались молодые люди, любящие со вкусом повеселиться, поэтому и свадьба была яркой и веселой, благо, что Лямин щедрость свою не ограничил подаренным куполом и объявил день свадьбы всеобщим выходным днем.

Гемфри Морган, прилетевший с юга, подарил невесте букет из веточек колючего саксаула. На каждой из них нежно светился крошечный красно-синий цветок. Можно было представить, сколько труда потребовалось следопытам, чтобы собрать этот маленький букет, всем ведь известно, что колючка цветет крайне редко — один раз в пять марсианских лет.

Феликс вспомнил, как они с Наташей нашли цветущую колючку в развалинах чужого города, который долгое время принимали за заброшенную старую базу землян. Они бродили среди проломленных куполов на шестигранных основаниях, все вокруг густо поросло марсианской колючкой и саксаулом, тонуло в песке и пыли, а в пустых куполах гулко отзывалось на любой звук крикливое эхо.

Наташа увидела свисающий из трещины в цементе толстый стебель колючки с крошечным цветком на конце и принялась считать кольца, которые образовывались на колючке после каждого цветения. Наташа насчитала восемь колец, свидетельствующих о том, что колючке в цементе было восемьдесят земных лет, а это значило, что брошенную базу никак не могли построить земляне, потому что они высадились на Марсе значительно позже.

Сам он знал об этом значительно раньше, когда бродил по развалинам и спускался в темные жуткие провалы, ведущие в пустые подземные катакомбы. Сначала вокруг были только бетон и ржавые железные конструкции, потом следопыт оказался в странном круглом тамбуре и, наконец, вошел в коридор, стены которого неожиданно осветились неярким янтарным светом. Источник свечения находился где-то внутри матовых ярко-желтых стен. Удивительно, но свечение гасло, стоило лишь покинуть коридор. Видимо, в стены и пол коридора были вмонтированы датчики, реагирующие на появление в нем любого существа. Опанасенко очень удачно назвал материал стен янтаринном — он действительно светился, как балтийский янтарь.

Пиявки жили во мраке высохших туннелей водораспределителей, там у них были гнезда, свитые из высохших стеблей марсианского саксаула и неведомо откуда взятой блестящей ткани, постепенно превращающейся в пыль.

С непонятной тревогой Рыбкин подумал о летающей пиявке, несомненно, она должна была появиться в пустыне у солончаков. Ей тоже понравилась эта игра с человеком.

Но подбежала возбужденная и радостная невеста, увлекла Феликса в круг танцующих, и ему стало не до забот, ведь это был их день, и Феликсу хотелось, чтобы Наташе было сказочно хорошо.

Потом праздник продолжался для них двоих, и к обсерватории они отправились лишь на четвертый день.

Марсианская осень вступала в свои права, между волнами хрупких от морозов барханов чернели остатки кактусов, уже выпустивших свои споры на волю ветра. Взорвавшиеся кактусы напоминали спустившие камеры поливиниловых мячей. Марсианские колючки округлились, свили свои стебли в тесные кольца и приготовились к зимовке. Южный ветер сдувал с барханов рыжую пыль и гнал ее поземкой через всю пустыню. Чистые летом темно-фиолетовые небеса уже заметно помутнели, и Феликс пожалел, что они не воспользовались мо-

тонартами — наверное, Наташе было трудно идти по постоянно меняющей свои очертания пустыне.

— Смотри, Пеньков, — удивленно сказала Наташа. — Что они там делают?

В стороне от купола обсерватории, окруженной павильонами, ближе к солончакам среди ржавых песков чернели три маленькие человеческие фигурки.

«Интересно, как она с такого расстояния Пенькова угадала?» — с неожиданно проснувшейся ревностью, которая удивила его самого, подумал Рыбкин.

— И Матти с ним, — сказала Наташа. — По-моему, они что-то нашли!

Они свернули. Теперь ветер дул им в лицо, щипая за открытые участки кожи на лице. Феликс старался идти так, чтобы Наташа оставалась у него за спиной. Чем ближе они подходили к группке людей в пустыне, тем худшие предчувствия овладевали следопытом. По всему выходило, что астрономы толпились там, где происходили его встречи с летающей пиявкой. Рыбкин невольно ускорил шаги.

Теперь он сам узнал и громадного плечистого Пенькова, который, опираясь на карабин, что-то оживленно говорил Матти, жестикулируя свободной рукой. Сережа Белый сидел на корточках, разглядывая между барханами что-то невидимое следопыту.

Заметив приближающихся людей, все трое астрономов выпрямились.

— А-а, Феликс! — радостно сказал Пеньков. — Здравствуй, Наташенька!

— Что это вы здесь собрались? — спросила Наташа. — А программа наблюдений?

Матти крепко пожал руку Рыбкину.

— Пеньков пиявку убил, — объяснил он. — Ждали вас утром, смотрим — кружится. Володька взял карабин — и в пустыню!

— С первого выстрела снял! — хвастливо объяснил Пеньков. — Нет, Феликс, все-таки эти подствольники — классная

штука. Правда, и пиявка удачно подставилась, с первой гранаты — напополам.

Следопыт подошел к краю бархана и заглянул вниз. На мерзлом красном песке темнело пятно, посреди которого неподвижно лежало бурое тело пиявки, изуродованное взрывом гранаты. Он машинально посчитал сегменты. Сегментов было шесть. «Все правильно, — с тоскливым гневом подумал Феликс. — Наверное, она ждала меня здесь всю ночь. И удивлялась, что я не прихожу. А утром увидела Пенькова. И радостно бросилась ему навстречу. Как собака, которая долго ждала хозяина. Она же не знала, что Пеньков встретит ее выстрелом из гранатомета! Она ждала хозяина, друга ждала, а не охотника...»

Он осторожно прыгнул с бархана и подошел к убитой пиявке. Шесть глаз ее были широко и укоризненно открыты. Рыбкин отвел глаза. Утренняя радость куда-то исчезла, на смену ей пришло неожиданное горькое отчаяние. Он не мог смотреть на Пенькова, хотя и понимал, что это глупо, что простодушный астроном ничего не знал. Винить следовало прежде всего самого себя. Если бы ребята знали...

Че-ерт! Он стиснул кулаки, стараясь не смотреть ни на дышащего радостью Пенькова, ни на ничего не понимающих, но чувствующих неладное Матти и Белого, на встревоженную его поведением Наташу. Говорить ничего не хотелось. Да и что теперь говорить!

Феликс сел на край бархана, чувствуя, как предательски влажнеют под маской щеки. Как все глупо получилось! Он с размаху ударил кулаками в мерзлый неподатливый песок.

— Он же за Наташу боялся... И за тебя! — что-то сообразив, вздохнул Матти.

— Ну! — подтвердил Пеньков, бестолково взмахивая обеими руками.

Карабин был уже у него за спиной, и лучи красного солнца робко играли на ворони ствола.

— Помолчите, ребята, — негромко сказал Сергей. — Кажется, ты опять сделал что-то не то, Володя!

Наташа молча присела на бархан рядом с мужем. Ее присутствие делало осознание собственной вины еще более острым. Рыбкин судорожно вздохнул, посмотрел в темно-фиолетовую бездну над головой. В бездне бледно расплывались вдруг растерявшие резкость звезды.

Можно было продолжать искать оправдание себе, Пенькову и всем тем, кто никогда не ходил по пустыням Марса без карабина. Но все это было бы лишь ненужной и пустой тратой времени. «Хватит стрелять, — неожиданно подумал Феликс. — Хватит. В прорезь прицела никогда не увидишь чужой души. То, что видно в прицел, всегда становится мишенью...»

Красное холодное солнце высвещало безжизненные марсианские пески до самого горизонта. На западе стремительно восходил похожий на тающую льдинку Деймос.

Наташа положила руку на плечо Феликса. Рядом с ними уныло топтались ничего не понимающие астрономы. В низинке между барханами блуждали тени, и с легким льдинистым звоном скапливался бурый марсианский снег, постепенно заметая остывшее тело мертвой пиявки.

Убивать — это проще всего. Куда сложнее делать из вчерашних врагов друзей и чувствовать, что ты всегда в ответе за тех, кого однажды приручил, что ты должен, ты просто обязан дарить им тепло и свет своей человеческой души.

Царицын, май 1999 года

Содержание

Инспектор Внеземелья	5
Перекресток	199
Ловушка для нарушителя	267
Звери у двери	313

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах**:

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Синякин Сергей Николаевич
Люди Солнечной системы
Сборник повестей

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: С.В. Шумилин
Компьютерная верстка: М.В. Пашенко
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

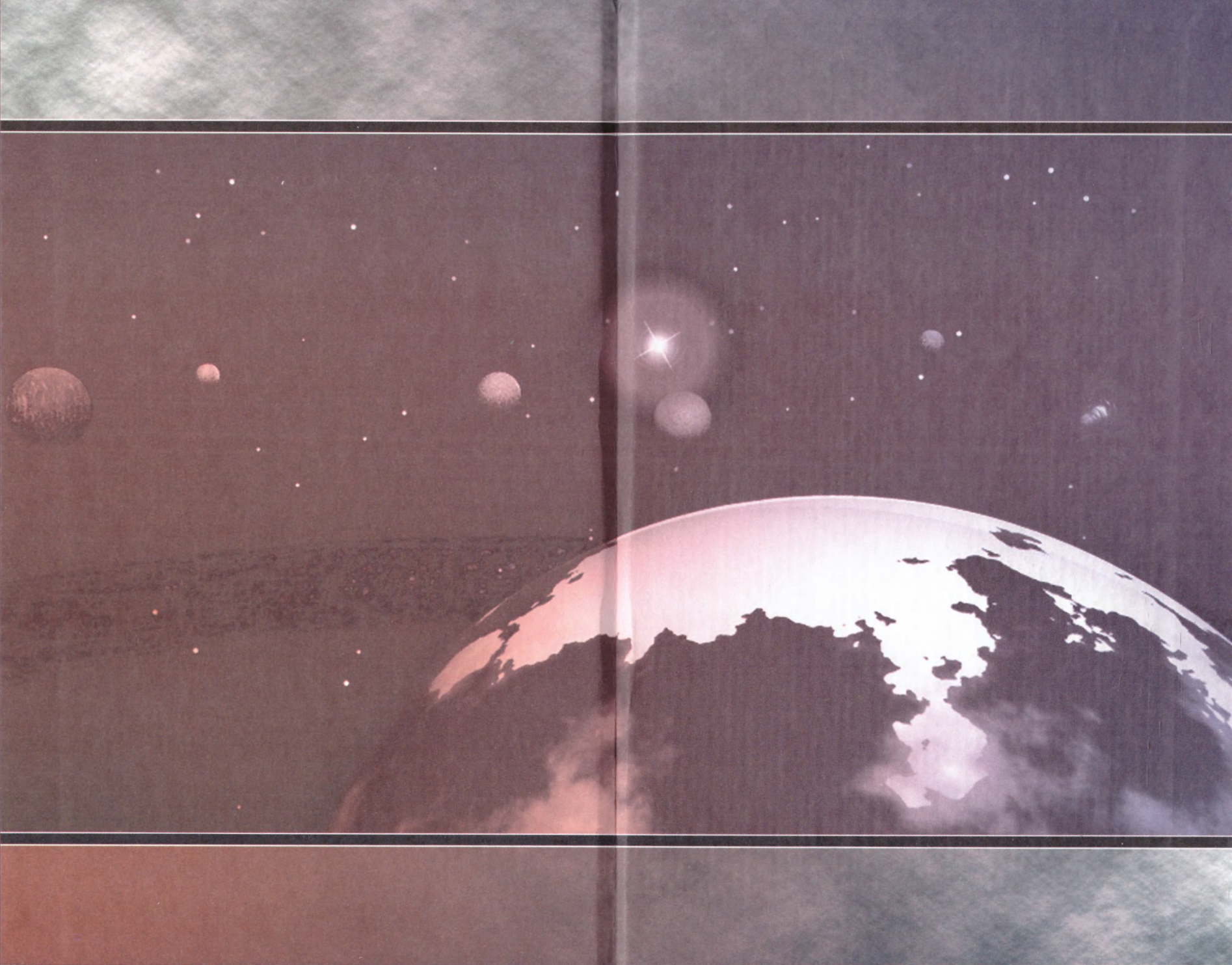
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано по заказу ООО «Траизиткнига»

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
“Самарский Дом печати”
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам

ISBN 5-17-015687-1

9 785170 156870

ЛЮДИ СОЛНЕЧНОЙ
СИСТЕМЫ

Первые высадки землян на иных планетах...

Первые попытки колонизации Солнечной системы...

Первый контакт с пришельцами...

Перед вами — ближайшее будущее по Сергею Синякину. «Романтика освоения космоса» — такая, какой может увидеть ее только самый дерзкий, самый озорной и забавный из современных отечественных фантастов.

Читайте «Люди Солнечной системы» — сборник **НОВЫХ ПОВЕСТЕЙ** Сергея Синякина!..

СЕРГЕЙ
СИНЯКИН

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ